

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

41
Э711

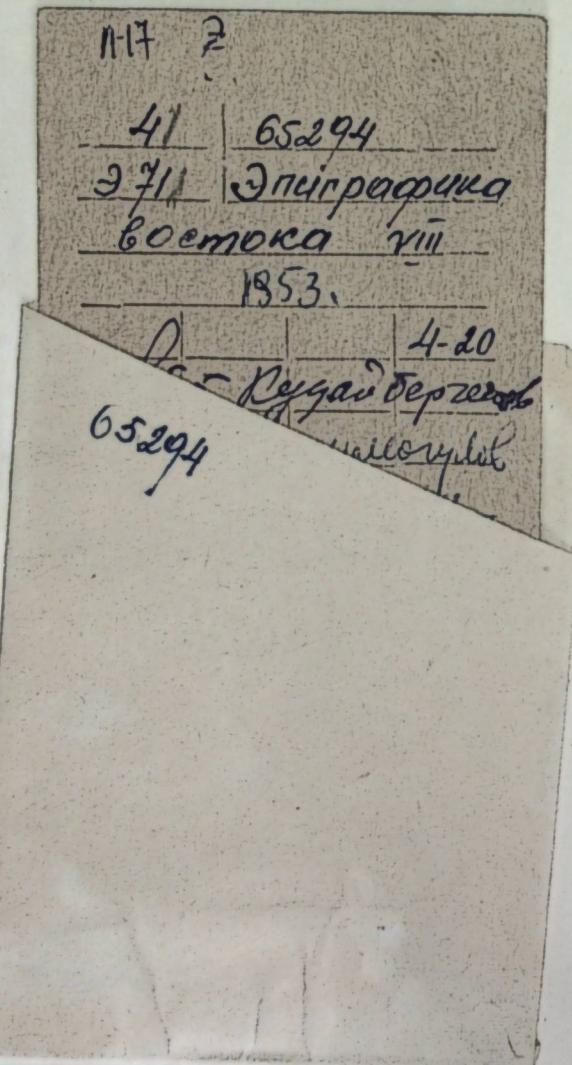
ЭПИГРАФИКА
ВОСТОКА

VIII

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1953 ЛЕНИНГРАД

13. 3

65294

Библиотека Нивніського
Філіала А.Н. ССР

1953 · Э П И Г Р А Ф И К А В О С Т О К А : VIII

B. B. СТРУВЕ

П. К. КОКОВЦОВ КАК АССИРИОЛОГ

¹ Моя небольшая статья "Последние звуки" из отборки мюнхенского журн.

Моя небольшая статья посвящена одной из сторон многогранного научного творчества столь дорого нам и незабвенного Павла Константиновича Коковцова (1861—1942), а именно его значению как ассириолога. Она основана не только на опубликованных исследованиях моего учителя, но в некоторой своей части и на личных моих воспоминаниях. Это обусловлено тем обстоятельством, что П. К., сделавший столь много для процветания ассириологии в нашем отечестве, сравнительно мало написал трудов в данной области. Громадные заслуги П. К. перед русской и советской ассириологией были связаны в основном с его долголетней плодотворной преподавательской деятельностью в нашем Ленинградском Государственном университете. Ему принадлежит неоспоримая заслуга создания своими лекциями и семинарскими занятиями школы русской, а затем и советской ассириологии. Его современник, ассириолог Михаил Васильевич Никольский, как известно, вследствие противодействия со стороны царского правительства не мог вести в Московском университете из года в год регулярные занятия по ассириологии, а потому не мог иметь учеников, которые продолжали бы его дело.

П. К. начал занятия в области ассириологии в Петербургском — Ленинградском университете в 1908 г. и продолжал их до середины 30-х годов. Из его школы вышли высокоталантливый Владимир Казимирович Шилейко и продолжатель дела П. К. в Университете прекрасный преподаватель Александр Павлович Рифтин, учениками которого являются ассириологи И. М. Дьяконов и Л. А. Липин.

Острый интерес к ассириологии П. К. Коковцов стал проявлять уже во второй половине 90-х годов прошлого века. Его небольшой кабинет, навсегда памятный его ученикам, начал тогда заполняться предметами по изучению ассириологии. Я помню, как он часто во время занятий или же в часы беседы вспоминал известное начало анналов ассирийского царя-грамотея Ассурбанипала. Он на ассирийском языке цитировал слова знаменитого царя о том, что „он усвоил мудрость бога Набу, всю совокупность искусства писцов, сколько их ни существует“. Поэтому он каждый день, говоря словами Ассурбанипала, „в радости и ликоании“ входил в свой скромный кабинет.

Свой подлинный интерес к ассириологии и зреющую эрудицию в этой области знания П. К. проявил впервые в печати в отчете Русскому Археологическому обществу — „Занятия семитической секции XII-го конгресса ориенталистов в Риме (с 4 по 15 октября нового стиля 1899 г.)“. Здесь П. К. тщательно и, я бы сказал, любовно отмечал все доклады, которые имели отношение к ассириологии, как то: доклады П. Хаупта из Балтимора, Фр. Хоммеля из Мюнхена и др.

Мне кажется, что следует отметить характеристику проф. Хаупта из Балтимора, которую давал в личной беседе со мной П. К., когда он в 30-х годах вспоминал далекие дни осени 1899 г. в Риме. П. К. отмечал невыносимое высокомерие этого германо-американского ученого и подчеркивал, что тот, пребывая в Америке и став американцем, потерял без остатка чувство демократичности, которое должно отличать подлинного ученого. В этих словах П. К. чувствовалось в полной мере то критическое отношение к американскому высшему обществу, которое было свойственно лучшим представителям русского общества.

В некрологе о выдающемся французском ориенталисте И. Галеви П. К. привел¹ один из примеров категорического суждения этого чрезвычайно самоуверенного американского профессора, — суждения, не оправдавшегося в свете последующих достижений сумерологии. Хаупт в своем исследовании, посвященном сумерийским семейным законам, безоговорочно заявляет, что „нельзя установить ни одного бесспорного примера для сумерийского заимствования из ассирийской лексики“. Мы увидим ниже, что данное суждение Хаупта было в дальнейшем опровергнуто.

В самые первые годы XX в. П. К. продолжал свои упорные исследования в области ассириологии, которая привлекала его первоначально как вспомогательная дисциплина для семитологии, но затем захватывала все более и более его научные устремления и стала в конце концов для него самоцелью.

Его занятия ассириологией в 1902 г. были прерваны почти на целый год, к его великому огорчению, как он мне об этом неоднократно говорил. Дело в том, что в 1902 г. был опубликован большой труд Б. А. Тураева „Исследование в области агиологических источников истории Эфиопии“. Как известно, это ценное исследование Б. А. Тураева являлось его докторской диссертацией, и П. К. был назначен официальным оппонентом на предстоящем диспуте. В связи с изучением указанных эфиопских литературных памятников П. К. написал большое исследование, которое явилось весьма существенным вкладом в сокровищницу русской науки об эфиопском языке, но, конечно, на долго оторвало его от любимых занятий клинописными текстами. Углубляясь снова в 1903 г. в свои ассириологические штудии, он очень рано стал увлекаться теорией крупнейшего французского семитолога

Иосифа Галеви. Семитологическим исследованиям последнего П. К. давал всегда весьма высокую оценку. Поэтому он с большим интересом и увлечением стал изучать многочисленные работы Галеви, в которых тот с блестящим остроумием и беспредельной эрудицией выступал против положения о сумерийском происхождении ассирио-аввилонской клинописи. Самым ненастистым противником Галеви в этом вопросе был знаменитый французский ассириолог Юлий Опперт. Вражда этих двух крупных ученых нашла свое отражение даже на страницах одного из произведений Анатоля Франса.

Уже в 1905 г. П. К. стал определенно примыкать к теории И. Галеви и поэтому, являясь сторонником последнего в вопросе о сумерийском языке, он не был в состоянии отметить в должной мере в составленном им некрологе о Юлии Опперте, скончавшемся в 1905 г., громадную заслугу этого ученого в постановке сумерийского вопроса.

В некрологе, в котором П. К. отдал должное большим достижениям Юлия Опперта и признал за ним право именоваться „отцом ассириологии“, он отметил без какого-либо оценочного суждения, что во II томе монументального труда Опперта, посвященного результатам французской экспедиции 1853—1854 гг. в Месопотамию, в главе, названной „Туранское происхождение клинописного письма“, излагается известная гипотеза о несемитическом происхождении клинообразного письма.¹ Названную гипотезу Опперт высказал впервые еще в своем официальном отчете министру от 15 мая 1856 г. и тем самым положил начало теории сумеризма, т. е. сумерийского происхождения древневавилонской культуры.

Историзм, который пронизывал все исследования П. К., и заставил его в те годы примкнуть к теории Галеви, ибо лишь с помощью ее, так казалось ему, можно было соответственным образом создать историю языка и культуры ассирийского и вавилонского народов. Вследствие этого П. К. после 1905 г. настолько укрепил свои установки в пользу концепции Галеви, что положил ее в своем университетском курсе в основу изложения сумерийского вопроса. Уже в 1901 г. между учителем и учеником — П. К. Коковцовым и В. К. Шилейко — начались расхождения и споры в вопросах, связанных с сумерийской проблемой. Дело в том, что В. К. Шилейко становился в результате переписки с М. В. Никольским убежденным сторонником реальности как сумерийского народа, так и его культуры. П. К., наоборот, становился еще более определенно на позиции И. Галеви, который выступал к концу своей жизни все более и более ожесточенным противником сумерийского, несемитического происхождения ассирио-аввилонского письма и культуры. По мнению Галеви, так называемое „сумерийское письмо“ является не чем иным, как аллографическим письмом, которое не фонетически, а путем идеограмм отражало семитическую ассирио-аввилонскую речь.

¹ П. К. Коковцов. И. Галеви, 1827—1897. Некролог, Изв. Акад. Наук СССР, 1926, стр. 1442, прим. 1.

¹ П. К. Коковцов. Юлий Опперт. 1825—1905 гг., стр. 2—3. Отд. отиск из „Изв. Акад. Наук“, 1905.

Свою концепцию Галеви привел в окончательную стройную систему незадолго до своей смерти в труде „Очерк ассирио-аввилонской аллографии“.¹ Это исследование И. Галеви, как и все его прочие работы, посвященные сумерийскому вопросу, безоговорочно убеждало тогда, в момент выхода в свет названного сочинения (1910—1911 гг.), П. К. Коковцова в правильности решения о несуществовании в природе сумерийского языка и культуры.

Прекрасно характеризовал П. К. в 1926 г. Иосифа Галеви „как ученого, соединявшего в себе наряду с широкой и разносторонней, в такой степени уже более не замечавшейся в наше время эрудицией, необычайную творческую силу в исключении новых путей и постоянную живую готовность принимать самое деятельное участие в разработке важнейших и труднейших научных проблем“.

П. К. Коковцов ознакомился и полностью оценил блестящую, покоящуюся на громадной учености аргументацию знаменитого французского семитолога. Это и привело к тому, что в первой половине 10-х годов XX в. П. К. стоял еще в общем на позициях концепции Галеви, что и вызывало ожесточенные споры и с В. К. Шилейко и с основоположником русской сумерологии В. М. Никольским. Эти споры возымели свое действие, в особенности же грандиозный труд М. В. Никольского, а именно — издание пятисот сумерийских документов хозяйственной отчетности эпохи Аккада и эпохи III династии Ура, снабженных прекрасным переводом. Поколебало доверие П. К. к аргументации Галеви также и самостоятельное исследование П. К. подлинных сумерийских царских надписей III тысячелетия до н. э.

Эти сумерийские тексты III тысячелетия до н. э. лишили почвы основной аргумент Галеви, а именно указание на отсутствие подлинных сумерийских надписей, которые не являлись переводами семитических текстов на сумерийский язык. П. К. Коковцов, будучи пытливым исследователем и истинным ученым, был врагом антиисторического подхода к изучению любого языка и культуры и должен был поэтому полностью оценить всю мощь аргумента, вырастающего на основе открытия подлинных сумерийских текстов. П. К. стал в свое время сторонником Галеви лишь потому, что полагал в установках французского ученого найти с точки зрения историзма надежную базу для дальнейшей работы над культурой древних народов Ближнего Востока. Новые источники, неведомые, а может быть, и не оцененные по достоинству Иосифом Галеви, — сумерийские надписи III тысячелетия до н. э. — доказывали П. К., что теперь обвинение в антиисторическом подходе ложится тяжелым бременем на плечи того, кто готов и в свете новых открытий настаивать на исключительно аллографическом характере сумерийского письма. Поэтому он в начале 20-х годов отходит от тех установок Галеви, которые последний, говоря словами П. К., „с необычайной настойчивостью и горячностью взялся полностью и до конца

¹ Précis d'allographie assyro-babylonienne. Revue Sémitique, тт. XVIII—XIX, 1910—1911.

защищать с недостаточным материалом и потому часто с большими натяжками“.¹

Таким образом, П. К. Коковцов и приходит в заключительной части своего некролога о Галеви, выросшего в большое оригинальное исследование, к четкому выводу, что „в вопросе о реальном существовании сумерийского языка и сумерийского народа Галеви не удалось отстоять своего мнения и убедить противников в том, что язык так называемых сумерийских текстов представляет в действительности только иной, аллографический способ передачи семитического ассирио-аввилонского языка“.²

Стало быть, в 1926 г., в своем столь запоздалом некрологе об Иосифе Галеви, П. К. не нашел уже доводы французского семитолога достаточно убедительными, хотя он и объяснял запоздание некролога (Галеви умер, как известно, в 1917 г.) своим желанием „уделить в нем место ближайшему рассмотрению аргументации Галеви по обеим сложным проблемам, особенно интересовавшим покойного ученого, а именно по вопросу о происхождении древнеиндийских шрифтов и по так называемому «сумерийскому вопросу»“.³

Если аргументация Галеви по первому из указанных вопросов продолжала убеждать П. К. и в 1926 г., то аргументация французского семитолога по сумерийскому вопросу в 1926 г. уже не убеждала П. К., как мы это видели выше. Правда, отказываясь от основного положения Галеви, П. К. вместе с тем продолжал настаивать на том, что „в гораздо более важном вопросе о происхождении вавилонской культуры, и в частности о степени участия вавилонских семитов в создании этой культуры, он [т. е. Галеви], без сомнения, одержал полную победу“.⁴ Доказательство этой победы П. К. видел в том факте, что „бесспорные семитизмы, как теперь уже всеми ассириологами признано, оказываются в древнейших до сих пор найденных сумерийских текстах, свидетельствуя этим о присутствии семитов в Вавилонии уже в самые отдаленные времена вавилонской истории, от которой вообще сохранились письменные источники“.⁵ Действительно, такие слова, как *дамхара* ‘сражение’, или *тамкар* ‘купец’, или *накид* ‘овчар’, являются по признанию почти всех специалистов несомненными семитизмами в сумерийском языке. Подобными указаниями П. К. несомненно блестяще опровергнул вышеприведенное категорическое утверждение чрезмерно самоуверенного американского профессора П. Хаупта.

Из факта сумерийских заимствований из семитического языка П. К. был готов тогда, в 1926 г., сделать вывод о закономерности положения известного немецкого историка Эд. Мейера об исконности семитического населения в южном Междуречье и сравнительно позднем появлении здесь суме-

¹ П. К. Коковцов. Иосиф Галеви, 1926, стр. 1440.

² Там же, стр. 1442.

³ Там же, стр. 1417, прим. 1.

⁴ Там же, стр. 1442.

⁵ Там же, стр. 1443.

рийцев.¹ Поэтому П. К. в некрологе о Галеви заявил, что „современная наука, в лице крупнейших историков нашего времени, не только не видит никакого основания предполагать «чисто сумерийскую» эпоху в истории древней Вавилонии, но даже склонна считать, в противоположность прежнему взгляду, не семитов пришельцами в Вавилонию, а, наоборот, сумерийцев, которые подчинили себе более древнее, первоначальное, семитическое население южной части страны“.² Следует подчеркнуть, однако, что от этой точки зрения Эд. Мейера П. К. стал впоследствии отходить, указывая, что в таком случае оставалось непонятным то сакральное положение, которое занимал сумерийский язык в писцовых школах Вавилонии и Ассирии. Он также учитывал результаты многочисленных археологических экспедиций, вскрывавших древнейшие слои сумерийской цивилизации. В особенности же на него произвели впечатление раскопки на месте древнего города Урука, которые позволяли думать, что уже во второй половине IV тысячелетия имелись налицо сумерийские письменные памятники.

Начиная со второй половины 20-х годов П. К., во всяком случае в беседе со своими учениками и слушателями, уже не настаивал безоговорочно на абсолютном воздействии семитов на сумерийскую цивилизацию. С 30-х же годов у П. К. проявлялся все больший и больший интерес к сумерийскому письму, причем он постоянно сетовал на еще малую изученность его. О беседе на подобную тему, которая имела место, кажется, в 1937 г., я впоследствии часто вспоминал. П. К. тогда обратил мое внимание на краткую, но весьма содержательную рецензию французского сумеролога Тюро-Данжена на труд известного исследователя сумерийской религиозной лирики Мауруса Витцеля, посвященный литургическим песнопениям в храмовом культе бога Тамуза.³ В ней Тюро-Данжен указал на весьма любопытную непоследовательность названного сумеролога в переводе одного и того же сумерийского предложения.

В 19-й строке текста № 15 имеется следующая фраза:

ta me-a-li ni-me-a-li.

Маурус Витцель переводит эту фразу следующими словами:

Alle seine (-des Landes) Orakel(-Heiligtümer)
sind seine Orakel(-Heiligtümer) nicht (mehr)!

В строке 29-й оборотной стороны текста № 33 приводится то же самое предложение, но здесь имелся налицо древневавилонский перевод этой сумерийской фразы:

šá ib-šá-a ul ib-šá-a.

Правда, перевод древневавилонского писца был не слишком точным, поскольку сумерийское слово *ta* соответствует вавилонскому вопроситель-

¹ Ed. Meyer. Sumerer und Semiten in Babylonien. Abhandlungen der Preussischen Akademie, 1906.

² П. К. Коковцов. Иосиф Галевій, стр. 1443.

³ Revue d'Assyriologie, t. 33 (1936), стр. 112.

ному местоимению *minu* ‘что’, а не определительному местоимению *šá* ‘ тот’. Тем не менее и этот древневавилонский перевод воздействовал на толкование М. Витцелем приведенной сумерийской фразы. Он передал последнюю следующим немецким предложением:

was es gab — was es nicht gab.

Давая подобный перевод, Витцель не заметил того, что он на несколько сот страниц раньше в том же своем труде дает совершенно иной перевод той же самой сумерийской фразы, предполагая там в сумерийском слове *te* не глагол ‘быть’, а слово, соответствующее вавилонскому термину *parsu*, которое он переводит как ‘святыни’.

Таким образом, он и приходит к своему первому толкованию приведенной сумерийской фразы: „все его [т. е. Сумера] прорицалища — не прорицалища более“.

П. К., заметив подобную непоследовательность, казалось бы, опытного интерпретатора сумерийских текстов, выразил свои сомнения в возможности преодоления трудностей изучения сумерийского языка. Но подобное настроение у Павла Константиновича Коковцова бывало лишь весьма кратковременно. Его творческая сила была воистину неиссякаема, и я выражают мою полную уверенность в том, что наш знаменитейший семитолог стал бы в конце концов и сумерологом, а не только ассириологом в узком смысле этого слова.

К бесконечной скорби всего научного мира, в период блокады закончилась многогранная исследовательская жизнь Павла Константиновича Коковцова.

Прервалось осуществление тех творческих замыслов, которыми жил и горел Павел Константинович Коковцов и в свои преклонные годы. То, что он когда-то сказал об Иосифе Галеви, должно быть отнесено, пожалуй в еще большей степени, и к нему самому: „Эта кипучая, вечно юношеская энергия, которой отличался до конца дней покойный, заставляла в последние годы его жизни совершенно забывать о преклонном возрасте маститого ученого и заставила считать смерть 90-летнего старца за действительно большую утрату для науки“.¹

¹ П. К. Коковцов. Иосиф Галевій, стр. 1417.

² П. К. Коковцов. Иосиф Галевій, стр. 1417.

1953 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · VIII

тот же официальный ученый, что и я, отр. изл. окончательм. учен. советом Института арабистики Академии наук СССР тогда же санкт-петербургской Академии наук под председательством профессора М. Ф. Абрамова. Издательство Академии наук СССР.

Они же не сочли эти отрывки интересными для публикации в книге, так как они описывают то же самое, что и в статье профессора А. А. Бартоша. Но я считаю, что эти отрывки интересны для публикации, так как в них содержатся некоторые дополнительные сведения о том, каким образом Бартош пришел к выводу о том, что эти отрывки из монеты изображают имя Ахмада и не являются надписью на монете.

B. A. КРАЧКОВСКАЯ

В. В. БАРТОЛЬД — НУМИЗМАТ И ЭПИГРАФИСТ

Академик Василий Владимирович Бартольд, питомец факультета восточных языков С.-Петербургского университета, твердо шел к своей цели — изучению истории Востока — с молодых лет. Основную линию его работ составляли история и культура Туркестана. В своих исследованиях В. В. Бартольд пользовался всеми видами источников — рукописями, надписями на восточных монетах и лапидарными текстами. Он считал необходимым тщательно изучать культуру былых времен и бережно хранить памятники этой культуры. И прежде всего здесь он подразумевал культурное прошлое Средней Азии.¹

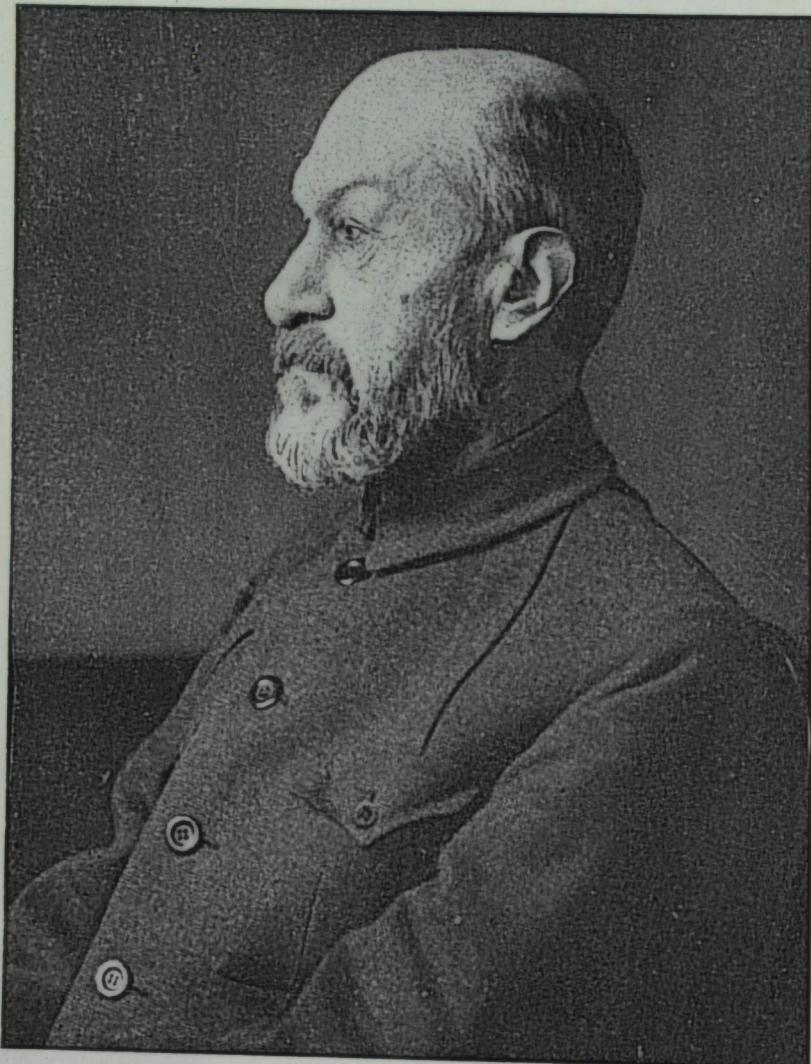
Первая поездка В. В. Бартольда в Среднюю Азию началась в мае 1893 г., когда он был командирован Академией Наук для исследования развалин, надписей и других древних памятников, вместе с Самуилом Мартыновичем Дудиным, одаренным художником и фотографом. В своем отчете о поездке 1893—1894 гг. В. В. Бартольд выделил „монеты с арабскими, отчасти куфическими письменами“ из развалин Ак-Тепе.²

Более замечательна приобретенная в Шахристане, в районе Ура-Тюбе, медная овальная пластинка с обломанным ушком. В. Тизенгаузен издал краткое описание пластинки.³ Он прочел надпись, имеющуюся на одной из сторон пластинки, и установил самое назначение ее. Правда, Тизенгаузен высказал только предположение, что пластинка представляет собой знак отличия должностного лица — пайзе (پایزه), каковые при династии Хулагидов выдавались гонцам. Однако В. Тизенгаузен не делал никаких попыток выяснить, чье имя было изображено на данной пластинке — пайзе, а вместе

¹ В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане. (Речь, предзначавшаяся для произнесения в торжественном годовом собрании Академии Наук 29 дек. 1914 г.). Отчет о деятельности Академии Наук по Физ.-мат. и Ист.-филол. отделениям за 1914 г. Отд. оттиск, Пг., 1915, стр. 460.

² В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию. ЭВО, т. VIII, вып. III—IV, 1894, стр. 343. См. также: В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Зап. АН ИФО, т. I, № 4, стр. 189.

³ В. Тизенгаузен. „Пайзе“ с арабской надписью. ЭВО, т. IX, (1895) 1896, стр. 269—280, с 2 рис.

Бартольд

системы датировка столь редкого и важного для культурной истории Средней Азии предмета осталась неопределенной. Палеографические особенности этой небольшой надписи хотя и были замечены издателем пластинки, но сопоставление со стилем надписей на некоторых восточных металлических зеркалах XIII—XIV вв. отнюдь не приблизило исследователя к правильному разрешению вопроса о времени изготовления пластинки: названный в краткой надписи как владелец, амир был первым правителем из дома Саманидов (261—279/875—892 гг.). Единственный правильный путь для решения вопроса о датировке предмета, который был возможен на основании палеографических данных, по надписям на саманидских монетах, В. Г. Тизенгаузен, глубокий знаток саманидской нумизматики с первых шагов своей научной деятельности,¹ почему-то в данном случае совершенно игнорировал.

С осени 1896 г. В. В. Бартольд стал хранителем Минг-кабинета С.-Петербургского университета, оставался им до 1901 г. и усиленно занимался разбором и систематизацией коллекции монет. Таким путем были расширены знания мусульманской генеалогии, палеографии и истории Средней Азии. Обладая столь солидной подготовкой, В. В. Бартольд приступил к переводу книги Ст. Лэн-Пуля „Мусульманские династии“. Многочисленные примечания и дополнения переводчика, основанные на собственных изысканиях превратили это важное руководство в настольную книгу для востоковедов всех специальностей. Особенно ценные дополнения сведений относительно правителей прикаспийских областей, Закавказья и Трансоксианы.² Русский перевод „Мусульманских династий“ давно стал библиографической редкостью, и его достоинство отнюдь не затенило „Руководство по генеалогии и хронологии для истории ислама“ Е. Чамбаура,³ хотя в последнем, более обширном справочнике имеется ряд сведений, которых в работе С. Лэн-Пуля—В. Бартольда нет. Было бы полезно, пока у нас не создан новый специальный справочник по генеалогии и хронологии, крайне необходимый для историков, археологов, нумизматов, искусствоведов и студентов, изучающих все соответствующие отрасли наук,— выпустить вторым изданием перевод „Мусульманских династий“ В. В. Бартольда, с учетом накопившихся дополнений и поправок.

Кроме описанного выше перевода, В. В. Бартольд посвятил в 1899 г. несколько работ среднеазиатским памятникам различных категорий. Статья

¹ В. Тизенгаузен. О саманидских монетах. Зап. АО, 1852, т. VI, стр. 1—23.—Он же. О саманидских монетах. Труды ВО АО, ч. I, 1855, стр. 1—23, 254—265; ч. II, стр. 202.

² Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перевод с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд. СПб., 1899.

³ E. de Zambaur. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam. Hanovre, 1927. Библиография, нумизматические и эпиграфические данные не исчерпывают всех сведений о материалах этого рода, допущен ряд ошибок и др.; ср.: Е. А. Пахомов. Чамбаур Е. Руководство генеалогии и хронологии по истории ислама. Изв. Общ. обследования и изучения Азербайджана, № 5, Баку, 1928, стр. 299—301.

о мечети Биби Ханым в Самарканде,¹ надгробная надпись из Аулие-Ата Семиреченской области,² извлечения из неисследованных рукописей и вакуфных документов, важные для выяснения темных вопросов по истории Средней Азии,³ наконец, целая серия публикаций до той поры не известных монет среднеазиатских правителей — вот те разнообразные темы, над которыми работал В. В. Бартольд только в течение одного года.

То обстоятельство, что при издании надписи выдающегося исторического значения из мазара Кишк-Аулие в Аулие-Ата В. В. Бартольд не опубликовал ее изображения, объясняется тем, что ему была прислана не фотография, а копия от руки В. А. Каллаура. Не вдаваясь в детальный эпиграфический анализ, никакого не касаясь характера письмен (даже не указав, была ли надпись исполнена одной из разновидностей почерка куфи или насхи), В. В. Бартольд ограничился, со свойственным ему лаконизмом, изданием текста, русского перевода и выяснением личности названного в погребальном тексте 660/1262 г. местного туркестанского правителя.⁴ Иногда В. В. Бартольд передавал присыпаемые ему материалы для обработки другим исследователям; так, например, он передал С. Е. Малову фотографию с булгарского надгробия 699/1300 г. и из селения Старые Шигали 949/1542 г., присланные В. Ф. Смолиным.⁵

В серии публикаций неизданных монет из собрания С.-Петербургского университета первая заметка была посвящена медной джагатайской монете 663/1264 г. При ясно читаемой, хотя слегка искаженной круговой надписи на обеих сторонах монеты, надписи в центре не были разобраны полностью: только для одной стороны дано предположительное чтение. По определению издателя, надписи эти на тюркском языке.⁶ Круговые надписи написаны грубоватым куфи только по-арабски, а для центральных надписей, при неарабском содержании, сохранен почерк куфи, с довольно необычно переданными начертаниями знаков. Возможно, что при большем углублении в палеографические детали В. В. Бартольд подошел бы ближе к содержанию надписей на обеих сторонах монеты.

Любопытно, что надписями на этой монете, изданной В. В. Бартольдом, заинтересовались кашгарские миры и пытались дать варианты чтения, о чем

¹ В. В. Бартольд. Мечеть Биби Ханым. Түркестан ведомости, № 42, 1899.

² В. В. Бартольд. Ответ г-ну В. В. (по поводу рецензии В. Вяткина. «Из области истории»). Түркестан ведомости, № 43, 1899.

³ ЭВО, т. XII, (1899) 1900. Протокол заседания 11 марта 1899 г., стр. IV—VI (Резюме доклада В. В. Бартольда).

⁴ На соединение арабских, тюркских и иранских элементов в титулатуре надписи, изданной В. В. Бартольдом, указал А. Ю. Якубовский в статье «Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде». ЭВ, I, М.—Л., 1947, стр. 30—31.

⁵ С. Е. Малов. Булгарская и татарская эпиграфика. ЭВ, II, М.—Л., 1948, стр. 41, 44.

⁶ В. В. Бартольд. Из Минц-кабинета при С.-Петербургском университете, I. Неизданный самаркандский дирхем. ЭВО, т. XII, (1899) 1900, стр. 01—04, с рис. на стр. 02.

сообщил письменно в Восточное отделение Археологического общества конкурс в Кашгаре Н. Ф. Петровский.¹

Вторая нумизматическая заметка В. В. Бартольда из той же серии посвящена неизданному саманидскому фельсу 303/915—916 г. Из этого экземпляра автор извлек не встречавшееся ранее имя одного члена из дома Сәманидов и удачно сопоставил его с упомянутым у Ибн ал-Айтара усмирителем восстания в 310/922 г. В данном случае издатель опять-таки не дает детального описания монеты, зато ее историческая значимость впоследствии была им использована в переводе капитальной монографии „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“ на английском языке;² в первом русском оригинальном издании монографии В. В. Бартольд неоднократно по различным поводам использовал другие монетные данные.

Столь же лаконична третья публикация, посвященная фельсу Исмайла, сына Ахмада, изданная вместе со второй монетой, но без изображения.³

В. В. Бартольд выступал также с критикой чтения монетных надписей у других исследователей. В частности, он возражал относительно понимания одного термина на самаркандских дирхемах, которые были изданы в 1892 г. В. Тизенгаузеном.⁴

Внесенная В. В. Бартольдом и поддержанная П. М. Мелиоранским поправка была основана на ином понимании графики разбираемого слова, которое позволяло использовать в данном случае совершенно другой термин („навәх“ вм. „тавәдҗи“).

При сопоставлении системы публикации неизданных монет вообще, среднеазиатских в частности, у нумизматов (по основной специальности) В. Тизенгаузена и у В. В. Бартольда последний обнаруживает тенденцию рассматривать монетные надписи прежде и более всего как исторические и историко-культурные документы; все остальные данные В. В. Бартольд оставлял обычно без каких-либо комментариев, тогда как В. Тизенгаузен исследовал монеты подробнейшим образом. Однако при составлении „Каталога монет собрания С.-Петербургского университета“, который, по мнению составителя, должен был служить главным образом для педагогических целей, В. В. Бартольд отмечал встреченные им редкие изображения, вносил критические

¹ ЭВО, т. XII, (1899) 1900, стр. XX—XXI, Протокол заседания 18 ноября 1899 г.

² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. Исследование. СПб., 1900.—Он же. Изд. 2-е. Turkestan down to the Mongol Invasion by W. Barthold. Translated from the original russian and revised by the Author with the assistance of H. A. R. Gibb, London, 1928, стр. 241, прим. 9; ср. изд. 1-е, стр. 252 (без ссылки на монету).

³ В. В. Бартольд. Из Минц-кабинета при С.-Петербургском университете, III. ЭВО, т. XII, стр. 060.

⁴ В. Тизенгаузен. Нумизматические новинки. ЭВО, т. VI, вып I—IV, 1892, стр. 252—254.—В. В. Бартольд. О некоторых самаркандских дирхемах. ЭВО, т. XII, стр. XXVII—XXVIII, Протокол заседания 16 декабря 1899 г.

замечания к каталогу И. Н. Березина,¹ поправляя чтения у В. К. Трутовского по палеографическим признакам.

В 1904 г. В. В. Бартольд был командирован Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Туркестан, с целью всестороннего изучения истории и топографии города Самарканда и дотимурской эпохи. В программу этой фундаментальной по замыслу работы входило и производство раскопок на городище Афрасиаб, а в заключение надлежало составить монографию, по своим установкам подобную исследованию развалин Старого Мерва В. А. Жуковского.

При работах археологического сезона 1904 г., единственного за всю жизнь В. В. Бартольда, который разочаровался в себе как в археологе,² в качестве помощника у него был В. Л. Вяткин.

На заседании 28 октября 1904 г. В. В. Бартольд доложил членам Восточного отделения Археологического общества о результатах своих работ в Самарканде.³ Из находок, интересных с точки зрения эпиграфики, замечательны найденные на городище Афрасиаб в откопанном столбе кирпичи с арабскими клеймами „Ихшид“, „Мусейнаб“, „Иштихан“. Исходя из сведений арабских географов, по типу почерка клейм на кирпичах и по монетам (из слоя одинакового с кирпичами) В. В. Бартольд датировал самое сооружение и кирпичи не позднее X в.⁴ Этую датировку он отстаивал настойчиво и при разборе изложения исторической топографии Самарканда у В. Л. Вяткина.⁵

Редкие клейменые кирпичи с Афрасиаба в настоящее время находятся в Самаркандском музее.⁶

Во время экспедиции 1904 г., как и впоследствии, В. В. Бартольда забортили вопросы о нелегальных археологических раскопках, находках и торговле добывшими случайно предметами древности.⁷

Раскопки на Афрасиабе были продолжены в 1905 г. под руководством В. Л. Вяткина.⁸ Добытые в течение полевых работ 1904—1905 гг. археоло-

¹ В. Бартольд. Из Минг-кабинета при С.-Петербургском университете, IV. Монеты Омейядов. ЭЗО, т. XIV, 1902, стр. 033—036: фельсы 102, 116, 126 гр. х.

² Это мнение о себе самом от В. В. Бартольда мне пришлось слышать не один раз, — В. К.

³ ЭЗО, т. XVI, (1904—1905) 1906, стр. XXXIV—XXXV. — Отчет о раскопках на Афрасиабе 1904 г., см.: Изв. Русск. комит. для изучения Средн. и Вост. Азии, № 4, 1904, стр. 21—24. — ПТКЛА, т. IX, Ташкент, 1904, стр. 60—63. — И. И. Умников. В. В. Бартольд. Ташкент, 1926, стр. 185, 186, 192.

⁴ ЭЗО, т. XVI, стр. XXXV.

⁵ ЭЗО, т. XVIII, (1907—1908) 1908, стр. 0187—0188, рецензия В. В. Бартольда „Справочная книжка Самаркандской области“, вып. VIII, Самарканд, 1906.

⁶ Эскизы надписей на штемпелях сделаны проф. М. Е. Массоном и любезно присланы мне в письме от 30 октября 1944 г.

⁷ В. В. Бартольд. К вопросу об археологических находках. „Самарканда“, № 3, 1904. — ЭЗО, т. XX, 1910, стр. 073. — И. И. Умников, ук. соч., стр. 186, прим. 3.

⁸ В. Л. Вяткин. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г. Изв. Русск. комит. для изучения Средн. и Вост. Азии, № 8, 1908, стр. 22—36.

гические материалы имеются в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

По предложению Археологической комиссии, направляясь в Самарканд, В. В. Бартольд посетил в 1904 г. Баку и осматривал случайно открытые в 1901 г., не известное ранее, мусульманское кладбище.¹ В отчетном описании кладбища В. В. Бартольд использовал альбом рисунков и две фотографии директора Кавказского музея А. П. Казнакова. Два рисунка в „Отчете“ изображают: 1) одно надгробие типа саркофага с куфической надписью без даты, но с именем покойника; 2) пять недатированных плит. В. В. Бартольд датирует надписи „по характеру письмен“ XII—XIII веками и содержание дает только в переводе на русский язык. Один надгробный памятник из вышележащего слоя датирован месяцем раджабом 818/октябрь 1464—1465 г. Впоследствии, при составлении статьи о городе Баку для „Энциклопедии Ислама“, В. В. Бартольд использовал все датированные надписи этого города, упомянул и древнее кладбище. Среди бакинских надгробий В. В. Бартольд видел письмена, аналогичные по форме знаков с датированным памятником.²

В связи с посещением развалин Термеза и описанием их в специальной статье ботаника Р. Ю. Рожевиц В. В. Бартольд издал в виде приложения к ней перевод надписей на гробнице знаменитого суннитского ученого Абу'Абл Аллаха Мухаммада сына 'Алай ат-Тирмизи, который умер в 255/869 г.³ К этим надписям, памятнику и самой личности Мухаммада ат-Тирмизи В. В. Бартольд возвращался не один раз; он считал надгробие ат-Тирмизи красивейшим памятником среди руин Тирмиза,⁴ но отнюдь не современным дате смерти ученого, а воздвигнутым значительно позже, не ранее XIV в.⁵ Датировка определена была суммарно, по почерку насхи; В. В. Бартольд не входил в уточнение подробностей, не опубликовал нигде оригинальные тексты, и, таким образом, издание, комментирование и палеографический анализ надписей на грандиозном надгробии Мухаммада ат-Тирмизи — дело будущих исследователей.

Несколько иначе поступил В. В. Бартольд с лапидарным текстом, который был обнаружен на берегу Иссык-Куля корреспондентом Главной физической обсерватории, священиком Д. П. Рождественским из с. Высокого Чимкентского уезда.

¹ В. В. Бартольд. Отчет об осмотре древнего мусульманского кладбища в Баку. ИАК, вып. 16, 1905, стр. 116—119, с 7 рис.

² W. Barthold. Baku. EI, т. I, 1918, стр. 633—634.

³ Р. Ю. Рожевиц. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. Изв. РГО, т. XLIV, 1908. Приложение к статье, стр. 652—653; изображение гробницы на стр. 652.

⁴ В. Бартольд. Ислам. СПб., 1918, стр. 58; упомянут Мухаммад ибн 'Алай и памятник ему; вид памятника с торца — стр. 57.

⁵ В. Бартольд. Туркестан, ч. II. 1900, стр. 77—78. — Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, стр. 116: описание гробницы ат-Тирмизи с попыткой обоснования датировки по сходству с орнаментикой ажурных решеток в Гур-и Эмире; рис. 108—110: детали каменной резной гробницы.

Надпись была сфотографирована и снимок прислан в Историко-филологическое отделение Академии Наук при письме от 10 сентября 1913 г. Конференция Академии Наук поручила 17 октября 1913 г. В. В. Бартольду дать свое заключение относительно надписи. К заседанию Историко-филологического отделения 9 ноября 1913 г. В. В. Бартольд представил письменный ответ, в котором дал арабскую транскрипцию надписи и ее перевод на русский язык. Относительно происхождения надписи В. В. Бартольд напомнил о сообщении Н. Н. Пантусова (о существовании кладбища на северном берегу Иссык-Куля, с надписями подобного содержания, частью датированными VI/XII веками),¹ а также о собственном описании этого кладбища у сел. Сазановка в „Отчете о поездке в Среднюю Азию“.² Фотографию надписи после доклада было постановлено передать в Азиатский музей (см. рисунок).³

Итак, в последнем случае В. В. Бартольд опубликовал текст и перевод, установил содержание текста, состоящее из коранических отрывков; на характере почерка он опять не останавливался, полагая, вероятно, достаточным отослать желающих к статье Н. Н. Пантусова, что неправильно: никаких соображений по поводу выбора содержания надписи Бартольд не высказал. Надпись дефектна, ее конец не сохранился; к сожалению, имена и датировка остались невыясненными.

В. В. Бартольд день за днем неотступно следил за ходом научной жизни в Средней Азии. В рецензии на очередной выпуск „Протоколов Туркестанского кружка любителей археологии“, вышедший в 1910 г., он не

¹ Н. Пантусов. Кладбище на р. Кунгей-Аксу. ПТКЛА, год XI-й, 1906, стр. 5—25.

² Зап. АН ИФО, т. I, № 4, стр. 52.

³ Изв. Акад. Наук, 1913, VI сер., т. VII. Извлечения из протоколов заседаний Академии, Ист.-филол. отделение, стр. 896, заседание 9 октября 1913 г.; стр. 1059—1060, заседание 9 ноября 1913 г. Оттиск статьи В. В. Бартольда (§ 438) вместе с фотографией хранится в Отделе рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР, инв. 1913, № 2668, ф. В 41.

одобрил чтение надписи на медном сосуде из Бухары, данное А. А. Семеновым; кстати сказать, на воспроизведенном изображении надпись не была видна. Критика В. В. Бартольда была обоснована грамматическими неправильностями в тексте, приведенном у А. А. Семенова. В той же рецензии отмечено описание астролябии, купленной И. Т. Пославским в Бухаре, с именем мастера, указанием места работы — в Балхе — и датой изготовления инструмента 1088/1677—1678 гг.¹

Описание астролябии для нас знаменует не совсем угасшую преемственность в исследовании восточных астрономических приборов, которое началось в России в XIX в. и развивалось в трудах Б. Дорна и Н. В. Ханыкова. Время от времени поступали подобные инструменты, изучение которых требовало солидных познаний в математических дисциплинах, специальной научной терминологии на арабском языке и владения не совсем обычными разновидностями арабского письма.

Ко всей письменности Востока В. В. Бартольд подходил как историк. И к мусульманским надписям он обращался прежде всего с целью извлечь существенные исторические факты. Пример можно увидеть в исправлении относительной даты сочинения Шараф ад-дина Йаздī по дате смерти Тимура, начертанной на его гробнице, причем В. В. Бартольд особо подчеркнул расхождение этой даты с показаниями Шараф ад-дина и Ибн 'Арабшаха;² дату надгробия Тимура через несколько лет он проверял по анонимному сочинению.³

Такой подход к надписям не означал и тогда, не может пониматься и теперь как неумение, неспособность к эпиграфическому анализу текста. В. В. Бартольд, аккуратнейший читатель всей новейшей востоковедной литературы, был, конечно, в курсе общего развития арабской эпиграфики и при желании мог бы дать соответствующие работы. В доказательство можно сослаться на блестящий анализ ярлыка Абу Сайды в Ани.⁴ Он к этому не стремился, имея собственные научные цели, но эпиграфика всегда была в поле его зрения.

Насколько В. В. Бартольд понимал задачи арабской эпиграфики, в какой мере им были учтены не замечаемые совершенно другими промахи некоторых западных специалистов, видно по одному замечанию в его сравнительно мало известной статье „Башня Кабуса как первый датированный памятник

¹ ЗВО, т. XX, 1910, стр. 067, 068, 071, 072; рецензия В. В. Бартольда на ПТКЛА, год XIV-й, Ташкент, 1910.

² ЗВО, т. XVIII, (1907—1908) 1908, стр. 0189.

³ В. В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXI, 1915, стр. 20.

⁴ В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. Анийская серия, № 5, СПб., 1911. По поводу терминологии анийского ярлыка см.: А. А. Альзаде. К истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV веках. Термин „тарх“. Изв. Азерб. фил. Акад. Наук СССР, № 3, 1942, стр. 26—30.—Он же, К истории феодальных отношений в Азербайджане. Термин „Купчур“. Изв. Акад. наук Азербайджанской ССР, № 5, 1945, стр. 87—100.

мусульманской персидской архитектуры".¹ На разительном примере „Башни Кабуса“ В. В. Бартольд показал ошибочность утверждения специалиста по арабской палеографии Б. Морица, который в популярном обзоре „Арабское письмо“ говорил „как об установленном факте про отсутствие в Персии памятников с куфическими надписями более ранних эпох, чем XII век“.²

Тонкое и верное замечание по адресу Б. Морица и всех, кто без проверки принимал его мнение, не избавило самого автора интереснейшей статьи от заблуждения по поводу связанного с этой темой другого вопроса. В. В. Бартольд предполагал, что „XII век был только временем более широкого распространения датированных надгробных надписей, притом едва ли не во всем мусульманском мире“.³

Очень жаль, что В. В. Бартольд не раскрыл свою мысль подробно, не пояснил, какие именно ближневосточные страны XII в. он подразумевал. В статье „Башня Кабуса“ имеется всего две оговорки. Первая оговорка касается Туркестана, в котором, по признанию В. В. Бартольда, „в настоящее время сохранилось очень небольшое число надписей более раннего периода, тогда как надписи XII в. и более позднего времени встречаются часто...“. Тут мы сталкиваемся с не свойственной автору неточностью, и возникает вопрос: какой же предел этого „более раннего периода“? Продолжение той же фразы В. В. Бартольда: „...равным образом в Мекке, как было установлено в 1814 г. Буркгардтом, нет надгробных камней древнее XII в.“ — позволяет понять, что на XII веке фиксировалось главное внимание В. В. Бартольда и вряд ли он отходил от этой даты на много веков назад.

Перед лицом новых и многочисленных фактов мы обязаны внести значительные поправки и оговорки к этой мысли В. В. Бартольда. Можно теперь с полной уверенностью, не по догадкам, а по подлинным памятникам утверждать, что в Египте и на некоторых островах Средиземного моря датированные надгробные надписи встречались с первой четверти I/VII в., а к концу II/VIII в. они уже имели массовый характер, не говоря о некрополях последующих веков в западных арабоязычных странах. Иной вопрос — почему и в других странах, где господствовал ислам как религия, не известны или не сохранились (исчезли полностью) ранние надгробные памятники, но решать его здесь не представляется возможным.

В тесной связи с вопросами и задачами эпиграфики стоит интереснейшая статья В. В. Бартольда „О погребении Тимура“.⁴

В. В. Бартольд полагал, что лучшим способом увековечения замечательных памятников туркестанской культуры является детальное изучение самих объектов, сопровождаемое обмерами зданий, рисунками и чертежами. К та-

¹ Ежегодник Российской ист. истории искусств, т. I, Пб., 1922, стр. 121—125, с 2 рис.; цитата заимствована со стр. 122. — Ср.: И. И. Умняков, ук. соч., стр. 197, прим. 7.

² B. Moritz. Arabische Schrift. EI, т. I, стр. 407.

³ В. Бартольд. Башня Кабуса..., стр. 122.

⁴ ЭВО, т. XXIII, 1915, стр. 1—32.

кому плану отчасти приближалось в то время только монументальное издание „Самаркандские мечети“. Кроме эпиграфических мотивов, представленных весьма далеко от исчерпывающей полноты на отдельных таблицах альбома,¹ текст предисловия сопровождают: вид погребального склепа, верхней поверхности нефритового надгробия Тимура и передней стороны его мраморного надгробия.

В. В. Бартольд предъявлял к изданиям этого рода, как бы ни стояли они высоко со стороны архитектурно-археологического подхода и издательской техники, еще более серьезные требования, что давало ему повод сказать: „Научного описания, с подробным разбором письменных источников, нет до сих пор ни для одной из построек этого периода; еще меньше, конечно, выяснена связь этих построек с общей культурной жизнью данной эпохи“.²

При таких взглядах В. В. Бартольд не мог быть удовлетворен обоими докладами Н. И. Веселовского, посвященными вопросам погребения Тимура. Поэтому на статью В. В. Бартольда „О погребении Тимура“ приходится смотреть как на попытку создать историческую базу для всесторонней монографии о Гур-и Эмире.³

Содержание статьи В. В. Бартольда „О погребении Тимура“ гораздо шире, чем ее название. Автор пересматривает по источникам, топографическим данным и современным описаниям не только всю историю погребения Тимура и его потомков в здании Гур-и Эмир; он сообщает много подробных сведений о некрополе Шах-и Зинда, о некрополе родственников и приближенных Тимура в Кеше (Шахрисябзе), сопоставляет Шах-и Зинда с некрополем в Шахрисябзе;⁴ касается, наконец, здесь, впервые в своих работах, усыпальницы Тимуридов в Херате по рукописи 'مطلع السعدين' 'Восход двух счастливых светил',⁵ но все же не упоминает замечательного открытия и статьи Н. В. Ханыкова.⁶

Встреченные в источниках и использованные в данной статье архитектурные термины, имена и даты в подавляющем большинстве нужны и полезны эпиграфистам, так как с ними же сталкивается и исследователь надписей на монументальных сооружениях, на надгробиях, а иногда и в других категориях письма. Для примера можно указать на имеющиеся в статье Бартольда на стр. 22 термины كنبد; خاص; مرقد и др.

¹ Самаркандские мечети. Альбом архитектурных рисунков и чертежей, вып. I, Мечеть Гур-Эмир, СПб., 1905; см. рецензию Н. Веселовского: ЭВО, т. XVII, 1907, стр. 0101—0184.

² В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане, стр. 13.

³ Н. И. Веселовский. О первоначальном месте погребения Тимура. Доклад 22 января 1904, ЭВО, т. XVI, 1906, стр. XX. — Он же. О надгробии Тимура. Сообщение 1 мая 1903 г., ЭВО, т. XVI, 1906, стр. XI—XIII. — Ср.: В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 1.

⁴ В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 1—6, 10 и др.

⁵ Там же, стр. 30.

⁶ В. А. Крачковская. Из архивного наследия Ханыкова и Дорна. ЭВ, IV, М.—Л., 1951, стр. 29—31.

В. В. Бартольд заимствовал несколько деталей описания памятника Шахрисябза у К. Масальского¹ и А. Л. Куна.²

Перед читателем проходят упоминания существующих или существовавших некогда надписей: известная надпись с именем архитектора Мухаммада, сына Маҳмуда, над западным боковым входом в Гур-и Эмир;³ имя шейха Шамс ад-дина над его могилой в мавзолее Шахрисябза;⁴ имена и даты смерти Сейидов в „Гумбез-и сейидан“; упоминаются другие надписи, к несчастью, неизвестного содержания, там же; определено содержание надписей внутри Гур-и Эмира — о смерти и загробной жизни, ходит о блаженстве для приготовившего себе заранее могилу;⁵ говорится также о надписи на нефритовом надгробии Тимура и о надписи на могиле Улуг Бека.⁶ Еще раз коснулся В. В. Бартольд вопроса о нефритовом надгробии Тимура в статье „Новые данные о Самаркандских памятниках“.⁷

Только широкое знакомство с рукописными собраниями, каким обладал В. В. Бартольд в результате повседневных занятий — то в Петербурге—Ленинграде, то в Средней Азии и Закавказье, то в Турции, Египте или Западной Европе, — давало возможность собрать столько подробностей о такой обширной, сложной и все же так мало изученной серии некрополей, какой коснулся В. В. Бартольд в статье „О погребении Тимура“.

Вся проблема в целом в настоящее время принадлежит к числу актуальных; достаточно напомнить про раскопки в Гур-и Эмире, произведенные совсем недавно (в 1941 г.), и теперь опубликованные полные надписи с надгробий в Гур-и Эмире на страницах сборника „Эпиграфика Востока“.⁸

Некоторые поездки В. В. Бартольда в Среднюю Азию имели целью выяснить специально первоочередные научные задачи, собрать сведения о памятниках, наметить план работ на ближайшее время в области археологии и охраны памятников. Этими целями руководился В. В. Бартольд в 1916 г. Особенно знаменательны поездки, совершенные по поручению

¹ К. Масальский. Туркестанский край, стр. 681.—В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 5.

² А. Л. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства. Зап. РГО, т. VI, 1880, стр. 26 и сл.—Ср.: В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 5—6.

³ В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 6.

⁵ Там же, стр. 20.

⁶ Там же, стр. 30.—Ср.: А. А. Семенов. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и Эмире. ЭВ, II, М.—Л., 1948, стр. 52.

⁷ ЭВО, т. XXV, (1917—1920) 1921, стр. 83.

⁸ А. А. Семенов. Надпись на надгробии псевдо-Сейид Омара в Гур-и Эмире в Самарканде. ЭВ, I, М.—Л., 1947, стр. 23—26.—Он же. Надписи из надгробий Тимура и его потомков в Гур-и Эмире. ЭВ, II, М.—Л., 1948, стр. 48—62.—Он же. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и Эмире. (Окончание). ЭВ, III, М.—Л., 1949, стр. 45—54.—М. Е. Массон. Третий кусок надмогильника Тимура. ЭВ, II, М.—Л., 1948, стр. 63—75.

Академии Наук, Академии истории материальной культуры и Среднеазиатского комитета по охране памятников в 1920 и 1925 гг.¹

В раннем отчете о командировке в Туркестан от Университета летом 1902 г. В. В. Бартольд упомянул посещение музея в Ашхабаде (б. Асхабад), в котором незадолго до того было начато собирание археологических предметов.²

В. В. Бартольд отрицал свои способности к археологическим изысканиям, но всегда учитывал их важность для построения истории культуры Средней Азии. Поэтому он присматривался к результатам, которые дали для востоковедения в целом археологические съезды, и пришел к убеждению, что наибольшее значение в этом отношении имели два съезда: казанский 1877 г. и тифлисский 1881 г.³

Вместе с рукописными источниками В. В. Бартольд высоко ценил среднеазиатские вакуфные документы. И в первой, и во второй группе письменных памятников В. В. был одинаково хозяин, что и показывало, наряду с его нумизматическими изысканиями, на каком высоком уровне В. В. Бартольд стоял как палеограф.

Чрезвычайно важные данные для истории культуры и археологии Средней Азии были собраны В. В. Бартольдом во время командировки 1902 г.; в числе его источников был привлечен вакуфный документ Ходжи Ахрара с перечислением пожертвованных земель; на основании встречающихся названий и определения границ участков В. А. Вяткин ранее выяснил некоторые вопросы топографического порядка; другие документы касались истории Сыгнака. Рассмотренные документы В. В. Бартольд относил к XVI—XVII вв.⁴ Свой громадный опыт в данной отрасли В. В. Бартольд резюмировал в лекциях на Архивных курсах в 1918 г.,⁵ причем дал, как отметил акад. И. Ю. Крачковский, первое обобщение сведений о материале для письма, о канцелярской системе и других подробностях архивного дела на Ближнем Востоке.⁶

¹ В. В. Бартольд. Автобиография..., стр. 19.—И. И. Умняков, ук. соч., стр. 188, 192—194.—Правда Востока, 25 августа 1925 г., № 190/90.—Изв. АН СССР, 1926, стр. 217—236.

² ЭВО, т. XV, 1904, стр. 173—174.

³ В. Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки. ЭВО, т. XXV, 1921, стр. 349.

⁴ В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. ЭВО, т. XV, 1904, стр. 262—269.—В. А. Вяткин. Вакуфный документ Ходжи Ахрара. Турскест. ведомости, № 101, 1900; ПТКЛА, год V-й, Ташкент, 1900, стр. 156—159.

⁵ Д. Егоров. Красный архив, 1922, № 1, рецензия.—В. Бартольд. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. Архивные курсы. Лекции 1918 г. т. I, История архивного дела классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Пг., 1920, стр. 369—387. Рец.: Книга и Революция, 1922, № 5 (17).

⁶ И. Ю. Крачковский. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. Восток, кн. 1. Пб., 1922, стр. 117.

Небольшой этюд В. В. Бартольда „Монеты Улугбека“¹ чрезвычайно важен, не только как дополнение характеристики талантливого внука Тимура, которой автор посвятил особый доклад в Восточном отделении Археологического общества² и обширную монографию; в последней привлечены даты и надписи на постройках Улуг Бека, в связи с их историей.³

В. В. Бартольду удалось разъяснить те турецкие слова на монетах Улуг Бека, значения которых не понимал Лэн-Пуль; одно из слов понял впервые В. Г. Тизенгаузен, остальные — В. В. Бартольд, который сопоставил, кроме того, геральдический знак Улуг Бека с гербом Тимура. Соображения исторического порядка сочетаются с детальным разбором знаков в стройное изложение.

Долголетняя практика в чтении надписей на восточных монетах и основательное знание истории монетного фонда Академии Наук отражены на страницах небольшого очерка В. В. Бартольда, посвященного столетию существования Азиатского музея.⁴ В очерке оценена деятельность первого директора Х. Д. Френа, при котором монетное собрание Азиатского музея по составу было одним из лучших в мире.⁵

Палеографический опыт В. В. Бартольда виден также в его статье „Ширваншах“.⁶ Здесь автор сопоставляет имя Мухаммада сына Ахмада ал-Азди — у Ибн Хаукаля — с тем же именем „на недатированных монетах, которые по письменам могут принадлежать IV/X веку“.

В. В. Бартольд всегда жил и действовал, как русский ученый, постоянно учитывая культурные интересы своей родины. Убеждения Бартольда прекрасно выражены в словах из его речи, приготовленной к устному произнесению, но по условиям военного времени в конце декабря 1914 г. не оглашенной и сохранившейся лишь в печатном виде: „Как ни далеко в настящее время человечество от мирной культурной работы, перед каждой страной остаются прежние культурные задачи, которые могут быть временно отложены, но не могут быть забыты, даже на короткое время, без ущерба не только для достоинства страны, но и для ее непосредственных государственных интересов. Для России к числу таких задач принадлежит

¹ В. В. Бартольд. Монеты Улугбека. Изв. РАИМК, т. II, № 6., 1922, стр. 190—192.—Перевод на немецкий язык: V. V. Barthold. Ulug Beg und seine Zeit. Deutsche Bearbeitung von Walther Hinz. Leipzig. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, т. 21, № 1.

² В. В. Бартольд. Улуг-бек и Ходжа Ахрап. ЗВО, т. XXIII, 1916, стр. VII—IX, протокол заседания 12 марта 1915 г.

³ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Зап. АН ИФО, т. XIII, 1918, № 5, 1 + II + 160 + 24 стр.; о постройках и надписях см. стр. 98, 99—104, 108, 109, 135.

⁴ В. Бартольд. Азиатский музей Российской Академии Наук, 1818—1918. Нумизматическое отделение. Краткая памятка. Пг., 1919, стр. 107—112.

⁵ В. Бартольд, ук. соч., стр. 117.—О Френе см.: И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 76—79, 101—105; Указатели, стр. 290.—В. А. Крачковская. Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х гг. Советское востоковедение, т. VI, 1949, стр. 278—282, 287—291.

⁶ EI, т. IV, 1934, стр. 413.

изучение разноплеменных народностей, входящих в состав населения империи, и сохранившихся в ее пределах памятников культуры исчезнувших народов. Достоинство России и положение русского народа среди других подданных государства властно требуют, чтобы в деле выполнения этих научных задач первое место принадлежало русским научным силам“.¹

После этих слов В. В. Бартольд продолжал свою полезную работу еще полтора десятилетия, выполняя долг русского и советского ученого. Теперь в Советском Союзе мы признаем, как и В. В. Бартольд в 1914 г., что наши культурные задачи — изучение силами советских ученых истории и истории культуры народов, входящих в состав СССР, их истории и сохранившихся памятников культуры исчезнувших племен и народов. В. В. Бартольд как эпиграфист и нумизмат выполнил свой долг достойно, и мы этого не должны забывать.

¹ В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане, стр. 460.

такими кирпичами являются в Куня-Узеке. Нетрудно увидеть, что кирпичи химузинской эпохи, как и позднее, употреблялись в монументальных и даже погребальных сооружениях, а также в земляных батанах, находящихся на территории базы, в работах по изысканию остатков античных кирпичей.

Можно, конечно, выделить различные типы кирпичей, имеющие еще стабильные особенности, например, кирпичи из Мерва, которые сложены из кирпичей, полученных из отложений песка, известняка, глинистого известия и т. д.

Все эти кирпичи, конечно, имеют свои отличительные особенности. Их можно выделить, опираясь на описание М. Е. Массона, который, в свою очередь, опирается на описание А. А. Диваевым, известного археолога и писателя, автором которого является М. Е. Массон. Он пишет, что кирпичи из Мерва, имеющиеся в коллекции музея Таджикской ССР, имеют следующие отличия:

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАМОГИЛЬНЫЕ КИРПИЧИ ИЗ МАРЫЙСКОГО ОАЗИСА¹

«Когда последний вздох испустим мы с тобой,
По кирпичу на прах положат мой и твой,
А сколько кирпичей насушат намогильных
Из праха нашего уж через год-другой!».

(Омар Хайам, XI–XII вв.).

Среднеазиатские намогильные кирпичи с эпитафиями еще ни разу не использовались в качестве исторических первоисточников, и им не посвящено даже ни одной специальной работы хотя бы описательно-регистрационного характера. Один такой кирпич из Термеза опубликован в I томе «Трудов Термезской археологической комплексной экспедиции» (ТАКЭ) в 1941 г.² Менее десятка их хранится в Самаркандском и Ашхабадском музеях, в археологических кабинетах Среднеазиатского и Туркменского Государственных университетов. Один крупный намогильный кирпич был добыт в 1949 г. 7-м отрядом Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) на руинах средневекового Мехне. Подавляющее же большинство объектов этого рода не только не собрано, но даже не зарегистрировано и, оставаясь разбросанным на обширных пространствах культурных земель среднеазиатских республик, подвергается риску быть утраченным для науки. Учитывая все сказанное, ЮТАКЭ, имеющая

¹ Из работ Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР.

² М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. Труды Уз. ФАН, серия I, вып. 2, Ташкент, 1940 (1941), стр. 24. В тексте допущена опечатка при указании, что, по палеографическим данным, описываемый намогильный кирпич «может датироваться X веком», вместо «XI веком». Объект этот поступил в Ташкентский музей в дореволюционное время, хранился там без всякой документации, но даже при отсутствии сведений о месте находки привлек внимание В. В. Бартольда, включившего транскрипцию его эпитафии в «Отчет о командировке в Туркестан» (август–декабрь 1920, ИАН, серия V, т. XV, Пг., 1921, стр. 212). Точное происхождение памятника установлено автором настоящей статьи по переданному ему покойным А. А. Диваевым письму инженера Эспеля к Н. П. Остроумову, которое датировано 30 мая 1916 г. Документ этот сдан мной в Сурхандарьинский музей, находящийся в городе Термезе.

в программе своих изысканий также и сбор эпиграфических материалов, в 1951 г. поставила перед работавшим в Марыйском районе и возглавлявшимся самим начальником экспедиции 18-м отрядом одним из заданий розыск и изучение этих памятников. Выбор района не был случайным. О том, что в области средневекового Мерва существовал обычай употребления в качестве намогильных плит кирпичей с эпитафиями, имеется указание в «Книге генеалогических имен» («Kitab al-Ansāb»). Автор этого сочинения XII в. — уроженец Мерва, историк Сам'ан — в свое время проявил особое внимание к одной, видимо, полузабытой могиле, находившейся тогда в пределах крупного селения Синдже, на пустынном участке, именовавшемся Язан. Само это селение, расположенное в 7 фарсахах от Мерва, он посетил несколько раз, в том числе в 1160 г., в качестве посредника между жителями и осаждавшими их гузами. Заинтересовавшая его могила принадлежала некоему деятелю на поприще ислама из числа местных жителей, скончавшемуся в зу-л-хиджже 257/октябрь—ноябрь 871 г. Сам'ан приказал жителям восстановить эту могилу, сам же написал на кирпиче (عَلَى) имя и дату смерти покойного и «послал в это селение [Синдже] для возложения сверху лауха его могилы».¹

У ЮТАКЭ уже раньше имелись сведения, что где-то к северу от Байрам-Али, на границе песков, имеется плита, покрытая вырезанными на ней надписями, которые никто из местного населения прочесть не может. В 1950 г. во 2-й базисный лагерь экспедиции у города Гяур-Кала в Старом Мерве окрестные колхозники сообщили, что одна колхозница несколько лет назад нашла на своем участке, севернее Султан-Калы, кирпич с процарапанными буквами, который якобы был увезен каким-то приезжим русским. Намогильный кирпич из развалин Мерва хранится в Музее краеведения Академии наук Туркменской ССР. Наконец, в начале 1951 г. студенты доставили из района, лежащего к югу от Байрам-Али, один кирпич с эпитафией, который передали в Археологический кабинет Туркменского Государственного университета, где он был мной осмотрен и прочтен.

За полевой сезон работ 1951 г. 18-му отряду удалось выявить, в основном с помощью местного населения, шесть намогильных кирпичей с эпитафиями из былых сельских районов средневекового Мерва, что придает им в историческом отношении особую значимость. Приводим их описание в хронологической последовательности.

1. Судя по палеографическим признакам, наиболее древним является единственный недатированный фрагмент намогильного кирпича, имеющий размеры 14×13.5×4 см. Найден он на кладбище в западной части

¹ Kitab al-Ansāb of al-Sam'ānī, GMS, v. XX, 1912, str. 313a. В русском переводе соответствующего текста Сам'ан, сделанном С. Волиным, указана дата 257/октябрь—ноябрь 872 г., место погребения трактуется как находящееся «в степи у квартала Базан» (Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. I, М.—Л., 1939, стр. 335). В. А. Жуковский, передавая текст Йакута о Синдже, квартал называет Б. з. и., а датой смерти указывает 870 г. (В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894, стр. 45).

городища Кууртлы-Депе, которое расположено в 11 км к северу от средневекового Мерва и соответствует средневековому городку Башан. Лицевая поверхность кирпича сильно разрушена процессом выветривания, протекающим в некоторых местах Мервского района особенно интенсивно благодаря ударному действию приносимых с барханов мелких песчинок. Текст вырезан разновидностью почерка куфи с расположением знаков по горизонтальной линии, с невысокими, строго вертикальными стволами алифов и ямов, с изломами всюду, где это возможно, под прямыми углами без всяких надстрочных и подстрочных знаков (рис. 1).

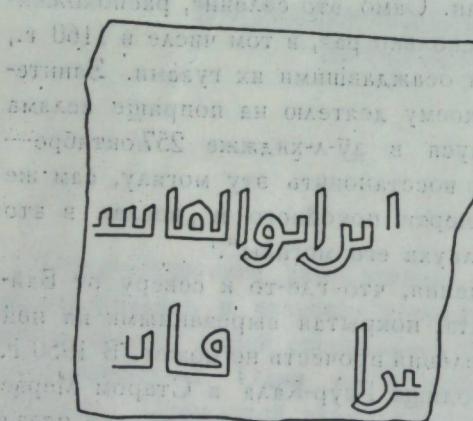

Рис. 1. Фрагмент намогильного кирпича с кладбища средневекового Башана (первая половина V/XI в.).

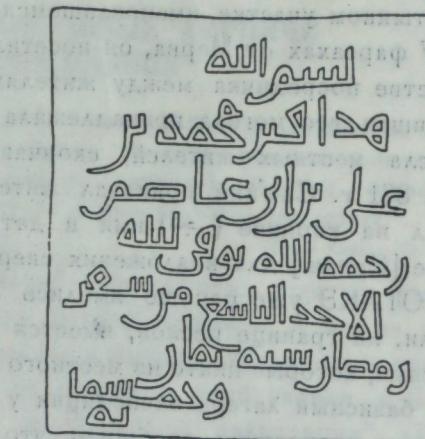

Рис. 2. Намогильный кирпич, хранящийся в Археологическом кабинете Туркменского Государственного университета (508/1115 г.).

От верхней строки ничего не уцелело.

Во 2-й видны слова ... ابن أبو القاسم... сын Абӯ-л-Қасима...

В 3-й строке разбирается слово ... [و]فتة... ... 'смерть его...', причем дальше следовала утраченная дата.

По характеру почерка намогильник можно отнести к памятникам X в., но, принимая во внимание наличие известной консервативности и у заказчиков и у машшаков (каллиграфов-эпиграфистов), допустимо считать, что описываемая эпитафия появилась в первой половине XI в.

2. Прекрасной сохранности цельный намогильный кирпич из района юго от Байрам-Али, хранящийся ныне в Археологическом кабинете Туркменского Государственного университета. Размеры: 27.5×28.5×5 см.

Текст эпитафии безукоризнен в смысле грамотности. Почерк куфи не столь строг, как у первого памятника: при разбивке слов не выдержан принцип расположения их в строках на одной горизонтали; "квадратность" начертания ряда букв нарушается; удлиняются и получают плавные изгибы конечные буквенные знаки группы ، ، ، . При всем том текст лишен пунктуации и знаков чтения (рис. 2).

- [1] بِسْمِ اللهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
- [2] هَذَا قَبْرُ مُحَمَّدٍ بْنِ عَاصِمٍ
- [3] عَلَى بْنِ أَبِي عَاصِمٍ
- [4] رَحْمَةُ اللهِ تَوْفِيقٌ لِيَلَّةٍ
- [5] الْأَحَدُ التَّاسِعُ مِنْ شَهْرٍ
- [6] رَمَضَانُ سَنَةِ ثَمَانِ وَخَمْسِينَ
- [7] يَه

[1] Во имя Аллаха!

[2] Это могила Мухаммада, сына

[3] 'Али, сына Абӯ 'Асіма —

[4] благословение Аллаха (на него). Скончался в ночь

[5] воскресения девятого месяца¹

[6] рамадана года восемь

[7] и пятьсот'.

Дата смерти — 9 рамадана 508/6 февраля 1115 г.

3. От кирпича, имевшего размеры 29×29(?)×5 см, отбито около $\frac{2}{5}$ правой части. Место находки — упоминавшееся выше кладбище средневекового городка Башан.

Лицевая поверхность кирпича сильно разрушена процессом выветривания. Эпитафия выполнена менее строгим почерком куфи, чем на предыдущем кирпиче. В некоторых словах появляется декоративная растянутость горизонталей. Отдельные слова одной строки очень приблизительно подчинены единому уровню и во второй строчке, например, определенно уступчато громоздятся вверх справа налево. Мастер неудачно расположил текст, поместив слово است, связанное с концом строки 4-й, в уровень строки 6-й (рис. 3).

- [1] [بِسْمِ اللهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ]
- [2] [هَذَا قَبْرُ ابْنِ بَكْرٍ]
- [3] [بْنِ جَعْفَرٍ تَوْفِيقٌ]
- [4] [فِي شَهْرِ اللهِ الْأَصَمِّ]
- [5] [سَنَةُ عَشَرُ]
- [6] [وَهُمْ سَنَتُ بَنِ وَهُمْ سَنَتُ خَمْسِينَ]
- [7] [خَمْسِينَ يَه]

[1] [Во имя А]ллаха [милостивого, милосердного!]

[2] [Это мо]гила Абӯ Бекра

[3] [сына Дж]а'фара. Скончался

[4] [в ме]сяце Аллаховом ал-аçам]

[5] [раджаб] года двад-

[6] [т]вердом -датъ и

[7] пятьсо[t].

¹ В конце строки 5-й ошибочно изображено سعْ instead of سعْ — Ред.

[4] Месяц „ал-аṣamm твердый“ соответствует общемусульманскому месяцу раджабу. Раджаб 520 г. х. приходится на конец июля—август 1126 г. н. э.

4. Прекрасной сохранности цельный намогильный кирпич с кладбища Худай-Назар-Аулия, в 15 км к северу от средневекового Мерва. Кладбище расположено в южной части территории развалин одноулочного сельского поселения IX—XII вв.; на нем находится обнаруженный 18-м отрядом ЮТАКЭ чудесный мавзолей первой половины XII в. Размеры кирпича $28 \times 28 \times 5$ см; верхняя и боковые стороны имеют фаску шириной 1—1.5 см.

Текст эпитафии заключает небольшие погрешности в арабском правописании. Почерк куфи неряшливого начертания, изобличающего в машшаке

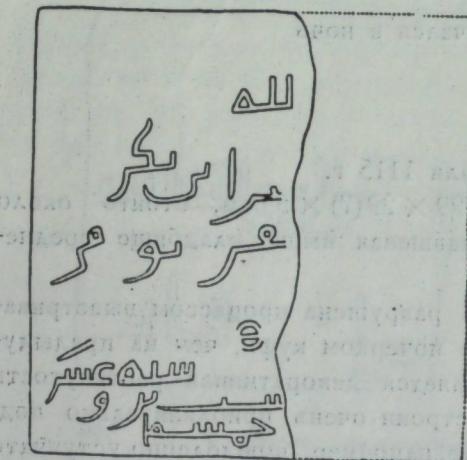

Рис. 3. Кусок намогильного кирпича с кладбища средневекового Башана (520/1126 г.).

Рис. 4. Кирпич с кладбища Худай-Назар-Аулия (545/1150 г.).

мастера далеко не первой руки: строки не горизонтальны, не параллельны; слова в них расположены не на одном уровне; не соблюдается единства в углах (то прямых, то острых) и единообразия в начертании одних и тех же букв. Отсутствие диакритических знаков указывает на то, что за образец была взята разновидность строгого куфи (рис. 4).

- [1] بسم الله الرحمن الرحيم
- [2] هذا قبر النابي [?] محمد
- [3] بن شادي كلادي [?] وفاته
- [4] ربیع الاول سننه
- [5] خمسه و اربعين
- [6] خمس ماہ
- [7] امام [?]

[1] Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
[2] Это могила прославленного [?] Мухаммада
[3] сына Шади Кулаби [?]. Смерть его произошла

[4] в месяце рабі' I года

[5] сорок пять

[6] пятьсот.

[7] . . . имам [?].

Последнее слово — остаток от уже утраченной, хотя и позднее процарапанной строчки.

Рабі' I 545 г. х. приходится на конец июня—июль 1150 г. н. э.

5. Прекрасной сохранности цельный намогильный кирпич с могилы, расположенной в 300 м от северо-восточной окраины развалин городища Али-Аскер IX/начала XIII в., лежащего в 5 км к востоку-северо-востоку от средневекового Башана и в 24 км от средневекового Мерва. Обследованные 18-м отрядом ЮТАКЭ руины Али-Аскер принадлежат бывшему зажиточному городку; ныне частично засыпаны барханными песками. Размеры кирпича $42 \times 28 \times 5$ см.

Текст обрамлен рамкой, оставляющей по краям полосы шириной от 2 до 3 см; в верхней полосе процарапаны зигзаги. В самой эпитафии имеются „описки“ и ряд погрешностей против обычного арабского правописания. Надписи выполнены каким-то смешанным почерком, в котором наряду с искаженными начертаниями отдельных слов и даже элементов, восходящими в основе к куфи, имеются слова, переданные какой-то неуставной скорописью группы почеков насх. В шести случаях имеются точки над буквами (рис. 5).

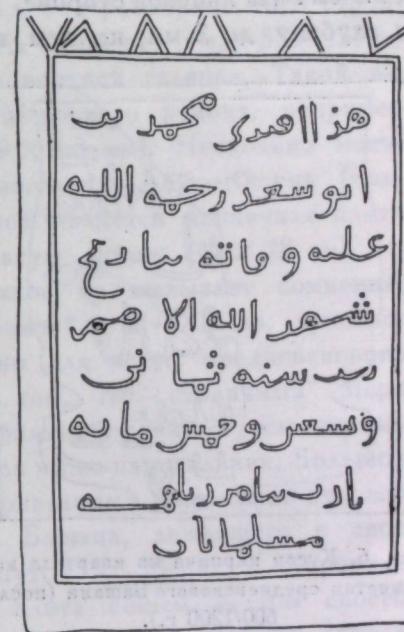

Рис. 5. Кирпич с городища Али-Аскер (598/1202 г.).

- [1] هذا اقربى [!] محمد بن
- [2] ابو سعد رحمة الله
- [3] عليه وفاته بتاريخ
- [4] شير الله الاصل
- [5] وست سنة ثمانى
- [6] وتسعين و خمس مائة
- [7] يا رب بيآ مرز باهمه
- [8] مسلمانان

- [1] Это могила Мухаммада, сына
- [2] Абү Са'да — милость Аллаха
- [3] над ним! Смерть его в исчисление
- [4] месяца Аллахова ал-аṣamm
- [5] твердого, года восемь

[6] и девяносто и пятьсот.

[7] Господи! [Да будет] полное единение со всеми

[8] мусульманами!¹

Месяц ал-аṣamm (т. е. раджаб) 598 г. х. приходится на самый конец марта—апрель 1202 г. н. э.

6. Крупный кусок намогильного кирпича с городища средневекового Башана найден на территории обширного квартала керамистов, расположенного в 200 м к северу от самого Кууртлы-Депе. Размеры кирпича $29 \times (29) \times 5.5$ см. На лицевой стороне, в отличие от всех предыдущих, фон вырезан на глубину до 3 мм; на нем выступают выпуклые буквы и рельефно выделяется обрамление в виде сложной картушебразной рамки. Почекрк эпитафии более примитивный, чем на кирпиче из Али-Аскера, и только на двух верхних строках может быть отнесен к разновидностям куфи. Начертания и расположение слов неряшливы. В нескольких случаях имеются точки у буквенных знаков (рис. 6).

Рис. 6. Кусок кирпича из квартала керамистов средневекового Башана (после 600/1200 г.).

[1] ميلو[сердного милостивца]

[2] Во им[я Аллаха все-]

[3] Это убе[жище . . . ?]

[4] Ҳасана, сына Иб[рахима].

[5] [С]мерть его [по]следовала в [месяце]

[6] раджабе года [. . .]

[7] и шестьсот.

Поскольку археологическим обследованием установлено, что Башан перестал существовать в связи с завоеванием Мервского района монголами в 1221—1222 гг., нужно полагать, что дата не превышала дату 619/1222 г.

¹ Первые слова 7-й строки помогли мне транскрибировать сотрудники Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР Д. Г. Вороновский и А. К. Мурадов, за что приношу им искреннюю благодарность.

² Ср. формулу: . . . ما يشهد (В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук СССР. Труды музея палеографии, III, Л., 1929, стр. 114).

Возможно даже, что тогда керамисту было поручено изготовление намогильного кирпича для только что скончавшегося некоего Ҳасана. Так как заказанная плита осталась на участке, где располагался хумдан, этот факт также допустимо поставить в связь со страшным разгромом Мерва и его района монгольскими войсками.

Переходя к общей характеристике описанных памятников, следует прежде всего отметить, что большинство из них имеет квадратную или почти квадратную форму с вариантами размеров в пределах от $28 \times 28 \times 5$ до $29 \times 29 \times 5.5$ см. В этом отношении они совпадают с размерами того строительного кирпича, из которого в мавзолее султана Санджара (ум. в 552/1157 г.) выведены основные кладки от фундамента до верхней галереи. Такой же кирпич встречается и на других памятниках Мервского района, например в каравансарае XI—XII вв. в Башане ($29 \times 29 \times 5.5$ см). Несколько меньших размеров был лишь наиболее древний намогильник Абу-л-Қасима (толщина кирпича 4 см), и, наоборот, более крупной является кирпичная плита начала XIII в., имеющая к тому же продолговатую форму (42×28 см).

Местное изготовление всех этих намогильников не вызывает сомнения, поскольку широкое производство жженых кирпичей в XI—XII вв. археологическими работами последних лет установлено для всего средневекового Мервского оазиса. Нет ничего невероятного в том, что „столичный“ Мерв выпускал высокого качества кирпичи с эпитафиями, в связи с чем именно оттуда Сам'аний выслал в Синдж упоминавшийся выше намогильник. Большое значение имеет факт обнаружения шестой из описанных плит среди отвалов из хумданов в квартале керамистов городка Башана, лежавшего в свое время на разветвлении торговых караванных путей из Мерва в Хорезм и Согд. Эта, так и не попавшая на кладбище, плита самым местом своего обнаружения уже документально подтверждает не только наличие спроса в сельской округе Мерва на такого рода памятники, что и без того явствует из ареала последних, но и их „провинциальное“ происхождение. Под этим углом зрения становится понятным и недостаточная грамотность составителей текста эпитафий, и невысокое искусство машшаков, и малая опытность резчиков, причем в ряде случаев все эти виды работы выполнялись, вероятно, одним лицом из местных „грамотеев“. Естественно, что лучших мастеров притягивал к себе рынок Мерва, а в сельском районе подвизались второрядные и третьестепенные ремесленники, невысокая квалификация которых наложила определенный отпечаток на их продукцию в виде отмеченных ошибок в арабском правописании или малой изящности в линиях почекров.

Наши намогильники из сельских районов Мерва интересны также с точки зрения социального происхождения покойников, для которых они предназначались. Любопытно, что все эпитафии прямо не связаны с чиновными людьми или с лицами духовного звания. Нет ни длинных родословных, ни пышных титулов, ни хотя бы почетного прозвища خواجہ, ни звания الشیخ, встречаемых на подавляющем большинстве дошедших до нас средневековых

намогильных кайраков. Скромно указывается, что это — قبر, 'могила'¹ такого-то, сына такого-то, с упоминанием одних имен. Лишь на плите 508/1115 г. приведено еще и имя деда, опять же без всякой титулатуры. Очевидно, упомянутые на рассмотренных кирпичах покойники принадлежали к имущей среди сельской округи и мелких провинциальных городков и в основном, вероятно, являлись купцами, ремесленниками или владельцами усадеб с не-крупными земельными участками при них.

Несколько особняком стоит в этом ряду кирпич 545/1150 г., в эпитафии которого имя покойника дано с упоминанием отца. Отсутствие других подробностей из его родословной намекает, с одной стороны, на возможно не очень знатное (скорее даже именно плебейское) его происхождение, а с другой — на большую популярность этого лица при жизни. Во всяком случае, для своего времени он в глазах людей был, повидимому, "ученым", очевидно с богословской направленностью. Несколько столетий спустя меджауры, жившие при мавзолее XII в., на кладбище Худай-Назар-Аулия, в видах более успешной эксплоатации "правоверных" стали выдавать этого Мухаммада за либо, причастное к мусульманскому духовенству. Это существует из добавленной к основному тексту эпитафии седьмой строчки, от которой уцелело только слово "имам". Выцарапанная небольшими буквочками и на незначительную глубину эта поздняя коротенькая надпись в остальной части ныне уже утратилась.

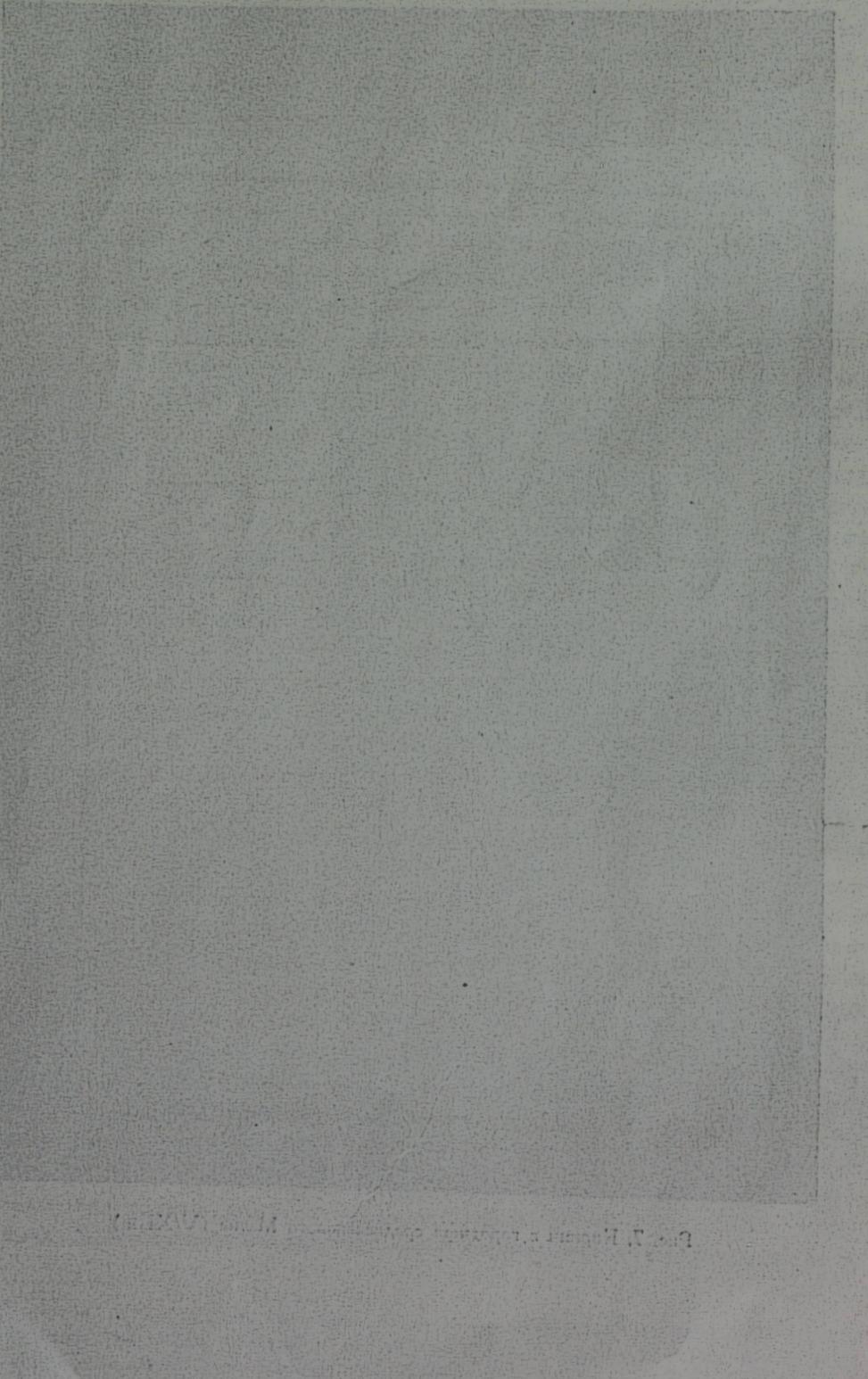
При хронологическом рассмотрении намогильных кирпичей Мервского района наглядно выявляется, что приходящиеся на первую половину XII в. во всех отношениях лучше более поздних. Эпитафии на арабском языке составлены грамотнее. У исполнителей текста еще чувствуется старая каллиграфическая школа, уделявшая много внимания почеркам куфи. Не случайно пока не обнаружено ни одного намогильного кирпича времени так называемой "гузской смуты", когда сельские районы Мерва тяжело переживали экономический упадок, засвидетельствованный не только письменными источниками, но и археологическими наблюдениями. На последние десятилетия перед монгольским нашествием, т. е. на пору вхождения области Мерва в состав государства Хорезмшахов, приходятся два намогильных кирпича.

Описывавшие ужасные последствия монгольского завоевания Средней Азии мусульманские авторы, а за ними и многие европейские историки слишком переоценивали благосостояние страны, в каком она находилась при последнем хорезмшахе Мухаммаде. Работы ЮТАКЭ показали, что степень "процветания" тогдашнего Мерва сильно преувеличена. В нем самом была заселена только часть площади, которую занимал город при Сельджукидах. В его оазисе многие городки и селения так и не оправились до

¹ В пышных средневековых эпитафиях влиятельных шейхов или светской аристократии довольно часто вместо قبر употребляется термин سردق — буквально 'сад', метафорически — 'место упокоения', 'усыпальница', 'могила'.

Рис. 7. Кирпич с городища средневекового Мехие (V/XI в.).

самого момента появления монголов, оставались в заброшенном состоянии со второй половины XII в.

Некоторые дополнительные штрихи для характеристики этой эпохи дают наши намогильные кирпичи, по которым чувствуется, что культурный и экономический уровень сельских местностей стал ниже по сравнению с первой половиной XII в. Текст их эпитафий обрамляется то примитивными, то, наоборот, усложненными, но безвкусными картушебобразными рамками. Куфи уступает место более скорописной разновидности почерка группы насх, еще не устоявшейся, требующей большего совершенства в технике исполнения, чтобы передать изящество его стиля, а в воспроизведении сельских машшаков выглядящей почти детски-примитивно. В мелких городках составители эпитафий уже плохо владеют арабским языком и делают в правописании ошибки. В арабский текст вставляются отдельные таджикские слова и иногда целые фразы, подобные *قبری محمد*, повидимому, можно рассматривать как своеобразные „таджикизмы“.

В отличие от всех ранее известных средневековых намогильных кирпичей с эпитафиями не только в Туркмении, но и по всей Средней Азии, подавляющее большинство вновь открытых в Мервском районе объектов содержит точные даты. Это делает их особо полноценными в эпиграфическом отношении и позволяет теперь легче ориентироваться во всей группе этих памятников.¹

Можно думать, что кирпичи, подобно простым гладким галькам — кайракам, были одними из наиболее ранних намогильных памятников, укладывавшихся на земляные бугорки мусульманских погребений в Средней Азии. Сперва для этого использовали обычные строительные кирпичи. Позднее на них начали, как и на кайраках,² делать разные знаки. Очень вероятно, что к этой категории следует относить встречающиеся в Мавераннахре раннесредневековые квадратные и продолговатые обожженные кирпичные плитки с оттискнутыми на одной стороне неглубоким штампом кругами, розетками, фигурами зубчатых крепостных кунгра с прорезью и другими изображениями. Лучшая по полноте и разнообразию коллекция их, собранная на городище Рабинджана, хранится в археологических фондах Самаркандского музея и может быть датирована IX—X веками.

¹ В Иране, где имеются аналогичные памятники, датированные объекты попадаются нечасто. Так, среди обнаруженных в Исфагане в 1935 г. пяти намогильных кирпичей с куфическими эпитафиями только один имеет дату — раджаб 555/июль — август 1160 г. См.: J. C. Miles. Epitaphs from an Isfahan Graveyard. *Ars Islamica*, v. VI, pt. 2, 1939, стр. 151—157.

² Среднеазиатским мусульманским намогильным кайракам в смысле изучения повезло больше, чем намогильным кирпичам. Первая публикация кайраков связана с работами геолога И. В. Мушкетова (И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I. СПб., 1886, стр. 397—399). Ими занимались преимущественно русские исследователи: Н. Г. Малицкий, Н. Н. Пантусов, Н. П. Остроумов, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин и другие, а за советское время. М. С. Андреев, М. М. Дьяконов, М. Е. Массон.

Отчасти в X, а в основном в XI в. на кирпичах начинают появляться эпитафии, отличающиеся большой лаконичностью, не содержащие еще в себе даты смерти и часто заканчивающиеся каким-нибудь немногословным благочестивым восклицанием. К подобным плитам XI в. относится, между прочим, упоминавшийся выше крупный намогильный кирпич из руин средневекового Мехне близ Меаны (рис. 7). Его размеры $47 \times 35 \times 5$ см. Большая часть лицевой поверхности оставлена пустой. Эпитафия расположена в три строки и размещена в верхней части кирпича; она содержит всего семь следующих слов: *هذا قبر أبو كريم بن محمد عبد نوگا* 'Это могила Абū Карайма сына Мухаммада Абду Нуға'.

В Согда получают распространение преимущественно небольшие продолговатые намогильные кирпичи ($30 \times 15 \times 4-5$ см³ и др.) с процарапанной полуциркульной или фестончатой аркой. Из районов правобережного Тахристана известны пока только квадратные. В областях Мерва и Абиверда преобладают квадратные кирпичи, хотя встречаются и слегка продолговатые с небольшим удлинением по высоте. Местную особенность представляют кирпичи крупных размеров (около 50 см в стороне). Некоторые из них имеют вписанную в прямоугольную рамку многолопастную арку, причем получившиеся тимпаны в виде сферических треугольников заполнены растительным орнаментом.

С течением времени текст эпитафий удлиняется. В начале их появляется „басмала“ или какая-нибудь другая религиозная формула. В конце эпитафий с XII в. начали проставлять даты смерти, а иногда помещать различные благочестивые восклицания. Пока самым ранним датированным объектом является намогильный кирпич № 2 из Мервского района с упоминанием 508/1115 г. Самым поздним датированным средневековым намогильником этой группы на сегодня надо считать кирпич № 6 из Башана начала VII/XIII в.

Так как обожженная глина представляет собой более хрупкий материал, чем естественные гальки из кварцеватого песчаника и других горных пород, до нас дошло небольшое число средневековых намогильных кирпичей, особенно по сравнению с довольно многочисленными кайраками. Вместе с тем, поскольку кирпичи все же очень удобны для помещения на них эпитафий и легко доступны благодаря своей широкой распространенности, к ним иногда прибегали с этой целью и в новое время. Так, ЮТАКЭ в 1947 г. обнаружила несколько таких намогильных кирпичей XVIII—первой половины XIX в. на заброшенном кладбище с западной стороны городища Анау. Обычай класть на могильную насыпь кирпич с надписью широко распространен у разных племен туркменского народа. На ныне действующих туркменских кладбищах в разных районах можно найти немало таких кирпичей, взятых обычно с руин какого-нибудь расположенного вблизи старинного здания. Эпитафии, составленные до революции или в начале 20-х годов нашего века, выполнены насталиком, а иногда неумело переданным куфи (последнее чаще всего на могилах духовенства). Позднее появляются эпита-

фии, написанные реорганизованным при советской власти арабским алфавитом. Наконец, в последнее десятилетие отмечается большое число намогильных кирпичей, эпитафии которых написаны по-туркменски, но русским алфавитом, причем год смерти обозначается уже не арабскими цифрами в европейском начертании.

Средневековые намогильные кирпичи Средней Азии заслуживают пристального внимания историков. Их специальное всестороннее изучение, в частности, даст новый, еще не привлекавшийся районный материал к вопросу об эволюции куфического письма в Средней Азии, начало разработки которого положено трудами В. А. Крачковской.¹ Ей же автор глубоко признателен за уточнения в расшифровке некоторых приводимых в данной статье эпитафий.

¹ В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии.. ЭВ, III, М.—Л., 1949, стр. 3—27.

изделий из золота и серебра. Тогда же в монастырь пришли грузинские писатели, чтобы написать на арабской основе письменность для грузинской литературы. Среди них был и Иоанн Грузинский, автор «Книги о Георгии Победоносце», который ввел арабское письмо в Грузию. Арабы, в свою очередь, ввели в Грузию грузинскую письменность, которая стала известна как грузинская азбука.

И. В. МЕГРЕЛИДЗЕ

АРАБСКАЯ АЗБУКА С ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЙ ТРАНСКРИПЦИЕЙ

I

Древнейшим зарубежным центром развития древнегрузинской литературы являлась основанная в Палестине в 483 г. Саввой грузинская лавра.¹ Здесь поддерживалась та грузинская самобытная культура, которая была создана, росла и процветала в самой древней Грузии. Начиная с VI в. объединились арабы, владычество их усилилось. Они проникли на Кавказ, а следовательно, и в Грузию в конце VII и в начале VIII в., т. е. после того, как арабы при втором халифе 'Омаре (634—644 гг.), в 644 г., временно овладели Арменией, а через несколько десятилетий (736—738 гг.) на еще более короткий срок захватили и Грузию.

Главной причиной арабской экспансии на Кавказе была экономическая заинтересованность — борьба с кризисом скотоводческого хозяйства. Истинные цели прикрывались религиозной борьбой между исламом и христианством.²

Лавра Саввы в Палестине была в полном расцвете³ в VIII—IX вв. Дальнейшее процветание с конца IX в. было приостановлено притеснениями проживавших в Палестине грузин со стороны арабов. Национально и религиозно далекие от грузин, фанатически настроенные в то время, арабы огнем и мечом насаждали свою веру, не щадя грузин-христиан, проживавших в Палестине в своей собственной лавре. Арабы подвергали грузин жестоким преследованиям, стараясь их истребить и разрушить монастырь. Большинство палестинских грузин вынуждено было выселиться из этой местности в более отдаленную и потому более трудно достигаемую арабами, каковой и оказалась высочайшая вершина Синайской горы на Синайском полуострове.⁴

¹ К. С. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.), стр. 81.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 656.

³ К. С. Кекелидзе. Конспективный курс истории древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1939, стр. 10.

⁴ И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, т. III. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.), стр. 174.—Ср.: К. С. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I, стр. 84.

Процветание грузинской культуры на Синае, в знаменитом грузинском монастыре св. Екатерины, известно уже в X в. Здесь в основном занимались реставрацией, копированием и описанием более древних грузинских рукописей, в частности рукописей из монастыря св. Саввы, но создавались также и новые памятники.

Грузинские культурные центры за рубежом имели, конечно, не только религиозное значение, но и политическое, так как преимущественно там христианские народы Востока и Запада знакомились с Грузией и начинали считаться с ее политической независимостью. В свою очередь и Грузия приобщалась к культуре соседних христианских и мусульманских народов. После нашествия арабов в VII—VIII вв. на Грузию грузины, как местные, так и находящиеся в арабском окружении, сперва в Палестине, а с X в. и на Синайской горе, считали нужным изучать, а некоторые из них серьезно изучили арабский язык и письменность.

II

Из соответствующей литературы известно, что в грузинских рукописях Синайского грузинского монастыря встречаются следы арабской письменности. Установлено, что в синайских грузинских рукописях менее чувствуется влияние сирийского, чем греческого языка и сравнительно «больше сохранилось следов влияния арабского языка. На Синае найдена арабская азбука для грузин с названием каждой арабской буквы соответствующими грузинскими буквами. На Синае встречались арабские рукописи¹ с грузинской нумерацией тетрадей... и грузинские рукописи с арабской нумерацией (словами)... Наконец, в синайских грузинских рукописях были найдены интересные записи и приписки грузин на арабском языке...»² «Несколько грузинских и особенно арабских записей в грузинских рукописях Синай относятся ко времени упадка грузинского влияния в монастыре св. Екатерины»³.

В «Описании грузинских рукописей Синайского монастыря»⁴ арабские записи и приписки приведены или упомянуты на стр. 218—219 («Евангельские или апостольские чтения» — рукопись № 81, по А. Цагарели — № 14),⁵ на стр. 273 («Параклитон» — рукопись № 96), на стр. 246 («Поучения отцов церкви» — рукопись № 85, по А. Цагарели — № 90). Автор «Описания» упоминает об одном пергаментном листе, который, по его словам,

¹ Листы одной из них сфотографированы и хранятся в фотоархиве Института истории материальной культуры АН СССР (Ленинград) под шифром 0—698, фотоснимки №№ 4—37 (всего 34).

² Сообщения Русск. правосл. Палестинского общ., т. XIV, ч. II, СПб., 1903, стр. 33.

³ Там же, стр. 45.

⁴ И. В. Мегрелидзе. Описание грузинских рукописей Синайского монастыря. Л., 1940.

⁵ А. А. Цагарели. Сведения о памятниках грузинской письменности, вып. II. СПб., 1889.

содержит "обычную арабскую приписку — проклятия тому, кто унесет рукопись с Синай". Имеются и фотоснимки, среди которых попадаются листы с арабскими пометками, не упомянутые в "Описании".

Во второй книге "Описания" на грузинском языке (Тбилиси, 1947 г.) под заглавием "Описание грузинских рукописей Синай" И. А. Джавахишвили об арабских записях или приписках говорится на стр. 151 ("Слова Григория Богослова" — рукопись № 79, по А. Цагарели — № 88), на стр. 157 ("Слова Исаака Сирена и жития" — рукопись № 80, по А. Цагарели — № 87) и др.

В частности, о той арабской азбуке, о которой было выше упомянуто (рукопись № 78, по А. Цагарели — № 89), И. А. Джавахишвили замечает, что в рукописи, состоящей из двух различных частей, на листе 30б "имеется арабская азбука, причем под каждой буквой подписаны арабские названия грузинскими буквами" (стр. 125). Об этом же рукописном листе 30б на стр. 127, пункт 14, в "Описании грузинских рукописей Синай" И. А. Джавахишвили повторяет: "Л. 30б, арабская азбука с груз. транскрипцией", а на стр. 316 эта рукопись датирована 1031 годом (251 + 780) или 1563 годом (по последующему обращению 251 + 1312). Последняя дата, конечно, отпадает, хотя это посмертное издание обычно точного И. А. Джавахишвили, вследствие слабой корректуры в целом, не внушает нам особого доверия и в отношении цифр¹ (см. рисунок, стр. 40—41).

Вышеупомянутая дата 1031 г. рукописи № 78 (по А. Цагарели — № 89) подкрепляется и описанием этой рукописи со стороны А. Цагарели, который писал: "Параклитон, 7 в. дл., 4½ шир., 250 л. на пергаменте. Письмо красивое, мелкое, продолговатое, афонское, с прекрасною багроватою заставкой посередине и разноцветными инициалами. В конце рукописи имеется запись основателя Крестного монастыря Прохора... рукопись X—XI вв."²

Прохор, ученик Иоанна апостола, основал Крестный монастырь именно в первой половине XI в., и дата рукописи — 1031 г. — вполне возможная. Следовательно, перед нами фотоснимок из рукописи первой половины XI в.

¹ Достаточно указать, что согласно этому изданию рукопись № 13 на пергаменте датирована 1946 годом (см. стр. 315), а на стр. 137 та же рукопись № 13 датирована 1046 годом, в самом тексте рукописи стоит дата буквами: ۲۶۴ (стр. 33), что означает цифрами 264 год (+ 780) = 1044 год. В книге нет указаний и на соответствующую литературу; например рукопись № 36 (стр. 74—83, 238) была опубликована еще в 1913 г. самим И. А. Джавахишвили (Слово св. Иоанна Златоуста о врожденном и предопределенном добре и зле, в древнегрузинском переводе. Христианский Восток, т. II, вып. III, СПб., 1914, стр. 275—289). Не указываются тексты, повторяемые в означенной книге (ср., например, стр. 17 со стр. 184; 190 с 192 и 193; 26 с 171; 45 с 236; 8 с 236, и др.), где они читаются по-разному. Хорошо, что книга снабжена указателями по обеим частям описания, но и здесь наблюдается непоследовательность: по первой книге ссылки указаны по страницам, а по второй по номерам рукописи. Кроме того, в указателях можно заметить ряд пропусков.

² А. А. Цагарели. Сведения о памятниках грузинской письменности, вып. II. СПб., 1889, стр. 28—29.

с арабской азбукой и с названиями букв в грузинской транскрипции (см. ниже). Правда, грузинские буквы писаны над арабскими другим писцом, но и последние, по крайней мере по грузинским палеографическим признакам, не намного позднее по времени сравнительно с самой рукописью. Разница между основным евангельским текстом и арабско-грузинскими приписками может исчисляться лишь десятилетиями, а не веками. Именно в XI в. большое число грузин было послано на Синай для обучения.

Учитывая научное значение этого листа, мы намеревались приложить его к иллюстрациям "Описания грузинских рукописей Синайского монастыря" (1940 г.), но воздержались лишь потому, что лист этот относился к тогда еще не изданной части "Описания грузинских рукописей Синай" И. А. Джавахишвили. Мы полагали, что лист найдет свое место в последней книге (1947 г.); вышла и эта вторая часть, но без всяких иллюстраций.

III

Описывая лист 30б грузинской рукописи № 78 Синайского монастыря, мы обращаем внимание на то, что сверху лист содержит 3½ строки незаконченной рукописи грузинского текста. Написанное является продолжением листа 30а, а сам текст, как правильно писал державший его в руках И. А. Джавахишвили, содержит отрывок из евангелия Марка (см. его "Описание", стр. 127, пункт 13).

На нижней, раньше свободной части листа начата с конца (т. е. писец держал лист перевернутым, концом вверх) арабская азбука; грузинские надписи над арабскими буквами тоже находятся в обратном положении к верхнему грузинскому тексту, но правильно стоят над арабскими буквами. Все названия арабских букв на листе написаны древнегрузинским строчным письмом ნუსхури¹.

Арабские буквы означенного листа представляют собой полный арабский алфавит (азбуку) и заслуживают особого внимания еще и тем, что в грузинской передаче замечательным алфавитным письмом арабские названия букв представлены полностью, так как в названиях имеются и гласные. Сохранились названия некоторых арабских букв в армянской рукописи XV в.,¹ но в ней азбука не полная и порядок не арабской азбуки. Они более позднего времени и, следовательно, не представляют той ценности, какую представляет исследуемый нами лист рукописи Синайского монастыря № 78. Грузинские буквы писаны слева направо, а арабские по обычной манере — справа налево.

Порядок букв арабской азбуки нашего листа и их названия те же, что и в классическом и современном арабском литературном языке, и если в названиях букв обнаруживаются отдельные незначительные отклонения

¹ А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. Отиск из "Известий ИЯИМК Груз. фил. Акад. Наук СССР", т. IV, Тбилиси, 1938, стр. 24—27.

от традиционного литературного их наименования, то и это легко объясняется влиянием диалектного произношения.

На означенном листе 306 начатая с конца арабско-грузинская приписка представляется в следующем виде:

أ	أَبْ	[1]
ب	بَرْ	[2]
ت	تَرْ	[3]
ث	ثَرْ	[4]
ج	جَرْ	[5]

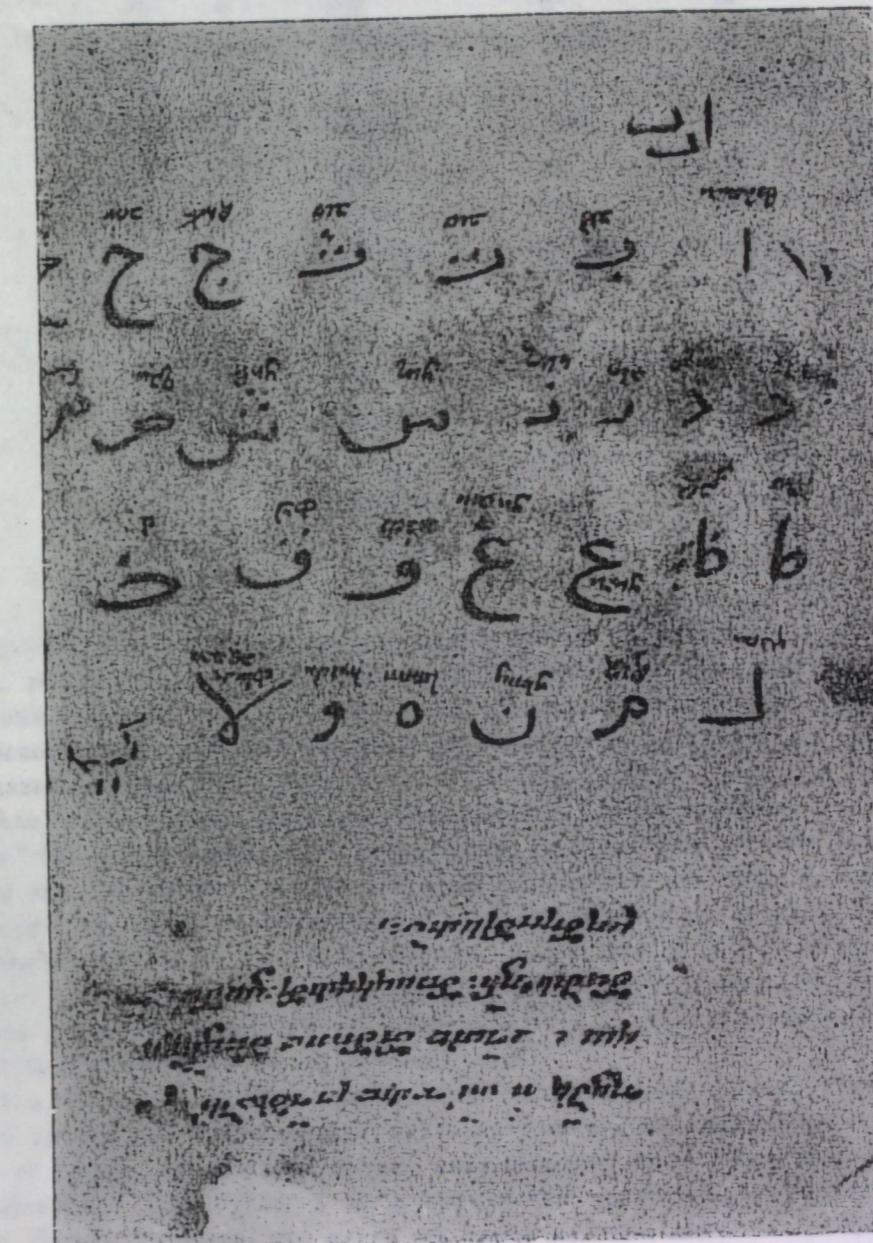
Перед *и* — *иā* (транскрипция акад. И. Ю. Крачковского) внесение лāм-алифа объясняется, наверное, желанием писца показать, что их нужно соединять, т. е. представить в виде вязи. Он знал, что У представляет не букву, а буквы, и показал самое распространенное соединение лāма с алифом, а также написанные над ними названия обоих знаков.

Для большей ясности и наглядности нами сопоставлены ниже эти арабские буквы с теми же наименованиями в грузинской транскрипции и с арабскими названиями тех же букв в русской транскрипции акад. И. Ю. Крачковского:

1.	ا	ئىتەپ	ئىتەپ	алиф
2.	ب	يىپ	بـ	бā
3.	ت	تىپ	تا	тā
4.	ث	تىپ	та	тā
5.	ج	خۇپ	خۇپ	джийм
6.	ح	تىپ	خـ	хā
7.	خ	لۇپ	خـ	хā
8.	د	ڈېپ	داڭ	дал
9.	ذ	نىپ	ۋاڭ	зাল
10.	ر	ىپ	رـ	рā
11.	ز	نىپ	ۋېر	зā
12.	س	لىپ	لىپ	син
13.	ش	يۇپ	ۇپ	шийн
14.	ص	[لى]پىپ	(لى)پىپ	саң

¹ Эти три знака не имеют грузинских надписей.

² Без надписи *iiā*.

• Арабская азбука с древнегрузинской транскрипцией из грузинской рукописи
1031 г. с Синая.

15.	ض	'ðˤnˤ'	ڏاڻ	ڏاڻ
16.	ط	ðˤnˤ	ڻا	ڻا
17.	ڙ	'ðˤnˤf(?)	ڻاڻ(?)	ڻاڻ
18.	ع	'mˤnˤ	ڻاڻب	ڻاڻب
19.	غ	'mˤnˤh	ڻاڻب	ڻاڻب
20.	ف	mˤnˤ	ڻاڻ	ڻاڻ
21.	ق	mˤnˤf	ڻاڻڻ	ڻاڻڻ
22.	ك	[q]mˤnˤf	ڻ(?)ڻ	ڻ(?)ڻ
23.	ل	mˤnˤd	ڻاڻڻ	ڻاڻڻ
24.	ء	ڻاڻd	ڻاڻ	ڻاڻ
25.	ن	ڻاڻh	ڻاڻ	ڻاڻ
26.	ء	mˤnˤl	ڻاڻ	ڻاڻ
27.	هـ	mˤnˤʃ	ڻاڻ	ڻاڻ
28.	وـ	mˤnˤdχ	ڻاڻڻ	ڻاڻڻ
29.	يـ	mˤnˤʃf	ڻاڻڻ	ڻاڻڻ

Обычный для того времени арабский почерк насх, порядок и количество букв, за исключением лам-алифа перед последним знаком ي īā (что иногда встречается), на нашем листе такие же, какие имеются в литературном арабском языке.¹ Незначительные отклонения от классического арабского в названиях букв следующие:

Алиф; эту букву называли и называют так в арабском и в персидском.² На нашей таблице 3-я и 4-я буквы по-грузински названы одинаково. Хотя эта 4-я буква — не *tā* и теперь передается как *tā*, но грузинский алфавит, не имея ее грузинского соответствия, лишил возможности переписчика отличить ее от 3-й буквы; тем более, что ت *tā* и ش *tā* — звуки одного ряда. Очевидно, для автора буква ش *tā* и ее произношение были ближе к буквой ت *tā* и с ее названием, чем с ش и с грузинским произношением грузинской буквы ی — *sa*.

11-я буква — ڻ ڻā (или ڻاڻ)³ названа ڻاڻ, что тоже нередко встречается.

В грузинской транскрипции название 14-й буквы — ڻاڻد, начальная буква ڻ (ء, ڻ) стерта, но остались следы, указывающие на ее существование.

Название 17-й буквы ڻ ڻā в грузинской транскрипции звучит ڻاڻداڻ. Нужно полагать, что здесь мы имеем влияние диалектного произношения. На Мальте этот звук произносят как *d*, а горожане — как *t*, *d*, *t*,

¹ Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка, под редакцией и с предисловием И. Ю. Крачковского. Л., 1928, стр. 1, табл. 1. — Ср.: Ю. Н. Марр и И. В. Мегрелидзе. Пособие для авторов и наборщиков восточных шрифтов. Л., 1933, стр. 9, табл. 1.

² Е. Э. Бертельс. Грамматика персидского языка. Л., 1926, стр. 6.

³ Там же.

хотя и ранее его произносили как с, з, չ.¹ Повидимому, писцу был ближе тот диалект, в котором ڦ произносился более д-подобно.

18-я буква алфавита ڦ 'айн в грузинской транскрипции названа ڦ گინ. Это отчасти объясняется и тем, что в грузинском подобного звука не было, а автор использовал наиболее близкий по произношению звук и его написание (букву). Он не ошибся; в оригинале алфавита это единственная буква, над которой не стоит грузинская надпись, и она вписана в нижней части самой буквы.

В транскрипции 22-й буквы стерта первая буква ڦ զ (կ) [կ]аф.

26-я буква — ڦ څا в грузинской транскрипции звучит ڦ څه, а 27-я — واع вместо ڦ څه.

28-й знак ڦ — не буква, а сочетание двух букв — ڦ ڦام-алиф, вязь, которую в качестве самостоятельного знака (для печати и существует такая лигатура) ставят в конце алфавита, но здесь этот знак (вязи) стоит на предпоследнем месте, а за ним идет 28-я, последняя буква ڦ ڦا. Буква ڦ ڦа названия в грузинской транскрипции на нашем листе не имеет, хотя соответствующую букву (՞) грузинский алфавит и имеет.

В заключение нужно заметить, что, судя по почерку арабских и грузинских букв и, в особенности, по проявленной в грузинской транскрипции лингвистической даровитости, писец был прекрасно осведомленным человеком в обоих языках и видно, что уже тогда существовала крепко укоренившаяся традиция изучения арабского письма грузинами на Синае. Об этом свидетельствуют также и вышеупомянутые арабские приписки и записи в грузинских рукописях. По всем данным, они писаны грузинами, ибо, если даже отбросить все остальные признаки, для чего нужно было бы арабу писать "проклятия тому, кто унесет грузинскую рукопись с Синая"?

¹ Н. В. Юшманов, ук. соч., стр. 10.

1953 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · VIII

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ТЕРМЕЗСКИЙ КЛАД МЕДНЫХ ПОСЕРЕБРЕННЫХ ДИРХЕМОВ 617/1220 г.

Одним из интереснейших периодов в истории денежного обращения средневековой Средней Азии является XIII век, когда монетный чекан постепенно преодолевал серебряный кризис. В этом столетии, как в фокусе, сосредоточились и старые и новые явления чекана и обращения монет. Поэтому это столетие наиболее выпукло должно продемонстрировать и особенности денежного обращения периода развития серебряного кризиса, и те новые явления, которые должны были сопутствовать выходу из него. С точки зрения денежного обращения это переходное столетие должно также показать яркую картину особенно острых противоречий и столкновений между различными слоями общества на почве их разного отношения к чекану и обращению денег. Не случайно в этот период появляются на монетах "угрожающие надписи" вроде: "Кто в Самарканде и его окрестностях эту монету не станет брать — будет виновен!"

С точки зрения династической принадлежности монеты этого периода для территории Мавераннахра охватывают чекан последних Илеков, Хрезмшахов, Ануштегинидов и Джагатаидов и еще некоторых других правителей Средней Азии. Известное количество монет этих династий XIII в. опубликовано в литературе главным образом в порядке каталожного описания. Имеются также интересные отдельные статьи, посвященные некоторым частным вопросам. Для изучения денежного обращения наличествующий материал пока еще не достаточен. Поэтому первоочередной задачей в настоящее время является дальнейшая и подробная (со всеми необходимыми данными в части надписей, эпиграфических особенностей, типа, веса, размера и т. д.) публикация самих монет, самого источника. Это в некотором роде должно напоминать критическое издание рукописей и документов как необходимый первый этап, за которым последует уже обобщающее исследование.

Данная работа поэтому и не ставит перед собой иных задач, кроме чтения надписей и анализа одного неопубликованного клада XIII в., а также постановки и решения некоторых исторических и экономических вопросов, подсказанных материалом разбираемого клада.

Клад медных (бронзовых?) посеребренных монет, состоящий из 78 экземпляров, был найден на городище древнего Термеза, в 300—400 м от цитадели, и хранится ныне в Сурхан-Дарьинском областном краеведческом музее.

На всех монетах можно полностью или почти полностью прочесть надписи центральной части обеих сторон; круговая же надпись с выпускными сведениями на большинстве монет сохранилась лишь частично, так что целиком была прочтена только на 20 экземплярах, а на 25 монетах выпускные данные полностью отсутствовали. Иногда причиной такого отсутствия выпускных сведений была не только быстрая стираемость именно краев монеты, но и довольно обычное для средневекового чекана смещение штампа относительно монетного кружка, так что надпись с одной стороны оказывалась вне монеты, а с другой оставалось свободное поле.

В целом, однако, нужно отметить аккуратность самих монетных кружков: разница в наибольшем и наименьшем диаметре не превышает 1—2 мм (см. таблицу на стр. 48), и все же обычно штампы помещены довольно точно. Последние, вместе с тем, не были сопряжены, в силу чего взаимонаправления монет можно видеть самые разнообразные. На некоторых монетах можно видеть следы двойного смещенного удара, что также является техническим изъяном.

По внешнему оформлению, содержанию и составу надписей монеты клада могут быть разделены на два типа, различающиеся также размерами и весом самих монетных кружков.

Тип 1 представлен тремя экземплярами (Таблица, №№ 1—3), чеканными от имени Мухаммада Хорезмшаха (1200—1220) в Термезе в 617/1220 г. (рис. 1).

Лиц. В фигурном картуше на трех строках помещена часть титулатуры султана 'Султан величайший, высота мира'. По четырем сторонам внутри картуша — четыре колечка-орнамента. Круговая надпись между двумя линейными ободками:

ضر بحمد الدرهم بترمذ سنة سبع عشر ستما[ية]

'Чеканен этот дирхем в Термезе в 617 г.'

Об. В фигурном (как на лицевой стороне) картуше — остальная часть титулатуры султана и упоминание его отца: 'أبو الفتح محمد بن السلطان علاء الدين قراري' 'Абу الفتح/محمد بن/السلطان علا الدين/قراري' 'непоколебимый', внутри картуша — колечки-орнаменты, как на лицевой стороне (описание дано по реконструкции типов).

Рис. 1. Реконструкция 1-го типа термезских монет из клада 617/1220 г.

Тип 2 представлен 75 экземплярами (таблица, №№ 4—78), чеканными также от имени Мухаммада Хорезмшаха и также в Термезе в 617/1220 г. (рис. 2).

Лиц. В центре поля изображен лук со стрелой,¹ по четырем сторонам которого расположена часть титулатуры султана: 'أعلا الدين قراري' 'Султан величайший, высота мира и веры'. Сверху — 'السلطان العظيم' 'непоколебимый', снизу — орнамент. Круговая надпись между двумя линейными ободками, как у типа 1, с добавлением в конце 'الملك لله' 'Власть [принадлежит] богу'.

Об. В фигурном картуше остальная часть титулатуры султана и упоминание его отца: 'أبو الفتح محمد بن السلطان' 'Отец победы, Мухаммад сын султана'. По четырем сторонам внутри картуша — четыре колечка-орнамента. Круговая надпись между двумя линейными ободками, как на лицевой стороне.

Таким образом, для обоих типов характерны две группы надписей: имя государя с титулом в поле на обеих сторонах монетных кружков и выпускные сведения в круговой легенде, дважды повторенные на двух сторонах. На монетах 2-го типа имеется, кроме того, эпитет 'قراري' 'непоколебимый'.

Правило помещения почетного эпитета в начале надписи одной из сторон монетного кружка унаследовано еще от чекана Илеков, однако эпитеты, прилагаемые к Мухаммаду Хорезмшаху на его монетах, весьма разнообразны в чекане разных монетных дворов и даже в чекане одного города из года в год менялись. По опубликованным в литературе монетам можно, например, проследить ежегодную (а иногда и еще более частую) смену эпитетов в чекане Самарканда. Однако эпитет 'قراري' 'непоколебимый', прочтенный на разбираемых термезских монетах клада, в литературе для монет Мухаммада Хорезмшаха еще не отмечался.

Титул, использованный на монетах разбираемого клада, представлен двумя вариантами: 'أعلا الدين قراري' 'Султан величайший, высота мира и веры' на монетах первого типа, с добавлением 'أبو الفتح' 'Отец победы' на монетах второго типа.

Рис. 2. Реконструкция 2-го типа термезских монет из клада 617/1220 г.

¹ Изображение на монетах лука со стрелой не является индивидуальной принадлежностью данной группы монет, ибо может быть отмечено и до и после этого, например, на медных илекских монетах (неопубликованный экземпляр, хранящийся на Кафедре археологии Средней Азии САГУ), на серебряных апонимных дирхемах Чингизидов (Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. IV. Баку, 1949, стр. 47, № 1143), на медной самаркандской монете 624 г. х. (В. Г. Тизенгаузен. Нумизматические новинки. ЗВО, т. VI, стр. 153) и т. д.

во втором типе. Оба варианта этого титула весьма распространены в чекане Мухаммада Хбрезмшаха, хотя не являются единственными. Изучение опубликованных и значительного числа неопубликованных его монет позволило уже сейчас выявить в его титулатуре восемь вариантов (см. ниже), не считая почетных прозвищ вроде „второго Александра“ и т. д. Однако титул, принятый на термезских монетах, считался, видимо, самым почетным. Между прочим, он использовался на золотых монетах, а на медных особенно часто отмечается в чекане южных областей владений Мухаммада.

Титулы Мухаммада Хбрезмшаха по данным монетного чекана

‘Султāн’	1. السلطان
‘Султāн величайший’	2. السلطان الاعظى
‘Султāн справедливый, величайший’	3. السلطان العادل الاعظى
‘Султāн величайший, отец победы’	4. السلطان الاعظى أبو الفتح
‘Султāн справедливый, величайший, отец победы’	5. السلطان العادل الاعظى أبو الفتح
‘Султāн величайший, высота мира и веры’	6. السلطان الاعظى علا الدنيا و الدين
‘Султāн величайший, высота мира и веры, отец победы’	7. السلطان الاعظى علا الدنيا و الدين أبو الفتح
‘Султāн возвеличенный, высота мира и веры, отец победителя’	8. السلطان المعظم علا الدنيا و الدين أبو المظفر

Круговая надпись рассматриваемых термезских монет с точки зрения эпиграфической дает наибольшее число незначительных, правда, вариантов в начертании отдельных букв и слов, что более всего относится к обозначению сотен в датах, наименованию города и благочестивому восклицанию в конце.

Благочестивое восклицание это на некоторых монетах вовсе отсутствует: резчик штампа плохо рассчитал расстояние и даже слово „сотен“ иногда не смог поместить полностью. Иногда же наличествуют отдельные буквы, и только на нескольких экземплярах удалось видеть его в наиболее полной форме ‘الملك لله’ ‘Власть (принадлежит) Богу’.

Дата на термезских монетах обозначена тремя арабскими словами-цифрами без соединительных союзов, причем обозначение сотен часто написано не полностью, иногда даже с ошибками или вообще несколько условным начертанием.

Благодаря уже отмеченной выше худшей сохранности круговых легенд прочесть дату полностью удалось на 27 экземплярах, а еще на 18 — не целиком, без одного какого-либо слова даты. Но остальные монеты, совершенно аналогичные по типу и иногда даже вышедшие из-под одних штампов с датированными, могут вне всяких сомнений считаться чеканенными в том же 617/1220 г.

Наибольшее число вариантов дает начертание наименования города, особенно в части буквы *rā*, которая то поднята наверх дужкой, то показана в виде скобки или даже опущенной вниз палочки. Наименование города удалось прочесть на 35 экземплярах, но по только что указанным обозначениям остальные также должны считаться принадлежащими выпуску Термеза.

На монетах 617/1220 г. слово „Термез“ имеет наиболее обычную форму с буквой *dāl* → на конце, которая может считаться и как *zāl* →, так как диакритические знаки в круговых легендах разбираемых монет отсутствуют. Вообще же в чекане, как и у восточных авторов, единой формы наименования этого города нет. Например, два типа неопубликованных надчеканов Термеза, относящихся к более позднему времени, к концу XV—началу XVI в., и зафиксированных на медных монетах так называемого „Ангиренского клада“, хранящегося на Кафедре археологии Средней Азии САГУ (Ташкент), показывают совсем иное начертание, с буквой *rā* (без точки) — قرمز —.

Чекан Термеза с именем Мухаммада Хбрезмшаха до сих пор не был известен. Во всяком случае, в доступной мне литературе крупные медно-бронзовые термезские монеты Мухаммада не упоминались.¹ Не встречались таковые и М. Е. Массону, поэтому в его лекциях по нумизматике Средней Азии (САГУ, 1943 г.) в перечне монетных дворов, функционировавших при Мухаммаде Хбрезмшахе, Термез отсутствует. В сводке же О. Кодрингтона для Термеза приводится чекан только Аббасидов, Саманидов, Джагатаидов и Тимуридов.² Монеты Термезского клада чекана Мухаммада Хбрезмшаха позволяют уточнить список О. Кодрингтона и заполнить странную с исторической точки зрения лакуну между саманидским и джагатаидским чеканами Термеза, ибо город Термез именно уже после Саманидов, в XI—начале XII в., по археологическим данным, достиг большого расцвета.³

К пополненному списку династий и государей, при которых в Термезе был свой монетный чекан, можно прибавить еще Шейбанидов, когда (во всяком случае, в начале XVI в.) монетный двор Термеза продолжал функционировать. На это указывает один из двух упомянутых надчеканов (в фигурном картушке с легендой *قرمز عدل*), сделанный одновременно в Термезе, Бухаре, Хисаре и Чаганиане. Наблюдения и сопоставления различных прямых и косвенных данных позволяют заключить, что надчекан этого типа во всех названных пунктах был сделан в правление основателя государства Шейбанидов, Мухаммад Шейбаний *خان*, не ранее 912/1506—1507 г., но и не позже 913/1508—1507 г.

¹ А. К. Марков (Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 297, № 4) привел золотую монету другого хорезмшахского государя — Султан Шах Махмуда (1171—1193), чеканенную в Термезе.

² O. Codrington. A manual of musalman numismatics. London, 1904, стр. 146.

³ М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН, серия 1, вып. 2, ТАКЭ 1936 г., Ташкент, 1940, стр. 95—97.

Таблица веса и диаметров монет термезского клада

№ п/п.	Вес в г	Диаметр в мм	№ п/п.	Вес в г	Диаметр в мм	№ п/п.	Вес в г	Диаметр в мм
1	3.34	28—29.5	27	4.34	32—33	53	4.50	32—31
2	3.58	28—28.5	28	5.00	32—33.5	54	5.02	33—34
3	2.93	26—27	29	5.39	32—32	55	5.10	33—34
4	4.73	33—33.5	30	3.98	32.5—33	56	4.66	32—34
5	4.84	33—34	31	4.50	32—33	57	4.85	33—33
6	3.78	33—33	32	4.71	32—32.5	58	4.85	32—33
7	4.48	33—33.5	33	4.62	33—34	59	4.40	33—34
8	4.56	33—34	34	4.76	32.5—33.5	60	4.43	32—33
9	4.38	32—33	35	3.85	32—33	61	4.33	33—35
10	3.96	33—33	36	4.02	32.5—33	62	4.30	33—34
11	4.23	33—34	37	4.68	33—33	63	4.98	32.5—33
12	4.68	32—33	38	5.00	33—34	64	4.18	32—33
13	4.95	34—35	39	4.25	32—33.5	65	4.05	32—32.5
14	4.54	33—34	40	3.93	31—32	66	4.40	32—32
15	4.95	33—33	41	4.68	33—34	67	4.41	32—33
16	4.00	33—34	42	4.81	33—34	68	3.37	31—31
17	6.00	33—33	43	4.95	33—33	69	4.73	31—32
18	5.49	33—33	44	4.57	33—33	70	4.10	32—34
19	3.87	33—34	45	4.32	32—33	71	5.96	33—33
20	4.29	33—35	46	4.94	32—32.5	72	3.64	31—32
21	4.43	33—33.5	47	5.20	33—33	73	4.87	31—32
22	3.32	32—31.5	48	4.52	33—34	74	4.25	32—33
23	5.30	32—33	49	4.43	32—33	75	4.35	32—34
24	4.89	32—32	50	4.12	33—33	76	4.92	32—33
25	4.55	32—32	51	5.01	32—33	77	4.95	32—32
26	4.55	32—33	52	5.09	31.5—33	78	4.93	33—33

Как выше уже отмечалось, монеты клада показывают два типа, настолько отличные один от другого своим внешним оформлением и частично даже содержанием надписей, что они легко и просто могли быть различаемы сразу, по одному лишь внешнему виду. Так как оба типа выпущены в одном городе и в один год, естественно возникает предположение, что это не два последовательных чекана, а два одновременных, но разных номинала, что подтверждается размером и весом монетных кружков.

Монеты 1-го типа имеют диаметр, в среднем равный 28 мм, а монеты 2-го типа — диаметр, в среднем равный 33 мм (см. таблицу). Разница диаметров в 0.5 см достаточна, чтобы по размеру эти типы также считать легко отличимыми.

Различен и вес монет этих двух типов. Три монеты 1-го типа весят 2.9, 3.3 и 3.6 г, т. е. в среднем более 3 г.¹ Вес же основной массы монет (более 93%) 2-го типа колеблется в пределах 3.8—5.3 г, а для большинства монет даже в более узких пределах 4.2—5.0 г, что дает средний вес 4.6 г.

В силу стираемости монет при обращении средний их вес всегда несколько ниже законного, первоначально установленного для определенной группы монет. В данном же случае средний вес рассматриваемой группы монет несомненно должен быть ниже законного веса, так как выпуск термезских монет 617/1220 г. был произведен (во всяком случае, в основной массе) не непосредственно из металла, а путем перечеканивания каких-то старых монет. Так как при этом перечеканивании полного переплавления старых монет на металл не делалось, новые монеты в наследство от старых должны были получить уже несколько потерянные монетные кружки. Факт простого перечеканивания устанавливается тем обстоятельством, что минимум на 14 экземплярах удалось наблюдать следы картушей и даже надписей старого типа, сохранившиеся из-за недостаточного накаливания монетного кружка при перечеканивании. В некоторых случаях удалось даже установить, что монеты старого типа имели то двойные квадратные картиши на обеих сторонах, то квадратный картуш на одной стороне и двойной линейный ободок на другой. На одной монете удалось даже прочесть часть даты ее первого выпуска, дающей 610 или 616 г. х.

Таким образом, рассматриваемые монетные кружки дважды несколько потеряли свой вес вследствие неизбежной стираемости при обращении; правда, во второй раз эти потери не могли быть большими, ибо монеты в состоянии хорошей сохранности уже попали в клад и перестали обращаться. Все это, однако, предположительно позволяет — пока без дальнейшего уточнения — считать законный вес монет 2-го типа несколько менее 5 г, но выше 4.6 г.

Итак, разный вес, размеры и внешнее оформление двух типов медно-бронзовых монет клада с несомненностью указывают на то, что они представляют собой два разных номинала с установленным, определенным отношением между ними. Так как средний вес монет 2-го типа больше среднего веса монет 1-го типа в полтора раза, логичнее всего было бы считать два эти номинала относящимися один к другому, как 1.5:1. Вместе с тем оба эти номинала в круговых легендах поименованы одинаковым термином — «дирхем», из чего следует, что сам этот термин не только мог быть наименованием основного номинала, но был также собирательным названием для целой группы монет, вне зависимости от индивидуального достоинства каждой.

В научной литературе крупные монеты Мухаммада Хорезмшаха считались до сих пор медными и иногда даже ошибочно назывались «фельсами». Монеты клада позволяют совершенно пересмотреть эту точку зрения и по-новому представить себе чекан и обращение в период начала выхода

¹ Весовые различия отдельных экземпляров в определенных пределах вполне закономерны и обычны для средневековья с его примитивной техникой и чеканом на основе монетной стопы.

Средней Азии из серебряного кризиса. Дело в том, что на нескольких монетах клада удалось отметить ясные следы покрывавшего их когда-то тонкого слоя серебра. Следовательно, внешне эти монеты выпускались как серебряные, почему получали и соответствующий курс относительно золотых монет. Отсюда следует, что термин „дирхем“ в XIII в. прилагался не просто к медно-бронзовым монетам, а к государственным фальсификатам, которые в момент выпуска имели вид серебряных монет и должны были обращаться как серебряные. Иначе говоря, термин „дирхем“ в чекане Мухаммада Хорезмшаха был собирательным названием для группы именно посеребренных монет и собственным наименованием основного, внешне тоже „серебряного“ номинала.

Между прочим, в литературе упоминаются не только медные и золотые, но и настоящие серебряные монеты Мухаммада иби Текеша.¹ Редкость таких упоминаний могла намекать на случайную ошибку в определении металла, а после установления факта серебрения медных монет Мухаммада можно было видеть в этих экземплярах просто хорошо сохранившие свою серебряную оболочку медные монеты. Однако ознакомление в натуре с эрмитажным экземпляром, описанным А. К. Марковым, убедило в том, что металл — настоящее серебро. Следовательно, в некоторых областях Мухаммад иби Текеш делал попытки выпускать настоящую серебряную монету, подмешивая ее для поднятия денежного обращения к своим медным фальсификатам под серебро. Но небольшие размеры такого подмешивания, практически не улучшая денежного обращения, должны были приводить только к быстрому исчезновению серебряных монет, ибо по законам экономики при одновременном обращении плохих и хороших монет первые всегда вытесняют вторые.

Дальнейшая эволюция термина „дирхем“ привела к тому, что на джагатайдских монетах XIII в. он стал употребляться уже во множественном числе,² так что сохранил за собой, видимо, уже только одно собирательное значение, перестав быть одновременно наименованием основного номинала.

Год чекана всех монет клада 617/1220 г. может свидетельствовать, что перед нами именно клад, упрятанный в период, близкий ко времени после монгольского завоевания или даже связанный с этим завоеванием, тяжело сказавшимся на самом Термезе. Укрепления города несомненно были разрушены, после чего древний город в приамударинской части быстро пошел к упадку и вскоре зародыш нового города наметился к востоку от него.³

¹ E. Thomas. On the coins of the kings of Gazni. JRAS, vol. IX, 1848, стр. 381—383.—St. Lane-Poole. Catalogue of the Mohammedan coins preserved in the Bodleian Library at Oxford. Oxford, 1888, стр. 21, № 401.—А. К. Марков, ук. соч., стр. 299, № 31.

² Е. А. Давидович. Клад медных джагатайдских монет XIII в. Доклады АН УзССР, 1949, № 6, стр. 37—38. Факт серебрения более поздних джагатайдских медных монет третьей четверти XIII в. уже отметила Э. А. Альхамова в статье „Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х.“ (Труды САГУ, Новая серия, вып. XI, Гуманитарные науки, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 69 и сл.).

³ М. Е. Массон. Городища старого Термеза..., стр. 101.

В литературе отмечены довольно многочисленные клады золотых монет Мухаммада Хорезмшаха или клады с его монетами.¹ Останавливаясь на этом факте, М. Е. Массон объяснял его именно тревожностью и неуверенностью положения, связанными с монгольским завоеванием. Несомненно, образование термезского клада относится к явлениям того же порядка, т. е. вызвано не какими-либо экономическими причинами, а в данном случае политической ситуацией.

II

В надписях разбираемых монет термезского клада обращает внимание отсутствие имени халифа Насира, которое пропускалось не только на золотых монетах Мухаммада, но часто и на медных. Этот факт очень интересен в свете известий письменных источников о чрезвычайно напряженных и даже враждебных отношениях между султаном и халифом.

После окончательного присоединения владений Гуридов и подчинения Персии у Мухаммада среди светских государей уже не было серьезных соперников. Однако он потерпел первую крупную неудачу, когда потребовал от халифа, чтобы тот ввел хутбу на его имя, т. е. отказался в его пользу от светской власти так же, как это уже имело место при Буидах и Сельджуках. Получив отказ, Мухаммад объявил халифа недостойным этого сана под предлогом, что в Газне были обнаружены документы, свидетельствующие о попытках халифа натравить Гуридов на Мухаммада. Получив соответствующую фетву от „ймамов своих владений“, Мухаммад объявил халифа Насира низложенным, отменил упоминание его имени в хутбе и на монетах и провозгласил халифом Сейида Алла ал-Мулька Тирмизи. Таким образом, походу на Багдад был придан характер законности, но посланный зимой 1217 г. отряд был застигнут снежными бурями, понес к тому же значительные потери, так что лишь небольшая часть вернулась к Мухаммаду.

Свидетельства источников о дальнейших действиях и замыслах султана расходятся. По одним источникам, Мухаммад не забыл о своей мести и, прибыв в феврале 1218 г. в Нишапур, объявил халифа умершим и велел исключить его имя из хутбы, что было сделано также в других городах (в Мерве, Балхе, Бухаре и Сераксе), но на Хорезм, Самарканд и Херат это не распространялось. Другие же источники свидетельствуют, что после неудачного похода на Багдад Мухаммад искал примирения с халифом. В. В. Бартольд последнее считает очень вероятным как уступку общественному мнению и допускает исключение имени халифа из хутбы до похода

¹ М. Е. Массон. Монетные находки в Средней Азии с 1917 по 1927 г. Изв. Средазкомстарика, вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 289.—Он же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг. Научная мысль, вып. 1, № 1, Самарканд—Ташкент, 1930, стр. 87.

на Багдад. Имя же 'Алā ал-Мулька Тирмизи на монетах не встречается и о дальнейшей его судьбе ничего не известно.¹

Данные нумизматики показывают, что в некоторых городах имя халифа Насира действительно не было исключено из хутбы, коль скоро оно до конца фигурирует на монетах. В этом отношении показателен чекан Самарканда, где имя халифа на крупных медно-бронзовых кружках простояло все время и до и после похода на Багдад, вплоть до 616/1219—1220 г.² Вместе с тем в чеканке других городов имя халифа отсутствует. Примером в первую очередь могут служить крупные (диаметром в 27—28 мм) медно-бронзовые монеты Бухары, в частности две, опубликованные Х. М. Френом,³ выпуска 611 или 612/1214—1216 гг. (дата полностью не сохранилась), а также неопубликованные монеты Бухары 612/1215—1216 г., хранящиеся на Кафедре археологии Средней Азии САГУ и в Республиканском музее культуры узбекского народа в Самарканде (инвентарных номеров не имеют). Эти монеты свидетельствуют, что еще до похода на Багдад в некоторых городах действительно имя халифа было исключено из чекана и, конечно, из хутбы, хотя далеко, может быть, не во многих.⁴

Однако после неудачного похода на Багдад, если и делались попытки примирения с халифом, это не было прочным намерением, о чем наглядно свидетельствует чекан, ибо и после похода на Багдад имя халифа попрежнему исключалось из упоминаний на монетах и соответственно в хутбе. За это говорят разбираемые монеты клада, поскольку даже в последний

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 400—403. — Ои же. Халиф и султан. Мир ислама, т. I, № 2—3, 1912, стр. 345—346.

² А. К. Марков для самарканских монет 610—616/1213—1220 гг. надписи Мухаммада ибн Текеша не привел (ук. соч., стр. 299—300, № 32—42), однако ознакомление с этими монетами в натуре убедило, что на них имеется имя халифа Насира. Содержится оно и в надписях всех прочих, довольно многочисленных опубликованных и неопубликованных монет Самарканда с именем Мухаммада б. Текеша. См., например, независимые монеты чекана Самарканда 616 г. х., хранящиеся на кафедре археологии Средней Азии САГУ и в Самарканде, в Республиканском музее культуры узбекского народа. Публикации см.: Ch. M. Fraen. Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae, inter prima academiae imp. saecularia edita. Petropoli, MDCCCXXVI, стр. 146. № 10.—Ои же. Nova supplementa ad Recensionem numorum Muhammedanorum. Petropoli, MDCCCLV, стр. 58—59, № 9-ab, 11-ab.—W. Tiesenhausen. Mélanges de Numismatique St. Lane-Poole. Catalogue of Oriental coins in the British Museum, vol. II. London, 1876, стр. 182—183, № 590—592.—B. Dorn. Inventaire des monnaies des khalifés orientaux et de plusieurs autres dynasties. SPb., 1881, стр. 168 и сл.; и другие.

³ Х. М. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных Мухаммеданских династий в прибавлении. Перевод М. Волкова, СПб., 1832, стр. 58, № 437 и табл. XV.—Ch. M. Fraen. Recensio numorum..., стр. 146, № 11.

⁴ Ср., например, аналогичного типа мервские монеты 614/1217—1218 г., сохранившие еще имя халифа Насира (В. Г. Тизенгаузен. Новые нумизматические приобретения Н. П. Линевича. ЭВО, т. IX, стр. 231, № 13.—Ои же. Новое собрание восточных монет А. В. Комарова. ЭВО, т. III, стр. 65—66, № 27), хотя в данном случае круговые легенды стерты.

год правления Мухаммада — 617/1220 г.— в Термезе на монетах простояло только его собственное имя.

В этой связи нельзя не упомянуть группу мелких медных монет Мухаммада (диаметром 16—20 мм), хотя без полных выпускных сведений, что с рассматриваемой точки зрения делает их менее интересными. Любопытно, однако, что большинство из них не содержит в своей легенде имени халифа Насира. Это нельзя объяснить мелкими размерами монетного кружка, так как на некоторых типах этой группы имя халифа все же наличествует. Наблюдение за титулатурой Мухаммада на части этих монет и за их оформлением (подгруппа мелких монет без изображений словов или всадников) позволяет предположить, что здесь имело место преднамеренное исключение из легенды имени халифа в тех самых городах (к сожалению, в надписи не указанных), в которых сначала оно на монетах простояло. Не давая ничего для уточнения времени этого акта, мелкие монетки все же увеличивают число городов, в которых имя халифа было изъято по приказу Мухаммада Хорезмшаха из упоминаний в чекане и хутбе, и тем самым придают новый оттенок этому мероприятию султана.

Остается рассмотреть еще один вопрос — причины и характер самого выпуска этой группы монет. Кажется, что этот выпуск не был продиктован потребностями рынка в новой и дополнительной массе монетного материала, так как в этом случае монеты были бы чеканены или непосредственно из металла, или из таких старых монетных кружков, которые были бы признаны негодными из-за слишком значительной потери своего первоначального веса, т. е. при условии полной переплавки их на металл. В данном же случае имело место простое перечеканивание старых монетных кружков без всякого изменения их первоначального веса, т. е. замена одних монет другими.

Не был продиктован этот выпуск также простой необходимостью изъять из обращения экземпляры, потерявшие свою серебряную оболочку, с целью замены их „доброкачественными“. В этом случае достаточно было серебрить вторично те же самые монеты, не меняя их типа и не производя сплошной перечеканки на базе новых типов. Можно, правда, допустить, что большое количество потерявших свою серебряную оболочку монет могло повести к падению их курса и потребовать каких-то мероприятий. Но это допущение, сопоставленное с фактом полного изменения типов монет, лишь подчеркивает, что выпуск 617/1220 г. преследовал не в последнюю очередь интересы фиска. Потертость старых монет в этом случае была использована как предлог для полного запрещения дальнейшего их обращения с предложением обменивать на новый тип, конечно, по более низкому курсу. Без такого изменения типов и запрета старых монет операция обмена могла оказаться весьма мало успешной, т. е. мало доходной. Экземпляры хорошей сохранности продолжали бы законно обращаться на рынке, монеты же более потерянные могли получить на рынке нелегально заниженный курс, что для каждого владельца денег было бы все же выгоднее, чем нести их на монетный двор для обмена по еще более низкому курсу. Объем обмена оказался бы

весьма незначительным, а казна от простого серебрения какой-то части старых монет получила бы очень малый доход. Фискальные цели при этих условиях могли быть удовлетворены лишь одним способом: выпуском дополнительного количества монет старого типа. В силу, несомненно, очень большой разницы между их реальной (медь) и номинальной (серебро) стоимостью это было бы на первый взгляд самым простым, эффективным и быстрым способом извлечь доход из монетной регалии. Однако это средство имело одну очень неприятную сторону.

В силу огромной разницы реального и номинального содержания медно-бронзовых посеребренных монет, последние являлись по существу уже знаками стоимости, наряду с которыми обращались настоящие деньги в виде золотой монеты. Карл Маркс писал: "Опыт показывает, что уровень металлического обращения или масса обращающегося золота или серебра в данной стране, хотя и подвержена временными, иногда очень сильными отливам и приливам, но в общем на протяжении более длительных периодов остается постоянным, и отклонения от среднего уровня представляют лишь слабые колебания".¹

На рассматриваемом отрезке времени это общее количество необходимых средств обращения складывалось из золотых монет и медно-бронзовых посеребренных знаков стоимости, с особыми, несомненно, сферами обращения для тех и других. Поскольку медно-бронзовые посеребренные дирхемы являлись по существу заместителями в обращении некоторого количества золотых денег — они, не будучи мерой стоимости, прекрасно, однако, могли выполнять функцию средства обращения до тех пор, пока их общее число не превышало значительно необходимого для их сферы обращения среднего количества монет. В этих условиях дирхемы при всей принудительности их курса нормально обращались по своей номинальной стоимости, т. е. как настоящие серебряные монеты. Но как только этих дирхемов на рынке оказывалось больше, чем требовалось их сферой обращения, — их покупная способность и соответственно курс относительно золота начинали падать в силу специфических законов обращения знаков стоимости. К. Маркс, рассматривая обращение бумажных денег — этой законченной формы знака стоимости, — неоднократно подчеркивал, что стоимость бумажных денег зависит от их количества, находящегося в обращении. "В обращении знаков стоимости, — писал К. Маркс, — все законы действительного денежного обращения выступают перевернутыми и поставленными на голову. В то время как золото обращается потому, что имеет стоимость, бумажные деньги имеют стоимость потому, что они обращаются. В то время как при данной меновой стоимости товаров количество находящегося в обращении золота зависит от его собственной стоимости, стоимость бумажных денег зависит от количества их, находящегося в обращении".² Сколько бы произвольно ни

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 99—100.

² К. Маркс, ук. соч., стр. 117.

увеличивался количественный выпуск таких знаков стоимости — они продолжали замещать все то же самое необходимое количество валютного металла, так что единственным результатом такого перенасыщения получался отрыв наименования монеты от ее реальной покупной способности и изменение масштаба цен.

Таким образом, простое значительное увеличение, из фискальных соображений, количества дирхемов должно было привести только к расстройству денежного обращения, что и составляло неприятную сторону столь, казалось бы, простого и удобного способа извлекать доходы из чекана монет. Поэтому всякому выпуску значительных новых групп монет должно было сопутствовать изъятие примерно такого же количества старых. Поэтому же приказ об обмене старых монет на новые должен был сопровождаться запретом дальнейшего обращения старых монет. Практически это было осуществимо только при условии изменения типов, т. е. при условии возможности контролировать и обмен на монетном дворе и легальное обращение на рынке. Если при этом для обмениваемых старых монет назначался слишком низкий курс и население частично прятало в клады запрещенные монеты — основная цель все же была достигнута: изъятие из обращения (любым способом) старых монет освобождало место новым.

Только при условии таких периодических перечеканов с изменением типов монет государство могло одновременно извлекать из каждого такого чекана или перечекана определенный доход, не нарушая при этом основного условия обращения медных посеребренных дирхемов — знаков стоимости и даже вновь придавая им свежий вид "серебряных" монет.

Многие специфические явления денежного чекана и обращения XIII в. (например, "угрожающие надписи" на медных посеребренных монетах) получат объяснение в забвении и нарушении этих основных условий со стороны государства, в столь же специфичном, произвольном перенасыщении рынка "знаками стоимости" со всеми сопутствующими последствиями, уничтожить которые одними "угрозами" на самих монетных кружках или подмешиванием некоторого количества настоящих серебряных монет государство уже было не в состоянии. В этом смысле слова К. Маркса о бумажных деньгах вполне приложимы и к металлической группе знаков стоимости: "Государство может бросить в обращение любое количество бумажных билетов с любыми монетными названиями, но с этим механическим актом его контролю приходит конец. Захваченные обращением знаки стоимости, или бумажные деньги подпадают под власть его имманентных законов".¹

¹ К. Маркс, ук. соч., стр. 115.

ЭДИ КНОП-БЕКОВА: «Всеми видами изящных искусств, архитектурой, скульптурой, живописью, зодчеством, ремеслами и промышленностью, а также и в области науки и техники, востокской культуры отличается необыкновенная широта и глубина, а также и высокий уровень ее развития. Востокская культура имеет свою специфическую историю и традиции, которые отличают ее от других культур мира. Востокская культура имеет свою специфическую историю и традиции, которые отличают ее от других культур мира. Востокская культура имеет свою специфическую историю и традиции, которые отличают ее от других культур мира. Востокская культура имеет свою специфическую историю и традиции, которые отличают ее от других культур мира.

Л. М. МЕЛИКСЕТ-БЕКОВ

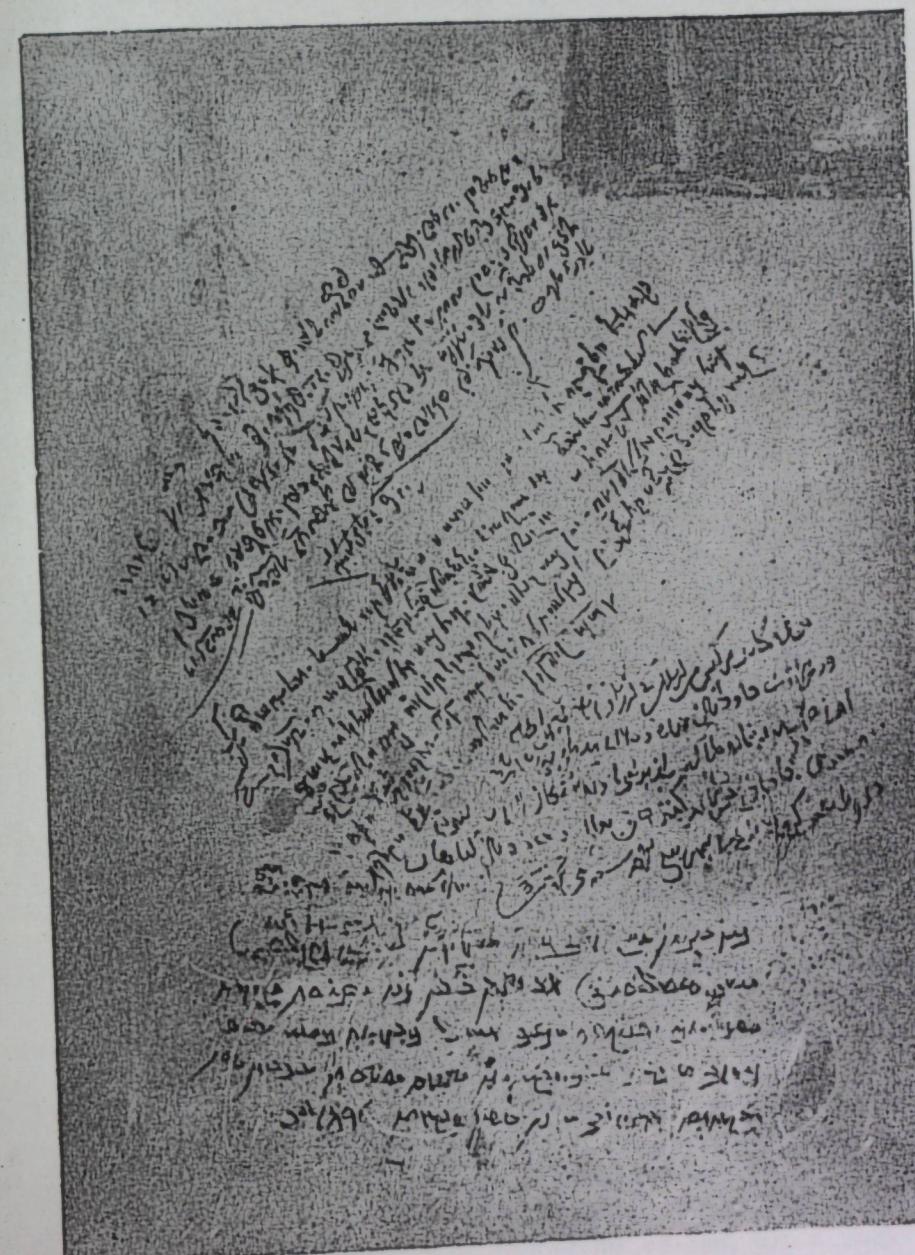
ГАРЕСДЖИЙСКАЯ ТЕТРАЛИНГВА ЭПОХИ МОНГОЛОВ 1352 г.

В октябре 1921 г. в районе так называемого "Гаресджийского многогорья" (Гаресджис мравал-мт'a) работала экспедиция, организованная Главным управлением охраны памятников искусства и старины Грузии под руководством Г. Н. Чубинашвили. В пещерно-монастырских комплексах, в 30 км от станции Карай (Карайзы) Закавказской железной дороги, на самой восточной границе Грузинской ССР, смежной с Азербайджанской ССР, экспедицией были обнаружены многочисленные граффити. В составе их имеются: в большом количестве грузинские, а также до 20 армянских, 8 греческих и 21 восточная (арабским письмом), наконец, уникальная в своем роде тетраграфия, т. е. четырехъязычная надпись — на грузинском, армянском, персидском и уйгурском языках, датированная 1352 годом н. э.¹

Повторное посещение того же района пещерных монастырей в составе другой экспедиции, руководимой также Г. Н. Чубинашвили, осенью 1929 г.² дало нам возможность уточнить на месте чтение и дешифровку армянских и четырехъязычной надписей, кальки с которых были вывезены в 1921 г. Однако на этот раз мы, кроме того, получили возможность запастись фотоснимком с трудно разбираемой тетраграфии.

В результате обеих поездок свод всех армянских и некоторых освещающих их грузинских граффити, равно и четырехъязычную надпись, мы опубликовали в работе на грузинском языке под заглавием "Армянская эпиграфика и грузинско-армянско-персидско-уйгурская многоязычная надпись в Мравал-мт'a Гаресджи".³

Четырехъязычная надпись с воспроизведением текстов грузинского, армянского и персидского в армянской транслитерации и уйгурского

Гаресджийская тетраграфия эпохи монголов 1352 г. Фот. 1930 г.

¹ Подробно об экспедиции см.: Г. Н. Чубинашвили. Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Очерк по истории искусства Грузии. Изд. Акад. наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1948, стр. IX—X, 7—20.

² Там же, стр. IX—X.

³ Изв. Инст. языка, истории и истории матер. культуры, т. V—VI, посвященный 40-летию научной деятельности акад. И. А. Джавахишвили, Тбилиси, 1940, стр. 153—175.

в латинской транскрипции была использована нами в специальной статье на армянском языке под заглавием „Об уникальной четырехъязычной надписи Саргиса сына Арслана от XIV века“.¹

К сожалению, однако, обе означенные публикации — одна на грузинском, другая на армянском языке — оказались недоступными для лиц, не владеющих грузинским и армянским языками, поскольку они не были снабжены резюме на русском языке. Это обстоятельство вынуждает нас вновь вернуться к обнаруженной в 1921 г. тетралинге в настоящей статье, рассчитанной на более широкий круг читателей.

Тетралинга отличается мемориальным характером и имеет сходство в содержании всех четырех частей, т. е. грузинской, армянской, персидской и уйгурской, с некоторыми отклонениями; она начертана желтоватой краской по белому фону штукатурки с росписью XIII в. на северной стене трапезной пещерного комплекса „Удабно“, примыкающего с запада к лавре св. Давида Гаресджийского (см. рисунок). Датировка росписи XIII веком в данном случае основывается на факте произошедшей в этом веке реставрации, в результате которой все надписи до XIII в. безвозвратно погибли, почему XIII век признается исходным для датировки всех росписей и граффити по штукатурке данного комплекса.

Первая надпись — грузинская — в 6 строк, начертана наискось, с ориентацией к верху, к росписи; вторая — армянская — тоже в 6 строк, идет параллельно с первой, также наискось; третья — персидская — в 5 строк, как будто несколько выпрямлена и имеет более или менее горизонтальное положение; наконец, четвертая — уйгурская — в 5 строк, отличается вполне горизонтальным начертанием.

Автор надписи или его заказчик — некий Саргис, сын Аслана (Арслана или Араслана), который с женой и сыном Амир-Саидом пришли на поклонение к могиле св. Давида (Гаресджийского) в мае 1352 г., следовательно в период монгольского владычества в Грузии (в Армении). Поэтому, прежде чем перейти к чтению и интерпретации надписей, небесполезно хотя бы вкратце коснуться положения Восточной Грузии (где находится „Гаресджийское многогорье“) в середине XIV в.

По этому вопросу мы имеем единственное упоминание, основанное на соответствующих первоисточниках, в трудах покойного академика И. А. Джавахишвили: „После Георгия Блистательного [1314—1346 гг.] на престол [Грузии] вступил [1346 г.] его сын Давид IX [|| VII ?]. О его царствовании до нас дошло мало известий. Известно только, что в 1346—1348 гг. в Грузии свирепствовала моровая язва, унесшая много жертв. В стране опять пошли раздоры. В те же годы монголы, засевшие в Иране, вторглись в армянские области Грузии, разрушили город Бджни [а не Бджин, как

¹ Изв. Акад. наук Армянской ССР по Отделению общественных наук, Ереван, 1946, № 7, стр. 31—38.

напечатано] и перебили население. В 1360 г. Давид IX [VII] умер, и ему наследовал сын Баграт V, прозванный впоследствии Великим¹.

Переходим к чтению надписей.

I. Грузинская надпись

Текст

- [1] †. მე მიწა მცირე სარგის ძე არასლანისა ამოველით წმინდა
- [2] ლავოთისა საფლავია მე და ჩემთა მეუღლებან და ჩემთა უკომიშნ
- [3] ამირ სალე ლოვად ჩემნა და ჩემთა გარდასულთა და ცოდვათ უენ
- [4] ლობისთხ და ვინცა წაიკითხოს ეს და უენდა თქვას მას და მისთა გარ
- [5] ლასულთა უენდს და მინდა და წმინდა ლავო ლაიტერა თვეს მას
- [6] ქრის უ

Расшифровка

- [1] †. მე, მიწა, მცირე, სარგის, ძე არასლანისა, ამოველით, წმინდა
- [2] ლავოთისა საფლავია, მე და ჩემთა მეუღლე მან და ჩემთა უკომიშნ
- [3] ამირ — სალე, ლოვად ჩემნა და ჩემთა გარდასულთა და ცოდვათ უენ
- [4] ლობისთხინ, და ვინცა წაიკითხოს ეს და უენდა თქვას, მას და მისთა გარ
- [5] ლასულთა უენდევე ლმერომან და წმინდა ლავო. ლაიტერა თვეს მას[6]
- [6] ქორმნკომნა

Перевод

†. Я, рак [божий] и недостойный Саргис, сын Аслана, пришел к могиле святого Давида на моление за жену (буквально „дом мой“) и сына моего Амир-Саид, за спасение от грехов нас и усопших наших. Кто сие прочтет, да прикажет прощения [нам] грехов, дабы [и] бог приказал считать вас достойными прощения ваших грехов. Писано в мае 801 [=1352].

II. Армянская надпись

Текст

- [1] †. ծառէս և անարժանս սարդիս ասլանի որդիս էկաք
- [2] ի ուր գաւթի գերեմանն ի աղաւթս վասն իմ և
- [3] զավակ իմ ամիր սայիդ վասն ցմեղաց փրկութեան մեզ և ննջեց

¹ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашия. История Грузии, ч. I. 2-е изд., Тбилиси, 1950, стр. 292.—То же, на груз. яз., З-е изд., Тбилиси, 1948, стр. 277.—Ср. макет на груз. яз., Тбилиси, 1940, стр. 241—242 (И. Джавахишвили. История Грузии [XI—XV вв.]. Краткий очерк, на груз. яз., Тбилиси, 1949, стр. 204).—И. Джавахишвили. История грузинского народа, кн. III, [XIII—XIV вв.], Тбилиси, 1941, на груз. яз., стр. 178—179.

- [4] էլոց մերոց ով որ կարդէս մեղաց թողութիւն հարամայէք

- [5] որ աշտ թողութիւն արժանի հրամայէ զձեր մէշքն գրէցավ

- [6] զիրս ի մայիս ամիսն ի թշ պշա

Расшифровка

- [1] †. ծառէս¹ և անարժանս Սարդիս, Ասլանի որդիս, էկաք²
- [2] ի սուրբ և գաւթի³ գերեմանն⁴ ի աղաւթս,⁵ վասն վասն (так!) իմ⁶ և
- [3] զավակ⁷ իմ Ամիր Սայիդ վասն ցմեղաց (так!)⁸ փրկութեան մեզ և ննջեց
- [4] էլոց⁹ մերոց, Ով որ կարդէս,¹⁰ մեղաց թողութիւն հարամայէք¹¹
- [5] որ աստուած թողութիւն արժանի հրամայէ հզյեր (так!)¹² մէշքն գրէցավ¹³
- [6] զիրս ի մայիս ամիսն¹⁴ ի թշ պշ

Перевод

†. Я, раб [божий] и недостойный Саргис, сын Аслана, пришел к могиле святого Давида на моление за жену (буквально „дом мой“) и сына моего Амир-Саид, за спасение от грехов нас и усопших наших. Кто сие прочтет, да прикажет прощения [нам] грехов, дабы [и] бог приказал считать вас достойными прощения ваших грехов. Писано в мае 801 [=1352].

III. Персидская надпись¹

Текст

- [1] بندۀ کاتب سرکیس بن ارسلان... مسیحی[?] به نیت اخلاص
- [2] وزیارت داود پاک بندۀ محلل بندۀ و... بندۀ
- [3] امیر سعید و بنماز و طاعت از برای ما و گذشتگان...
- [4] و عفو باغی و گناهان و نافرمانی درگفتن حق تعالی و داود پاک گناهان
- [5] و باغی را غفوگرداند... فی شهار ربيع آلاخر سنہ ثالثہ و خمسین [و] سبع ماھ

Расшифровка (в русской транскрипции)

- [1] Бенде-и катиб Саркис бен Арслан... месихий [?] бе ниист-и ихләс
- [2] ве зийәрет-и Дәвүд-и пәк бенде ве халәл бенде ве... бенде
- [3] Амیر Сейд ве берамәз ве тә'ат аз берәй-и мә ве гузештегән...
- [4] ве 'афү-и багі ве гунәхән ве нәфермәй дер гүфтен ҳаққ тә'ала ве Дәвүд-и пәк гунәхән
- [5] ве багірә 'афү гердәнад... фи шахри раби'и-л-әхир сене телате ве ҳамсий [ве] саб миа'.

Должно быть: ¹ ծառիս; ² էկաք; ³ գաւթի; ⁴ գերեմանն; ⁵ աղաւթս; ⁶ վասն ամիսն (употреблено в смысле груз. „сахлоба“ ‘дом’, ‘жена’); ⁷ զավակ; ⁸ վասն ցմեղաց; ⁹ էլոց; ¹⁰ կարդէս; ¹¹ հրամայէք; ¹² մեղաց; ¹³ գրէցավ; ¹⁴ ամիսն.

¹ Согласно дешифровке Ю. И. Абуладзе и В. Путурладзе.

Перевод

- [1] Пишуший [сие] раб [божий] христианин [?] Саркис сын Арслана...
в намерении очищения [своего]
[2] и посещения праведного Давуда раб [божий]... и... раб [божий]
[3] Амир Сейд пришли для молитвы и поклонения...
[4] и для прощения излишества и грехов и непокорности в говорении
истины всевышнего и праведного Давуда грехи
[5] и излишеств прощения... (?). В месяце раби' II 753 [=1352] года.

IV. Уйгурская надпись¹

Текст

- [1] Män jaman qul Särgis Arsalan oýly...
[2] ary Daudnum... ynda män (?) imipum alalum
[3] imipum (?) oýlum Amir Said... üc ün
[4] ...tänri (?)... gylsun äkin oqysun ...tun
[5] ...tun gylsun...

Перевод

'Я, грешный раб Саргис, сын Арсалана, ...в...святого Давида, за сына
моего Амир-Саида ...бог... да сделает, каждый пусть читает ... пусть
сделает'.

Дата надписи по грузинскому летосчислению 40=1352 (40+1312),
по армянскому — 801=1352(801+551) и согласно годам хиджры — 753/1352 г.;
в уйгурском тексте дата дефектна.

Кроме того, в грузинском и армянском текстах упомянуты "месяц май".
Это значит, что надпись начертана в дни храмового праздника св. Давида
Гаресджийского, одного из так называемых "сибирских" отцов. Праздник
справляли по традиции на 47-й день после пасхи или через неделю после
вознесения, обязательно в четверг. Исходя же из того, что в 1352 г. пасха
праздновалась 8 апреля, не трудно вычислить и день праздника Давида
Гаресджийского — 22 мая.

Следовательно, посещение Саргисом, сыном Арслана (Арслана или Ара-
джийского и смежной с ним пустыни "Удабно") имело место около 22 мая
1352 г.

Надо также отметить, что приведенная выше тетраграфия не единствен-
ное граффити в трапезной пещерного комплекса "Удабно". Именно эта
трапезная наиболее испещрена разноязычными надписями; кроме тетраграфии,

¹ В латинской транскрипции согласно дешифровке С. Е. Малова.

в ней 8 граффити на армянском языке, из коих два от 1351 г. и два от
1352 г., а другие не датированы, но приблизительно того же времени,
и только одно от 1746 г.¹ Это значит, что наибольшее число посещений
армянами-богомольцами обители св. Давида Гаресджийского падает на
1351—1352 гг.

Определенное значение в наших глазах приобретает одна из армянских
надписей в 12 строк в той же трапезной, где упоминаются некие "Саргис,
Шалва и раб божий Иоанн", пришедшие на поклонение "к могиле непобе-
димого философа". Это указание на "могилу непобедимого философа" пред-
ставляется нам пережитком культа одного из армянских философов VI в.,
известных под эпитетом "непобедимый". Таковой, согласно преданию,
зафиксированному армянским же философом XV в. Аракелом Сюнийским,
после преследования на идеологической почве в Армении и изгнания оттуда
восторжествовавшими противниками, нашел приют в соседней Грузии, где
и провел остаток своих дней. В связи с несомненной причастностью Давида
Гаресджийского к монофизитству и к армянскому культурно-конфессиональ-
ному миру (он — единственный из так называемых "сибирских" отцов, гово-
рящий по-армянски), мы склонны отожествлять обоих Давидов, другими
словами, мы признали их за одно лицо, которое на первом этапе своей
деятельности, предположительно в 520—545 гг., подвизалось в Армении
как философ Давид Непобедимый, а на втором этапе, предположительно
в 545—582 гг., — в Грузии как аскет Давид Гаресджийский.²

Как бы то ни было, открытая в пределах Грузии уникальная тетраграфия
имеет большое научное значение как редчайший образец четырехязычной
надписи, а в части уйгурской — как первый пример уйгурской надписи
в Грузии.

К сожалению, трудно установить личность упомянутых в надписи Саргиса,
сына Арслана (Арслана или Араслана), его супруги, имя которой не упоми-
нается, и сына их — Амир-Саида. Однако несомненно, что они — христиане,
пришедшие на поклонение христианскому (грузинскому) святому: иначе
персидский текст не подчеркивал бы, что Саргис (Саркис) — христианин
(месий).

В частности, про Саргиса можно сказать, что он — представитель знати.
Иначе трудно объяснить факт начертания надписи одновременно и парал-
лельно на четырех языках, из которых грузинский — язык страны по месту
нахождения "святыни", т. е. объекта паломничества во 2-й половине мая
(около 22 мая 1352 г.); армянский — родной язык пилигримов; персидский —

¹ Л. М. Меликет-Бек. Армянская эпиграфика, стр. 165—168, 173.—Он же.
Об уникальной четырехязычной надписи, стр. 37.

² Л. Меликет-Бек. К вопросу о пребывании Давида Непобедимого в Грузии.
Литературные разыскания, кн. 1, Ереван, 1946, на арм. яз., стр. 243—267.—Более
подробно см. в монографии "Давид Непобедимый и Давид Гаресджийский" (подготовлена
к печати автором).

язык тогдашней знати и литературных кругов, и, наконец, уйгурский — государственный язык монголов.

Что гареджийская тетралингва является в некотором роде отражением многоязычия высших слоев коренного грузинского и армянского населения, это видно, между прочим, и по свидетельству армянского историка XIII в. Стефана Сюнийского.¹ Стефан Сюнийский, характеризуя Буртела (Биртвела) Орбеляна, деятеля XIII в., как человека высокоталантливого, разумного, необычайно умного, разносторонне образованного, велеречивого, красноречивого, сведущего в языках и неодолимого в суде, отмечает, что он, Буртел, говорил на пяти языках: армянском, грузинском, уйгурском, персидском и даже монгольском.²

Полиглотами были и армянские поэты — лирики и ашуги (народные певцы): Григорис Ахтамарский, Саят-Нова и многие другие, творившие на трех, четырех и даже на пяти языках.

Но это — уже позднее средневековые.

1953 · Э П И Г Р А Ф И КА ВОСТОКА · VIII

Весной 1953 года в журнале «История и древности» № 1 выходит статья М. А. Добрынина «Стихотворные легенды на монетах Сефевидов». В статье рассказывается о том, что монеты Сефевидов содержат стихотворные легенды, которые интересны с исторической, а также с филологической точкой зрения. Автором статьи является М. А. Добрынин.

СТИХОТВОРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ НА МОНЕТАХ СЕФЕВИДОВ

Характерной особенностью большой группы сефевидских монет являются стихотворные легенды, представляющие интерес как с нумизматической, так и с филологической точки зрения.

Появление на сефевидских монетах стихотворных легенд стоит в тесной связи с теми историческими изменениями, которые произошли в Иране в начале XVI в. После распада империи Тимура на территории Ирана образовался ряд феодальных владений. На востоке находилось государство Тимуридов, в состав которого входили Хорасан и область Херата. На западе правила туркменская династия Ақ-Куюнлу, включившая в состав своих владений западную часть Ирана, Ирак, Курдистан, Азербайджан, Армению и область Дийар Бекр. Кроме двух названных государств, на территории Ирана существовали и более мелкие в Мазандаране, Гиляне и Сенстане, управлявшиеся самостоятельными ханами. Тимуриды и Ақ-Куюнлу ослаблялись внутренними междоусобицами, а также борьбой, которую они вели между собой. Указанные обстоятельства были использованы потомками ардебильского шейха Сефи, возросшее могущество которых уже во второй половине XV в. позволило начать борьбу за объединение Ирана. Сефевиды нашли поддержку у мелких и средних феодалов и купечества, заинтересованных в централизации государства, а ненависть населения к туркменам была ими использована для привлечения к этой борьбе народных масс. В 1501—1502 г. Исмаил Сефевид разбил войска Альвенд Ақ-Куюнлу, овладел Азербайджаном, занял Тебриз и объявил себя шахом. Пользовавшийся широкой популярностью среди населения шиизм был объявлен государственной религией, которая стала орудием национальной политики против турок-суннитов.

После длительного периода раздробленности Иран был объединен под властью династии Сефевидов как единое централизованное государство, которого со временем падения Сасанидов и начала арабского завоевания на территории Ирана не существовало. Государство Сефевидов не было национальным, а являлось конгломератом народов и племен, которые все время вели борьбу за свое освобождение, ослабляли Иран, что явились одной из причин его упадка в XVIII в. При Исмаиле I господствующими в Иране

¹ История Стефана Орбеляна, Тбилиси, 1911, на арм. яз., стр. 405. — Ср.: Л. Меликет-Бек. Армянская эпиграфика, стр. 165. — Он же. История Орбелов Стефана Сюнийского. Четырехъязычная надпись, стр. 34. — Он же. История Орбелов Стефана Сюнийского. Исторический вестник, т. VI, Тбилиси, 1952, на груз. яз., стр. 70.

² Ср. аналогичное указание грузинского историка XI в. Леонтия Руисского, что во время хазарского каганата в Картли говорили на 6 языках: армянском, грузинском, хазарском, сирийском, еврейском и греческом. (Картлис-Цховреба. Список царицы Аппы. Тбилиси, 1941, на груз. яз., стр. 11. — Ср.: Л. Меликет-Бек. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I. Ереван, 1934, на арм. яз., стр. 150).

были тюркские племена и азербайджанский язык, столица находилась не в самом Иране, а в азербайджанском городе Тебризе. И только со временем 'Аббаса I иранский элемент занял господствующее положение в жизни страны, и государственным языком стал персидский.

Указанные события отразились на монетном деле. Вместо суннитского символа Сефевиды стали помещать на лицевой стороне монеты шиний, иногда в окружении имен двенадцати имамов. На оборотной стороне в центре располагалось имя правителя с присущей ему титулатурой, обозначение места и года чеканки. Кроме этих многочисленных типов монетных легенд Сефевиды создали особый вид монетной легенды — стихотворный. Использованные на монетах стихи прославляли шаха, халифа 'Али и являлись дополнительным средством пропаганды шиизма.

В нумизматической литературе описания сефевидских монет, имеющих стихотворные легенды, появились уже в XIX в. В 1826 г. академик Х. Д. Френ, описывая и классифицируя монеты Сефевидов, заметил на некоторых из них стихотворные легенды и дал их перевод.¹ Все имеющиеся данные о стихотворных легендах впервые были объединены Р. С. Пулем в каталоге сефевидских монет, находящихся в собрании Британского музея, изданном им в 1887 г.² В разделе „Стихотворные легенды“ Р. С. Пуль, кроме текста легенд и их перевода, привел выдержки из некоторых сочинений персидских историков, в которых упоминаются стихи, помещенные на монетах сефевидских правителей, а иногда и объясняется причина их появления. Работа Р. С. Пуля, несмотря на ряд неточностей в чтении и переводе стихотворных монетных легенд, не утратила своего значения и до настоящего времени. Кодрингтон собрал текст всех известных в его время стихов, встречающихся как на сефевидских монетах, так и на монетах других династий, которые заимствовали у Сефевидов эту форму монетной легенды, и сделал некоторые указания к их чтению.³ В результате своих многолетних исследований в последнее время Рабино издал работу, посвященную денежному обращению Сефевидов, в которой совершенно не нашел отражения вопрос о стихотворных легендах.⁴ Рабино ограничился перечислением последних, не дав даже их перевода. Только Р. Р. Фасмер в связи с изучением некоторых вопросов сефевидской нумизматики⁵ в описании нескольких монет приводит перевод и размер находящихся на них стихов.

Стихотворные легенды не были исследованы метрически, а потому не было единого мнения о природе этих легенд. Р. С. Пуль считал, что

¹ Ch. M. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Petropoli, MDCCCXXVI, стр. 459—492.

² The Shâhs of Persia, стр. LXXVI—LXXXIII.

³ O. Codrington. A manual of musalman numismatiks. London, 1904, стр. 94—114.

⁴ H. L. Rabin. Coins, medals and seals of the Shâhs of Irân (1500—1941). Cambridge, 1945, стр. 90—95.

⁵ R. Vasmer. Zur Münzkunde der persischen Schache. Islamika, VI, 2, Leipzig, 1933.

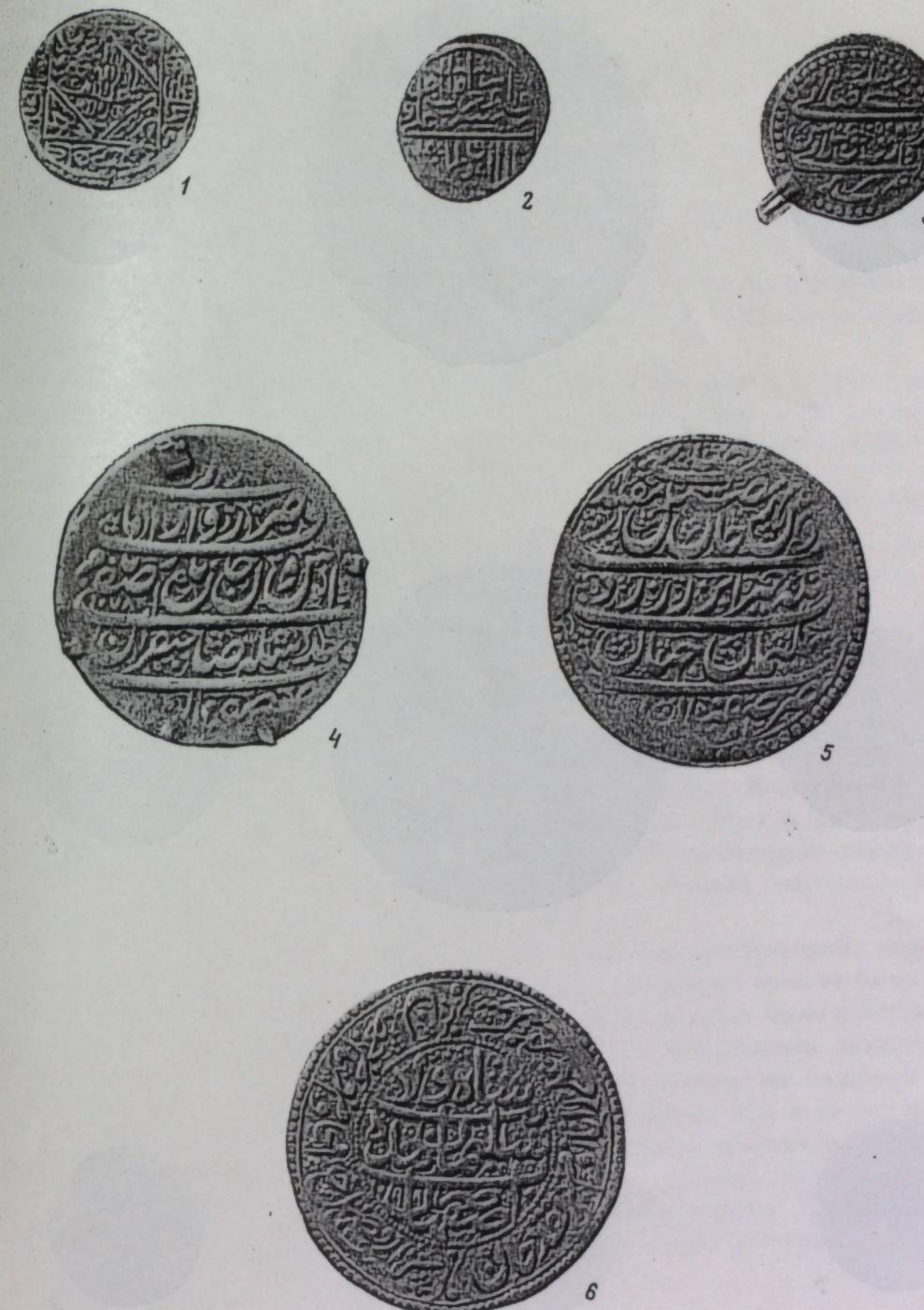

Табл. I. Серебряные монеты Сефевидов.

1 — Исма'ил I; 2 — Исма'ил III; 3 — 'Аббаса II; 4—6 — Сулеймана I.

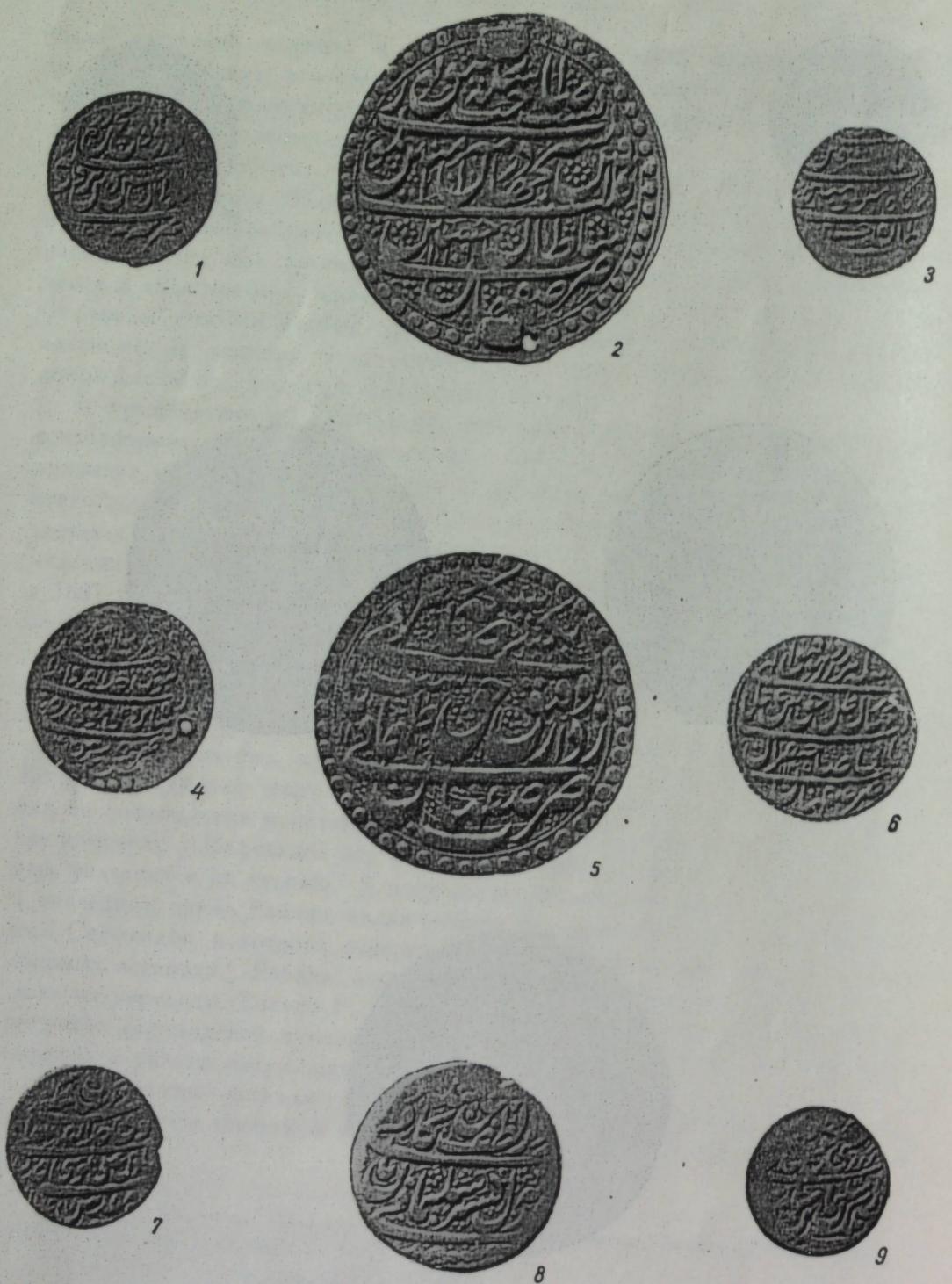

Табл. II. Серебряные монеты Сефевидов.
1—3 — Хусейна I; 4, 5 — Тахмаспа II; 6, 7 — Аббаса III; 8, 9 — Сулеймана II.

они написаны „саджем“ в подражание Корану.¹ Кодрингтон и Рабино называют их стихами.² Классификация стихотворных легенд и их общественно-политическое значение не были еще раскрыты.

Появление стихотворных легенд на сефевидских монетах — явление в истории иранской нумизматики необычное. Использование стихов в качестве надписей на бронзе, оружии, керамике и других вещах наблюдается в Иране уже в XII в., встречается на памятниках XIII, XIV, XV, XVI и XVII вв. В большинстве случаев помещались стихи, заимствованные из произведений известных поэтов Фирдоуси, Ҳафиза, Са'дий, но иногда создавалась особая поэзия, как это имеет место в керамике.

Повидимому, одним из наиболее ранних случаев появления стихотворной легенды на монетах мусульманских стран надо считать стих, встречающийся на монетах гуджератского правителя Керим Шаха (846—855/1443—1451):³

قَبْدَارُ الضَّرْبِ كَوْدُونْ قُوسٌ مَهْرٌ وَمَاهٌ بَاد سَكَّةُ سُلْطَانِ غَيَاثِ الدِّينِ مُحَمَّدٌ شَاهٌ بَاد
'До тех пор пока на монетном дворе небес существуют диски⁴ солнца и луны,
Да будет [существовать] чекан сultана Гайят ад-Дина Мухаммада Шаха'.

Размер стиха — рамаль, по схеме: ~—|—|—|—|—|—|—|. Первое полустишие занимает лицевую сторону монеты, второе — оборотную.

В собрании Государственного Эрмитажа имеется несколько экземпляров монет Керим Шаха с данной стихотворной легендой.⁵ Все они чеканились из меди, без обозначения места и года чеканки, а поэтому установить их точную датировку не представляется возможным. После Керим Шаха на монетах гуджератских правителей стихи не помещались. Факт использования стиха в качестве монетной легенды только Керим Шахом невольно обращает на себя внимание, но, насколько мне известно, причина этого явления исследователями гуджератских монет не объяснена.

Знали ли Сефевиды об использовании Керим Шахом стихотворных монетных легенд — сказать трудно. Вполне возможно, что данное явление было им не известно и введение ими стихотворных легенд на монетах было действием совершенно самостоятельным. Несомненно то, что сефевидские правители имели многократные примеры использования стиха в качестве надписей на предметах художественного ремесла как в самом Иране, так и за его пределами. Но в монетном деле Ирана Сефевиды первые применили стих как монетную легенду и создали особый тип стихов, которые употреблялись только на монетах и поэтому должны были быть кратки. Они написаны сухим языком и содержат слова, употреблявшиеся в монетном деле.

¹ The Shâhs of Persia, стр. LXXVI.

² O. Codrington, ук. соч., стр. 91.—H. Rabino, ук. соч., стр. 27.

³ The Shâhs of Persia, стр. LXXVI.

⁴ Под словом „диски“ подразумеваются металлические кружки, из которых изготавливаются монеты.

⁵ Эрм. №№ 22—26.—St. Lane Poole. The coins of the Muhammadan States in British Museum, London, 1885, стр. 134, №№ 416, 417, табл. XI.

Помещая на монетах стихотворные легенды, государство преследовало определенные политические цели: пропаганду шизизма и укрепление государственной власти.

Первым образцом стихотворной легенды на қафевидских монетах Р. С. Пуль считал стих, помещенный на монетах Исмā'īla II.¹ Однако, уже Кодрингтон и Рабино указывают, что стихотворные монетные легенды появились при Исмā'īле I, что вполне правильно.² Расхождение мнений о времени появления первой қафевидской стихотворной монетной легенды понятно. Оно оказалось результатом того, что с филологической стороны легенды исследованы не были. На серебряной монете Исмā'īла I (1502—1524), чеканенной в Тебризе в 916/1510—1511 г.,³ на оборотной стороне в четырех сегментах заключена арабская легенда (табл. I, 7). Начало легенды находится в верхнем правом сегменте. Если слова, помещенные в каждом сегменте, принять за полустишия, то получается стих, состоящий из двух байтов, в каждом из которых оба полустишия имеют одинаковую рифму.

ناد عليا مظير العجائب
كل هم وغم سينجلى
تعده عونا لك في الواب
بولايدتك يا على يا على يا على

Призови 'Алī, проявителя чудес,
Ты найдешь его себе опорой в печали.

Вся забота и горе исчезнут

С твоим покровительством, о 'Алӣ, о 'Алӣ, о 'Алӣ!'

Все четыре строки объединены одним содержанием, а наличие рифмы дает возможность предположить стихотворную природу легенды. Но при определении размера возникают трудности. Первые два полустишия, бесспорно, — стихи и написаны, повидимому, размером раджаз с некоторыми отклонениями от нормы, по схеме: ~—○|—○—|—○—. Определить размер двух других полустиший не представляется возможным. Они написаны рифмованной прозой, хотя, очевидно, были задуманы как стихи. Несмотря на то, что в целом размер стиха не получается, мы вправе говорить о данной легенде как о стихотворной и первой легенде такого рода на монетах Сефевидов. В продолжение прежней мусульманской монетной традиции стихи написаны на арабском языке, который в XVI в. стал для Ирана языком забытым и мертвым, своего рода „латынью“. Поэтому сочиненные на этом позднем арабском языке стихи искусственны и несовершены. Позднее, когда в жизни Ирана побеждает иранский элемент, арабский язык изгоняется, стихи пишутся на персидском языке и обретают форму байта, которая сохраняется в течение всего времени существования династии. Если форму стихотворная легенда приобретает лишь при Исма'иле II, то новое содержание она получает с самого момента своего возникновения. Приведенный арабский стих раскрывает шиитский смысл легенды. Помещение

¹ The Shâhs of Persia, ctp. LXXVI—LXXVIII
² O. Codrington.

² O. Codrington, ук. соч., стр. 95.—H. Rabino, ук. соч., стр. 27
³ M., стр. 709, № 2.—The Sháhs of Persia, стр. 8; № 15, табл. I.

² M., стр. 709, № 2.—The Sháhs of Persia, стр. 8; № 15, табл. I.

стиха с подобным содержанием на монетах первого сефевидского правителя было необходимо в период борьбы за объединение Ирана.

На монетах Тахмаспа I (930—984/1524—1576) стихотворные легенды не встречаются.

Следующий случай использования стиха на монетах мы обнаруживаем при Исма'иле II (984—985/1576—1578), но стихотворная легенда написана уже не на арабском, а на персидском языке (табл. I, 2).

مشرق تا بمغرب گرامام است علی وآل او مارا تمام است

‘Если от запада до востока [и] существует имам

Для нас достаточно 'Алī с его родом'

Размер стиха — усеченный хазадж, по схеме: ~— ∨|--- ∨|--- ∨.

Стихотворная легенда расположена на оборотной стороне монеты, а под ней находится обозначение места и года чеканки. Подобное размещение стихов можно будет видеть почти на всех ёсевидских монетах. Исключение составляют монеты 'Аббаса II, чеканенные в Ховайзе,¹ где стих составляет круговую легенду оборотной стороны, а обозначение места чеканки и года помещено в центре. В собрании Эрмитажа с данным стихом имеется только две монеты Исма'ила II.² Одна чеканена в Кумме в 984/1576—1577 г., другая — в Шема'хе в 985/1577—1578 г.

Монету Исмā'ила II с вышеприведенным стихом, чеканенную в Иезде, впервые определил Сорé. Прочитать же стихотворную легенду, находящуюся на оборотной стороне, он не мог.³ Обращает внимание тот факт, что на таблице, где эта монета воспроизведена, она обозначена как медная, хотя тип ее такой же, как шахской серебряной монеты. Возникает вопрос: не является ли обозначение *Æ* ошибочно поставленным вместо *AR*? Правильное чтение стиха на монете Исмā'ила II предложил Оливер, хотя сам не был вполне уверен в этом.⁴

О причине появления данного стиха на монетах Исмā'īла II ценные сведения сообщает персидский историк Исқандар Мунши.⁵ В его сочинении „Tārīх-и 'Ālam Ārā-ī 'Abbāsī“, одном из основных источников для истории сефевидского Ирана, рассказывается, что Исмā'īл II некоторое время не чеканил монет от своего имени и пользовался старыми. В связи с уменьшением количества монет, бывших в обращении, и появлением поддельных Исмā'īлом была возобновлена чеканка монет. Вместо шиитского символа *الله عز وجل* («Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад посол его, Аллāh — друг Аллаха») был помещен стих на оборотной стороне монеты. Подобную замену Исмā'īл II мотивировал тем, что, во-первых, монеты

1 Эпм. № 104в

² M., ctp. 710, № 24; ctp. 1057, № 23a; JASB, vol. LVI, 1887, ctp. 67, № XIII, pl. II.

TABLE XIX.

⁴ JASB, vol. LVI, 1887, ctp. 67, № XIII.

⁵ The Shâhs of Persia, etc. LXXVI.

в процессе обращения и торговли могут попасть в руки евреев, армян, последователей магов и других неверных, а, во-вторых, тем, что все люди в состоянии осквернения прикасаются к имени бога, что является недопустимым и запрещенным согласно требованию Корана: „К нему могут прикасаться только очищенные“ (с. 56, ст. 78). Однако убрать с монеты шинтский символ веры, а вместе с ним и имя 'Алӣ, которого народ очень чтил, не дав эквивалента, Исмā'īl не решался, так как такое нововведение могло бы вызвать возмущение. Выход был найден в замене символа стихом, прославляющим 'Алӣ и его род. На монетах Исмā'īla II шинтский символ действительно не встречается, что подтверждает правильность слов историка. Приведенный рассказ интересен еще тем, что показывает, насколько шинизм был распространен среди населения.

После Исмā'īla II снова наблюдается перерыв в чеканке монет со стихотворными легендами. Подобное явление можно объяснить причинами политического характера. Время прекращения чеканки монет со стихами падает на период расцвета сефевидского Ирана, когда власть Сефевидов после успешного объединения страны наиболее сильна и все попытки внешних врагов ослабить Иран и захватить его территории успешно отражаются. Стихотворная монетная легенда вновь появляется при 'Аббасе II. В конце XVII в., когда начинается экономический и политический упадок сефевидского Ирана, правители увеличивают выпуск монет со стихотворными легендами, используя уже не один, как было раньше, а несколько различных стихов. Сулеймān I помещал на монетах три вида стихов, Ҳусейн I — два, Җахмāsp II — три, причем при последнем начинает чеканиться серия монет со стихами, содержащими имя имама 'Алӣ Mūsā Rizā, особенно почтаемого в Иране. Почти на всех монетах 'Аббаса II (1642—1666) помещается следующий стих (табл. I, 3):

بگیتی سکه صاحبقرانی زد از توفیق حق عبامی ثانی

С помощью бога повсюду чеканил государственную монету 'Аббас II.

Размер стиха — усеченный хазадж, по схеме: ——|——|——|——|—.

В собрании Британского музея находится одна монета 'Аббаса II со стихом несколько иного содержания:¹

بگیتی آنکه اکنون سکه زد صاحبقرانی ز توفیق خدا کلب علی عبامی ثانی
Тот, кто с помощью бога теперь чеканил государственную монету —
'Аббас II, собака [т. е. страж] 'Алӣ.

Размер стиха — полный хазадж, по схеме: !——|——|——|——|—.
В собрании Эрмитажа монет 'Аббаса II с данным стихом не имеется.

Монеты со стихотворной легендой первого типа чеканились в Тафлīse, Тебрīze, Ховайзé, Эривāне, Шемāхе, Казvīne и Исfahāne. Характерно,

¹ The Shāhs of Persia, стр. 28, № 47, табл. II.

что основное количество монетных дворов падает на территорию Азербайджана и Закавказья, что объясняется причинами экономического характера. Добыча серебра производилась в Закавказье, и было выгодно располагать монетные дворы рядом с сырьевыми базами или поблизости от них.

О появлении стихов на монетах 'Аббаса II интересные сведения сообщает персидский историк Вали Қулӣ Шāмлū в сочинении „Қизāz-i Ḥāqānī“. Он рассказывает, что первый стих был помещен на золотых и серебряных монетах на следующий день после провозглашения 'Аббаса II шахом (1052/1642).

Позже был составлен второй стих, в основу которого легла фраза بود کلب علی عباس ثانی 'Аббас II будет стражем [букв. собакой] 'Алӣ, находившаяся на его печати и вошедшая в состав второго полустишия.

Сулеймān I (1077—1105/1666—1694) помещал на монетах три стиха (Табл. I, 4—6).

از براء صرف زوار امام انس و جان تازه از نام صفوی شد سکه صاحبقران (۱)

'Ради расходов [на] паломников имама людей и душ,'
Именем Сефī обновился чекан ҷāhibqīrānā'.²

(Табл. I, 4)

بهر تحصیل رضای مقتدای انس و جان سکه خیرات بر زر زد سلیمان جهان (۲)

'Ради приобретения благоволения имама людей и душ,
Сулеймān мира наложил на золото чекан благих дел'.

(Табл. I, 5)

سکه مهر علی را تا زد، بر بندج دان گشت از فضل خدا محکوم فرمانم جهان (۳)

'С тех пор, как я вычеканил на монете души любовь к 'Алӣ',
[т. е. „с тех пор, как я приобрел любовь к 'Алӣ'”]
По милости бога мир стал повиноваться моему закону'.

(Табл. I, 6)

Размер всех трех стихов — рамаль, по схеме: ——|——|——|——|—
—|——|—.

Монеты с первым стихом Сулеймān I чеканили в начальные годы своего царствования, когда он правил под именем Сефī II; второй и третий стихи

¹ The Shāhs of Persia, стр. LXXIX.

² امام انس و جان — эпитет имама 'Алӣ Mūsā Rizā.

³ — собственно, 'Господин счастливого сочетания звезд', т. е. такого расположения планет (Юпитер и Венера) по отношению друг к другу, которое астрологи рассматривали как счастливое предзнаменование; в данном случае — титул. Как таковой впервые был принят Тимуром, который родился якобы под расположением светил, приносящих счастье.

помещались на монетах во второй период царствования, после принятия им имени Сулеймāн.¹

Первый стих Р. С. Пуль в списке стихотворных легенд не помещает и указывает, что монет с именем Сефī II нет.² Очевидно, это произошло потому, что Р. С. Пуль основывался на собрании Британского музея, в котором монет Сулеймāна I первых двух лет его правления не имеется. В собрании Эрмитажа монеты с именем Сефī II представлены только одним экземпляром.³

О существовании еще одного стиха, который находился на монетах Сулеймāна I в первые два года его правления, упоминает Шарден, записавший его в таком виде:⁴

زَبْعَدْ هَسْتِيْ شَاهْ عَبَّاسْ ثَانِي صَفْيَ زَدْ سَكَّهْ صَاجِرَانِي

Р. С. Пуль отметил, что Шарден воспроизвел стих неточно, и по его просьбе хранитель восточных рукописей Британского музея Риё восстановил первоначальный текст стиха, который он прочел следующим образом:⁵

رَبَعَدْ هَسْتِيْ شَاهْ عَبَّاسْ ثَانِي صَفْيَ زَدْ سَكَّهْ صَاحِبَرَانِي

'После смерти 'Аббāса II

Сефī чеканил государственную монету'.

Размер стиха — усеченный хазадж, по схеме: ——|———|———|———.

К сожалению, монеты Сефī II с данным стихом до нас не дошли.

Хусейн I (1105—1135/1694—1722) помещал на монетах две стихотворные

легенды (табл. II, 1—2):

1) سَكَّهْ سُلْطَانْ حَسْيَنْ دِينْ بِرْزُورْ (زَدْ تَوْفِيقْ حَقْ بَجْهَارَةْ زَرْ)

'По милости бога чеканил на лице золота
Султан Хусейн, покровитель веры'.

Размер стиха — шафф, по схеме: ——|——|——|——|——.

2) كَشْتْ صَاحِبْ سَكَّهْ اَزْ تَوْفِيقْ رَبْ الْمُشْرِقِينْ
در جهان كلب امير المؤمنين سلطان حسين

'По милости господина стран востока [обоих востоков]
В мире стал господином чекана, собака [т. е. страж] эмира
правоверных,⁶ султан Хусейн'.

Размер стиха — рамаль, по схеме: ~—|——|——|——|——|——.

С 1117/1705 по 1120/1709 г. на монетах встречается второй стих в несколько

¹ M., стр. 715, №№ 149 и 158.

² The Shāhs of Persia, стр. LXXIX.

³ M., стр. 1057, № 117a.

⁴ J. Chardin. Voyages du Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient, vol. IX. Paris, 1811, стр. 501.

⁵ The Shāhs of Persia, стр. LXXIX.

⁶ Подразумевается халиф 'Алī.

измененном виде. Первое полустишие сохраняется без изменений, второе заменяется следующим (табл. II, 3):

كَلْبُ بَرْگَاهِ اَمِيرِ الْمُؤْمِنِينِ سَطَانِ حَسْيَنِ

'Собака [т. е. страж] дворца эмира правоверных [халифа 'Алī], султан Хусейн'.

Размер стиха и схема остаются те же.

Монеты Хусейна I с первым стихом очень редки. В собрании Эрмитажа находится только один экземпляр, чеканенный в Тебризе в 1106/1694—1695 г.;¹ в собрании Британского музея подобной монеты не имеется. Впервые монета была издана академиком Френом.² Им же прочитана и переведена стихотворная легенда. Второй стих очень распространен и помещался почти на всех монетах, чеканенных в 1107—1114/1695—1703 г. в Исфахане, Тебризе, Нахичевани, Тафлисе и Шема́хе.³ Монеты с измененной второй строкой стиха довольно редки, и чекан их представлен в собрании Эрмитажа четырьмя экземплярами из Тафлиса и Эривана.⁴

Тахмāсп II (1135—1144/1722—1731) для своих монет заимствовал стих, употреблявшийся 'Аббāсом II, заменив только имя (табл. II, 5).

بَغْيَتِي سَكَّهْ صَاحِبَرَانِي زَدْ اَزْ تَوْفِيقْ طَهِمَاسِبْ ثَانِي

'С помощью бога повсюду чеканил
Государственную монету Тахмāспа II'.

Размер стиха — усеченный хазадж, по схеме: ——|———|———|———.

Монеты Тахмāспа II со стихотворной легендой очень многочисленны. Основываясь на собраниях Эрмитажа и Британского музея, можно сказать, что все монеты Тахмāспа II чеканились только со стихотворной легендой.

С 1135 по 1141/1722—1729 г. чеканка монет производилась на монетных дворах Тебриза и городов Мазандарāна, Хорāсāна и Закавказья, что явилось следствием политических изменений в жизни Ирана этого периода. В 1135 г. х. афганцы захватили Исфахān и распространяли свою власть на значительную территорию Ирана. Хусейн был низложен, а сын его Тахмāсп II бежал на север, в Мазандарāн, где были сосредоточены антиафганские силы. Здесь он провозгласил себя шахом и собрал войско для борьбы с афганцами. В 1142 г. х. Тахмāсп II разбил их войска и освободил столицу Ирана Исфахān. С этого же года возобновляется чеканка монет на территории самого Ирана, в Исфахāне, Казвине и Кумме. Борьба Тахмāспа II с афганцами нашла отражение в монетных легендах, направленных против афганцев-суннитов:⁵

سَنَدْ رَدْ طَهِمَاسِبْ ثَانِي بَرْ زَدْ كَامِلْ عَيَّارْ لَا فَتَى اَلَا عَلَى لَا سِيفْ اَلَا دُوْ الفَقَارْ

¹ M., стр. 716, № 169.

² Ch. M. Fraehn. Recensio..., стр. 470.

³ M., стр. 717, №№ 170—181.—The Shāhs of Persia, стр. 42, № 93, табл. III.

⁴ M., стр. 717, №№ 183, 184, 187; Эрм. № 184a.

⁵ The Shāhs of Persia, стр. LXXX, LXXXI.

'На чистопробном золоте чеканил Тахмасп II: Нет человека кроме 'Алӣ и нет меча кроме Эӯ-л-Фақар'.'¹

Размер стиха — рамаль, по схеме: ~—|——|——|——|——|. Стих замечателен тем, что первое полустишие написано на персидском языке, второе на арабском. Это единственный случай употребления Сефевидами двух языков в стихе.

С 1140/1727—1728 г. Тахмасп II начинает чеканить монеты со стихотворной легендой, в которой упоминается имам 'Алӣ Риза (табл. II, 4):²

از خراسان سکه بروز شد بتوفيق خدا نصرت و امداد شاه دین علی موسی رضا
Первый перевод стиха сделал Х. Д. Френ: ³

'Милостью божией сия монета, выбитая в Хорасане,
получила чекан:

Покровительство и помощь шаху веры 'Алӣ Риза ибн Мусе'.

С grammatical точки зрения правильнее перевести так:

'С помощью бога из Хорасана вышла золотая монета [И] помощь и содействие шаха веры 'Алӣ Муса Риза'.

Размер стиха — рамаль, по схеме: ~—|——|——|——|——|. Монеты с именем 'Алӣ Риза чеканились главным образом в Мешхеде, где находится могила имама, особенно почитаемая шиитами. Реже встречается чекан Семнана и Мазандарана.⁴ Выпуск монет с именем 'Алӣ Риза также был обусловлен ожесточенной борьбой с суннитами-афганцами и имел целью защиту шиизма.

'Аббас III (1144—1163/1731—1736) продолжает чеканить монеты с приведенным выше стихом Тахмаспа II (табл. II, 7). В дальнейшем 'Алӣ Риза периодически появляется на монетах Афшаридов и Каджаров, но со стихами нового содержания. На монетах 'Аббаса III помещается еще и другой стих (табл. II, 6):⁵

سکه برند زد بتوفيق الٰی در جهان ظل حق عباس ثالث ثانی صاحب‌قان
'С помощью бога в мире чеканил в золоте Тень истины [на земле]⁶ 'Аббас III, второй ҷаҳибириён'.⁷

Размер стиха — рамаль, по схеме: ~—|——|——|——|——|.

¹ название известного меча 'Алӣ с двумя лезвиями, данного ему Мухаммадом.

² М., стр. 723, №№ 354—356; Эрм. № 356а, 356б, 356в и 356с.

³ Х. М. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммаданских династий. СПб., 1832, стр. 68—69.

⁴ М., стр. 723, № 354; Эрм. № 356с.—The Shâhs of Persia, стр. 61, № 184, табл. V.

⁵ М., стр. 725, №№ 357—364 и др.—The Shâhs of Persia, стр. 69, № 20, табл. VI.

⁶ 'истина' — эпитет Аллаха.

⁷ — титул 'Аббаса III, который он заимствовал у Сулеймана I.

Эта стихотворная легенда встречается на большинстве монет 'Аббаса III. Она представляет собой вариант стихов 'Аббаса II и Тахмаспа II с заменой некоторых слов.

Монеты последнего шаха династии Сефевидов Сулеймана II (1163/1749—1750) очень редки и в Эрмитажном собрании представлены лишь одним экземпляром, чеканенным в Мешхеде в 1163/1749—1750 г.¹ На монете помещен следующий стих (табл. II, 8):

زد از لطف حق سکه کامرانی شه عدل گستر سلیمان ثانی
'С помощью бога наложил чекан полновластия [полный суверенитета]

Шах, Сулейман II, распространитель справедливости.

Размер стиха — мутақарib, по схеме: ——|——|——|——|——|.

Издавая такую же монету Британского музея,² Р. С. Пуль во втором полустишии вместо слова گستر поместил причастие прошедшего времени گشته, которое он нашел в стихе в сочинении персидского историка Са'ида Мухаммада „Тазкира-и Әл-и Да'уд“. Вследствие этого Р. С. Пуль дает иной перевод: 'Шах справедливый, ставший Сулейманом II'.³ Несоответствие текста стиха, помещенного на монете, тексту, приведенному Р. С. Пулем, заметил Р. Р. Фасмер, который установил, что единственное правильное чтение этого стиха может быть только со словом گسته, отчетливо видным на экземпляре Эрмитажа. Р. Р. Фасмер подкрепил свое чтение тем, что в берлинской рукописи „Маджма' ат-Таварих“ Мухаммада Ҳалиля в стихе, взятом с монет Сулеймана II, стоит слово گسته, а на воспроизведении монеты Британского музея, изданной Р. С. Пулем,⁴ последняя буква слова گشتة спускается далеко под строку и может быть только рâ—.⁵ Как с grammatical, так и с лексической точки зрения правильнее употребить слово گسته, которое в данном случае является частью эпитета Сулеймана II 'распространитель справедливости'.

Кроме указанной стихотворной легенды, Р. С. Пуль упоминает другую, которая помещалась на монетах Сулеймана II (табл. II, 9):

بِرْ فَرُوْزِ زَمِيْرِ چُون طَلُوعِ مَهَرِ وَ مَاهِ
وارث ملک شد سلیمان بن سادات شاه

'Освещает поверхность земли, подобно восхождению солнца
и луны,

Наследник царства Сулеймана, шах святого рода'.⁶

¹ М., стр. 733, № 372.—The Shâhs of Persia, стр. 98, № 313, табл. VIII.

² The Shâhs of Persia, стр. 98, № 313, табл. VIII.

³ The Shâhs of Persia, стр. LXXXII.

⁴ Там же, № 313, табл. VIII.

⁵ Как эти сведения, так и относящиеся к следующему стиху, мне любезно сообщили проф. А. Быков.

⁶ The Shâhs of Persia, стр. LXXXII, перевод Р. С. Пуля.

Ввиду плохой сохранности монеты ряд слов и букв стиха на экземпляре Британского музея не сохранился и был восстановлен Р. С. Пулем.

Предложенный им текст стихотворной легенды не давал определенного размера, что заставило Р. Р. Фасмера высказать предположение о неправильном чтении стиха. Рассматривая изображение монеты на таблице,¹ Р. Р. Фасмер заметил, что описание ее было дано неточно. Перед словом *سادات* не виден *و*. Напротив, довольно отчетливый *و*, который в описании приводится как *و*, стоит позади слова *سادات*.

Счастливый случай помог Р. Р. Фасмеру правильно прочитать стих. Весной 1932 г. хранителем нумизматического собрания Ереванского музея Байбуртяном ему был предложен для определения клад, найденный недалеко от Еревана и состоявший преимущественно из монет XVIII в. Среди монет клада нашлась одна, чеканенная штемпелем экземпляра Британского музея, на которой Р. Р. Фасмер прочитал следующий стих:

سکه بر زر زد بگیتی چون طلوع الازهرين
وارث ملک سلیمان سام بن سلطان حسین

‘Повсюду в золоте чеканил монету, подобно восхождению солнца и луны,
Наследник царства Сулеймана, Сāм, сын султана Хусейна’.

Размер стиха — рамаль, по схеме: ——|——|——|——|——|. На основании этого нового чтения Р. Р. Фасмер совершенно правильно отнес данную монету с приведенным стихом не к Сулейману II, а к Сāму Мирзе. Подтверждает это и место чеканки — Тебриз, где Сāм был провозглашен шахом.

Все рассмотренные легенды представляют собой стихи, написанные разными, наиболее употребляемыми в персидском стихосложении (хазадж, хафиф, рамаль, мутакариф). Только в одном случае не представляется возможным определить размер стиха из-за неясности текста легенды. В каждом бейте оба полустишия имеют одинаковую рифму. Иногда применяется прием добавочной рифмы, примером чего служит стих, помещенный на монете Исмаила II, в котором рифмуются слова *امام* и *تمام*, а добавочной рифмой является слово *است*, заканчивающее каждое полустишие.

По содержанию стихотворные легенды можно разбить на четыре группы. К первой следует отнести стихи, констатирующие самый факт чеканки монет тем или иным правителем. Например: „С помощью бога повсюду чеканил государственную монету 'Аббас II'. Иногда к имени шаха прибавляется пышный эпитет: „Тень истины [на земле] 'Аббас III, қāхиб қиран“ или „шах Сулейман II, распространитель справедливости“.

Вторую группу составляют стихи шинского содержания, прославляющие халифа 'Алī и имама 'Алī Mūsā Rizā. Примером служат арабский стих на монете Исмаила I и персидский на монете Исмаила II.

Третья группа объединяет стихотворные легенды, в которых шах провозглашается покровителем шиизма, стремящимся своими делами заслужить любовь и милость халифа 'Алī и имама 'Алī Mūsā Rizā. В этом отношении характерен стих на монете Сулеймана I: „Ради приобретения благоволения имама людей и душ|| Сулейман мира наложил на золото чекан благих дел“.

В четвертую группу можно выделить стихи, появление которых было вызвано определенными историческими событиями, нашедшими отражение в их содержании. Так, борьба Тахмаспа II с суннитами-афганцами явилась причиной создания стиха:

„На чистопробном золоте чеканил Тахмасп II:
Нет человека кроме 'Алī и нет меча кроме Эй-л-Фақара“.¹

Стихотворные легенды на сефевидских монетах написаны сухим придворным языком, довольно бедным средствами художественной выразительности. Характерная особенность языка легенд заключается в употреблении терминов, связанных с монетным делом, из которых встречаются: سکه ‘чекан’; سکه زد ‘чеканил’; زر ‘золото’; نقد ‘наличность’ (в смысле наличные деньги); املاع عيار ‘чистопробный’ и др. Наличие в стихах монетной терминологии придает им специфический характер и подтверждает высказанную мысль, что Сефевиды создали особую форму кратких стихов, использованных только в качестве монетных легенд. Наиболее часто употребляются эпитеты, сопровождающие имя шаха, халифа 'Алī и имама 'Алī Mūsā Rizā: عدل گستر ‘распространитель справедливости’, بیت چرور ‘покровитель веры’, امام انس و جان ‘имам людей и душ’, مظہر العجائب ‘проявитель чудес’. В ряде стихов для придания личности шаха большего величия применяются сравнения, например:

سکه بر زر زد بگیتی چون طلوع الازهرين || وارت ملک سلیمان سام بن سلطان حسین

В этом стихе шах сравнивается с небесными светилами. Встречаются и другие сравнения: كلب على ‘тень истины’, собака [т. е. страж] 'Алī', which подчеркивается преданность шаха шиизму. Часто используются иносказания, вводимые в стих для придания ему большей красочности. Вместо местоимения من употребляется выражение ‘наличность души’, вместо слов بچاره زر ‘на лице золота’ и т. д. Все перечисленные способы художественной выразительности преследовали одну цель: поднять личность шаха на недосягаемую высоту и тем самым укрепить его власть.

Сефевидские правители пользовались стихотворными монетными легендами не в одинаковой мере. Одни, как 'Аббас II, Тахмасп II, 'Аббас III, помещали стихотворные легенды на всех монетах. Другие, как Сулейман I и Хусейн I, чеканили монеты со стихами и без них, причем надо отметить, что при Сулеймане I чеканка монет со стихотворными легендами производилась параллельно с чеканкой монет без стихов. В отличие от Сулеймана I,

¹ См. выше, стр. 72.

Хусейн I только в первую половину своего правления выпускал монеты со стихами. При всех сефевидских правителях стихотворные легенды помещались на монетах как крупного, так и мелкого достоинства. Чеканка тех и других происходила иногда на одном, иногда на разных монетных дворах. Один и тот же монетный двор одновременно не выпускал монет со стихотворными легендами и без них. Монеты со стихами в разные периоды чеканились всеми основными монетными дворами, но чаще других в Тебризе и Исфахане. При Сулеймане I они выпускались только в Исфахане как столице сефевидского государства.

Сефевиды первые в монетном деле Ирана использовали созданную ими особую форму кратких стихов в качестве монетных легенд. После их падения продолжали чеканку монет со стихами династии, сменившие Сефевидов на территории самого Ирана. Занимствовали стихотворную форму монетной легенды также Дурраниды, Баракзанды и Великие Моголы, но вкладывали в нее совершенно иное содержание.

1953 · Э П И Г Р А Ф И КА В О С Т О К А · VIII

В. С. ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ

ТИБЕТСКИЕ ДОКУМЕНТЫ НА ДЕРЕВЕ ИЗ РАЙОНА ОЗЕРА ЛОБ-НОР. II¹

Публикуемые ниже три тибетских документа принадлежат, как и тибетский документ на дереве, опубликованный в VII выпуске „Эпиграфики Востока“, к коллекции С. Е. Малова, хранящейся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. Эти документы представляют часть архива тибетского гарнизона в крепости, развалины которой известны под названием „Миранское городище“.² Другая часть этого архива, находящаяся в коллекции О. Стейна, датируется Ф. В. Томасом первой половиной VIII в.³ Эта весьма вероятная, хотя и не вполне доказанная, датировка может быть отнесена и к документам настоящей коллекции.

Первый из публикуемых документов имеет шифр ТД 24. Размеры дощечки $27 \times 1.8-2$ см; ее толщина 3—4 мм. С правой стороны отверстие для шнурка диаметром 3 мм. Обработка дощечки грубая, на верхнем крае несколько зазубрин. Надпись сделана черной тушью. Почерк курсивный бу-чан (dbu-can), довольно небрежный. Текст расположен по 2 строки на лицевой и обратной стороне. Адрес и наименование документа, имевшиеся, очевидно, на отдельной дощечке, отсутствуют. По типу отсутствующий текст должен соответствовать тексту второго из публикуемых документов.

Грубая обработка дощечки и небрежность почерка вместе с высоким стилем письма говорят в пользу того, что настоящий документ представляет черновик или сделанную для архива копию письма, а не само письмо. Общая сохранность хорошая (см. таблицу, 1—2).

¹ Начало публикации тибетских документов см.: В. С. Воробьев-Десятовский, Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор. ЭВ, вып. VII. М.—Л., 1953, стр. 70—76.

² Н. М. Пржевальский. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. Изв. Русского Географического общества, XIII, 1878, стр. 32 и на приложенной к этой работе карте пункт на реке Джагансай-Дарья, позванный „Развалины старого города“.

³ F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1931, стр. 811—812.

Текст

[A 1] མ: རྒྱ: ສ: ມଶ: ນକୀଷ: ຍ: ພ: ມଟେନ୍ ଶ୍ରୀଶ: ສଶା: || ସମା: ସାଂଶ୍ରୁଦ୍ଧ: ມ: ພଦିଶା:

ମେଶ

[A 2] ମନ୍ୟ: ଶ୍ରୀ: ରୁଦ୍ରାଶ: ତିଶ୍ଵାଶ: ଯଃ ହାତାଶ: ରୁଦ୍ରାଶ: ମକୀଶଦ୍ଵିଦୀ: ... ଗା: ପିଣାଶ:

ପିଣାଶ

[B 1] ଶୁଦ୍ଧାଶିରାଶିରାଶ: ଶାଶିରାଶିରାଶ: ଶୁଦ୍ଧାଶିରାଶିରାଶ: ଶୁଦ୍ଧାଶିରାଶିରାଶ: ଶୁଦ୍ଧାଶିରାଶିରାଶ: ଶୁଦ୍ଧାଶିରାଶିରାଶ:

[B 2] ଶୈଶିରାଶିରାଶ: ଶୁଦ୍ଧାଶିରାଶିରାଶ: ଶୁଦ୍ଧାଶିରାଶିରାଶ: ଶୁଦ୍ଧାଶିରାଶିରାଶ: ଶୁଦ୍ଧାଶିରାଶିରାଶ: ଶୁଦ୍ଧାଶିରାଶିରାଶ:

Транслитерация

[A 1] Nāhu : sa : mas : mchis : pha : la : mcid : gyis : rmasna : || thugs : bde | sñun :
ma : bshens | çes

[A 2] rad' pha : g-yra : du : thos : te : glo : ba : rab : du : dgah. shiñ : mchis |
di(?)...¹ ig : legs : k(l?)oñ : la... bkañ

[B 1] stsald. de | shes : bu : gcig : bshed : do : shes | bkañ : stsald : pa : | nñ | nehu :

[B 2] zigs : gyl : mtsan : ma : shig : gyañ : sug : rgyas : btab : ste : skur : shiñ : mcis :
na : bshes : su : ji : gna.

Перевод

[A 1—2]. Из «словесного» расспроса вернувшегося⁶ в местность Nāhu⁷ я⁸ был чрезвычайно⁹ рад услышать достоверно¹⁰, что [Вы] благополучны, здоровы и расширили¹¹ [Ваши] знания...¹²

[B 1—2] повелено так, один сын¹³ желает, чтобы в местность Nehu¹⁴ были посланы приказания.¹⁵ Если же¹⁶ [Вам] будет послано¹⁷ донесение¹⁸ смотрителя местности,¹⁹ заверенное подписью и печатью, соблаговолите²⁰ ли²¹ [Вы] принять?²²

Примечания

⁶ mcid-gyis соответствует классическому mchid-kyis 'словом'. Колебания в употреблении с и ch там, где в классическом употребляется только ch, характерны для языка этого документа (ср. прим. б). Другой характерной особенностью этого документа является употребление лигатуры gy в показателях родительного и именительно-творительного падежей, а также в эмфатической частице, имеющей в классическом языке исходное написание kyan,

¹ Три точки (...) передают одну непрочитанную букву или лигатуру.

в тех случаях, когда в классической орографии употребляется лигатура ky (после d и s) и g (после g; ср. прим. м и п). Такое написание отражает, вероятно, своеобразное произношение этих частиц в диалекте, на котором говорил писавший этот документ.

⁶ mas-mchis-pha 'вернувшийся' соответствует классическому mas-mchis-pa. В этом документе наблюдаются колебания в употреблении р и ph в частице, в классическом языке имеющей вид ra (ср. прим. ж и л). Они аналогичны, отмеченным выше колебаниям в употреблении с и ch (см. прим. а). И в том и в другом случае никакой закономерности не наблюдается.

⁷ Nāhu-sa 'местность Nāhu' — очевидно, один из вариантов встречающегося ниже написания Nehu-sa (см. прим. к). Или же Nāhu-sa может быть собственно именем, напоминающим по звучанию западнопракритскую форму санскритского имени Nāhuṣa (это последнее имеет также лексическое значение 'сосед'), и в этом случае перевод должен быть: 'Из словесного рассказа вернувшегося Nāhu-sa [или соседа]...'. Однако это менее вероятно.

⁸ glo-ba здесь переводится, как и в переводах тибетских документов этой же эпохи у Ф. В. Томаса, как личное местоимение 1-го лица единственного числа. В современном и классическом тибетском языке слово glo-ba имеет значение 'легкое'. Уже А. Х. Франке предложил считать его в документах той эпохи синонимом современного и классического слова blo-ba 'ум', 'душа'.¹ Такое исходное значение для этого слова, выступающего в настоящем документе в функции личного местоимения, весьма вероятно. Примеры чередования префиксов g и b без изменения значения слов, подкрепляющие это предположение, приводит С. Вольфенден: gtub-pa и btub-pa 'мочь' и др.²

⁹ rab-du соответствует классическому rab-tu 'чрезвычайно'; наблюдаемое здесь озвончение согласного t имеет в языке настоящего документа ряд аналогий (см. прим. а, е, м, с).

¹⁰ g-ura-du 'достоверно', дословно 'под залог'. Написание g-уга с подписанным г встречается и в документах коллекции О. Стейна.³ Аналогичное сочетание у с подписанным г имеется также в документе ТД 23, изданном в VII выпуске «Эпиграфики Востока». В более позднем языке такого сочетания не зафиксировано и это слово известно в форме g-уга. Интересно отметить, что согласно нормам классического языка употребление частицы du было бы возможно лишь в том случае, если это слово оканчивалось бы на г; после гласного эта частица должна была бы выступать в форме ru или же г, которое примыкает к конечному гласному. Это обстоятельство говорит, казалось бы, против выставленного нами при публикации документа.

¹ A. H. Francke. Tibetische Handschriftenfunde aus Turfan. Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, 1924, стр. 13.

² Stuart N. Wolfenden. Outlines of Tibeto-Burman Linguistic Morphology, London, 1929, стр. 41.

³ F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1934, стр. 501, документ MJ, XLIX 6, строка 5.

непридыхательное, в то время как выше (см. прим. ж) также после конечного *d* предыдущего слова она имеет форму *rha* (ср. также прим. б).

" *gyañ 'je'* — эмфатическая частица, в классическом языке после конечного *g* предыдущего слова имеет форму *kyap*.

" *skur-shiñ-mcis-na* 'если будут посланы' соответствует *skur-shiñ-mchis* в предыдущей строке. Это последнее написание представляется возможным, исходя из норм классического языка (ср. прим. а).

" *mtsan* 'донесение' соответствует *mtshan* в классическом языке, нормы которого не допускают сочетания непридыхательного корневого *ts* с префиксом *m*.

" *sa-zigs* 'смотритель местности' — очевидно, звание лица в системе тибетского административного управления в подвластных тибетцам в VIII—IX вв. областях Центральной Азии. Он выполнял, очевидно, те же функции в местности (*sa*), что и *yul-gzigs*¹ в области (*yul*), более крупной единице тибетского административного деления в то время. Согласно нормам классического языка, это слово должно было бы писаться *sa-gzigs*, а следующий за ним показатель родительного падежа *gvi* должен был бы иметь форму *kyi* (ср. прим. а и м).

" *gna* 'соблаговолите' соответствует *gnai*, известному как из других тибетских документов из Восточного Туркестана, так и употребляющемуся в классическом языке. Конечное *n* отсутствует, потому что для него не хватило места на дощечке. Другое чтение этого слова невозможно, так как выражение, в которое оно входит, является стандартным для тибетского делового эпистолярного стиля того времени. В несколько видоизмененной форме (*bshes-na-ci-gnai*) оно неоднократно встречается в тибетских документах коллекции О. Стейна.²

" *ji* вопросительная частица, соответствует *ci* в классическом языке и в ряде тибетских документов из Восточного Туркестана. Озвончение согласного в ней может иметь аналогию в отмеченном выше озвончении согласного *k* в грамматических показателях и эмфатической частице *kyap* (см. прим. а, м и п).

Второй из публикуемых документов имеет шифр ТД 15. Размер дощечки 25.5—23.5 × 3 см; ее толщина 4—6 мм. Правый конец обломан, очевидно, еще до написания текста. Обработка дощечки грубая, особенно с оборотной стороны. Почек *dbu-sap*, менее курсивный, чем на предыдущем документе, но довольно небрежный. Текст расположжен в одну строку на лицевой стороне. Документ написан черной тушью и, так же как и первый, представляет, вероятно, копию, сделанную для архива, или черновик. По содержанию он является началом официального прошения (см. таблицу, 3).

¹ F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1934, стр. 100.

² Там же, стр. 110.

Текст

ஓର୍ଦ୍ଧେ ହେତୁ ଶାସନା ପିଲାନ୍ତା ଗ୍ରୋମା ଶାଲିଙ୍କା ଗ୍ରୋମା

Транслитерация¹

nañ:rje:po:gro:rma:hishashnar|na gseñ:gylimcíd:gsolba.

Перевод

'В присутствии' высшего гражданского сановника Gro-rma. Прошение
Na-gseñ'a².

Примечания

^a sha-sñar 'в присутствие' — выражение высокого стиля, соответствующее послелогу дательного падежа² la. В классическом языке не употребляется. Классическая форма, соответствующая sha-sñā, — shal-sñā.³

^b Согласно нормам классического языка, показатель родительного падежа после конечного ñ предыдущего слога должен был бы иметь форму gi. Здесь же он имеет форму gyi (ср. прим. a, m и p к предыдущему документу).

Третий из публикуемых документов имеет шифр ТД 28. Размер дощечки 11 × 2,5 см; ее толщина 3—4 мм. Левый конец на протяжении 4 см имеет толщину около 1 см, и в нем с лицевой стороны вырезано круглое углубление, имеющее диаметр около 2 см и глубину около 8 мм. В выпуклых краях этого углубления по диаметру, перпендикулярному к длинным краям дощечки, прорезаны выемки, очевидно для шнурка. На внутренней шершавой поверхности углубления сохранились следы белой глины. Обработка документа более тонкая, чем первых двух. На некоторых местах поверхности дощечки сохранились слабые следы киновари. Поскольку дощечка в ультрафиолетовых лучах не люминесцирует, как и другие окрашенные киноварью дощечки настоящей коллекции, в то время как неокрашенные — люминесцируют,⁴ можно заключить, что вся дощечка была окрашена киноварью. На тонкой части дощечки тушью нанесены три строки текста. Почерк письма, которое было привязано к ней шнурком. Шнурок этот завязывался

¹ Перевернутый значок, служащий в своем обычном написании для обозначения i, транслитерируется здесь как ī.

² Ср. обращение в документе ТД 23, ЭВ, вып. VII, М.—Л., 1952, стр. 71 и 75.

³ Ср.: J. Bacot, F. W. Thomas, Ch. Toussaint. Documents de Touen-Houang relatifs à l'histoire du Tibet. Paris, 1940—1946, стр. 17, строка 12—13 и др.—ср. аналогичное имя: Pa-cab rgyal-can thom-po.

⁴ Ср.: J. Bacot, F. W. Thomas, Ch. Toussaint. Documents de Touen-Houang relatifs à l'histoire du Tibet. Paris, 1940—1946, стр. 202.—Sarat Chandra Das. Tibetan-English Dictionary. Calcutta, 1902, стр. 1068, стр. 2.—F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1934, стр. 110.

⁵ 15 документов настоящей коллекции просматривались в ультрафиолетовых лучах в рентгенологической лаборатории Государственного Эрмитажа Т. Н. Сильченко, которому здесь выражается благодарность.

в углублении слева, которое замазывалось глиной. Затем на глину накладывалась печать. Общая сохранность документа и текста хорошая. Выломана только небольшая часть края дощечки, благодаря чему повреждено одно слово в нижней строке (см. таблицу, 4).

Текст

[1] ལୋହ རୋତୁଳ གୋତୁଳ [2] རୁଷ གୁରୁଷ གୁରୁଷ [3] ཡୋ ཡୋ

Транслитерация

[1] Raḥ:cab | stag:rma [2] y(u)l:gzigs:la [3] mo...o...kyis:sprinō |

Перевод

'Смотрителю области Stag-rma из Raḥ-cab'a послано от Mo...—...o...'

Примечание

Raḥ-cab — Stag-rma 'Stag rma из Raḥ-cab'a'. В этом имени Raḥ-cab — название местности, откуда происходил данный Stag-rma.¹ Написание Raḥ-cab, вместо обычного для более позднего времени Ra-cab, отражает, вероятно, иной звук, нежели обычное a. О том, что тибетское a — звук, возникший в результате совпадения ряда гласных звуков в один, свидетельствуют его многочисленные соответствия различным гласным в генетически родственном тибетскому языку китайском языке.² Поэтому вызывает сомнения объяснение такого написания исключительно неустановленностью орфографии, предложенное Б. Лауфером.³

Переходя к общей характеристике документов, следует прежде всего отметить, что они по своей внешней форме имеют большое сходство с китайскими документами из древней колонии Лоу-Лан, существовавшей в области озера Лоб-Нор с I в. до н. э. по IV в. н. э. Документы эти, относящиеся к I в. до н. э., были опубликованы китайским ученым Хуаном Вень-би.⁴ Форма этих документов, равно как и тибетских, восходит к форме древнекитайских документов, писавшихся на бамбуковых дощечках. Два китайских документа Ханьской эпохи на бамбуковых дощечках были найдены Хуаном Вень-би около озера Лоб-Нор. Китайские военные и гражданские власти, находившиеся в этой области, из-за отсутствия бамбука уже в I в. до н. э. перешли к писанию документов на деревянных дощечках, но этим последним

¹ J. Bacot, F. W. Thomas, Ch. Toussaint. Documents de Touen-Houang relatifs à l'histoire du Tibet. Paris, 1940—1946, стр. 17, строка 12—13 и др.—ср. аналогичное имя: Pa-cab rgyal-can thom-po.

² W. Simon. Tibetisch-chinesische Wortgleichungen. Berlin und Leipzig, 1930, стр. 46—47, §§ 102—110a.

³ B. Laufer. Bird Divination among the Tibetans. T'oung Pao, 15, 1914, стр. 52—56. Здесь приведены также и другие гипотезы по этому вопросу.

⁴ Huang Wen-pi. The Exploration around Lob Nor. Peiping, 1948, стр. 179—220 и таблицы. Об отверстиях — отдельный раздел, стр. 214—215; о размерах — стр. 216—218..

придавали размеры и форму бамбуковых дощечек. Снабжение дощечек отверстием (отверстие находится обычно в правом конце дощечек некоторых тибетских документов) засвидетельствовано и в упомянутых китайских документах и ведет свое начало от древнекитайской традиции писания рукописей на бамбуковых дощечках, которые нанизывались на шнурок, образуя книжные связки.¹ Возможно, что тибетцы заимствовали у китайцев не только внешнюю форму документов, но и стиль их написания, однако этому вопросу должно быть посвящено особое исследование.

В трех опубликованных выше документах содержатся следующие звания должностных лиц тибетской администрации: пан-тје-ро 'высший гражданский сановник' (ТД 15). Такой перевод этого термина будет более правилен, чем перевод А. Х. Франке и Ф. В. Томаса 'министр внутренних дел',² так как должность высшего гражданского сановника имела в каждой области Восточного Туркестана, где тибетцы осуществляли не только военное, но и гражданское управление. Затем два аналогичных звания yul-gzigs 'смотритель области' и sa-zigs 'смотритель местности' (см. прим. π к ТД 24). Затем мы узнаем также имя высшего административного советника, вероятно, области Лоб-Нор—Gro-rma исмотрителя области—Stag-rma из Ра-саб'a.

Стиль публикуемых документов заслуживает внимания, так как отдельные фразы и выражения, встречающиеся в них, засвидетельствованы и в тибетских документах этого времени других коллекций, а изучение и сопоставление их, значительно облегчающее и уточняющее перевод тибетских документов этого времени, еще только начато.³

Из таких стандартных выражений можно отметить в документе ТД 24: sug-rgyas-btab⁴ 'заверить подписью и печатью' (дословно: 'приложить руку и печать'); bshes-su-ji-gna[n] 'соблаговолите ли [Вы] принять?' (см. прим. ρ и σ). Вступительная часть этого документа (строки А 1—2), заключающая в себе формулу вежливости, встречается в ряде вариантов и в других тибетских документах того времени. А. Х. Франке перевел ее, с нашей точки зрения, не совсем правильно.⁵ Ф. В. Томас дал ее более правильный перевод.⁶

¹ Крышки писем с выемкой для печати и прорезами для шнурка, близкие по форме к документу ТД 28, также представлены среди китайских документов из Лоу-Лана, относящихся к первым векам н. э. Развличие между тибетскими и китайскими документами этого типа заключается лишь в том, что выемка для печати у китайских документов имеет четырехугольную, а не круглую форму. См.: A. Conrady. Die Chinesischen Handschriften und sonstige Kleinfunde in Lou-Lan. Stockholm, 1920, документы 119 и 120, стр. 140 и Abteilung 2, Tafel VI.

² A. H. Francke. Notes on Sir Aurel Stein's Collection of Tibetan Documents from Chinese Turkestan. Aurel Stein, Serindia, Oxford, 1921, стр. 1461.—F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1934, стр. 91.

³ F. W. Thomas, ук. соч., стр. 109—112.

⁴ Cp.: F. W. Thomas, ук. соч., JRAS, 1928, стр. 577 (документ MJ, XLIX).

⁵ A. H. Francke. Tibetanische Handschriftenfunde aus Turfan. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, 1924, стр. 12—13.

⁶ F. W. Thomas, ук. соч., JRAS, 1934, стр. 499 (документ M. Tagh 0512), 503 (документ M. Tagh a. IV 00122).

Текст документов ТД 15 и ТД 18 представляется также стандартным для тибетского эпистолярного стиля того времени. Язык документа ТД 24 отличается как от классического тибетского языка, так и от языка документа ТД 23, опубликованного в VII выпуске „Эпиграфики Востока“. В нем довольно ясно проявляется тенденция к озвончению служебных частиц, отсутствующая в документах ТД 23 и ТД 18 и в классическом языке (см. прим. α, δ, ε, μ, π и σ к документу ТД 24 и прим. β к документу ТД 15). Затем в документе ТД 24 наблюдаются колебания в употреблении простых *s*, *r* и *ts* с соответствующими придыхательными *ch*, *rh* и *tsh* (см. прим. α, β, γ, η и ο). Какой-либо закономерности в этих колебаниях не усматривается. Наблюдается также несколько иное употребление префиксальных согласных, чем в классическом языке (см. прим. γ и π). В этом же документе дважды встречается архаический суффикс *da-drag* (см. прим. ε). Наконец, в документах ТД 15 и ТД 24 употребляется, хотя и не очень последовательно, перевернутый значок, служащий для передачи звука *i*. Относительно того, какой звук он передает, имеется мнение Б. Лауфера,¹ которое, однако, не может считаться строго доказанным. Для окончательного выяснения этого вопроса необходимо специальное сравнительно-историческое исследование с привлечением большего количества памятников старого тибетского языка и данных китайского и других тибето-бирманских языков.

Из чисто палеографических особенностей следует отметить написание значка *h* с хвостиком в правом верхнем углу, а значка *t* без верхней горизонтальной черты, как в отдельном положении, так и в лигатурах с надписанным *s*. Далее, значок для гласного *i* обычно соединяется правым верхним концом с правым нижним концом значка предшествующего согласного. Соединение значков других гласных, пишущихся над согласными, со значениями этих последних наблюдается не всегда. В качестве слогоразделительного знака обычно употребляется двоеточие, изредка одна точка. Довольно часто употребляется вертикальная черта | (cad) в функции разделителя слов, предложений и их частей. В документе ТД 15 наблюдаются весьма своеобразные написания букв и спорадическое отсутствие слогоразделительных знаков (двоеточий). Это объясняется, очевидно, небрежностью писавшего (см. таблицу, 3). Перед началом текста в каждом из публикуемых документов имеется знак ⌈ или ⌉:|.

¹ B. Laufer. Bird Divination among the Tibetans. T'oung Pao, 15, 1914, стр. 54 (сноска) и стр. 85. Относительно китайских соответствий тибетскому *i* см.: W. Simon. Tibetisch-chinesische Wortgleichungen. Berlin und Leipzig, 1930, стр. 48—49, §§ 111—119.

Э. Р. РЫГДЫЛОН

К ДРЕВНЕТЮРСКИМ РУНАМ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Как известно, основные памятники древнетюркской письменности найдены в бассейнах верхнего течения Енисея и Селенги, а периферия этих районов — северная часть Минусинской котловины¹ и Прибайкалья² — дала лишь незначительное количество мелких надписей преимущественно на бытовых предметах: сосудах,³ зеркалах,⁴ прядицах⁵ и т. д.

Зарегистрированы пока лишь три надписи на прядицах. Одна из них найдена археологом В. П. Левашовой в Минусинской котловине, хранится в Минусинском музее, а остальные две были присланы в Археологический кабинет Иркутского университета учителями сельских школ Эхирит-Булагатского аймака. Надписи на этих двух прядицах расшифрованы тюркологами К. Доннером и М. Резененом⁶ двадцать лет тому назад. С. Е. Малов⁷ одобрил их чтение, указав, однако, на некоторые знаки, не разобранные ими:

Публикуя ниже фотографии данных прядиц, хотелось бы заметить, что бытовые вещи с надписями цепны как памятники и языка и материальной культуры; об органической связи последних еще раз подчеркнул И. В. Сталин, говоря о языке и его глубоких исторических корнях.⁸

Фотографии наших прядиц снабжены краткими пояснениями.
Прядло первое (рис. 1) найдено возле деревни Хутнэ Ольхонского аймака, Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области. Текст надписи ясно виден:

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Изд. 2-е, 1950, стр. 606.
² А. Н. Бернштам. Древнетюркские письмена на р. Лене. ЭВ, вып. IV, 1951, стр. 76—86.

³ Л. А. Евтихова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 40—46.

⁴ Э. Р. Рыгдилон. Новые рунические надписи Минусинского края. ЭВ, вып. IV, 1950, стр. 87—93.

⁵ В настоящей заметке говорится о них и литература приводится по ходу изложения.
⁶ K. Donner und M. Rässänen. Zwei neue türkische Runeninschriften. Journal de la Société Finno-Ougrienne, LXV, вып. 2, Helsinki, 1931.

⁷ С. Е. Малов. Памятники с рунами из Прибайкалья. Язык и мышление, VI—VII, 1936, стр. 275—278. Приложение 2-е к статье „Новые памятники с турецкими рунами“.
⁸ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкоznания. Изд. „Правда“, 1950, стр. 18—26.

Текст

8 7 6 5 4 3 2 1
Н Л Ч Ч Р Ч » Н

Транскрипция

1 2 3 4 5 6 7 8
q^a d^y r^y q^a γ^y r^y č^a q

Перевод

‘Ролик веретена’.

Небезынтересно отметить, что эти два слова в звуковом и смысловом отношении имеют сходство с бурятскими словами. Академик Б. Я. Владимиров давно обратил внимание исследователей на общность корней ряда монгольских и древнетюркских слов, зафиксированных руническим алфавитом.¹ В настоящее время благодаря гениальному труду И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкоznания“ подобного рода сравнительные исследования языков получили марксистско-ленинскую теоретическую основу. Сравнительно-историческое изучение языков наших республик и областей приобрело такое теоретическое и практическое значение, что даже частные случаи схождения и расхождения слов, если они закреплены археологическими и этнографическими материалами, как в данном случае, заслуживают часто того, чтобы быть отмеченными.

Первое слово (знаки 1—4-й) надписи — q^ad^yγ^y — созвучно с бурятским *худар* (*ха*) ‘продеть’, ‘просунуть’, или наречию *худар* или *ходор* ‘насквозь’, выполняющую роль префикса *про-*.

Второе слово (знаки 5—8-й) находит ближайшую аналогию в старомонгольском *ээрэцэг* ‘веретено’, которое и в настоящее время имеет такой же кружок (прядло), какой изображен на фотографии. Прядло, изготавленное из камня, дерева и даже коры, плотно надевается на утолщенный конец палочки, которая при незначительном движении вращается благодаря дисковидному грузу. Название *ээрэцэг* происходит от старомонгольской глагольной формы *ээрэху* — современной *ээрэх* и бурятской *ээрхэ* ‘прядь’.

¹ Б. Я. Владимиров. Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам. Доклады Академии Наук. серия „В“, 1929, стр. 289—296. — О иже. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском. — Там же, стр. 169—174, и другие исследования.

Рис. 1. Прядло с рунической надписью.
(Иркутский университет). Натур. вел.

Прясле второе (рис. 2, а-б) найдено возле улуса Шохтой Эхирит-Булгатского аймака Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа. Текст надписи не совсем ясен (ср. рис. 2, а-б).

По С. Е. Малову текст должен выглядеть так:

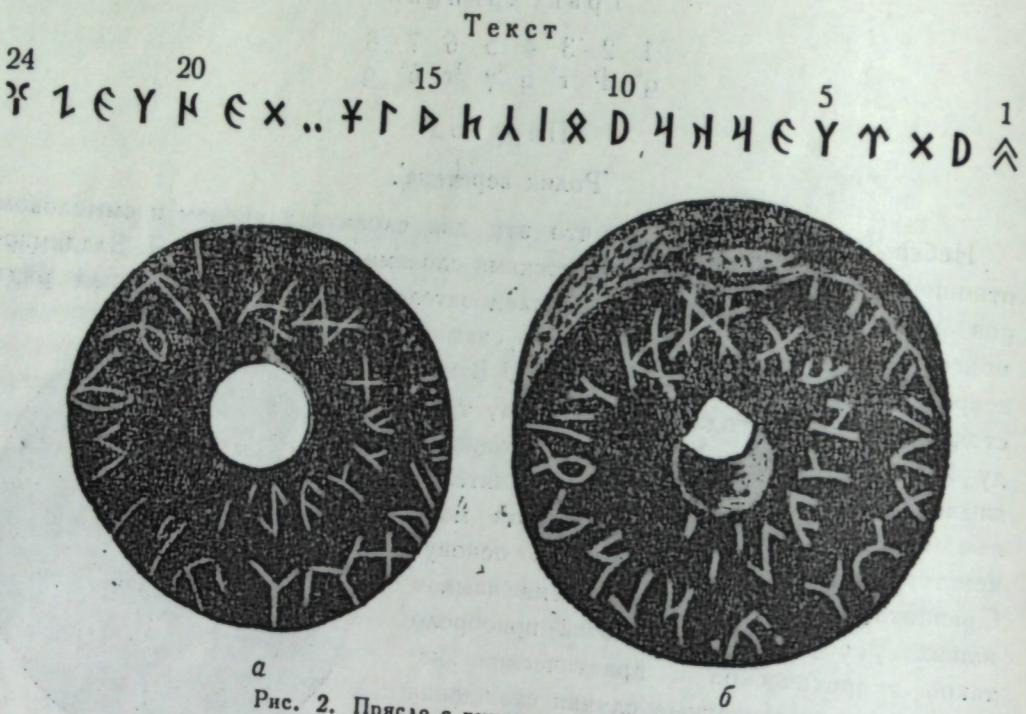

Рис. 2. Прясле с рунической надписью.
(Иркутский университет). Натур. вел.

Транскрипция

1 5 10 15 20 24
t "j d "r l° g "r q "r j b s c t q u s d "g u l "g a γ

Что касается перевода надписи, то тюркологами разобраны отдельные слова; не давшие общего смысла. Считаем возможным лишь отметить, что в начале и конце текста ясно виден суффикс *-l^g* (знаки 5—6-й и 20—21-й), который, видимо, нес тогда приблизительно ту же функцию, какую несет *-lig* (*-льг*), *-lag*, *-laq* и другие, в виде имаобразующих окончаний.¹

Что касается корней двух слов, имеющих суффикс *-l^g*, то они напоминают старомонгольские формы *эдэр*, *идэр* *түүг* 'молодой, юный' и *дэгүү* *түүг* 'младший, (-ая)'. В отношении соседних с ним начального и конечного

¹ К таким же общим для этих языков суффиксам относятся *-лар*, *-нар* — показатели множественности, *-та*, *-то(о)*, *-ту(y)* — 'ный, ты'; имеются и другие: *чи* — 'профессия'; *способность*, и прочие.

слов надписи следует сказать, что первое было прочитано С. Е. Маловым, а второе оставлено со знаком вопроса.

С. Е. Малов, в отличие от других тюркологов, в 1-м и 2-м (ДА) возможно ДН) знаках видел слово *тай* и перевел его по аналогии с казахским *тай огуз* — 'годовой бычок', 'жеребенок'. А следующее слово (знаки 3—6-й) С. Е. Малов перевел 'оседланный' или в целом: 'молодой оседланный олень (горный козел)'.¹ Хотелось бы отметить, что в противовес тюркскому, в монгольских языках со словом *тай* связано понятие о двухгодовалости (*тайлаг* 'двуухгодовалый верблюд' и т. д.). Но это закономерно: по-монгольски *чунажин* 'трехлетка' и *дунужин* 'четырехлетка' (жин — следы грамматического рода), а в тюркских языках этими же словами обозначают двух- и трехлеток, или еще старомонгольское *бирау* *бирау*, современное монгольское *бирау*, бурятское *буруу* 'двуухгодовая телка', а киргизское *музао*, казахское *бязау* 'теленок', хакасское *пызо* или *про* 'телка-одногодка'. Последние два знака (РГ), читаемые *аг(a)*, напоминают монгольское *ага*, *аха* 'старший', титул или прозвище. И, наконец, те черточки и точки (вроде |·| · |·| · |·|), которые заметны в начале надписи (рис. 2, а), есть, вероятно, счетные знаки, тем более, что в целом надпись напоминает распись, сопровождающую обычно датой, т. е. названиями года, месяца, иногда и дня.

В заключение два слова о пряслце, найденном В. П. Левашовой в Минусинской котловине.

Надпись нанесена на боковой поверхности предмета и представляет значительный интерес. Своими лесенкообразными и иными своеобразными знаками она напоминает надпись таласской палочки, расшифрованной С. Е. Маловым.² С. В. Киселев, отожествляя знаки этих надписей, предполагает наличие связей между Минусинской котловиной и Тянь-Шанем,³ причем С. В. Киселев, как и другие исследователи,⁴ признает преемственность древнетюркского алфавита от арамейского.⁵

Хотя писать здесь по этим вопросам не место, но все же приведем рисунки надписей пряслца (рис. 3, а-б), таласской палочки (рис. 4, А) и образчиков финикийского и пунического письмен (рис. 4, Б, В). Однако, говоря здесь о письме, строго различаем две вещи — письмо как графическую основу той или иной письменности и письмо как явление, связанное с языком, органически и беспрерывно отражающее его состояние. В этом смысле эпиграфика не отделима от языка и его истории.

¹ С. Е. Малов, ук. соч., стр. 277.

² С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, 1936, стр. 28—38.

³ С. В. Киселев, ук. соч., стр. 613—614.

⁴ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнекорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 134, 145 и др.—Ч. Лоукотка. Развитие письма, М., 1950, перевод с чешского, стр. 105—109.

⁵ С. В. Киселев. Письменность енисейских кыргыз, КС ИИМК, вып. XXV, стр. 33.

Итак, возвращаясь к нашим пряслицам, отметим, что единичный, но все же убедительный пример показывает, что древние памятники языка и ма-

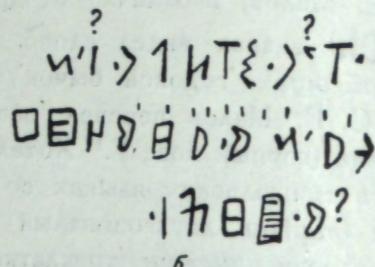

Рис. 3. Отиск (а) и графическое изображение надписи на боковой поверхности прясла (б).
(Минусинский музей).

териальной культуры могут иметь в современности живые, глубоко исторические корни. И. В. Сталин учит, "что элементы современного языка были

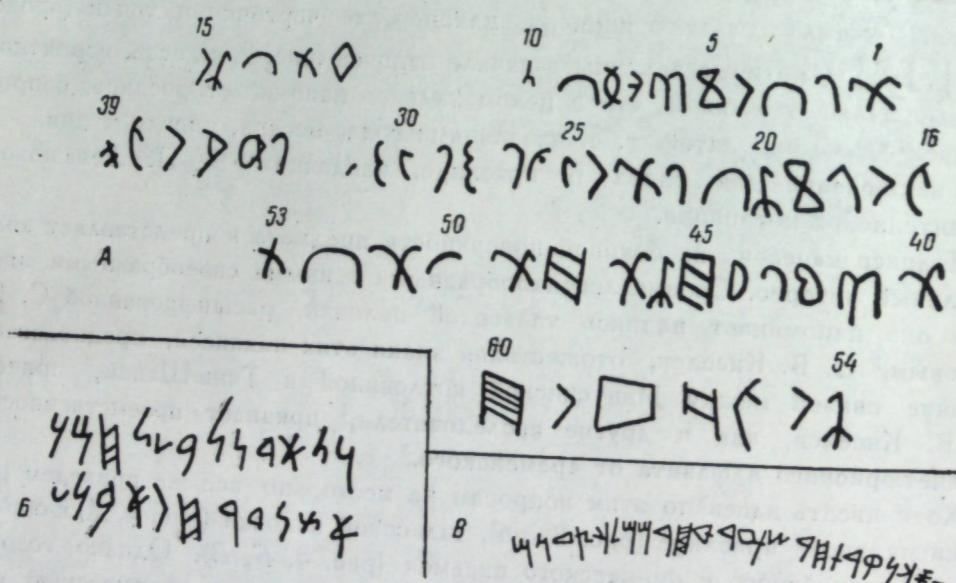

Рис. 4.
А — руническая надпись на падочке из Таласа (по С. Е. Малову); Б — финикийское письмо (по Ч. Лоукотка);
В — пурпурное письмо (по де Моргани).

заложены еще в глубокой древности до эпохи рабства" и "язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка".¹

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкоизнания. Изд. "Правда", 1950, стр. 19
и 22.

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В Ленинградском отделении Института истории материальной культуры Академии Наук СССР состоялся 6—8 марта 1952 г. пленум, посвященный итогам работ экспедиций 1951 г.

В заключение доклада на тему "Древне-бактрийский комплекс на городище Каля и Мир" М. М. Дьяконов демонстрировал сводную таблицу материалов, датируемых от VII в. до н. э. до IV в. н. э. Датировку и распределение по периодам облегчили монетные находки: греко-бактрийская монета Эвкратида, варварское подражание монетам Эвкратида и монеты представителей кушанской династии — Канишки и Васудевы.

Из находок феодального периода М. М. Дьяконов выделил надпись с арабскими письменами X в. н. э., найденную на правом берегу реки Кафирниган.

В. К.

На городище Пянджикент Согдийско-таджикской экспедицией в 1951 г. в здании № 6 открыты замечательные стенные росписи с новыми сюжетами, отличающимися от обнаруженных в предшествующие годы работ, и найдена монета китайского образца с квадратным отверстием.

В. К.

По сообщению руководителя Куйбышевской экспедиции А. П. Смирнова, около 400 монет 30-х, 40-х и 60-х годов XIX в. извлечено в 1951 г. на городище Булгар.

В. К.

Выпуск 2-й "Материалов Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции" (ЮТАКЭ, Издательство

Академии Наук СССР, М.—Л., 1951) посвящен публикации редчайших памятников письменности с городища Новая Ниса в селении Багир, в 18 км северо-западнее Ашхабада. Выпуск 2-й озаглавлен: "Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы". М. Е. Массон, руководитель ЮТАКЭ, в статье "К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса" (стр. 5—19) излагает все обстоятельства находки не встречавшихся ранее подобных образцов парфянского письма. В связи с содержанием документов он останавливается на их значении, на вопросах о культуре винограда и виноделии в Средней Азии, на мерах емкости, налогах и податях.

Заключительные слова статьи М. Е. Массона — "Остраконы Новой Нисы" — это лишь первые, но красноречивые предвестники возможных новых открытий памятников парфянской письменности в пределах Туркменской ССР — оправдались уже в полной мере, притом в кратчайший срок.

Во второй статье выпуска 2-го, написанной совместно И. М. Дьяконовым, М. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем, под заглавием "Документы из древней Нисы", дана первая расшифровка и анализ семи остраконов. Коллективная статья состоит из восьми глав: 1. Обстоятельства находки документов. 2. Описание документов. 3. Письмо документов. 4. Чтение документов. 5. Парфянский язык документов. 6. Арамейские идеограммы. 7. О датировке документов. 8. Историческое значение документов.

Документы — остраконы воспроизведены по фотоснимкам на рисунках 1—8-м

издания и по прорисовкам — на рисунках 10—17-м; на рис. 9 дана сравнительная таблица древних алфавитов Ирана и Средней Азии, возникших на арамейской основе.

Несмотря на спорность части чтений, на что указывают выступления некоторых специалистов, первые шаги к вовлечению редчайших документов в научный обиход уже сделаны.

В. К.

Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) в 1951 г. вела с успехом работы в нескольких пунктах южной Туркмении. На заседании Ученого совета ЮТАКЭ 31 марта 1952 г. в Ленинграде с отчетным докладом выступил руководитель экспедиции проф. М. Е. Массон. Стационарные работы продолжались в Старой Нисе. Следует отметить многочисленные находки памятников письменности.

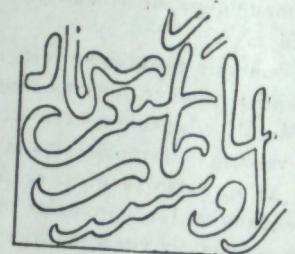
В замурованном помещении № 16 крупного и сложного архитектурного комплекса, не раскрытоего еще до конца, была найдена тетрадрахма Эвтидема прекрасной сохранности, на полу — поздняя монета Александра Македонского (подражание?). В разных помещениях этого дома были подобраны небольшие обломки глиняных валиков с отисками печатей. Из собранных кусочков восстановлены полностью или по частям до 50 отисков печатей, среди которых имеются изображения божеств (Ника и др.), мифических существ, вадников, охоты и проч. Только одна надпись на отиске печати — греческая, все остальные были вырезаны парфянским письмом.

В 6 м от помещения, где ранее были найдены ритоны из слоновой кости, украшенные тончайшей скульптурной отделкой, открыты помещения (хум хане) первых веков до н. э., в которых хранились глиняные корчаги (хумы). Для поддержки острых днищ хумов, а также в утрамбованном слое площадки под ними были уложены многочисленные остраконы. Около 130 остраконов покрыты письменами арамейской группы, нанесенными черным чернилом при помощи кисти; имеются и даты. Очистка и расшифровка новых остраконов проводятся в Ленинграде. Это будет вто-

рой крупный шаг в исследовании древнейших памятников восточной письменности, открытых на территории Средней Азии. Первое печатное известие появилось в «Туркменской искре» (№ 198/7747), 5 октября 1951 г.

В культурном слое Старой Нисы, относящемся ко времени после падения парфянского государства, найдены монеты, начиная от Ардашира — первого царя из дома Сасанидов — и кончая Хормиздом. В верхнем культурном слое VII—VIII вв. найдены фельсы с надписями на арабском языке.

На территории Старого Мерва, к югу от городища Султан Каля, закончена.

Прорисовка надписи на поливной торцовой плитке конца XIII в. (678 г. х.).
Старый Мерв, Шахрияр-арк.

раскопка павильона с росписной панелью; здесь была обнаружена китайская черепица, на которой сохранились китайские иероглифы. Найдены были также монеты, чеканенные в Мерве после разгрома в XIII в., обломок керамической плитки от торца надгробия, на которой уцелела часть надписи. Дата на плитке 678/1279—1280 г. читается, хотя рельеф букв сбит (см. рисунок). По сообщению М. Е. Массона, который предоставил нам эскиз этой надписи, плитка происходит из Шахрияр-арка — Цитадели Мерва: Феодального периода и найдена к северу от дворца, в котором проживали в XIII—XIV вв. монгольские правители.

В стороне от Мерва, в полосе песков, был обследован впервые мавзолей Гёк-Гумбез, украшенный изразцовой мозаикой, некогда изготовленной на месте: там есть остатки обжигательных печей и гончарный брак. По словам старожилов, встречались и изразцы, покрытые куфическими письменами.

к доисламскому времени как к периоду «джихадий», невежества.

Только в начале XX в. проявился интерес арабов к далекому прошлому их народа. Первой работой на арабском языке, посвященной доисламской Аравии, явилась книга знаменитого арабского писателя Жиржи Зейдана «Арабы до ислама»,¹ вышедшая в Каире в 1908 г., в которой несколько глав посвящено и южной Аравии. Однако книга представляла собой компиляцию по средневековым арабским и некоторым западноевропейским работам и значительного научного значения не имела.

Серьезное изучение древней южной Аравии в арабских странах началось в Египте, где в 1909 г. итальянским ученым И. Гвиди (Guidi) был прочитан курс введения в арабистику, в котором одна лекция была посвящена южной Аравии.

Самостоятельная работа началась позднее, в 30-х годах, когда был предпринят ряд экспедиций в южную Аравию,² давших большие научные результаты. Выдвинулось несколько новых исследователей, опубликовавших результаты этих экспедиций; среди них следует особо отметить имя Халида Йахиля Намй, выпустившего в свет ряд ценных и интересных работ.³

Игнатий Юлианович Крачковский, уделивший изучению арабами древней южной Аравии особое место в курсе лекций по сабейстике, прочитанном в Ленинградском университете в 1949 г.,⁴ говорил, что «есть все основания предполагать, что эта традиция, раз создавшись, будет продолжаться и развиваться».

Игнатий Юлианович всегда с любовью следил за развитием современной арабской литературы, не только художественной, впервые изучавшейся им, но и научной. Сейчас можно с удовлетворением и радостью сказать, что и в этой менее разработанной области арабская литература не обманула его ожиданий.

كتاب العرب قبل الإسلام : Le Caire, 1908.

² 1936 г. — экспедиции Мухаммада ал-Азма и Каирского университета; 1947 г. — экспедиция Ахмада Фахри.

³ Об одной из его работ сообщалось в сборнике «Эпиграфика Востока», II, стр. 114.

⁴ Именно этому курсу лекций я обязан большинством приводимых выше сведений.

В дополнение к отчетному докладу М. Е. Массона, который иллюстрировала обширная выставка фотографий, планов, разрезов и рисунков, выступил один из участников публикации первых семи парфянских остраконов, И. М. Дьяконов. Новая коллекция остраконов датируется предположительно 30—40-ми годами до н. э. Тексты аналогичны по содержанию с найденными ранее и представляют собой счетные документы; поэтому чтение документов, по словам содокладчика, стало легче, но лексика трудна. Между прочим, подтверждается чтение некоторых терминов, встречающихся в первых документах, в частности, термина „баж“ в значении подати с виноградника.

Парфянские остраконы из Старой Нисы не только по количеству, но по содержанию и по датировке далеко оставляют позади все ранее открытые за пределами СССР парфянские документы, которых насчитывается всего несколько единиц.

Свообразный парфянский «архив» на черепках столь же замечателен, как хорезмийские документы с Топрак Каля и согдийские документы с горы Муг.

В. К.

На заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР обсуждалось 6 июня 1951 г. исследование члена-корреспондента Академии Наук СССР К. В. Тревера «Очерки культуры Армении II в. до н. э.—IV в. н. э.», ч. II. Работа К. В. Тревера охватывает эпиграфические материалы от II в. до н. э. по IV в. н. э.: греческие, арамейские и латинские лапидарные надписи и монеты. К. В. Тревер дает новое истолкование армянских надписей, которые, по ее мнению, были связаны со святынищем.

В. К.

Изучению доисламской Аравии в арабских странах до самого последнего времени не уделялось почти никакого внимания, и успехи, достигнутые арабами на этом поприще, были незначительны. Причиной этого являлось пренебрежительное и даже нетерпимое отношение мусульман и даже нетерпимое отношение мусульман

В 1951 году французским археологическим институтом в Каире была организована новая серия изданий, посвященных древней южной Аравии. В качестве первого тома ее была издана работа Мухаммада Тавфика, посвященная надписям из Ма'ина.¹ Доктор Тавфик, глава антиологической лаборатории Каирского университета, еще в 1944—1945 гг., во время своих поездок в Йемен для борьбы с саранчой производил раскопки в Джаяфе; результаты этих раскопок и опубликованы в его работе.

В книге помещено большое количество фотографий с надписями IV—II вв. до н. э., происходящих из Карнаву, столицы древнего минейского государства. Надписи имеют большую ценность не только с точки зрения палеографии, но и с точки зрения изучения истории и языка южной Аравии, так как большинство их публикуется впервые.

Не меньший, если не больший интерес, представляют и чисто археологические сведения книги. Помимо описания раскопок, которые в сабенитике до сих пор исчисляются единицами, весьма интересны многочисленные карты и планы. Особенно важен первый план Карнаву и новая карта Джаяфа.

По плану издания следующий том, подготовляемый к печати М. Тавфиком и Х. И. Намом, будет посвящен древнему Йаттулу (Баракишу) и должен дать столь же подробное и тщательное описание этого города, как первый — древнего Карнаву.

С особым удовлетворением можно отметить появление серьезной работы, посвященной доисламской Аравии, в Ираке, где до сих пор никакой традиции в изучении этой области не существовало. Это большой труд Джавада 'Алай "История арабов до ислама", изданный Иракской академией наук.² Издание рассчитано на несколько томов.

¹ M. Tawfik. Les Monuments de Ma'in (Yemen). Publications de l'Institut Français d'Archéologie du Caire. Études sudarabiques, стр. VI + 40 + 40 таблиц и фотографий + 12. Работа написана на арабском языке и сопровождается рецензией на французском (4 стр.).

² تاريخ العرب قبل الإسلام, vol. I. Baghdad, 1370/1951, 418 стр.

В первом томе автор дает историческую географию Аравийского полуострова, историю изучения доисламской Аравии и исследование истории древнего минейского государства.

Работа Джавада 'Алай — первый труд такого рода не только в арабских странах, но и вообще во всей истории изучения доисламской Аравии. С ней может сравниться только одна коллективная работа — "Руководство по древнеарабским памятникам",¹ первый том которой, посвященный древнеарабской культуре, вышел под редакцией Нильсена в 1927 г., причем работа Джавада 'Алай имеет ряд несомненных преимуществ. Большим достоинством работы является наличие исторической географии полуострова, которая отсутствует в "Руководстве" Нильсена. Новый труд значительно больше соответствует современному уровню сабенитики, так как в нем весьма тщательно использованы работы последнего десятилетия. Более того, работа Джавада 'Алай, по нашему мнению, имеет преимущества и в системе изложения, так как дает более последовательное и цельное изложение истории доисламской Аравии. К положительным качествам книги принадлежит также чрезвычайно подробная, детально подобранная библиография.

Работа Джавада 'Алай имеет большое значение и несомненно сделается настольной книгой, необходимой не только тем, кто занимается доисламской Аравией, но и специалистам по древнему Востоку, арабистам и семитологам.

Книги являются крупным шагом вперед в области сабенитики и убедительно показывают, что в настоящее время нельзя заниматься этой наукой, игнорируя достижения арабских ученых, как это зачастую делалось раньше.

A. Лундин.

В журнале "Oriens" (т. 3, № 1, стр. 108—112) опубликована статья С. Мураяма о надписи так называемого "хорхираского или чингисова камня".

¹ D. Nielsen. Handbuch der altarabischen Altertumskunde, Bd. I, Die altarabische Kultur. Copenhagen, 1927.

Автор статьи не только приводит сведения о прежних чтениях надписи Я. Шмидтом, Д. Банзаровым, И. Клюкиным, но и дает свое толкование: "Когда Чингис-хан, покорив сартагулов, расположился [лагерем] и собрал всех монгольских князей в Буга-Сочигае, тогда Есунхэ, соревнуясь в стрельбе на дальность, выстрелил [из лука] на расстояние 335 алда [саженей]".

Отсюда видно, что автор статьи сохраняет чтение Д. Банзарова (Записки Русского Археологического общества, т. III, отд. I, 1851, стр. 268—292 и табл. X) для

первой половины надписи и чтение И. Клюкина (Труды Государственного Дальневосточного университета, серия VI, № 5, 1927) для второй ее части. В результате объединения получилось как бы новое чтение надписи.

Возможно, чтение Д. Банзарова требует уже пересмотра и разбор надписи И. Клюкиным подтверждает это, но приведенное выше чтение С. Мураяма едва ли может считаться должным шагом вперед в этом направлении.

Э. Р..

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Василий Владимирович Бартольд	Фронтиспис
Надпись с берега озера Иссык-Куль. Фот. Отдела рукописей Института востоковедения Академии Наук ССР	16
Фрагмент намогильного кирпича с кладбища средневекового Башана (первая половина V/XI в.)	26
Намогильный кирпич, хранящийся в Археологическом кабинете Туркменского Государственного университета (508/1115 г.)	26
Кусок намогильного кирпича с кладбища средневекового Башана (520/1126 г.)	28
Кирпич с кладбища Худай-Назар-Аулия (545/1150 г.)	28
Кирпич с городища Али-Аскер (598/1202 г.)	29
Кусок кирпича из квартала керамистов средневекового Башана (после 600/1200 г.)	30
Кирпич с городища средневекового Мехне (V/XI в.)	32—33
Арабская азбука с древнегрузинской транскрипцией из грузинской рукописи 1031 г. с Синай	40—41
Реконструкция 1-го типа термезских монет из клада 617/1220 г.	44
Реконструкция 2-го типа термезских монет из клада 617/1220 г.	45
Гаресджийская тетралинига эпохи монголов 1352 г. Фот. 1930 г.	56—57
Серебряные монеты Сефевидов (табл. I)	64—65
Серебряные монеты Сефевидов (табл. II)	64—65
Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор	80—81
Пряслы с рунической надписью. (Иркутский университет)	87
Пряслы с рунической надписью. (Иркутский университет)	88
Оттиск и графическое изображение надписи на боковой поверхности пряслы. (Минусинский музей)	90
Руническая надпись на палочке из Таласа (по С. Е. Малову); финикийское письмо (по Ч. Лоукотка); финикийское письмо (по де Моргану)	90
Прорисовка надписи на поливной торцовой плитке конца XIII в. (678 г. х.). Старый Мерв. Шахрияр-арк	92

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

	Сокр.
ВДИ	— Вестник древней истории.
Зап. АН ИФО	— Записки Академии Наук, VIII серия по Историко-Филологическому отделению.
Зап. АО	— Записки Археологического общества.
Зап. РГО	— Записки Русского Географического общества по отделению этнографии.
ЗВО	— Записки Восточного отделения Археологического общества.
ИАН	— Известия Академии Наук.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
Изв. АН Узб. ССР	— Известия Академии наук Узбекской ССР.
Изв. РАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры
Изв. РГО	— Известия Русского Географического общества.
КС ИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии Наук ССР.
М.	— А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
ПФАЭКЭ	— Памиро-Ферганская археолого-этнографическая комплексная экспедиция.
САГУ	— Среднеазиатский Государственный университет.
Сб. МАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии.
ТАКЭ	— Термезская археологическая комплексная экспедиция.
Труды ВО АО	— Труды Восточного отделения Археологического общества.
Труды Узб. ФАН	— Труды Узбекского филиала Академии Наук ССР.
ЭВ	— Эпиграфика Востока.
Эрм. №	— Монеты, поступившие в Эрмитаж после выхода в свет Инвентарного каталога А. К. Маркова с его 4 дополнениями.
ЮТАКЭ	— Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
EJ	— Enzyklopaedie des Islam.
GMS	— E. J. W. Gibb Memorial Series.
JASB	— Journal of the Asiatic Society of Bengal.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society.
Num. Chr.	— The Numismatic Chronicle.
RNB	— Revue de la numismatique Belge.
The Shâhs of Persia — R. S. Poole. The coins of the Shâhs of Persia (Catalogue of the British Museum). London, 1887.	

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. В. Струве. П. К. Коковцов как ассириолог	3
В. А. Крачковская. В. В. Бартольд — нумизмат и эпиграфист	10
М. Е. Массон. Средневековые надмогильные кирпичи из Марийского оазиса	24
И. В. Мегрелидзе. Арабская азбука с древнегрузинской транскрипцией	36
Е. А. Давидович. Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г.	41
Л. М. Меликset-Беков. Гареджийская тетраглифва впохи монголов 1352 г.	43
М. А. Добрынина. Стихотворные легенды на монетах Сефевидов	56
В. С. Воробьев-Десятовский. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор. II	63
Э. Р. Рыгдылов. К древнетюркским рунам Прибайкалья	77
Хроника и библиография (составлены В. А. Крачковской, А. Г. Лундиным и Э. Р. Рыгдыловом)	86
Список иллюстраций	91
Список сокращений	96
	97

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

Редактор Издательства Г. М. Ибрагимова
Технический редактор А. В. Смирнова
Корректоры Л. А. Ратнер и Н. М. Шилова

РИСО АН СССР 77—59 В. Подписано к печати 19/VI 1953 г. Бумага 84×108^{1/16}. Бум. л. 3^{1/2}. Печ. л. 10.25. Уч.-изд. л. 6.53+6 вкл. (0.49 уч.-изд. л.). Тираж 1500. Зак. 715. Номинал по прейскуранту 1952 г. 4 р. 20 к. М-32654

1-я Типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 лин., дом 12.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЭПИГРАФИКА

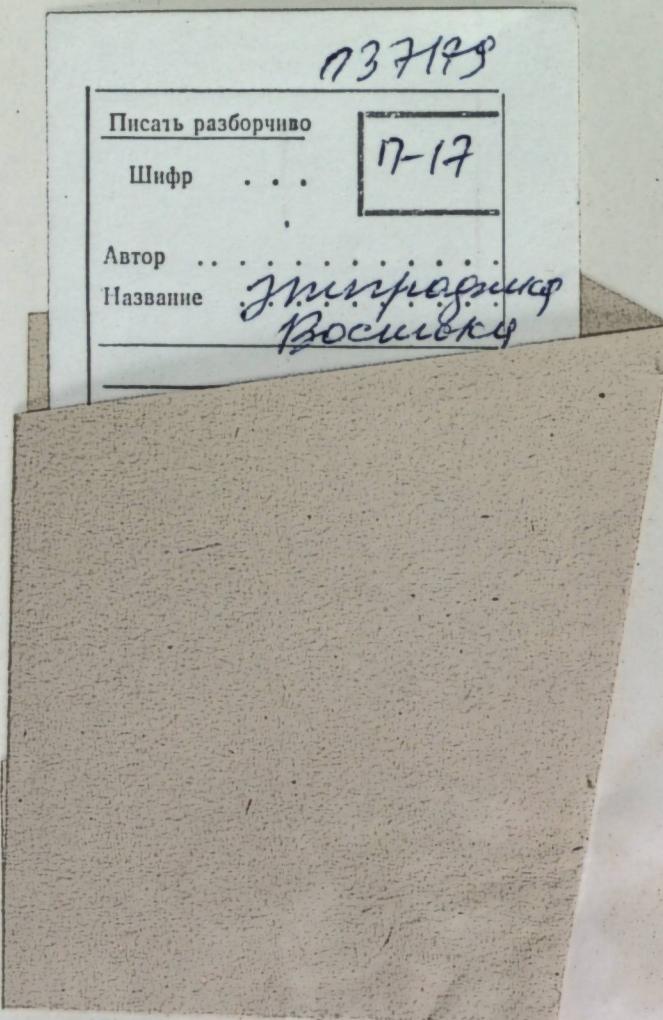
ВОСТОКА

XIV

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961 ЛЕНИНГРАД

Литературный альманах художественной прозы и поэзии на русском языке, издаваемый Ассоциацией писателей и поэтов СССР. Редакторы: А. А. Бакланов, А. А. Григорьев, А. А. Капустин, А. А. Красильников, А. А. Марков, А. А. Морозов, А. А. Тимофеев, А. А. Чистяков. Ассоциация писателей и поэтов СССР. Адрес: Москва, ул. Тверская, 10, кабинет № 101. Телефон: 2-40-40-40.

АССАДИФАТ НИС

АССАДИФАТ НИС

VIX

АССАДИФАТ НИС

п37179

Центральная научная
библиотека
Академии наук Узбекской ССР

Академия наук Узбекской ССР

A. M. БЕЛЕНИЦКИЙ и В. Л. ВОРОНИНА

НАДПИСИ НА ДЕРЕВЯННЫХ КОЛОННАХ ХИВИНСКОЙ СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ

Ниже предлагаемый разбор надписей на колоннах Хивинской соборной мечети базируется на предоставленных мне В. Л. Ворониной копиях, которые были ею сделаны непосредственно с колонн.

Надписи делятся на две группы — строительные и декоративные. Полностью прочтены первые, с исторической точки зрения наиболее интересные. Что касается декоративных надписей, то они читаются лишь частично.

Точность копий первой группы надписей в целом не вызывает сомнений. Однако в деталях обнаруживаются те или иные недоразумения, которые, впрочем, разрешаются, при сопоставлении отдельных надписей друг с другом, без особых затруднений. Сделать это оказалось тем легче, что, как мы увидим, по содержанию надписи или совпадают, или очень близки между собой. Всего строительных надписей четыре.

I:

يَقْبِلُ اللَّهُ مِنْهُ وَغَفِرْ لَهُ وَلَوَالدِيهِ بِرْحَمَتِهِ
بَامِرِ الْفَقِيهِ وَمَالِهِ أَبِي الْفَضْلِ الْمَهْلِي

Нижняя строка: 'По приказу фақиха и на его средства Абй-л-Фадла ал-М-х-лай'.

Верхняя строка: 'Да примет Аллах его [пожертвование] и отпустит ему и его родителям [их грехи] по его [Аллаха] милости'.

II:

يَقْبِلُ اللَّهُ مِنْهُ وَغَفِرْ لَهُ وَلَوَالدِيهِ بِرْحَمَتِهِ
بَامِرِ الْفَقِيهِ وَمَالِهِ أَبِي الْفَضْلِ سُنْدُونَةِ الْأَسْطَوْانِهِ

Нижняя строка: 'По приказу фақиха и на его средства Абй-л-Фадла воздвигнуты колонны'.

Верхняя строка: '.... да примет Аллах...' и т. д.

III:

يَقْبِلُ اللَّهُ مِنْهُ وَغَفِرْ لَهُ وَلَوَالدِيهِ بِرْحَمَتِهِ
بَامِرِ الْفَقِيهِ وَمَالِهِ أَبِي الْفَضْلِ الْمَهْلِي يَقْبِلُ

Обе строки переводятся так же, как и в надписи I.

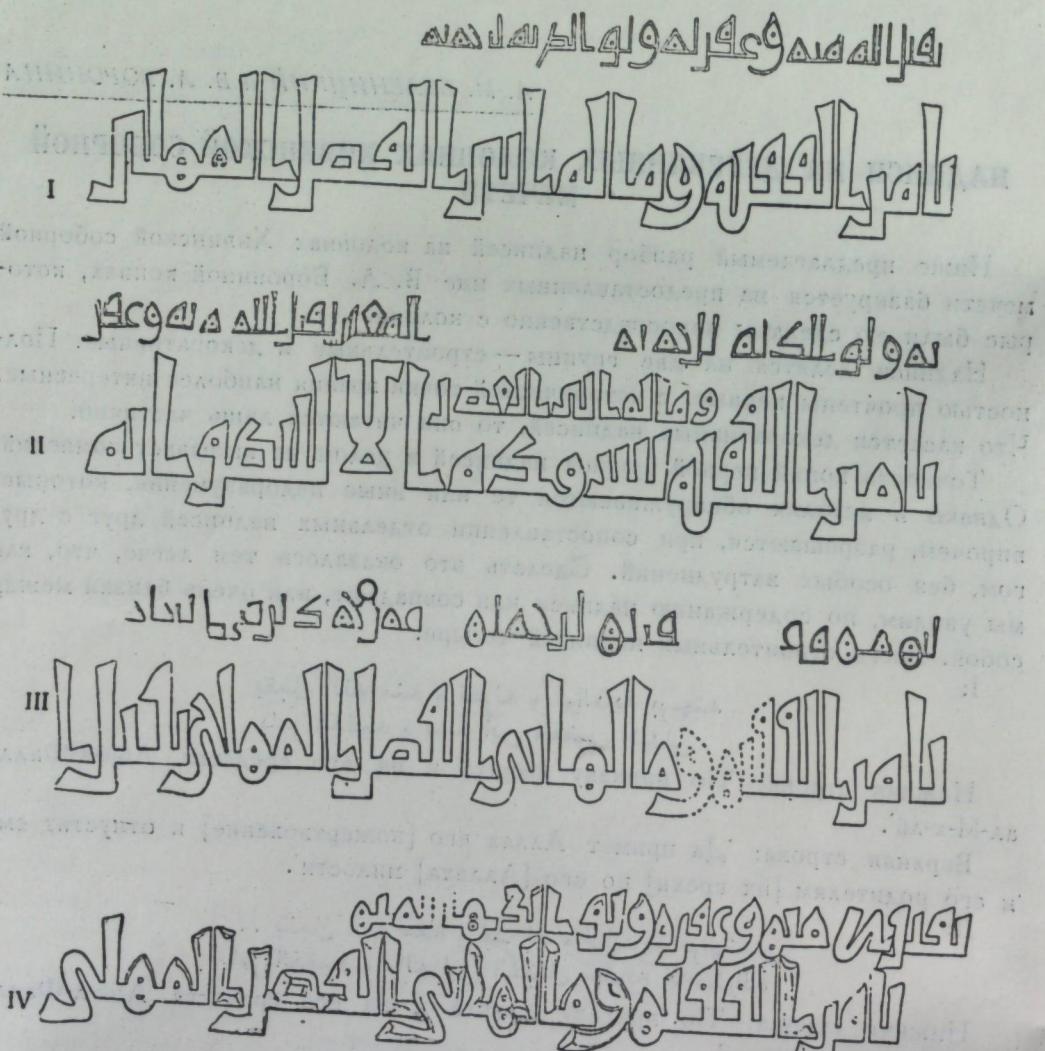
IV:

يَقْبِلُ اللَّهُ مِنْهُ وَغَفِرْ لَهُ وَلَوَالدِيهِ بِرْحَمَتِهِ
بَامِرِ الْفَقِيهِ وَمَالِهِ أَبِي الْفَضْلِ الْمَهْلِي يَقْبِلُ

Переводится так же, как и надписи I и III.

Несколько замечаний к начертанию отдельных знаков на копиях.

В I надписи на верхней строке две буквы явно переданы в копии неверно. Это буква *дāl* в предпоследнем слове, где ей придано лишнее подстрочное удлинение, и буква *rā* в последнем, где такого удлинения не хватает.

Во II надписи, в верхней строке, не хватает соединительных черточек между буквами в словах *دِيَمْ* и *حَمَّة*.

В III надписи неточности в копии сводятся к следующему. В верхней строке вместо слова *الله* оказался знак, похожий несколько на конечное *يā*, исчезла буква *lām* в слове *ال*. Судя по компактности расположения букв, буква эта пропущена резчиком. Видимо, по причине плохой сохранности неверно переданы первые две буквы последнего слова *بِرْحَمَة*.

В нижней строке вызывает недоумение слияние алифа в слове *ابي* с предыдущим словом *مَالَه*. По копии невозможно выяснить, чья это вина — резчика или автора копий.

Такая же неточность в начертании имеется и в IV надписи, где также буква *خā* в слове *مَالَه* слилась с алифом в слове *ابي*.

В этой же надписи было бы крайне интересно выяснить причину появления отростка над дугой последней буквы в слове *الْمُهَلَّى*. При четкости его прорисовки представляется вероятным, что он сделан резчиком, притом, возможно, сознательно. В таком случае чтение этого слова, означающего нисбу, т. е. прозвание инициатора надписи, как мы увидим, получило бы другое звучание.

Следует отметить и следующие особенности отдельных надписей. Так, во II надписи в верхней строке перед обычным началом ее появилось целое слово, в других надписях не встреченное. Оно состоит из пяти (?) букв, внешне вполне четких (за исключением последней), тем не менее предложить определенное чтение его я не могу.

В III надписи обычное начало текста верхней строки помещено на нижней. Что касается остальных слов этой строки, то они настолько дефектны, что не поддаются чтению, хотя первоначальное начертание их было безусловно таким же, как и на других надписях, что видно по единственно точно переданному слову *بِرْحَمَة*.

Несмотря на указанные дефекты, палеографические особенности надписей выявляются с полной определенностью. Все надписи выполнены простым прямолинейным куфи. В целом форма наиболее характерных букв выдержана резчиком почти безупречно на всех надписях, свидетельствуя об устойчивой традиции. Лишь в одном случае резчик (?) придал букве *fā* в слове *الفَضْل* в надписи III форму, отличную от обычной для наших надписей.

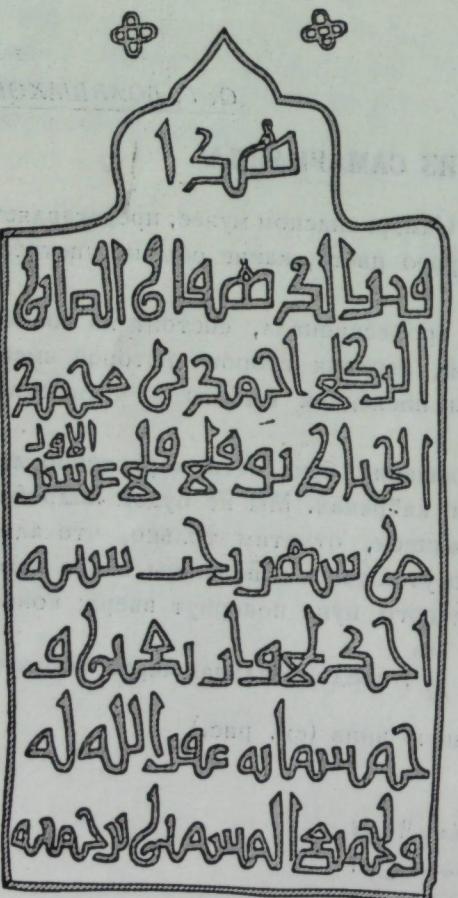
Кроме того, можно еще отметить, что в надписях III и IV конечный *يā* имеет курсивное закругление. В данном случае перед нами пример примеси к выдержанному прямолинейному куфи элемента курсива — явление, которое, как это отмечено В. А. Крачковской, характерно для ранней среднеазиатской арабской палеографии.¹

Чтение надписей, как указывалось, не представляет затруднений. Исключением является последнее слово в надписях I, III и IV, передающее прозвание инициатора надписей, по распоряжению и на средства которого были воздвигнуты колонны. Слово это может читаться по-разному. Наиболее вероятным кажется чтение этой нисбы *الْمُخَالَبَى*.

Во всяком случае на двух надписях (I и III) оно представляется графически самым приемлемым. Однако, если на надписи IV отросток на конечном *يā* этого слова, о котором выше говорилось, не является результатом какого-либо дефекта, допущенного резчиком, или при копировании, то весьма обаязительным кажется чтение этой нисбы *الْمُخَالَبَى*.

¹ В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. ЭВ, III, стр. 8.

ную знать, своего рода вотчинников Средней Азии, от крупных князей до владельцев отдельных деревень. С приходом Карабаханидов дехканство утратило прежнее значение и постепенно сошло со сцены, уступив место новой феодальной знати. Само слово "дехкан" присущ

Надпись надгробия 541/1146 г. из Самар-
канда.

значения своего рода вотчинных феодалов до названия землевладельцев вообще вполне понятна. Первоначально именно дехкәне являлись основной группой владельцев мульков, впоследствии же, с утратой дехканами прежнего политического положения и сложением новой категории владельцев мульков, название "дехкән" было перенесено и на них.

Таким образом, любой ремесленник, имевший за городом небольшой участок земли, мог с гордостью называть себя дэханом. Прекрасной

¹ История народов Узбекистана, т. I. Изд. 1-е, Ташкент, 1950, стр. 289.
² В. В. Бартольд. Туркестан в древности.

² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. I., СПб., 1900, стр. 57.

значение. А. Ю. Якубовский считал, что дехкэнами в это время стали называть крестьяни. „Если дехканство как институт крупных землевладельцев и сошло с исторической сцены в результате решительной политики Караканидов, то самый термин не исчез, но существенно изменил свое значение. Им обозначали теперь лишь мелких земледельцев — общинников, т. е. крестьянство“.¹

Однако, как нам представляется, в это время крестьян еще не называли дехканами, о чем свидетельствует известное определение слова „дехқāн“, которое имеется в биографическом словаре Сам‘ānī (XII в.):² هذه الدهقان — *Дехқān* — لمن كان مقدماً ناحية من القرى أو يكون صاحب الضيعة و الكروة — то слово, [обозначающее] того, кто был главой сельской местности, или ого, кто является владельцем земель виноградников".

Ас-Сам'ани явно подчеркивает два изновременных значения термина, потребив глагол **كَانَ** в разных временах, из чего яствует, что в XII в. более обычным было второе значение.

Эволюция слова „дехъан“ от обозначения своего рода вотчинных фе-

бще вполне понятна. Первоначально ппой владельцев мульков, впослед- го политического положения и сло- ьков, название „дехъан“ было пере-

илюстрацией этого является рассматриваемая эпитафия, где ремесленник портной, названный дехқаном, мог получить это почетное звание, имея участок земли.

Характерно, что, по наблюдениям О. А. Сухаревой в Бухаре, вплоть до XX в. так назывались горожане, владевшие землей за городом.³

Но несомненно, что в это время слово „дехъан“ начинает приобретать современное значение, т. е. обозначать крестьянина; источники, правда, не дают определенных указаний в этом отношении, но в некоторых случаях слово „дехъан“ могло означать и крестьянина.⁴

Даже беглый анализ эпитафии свидетельствует о том, какой интересный исторический материал может дать исследование надгробных камней домонгольского времени. К сожалению, изучение их считается, по-видимому, делом одиозным, и к нему до сих пор, по сути дела, наши историки даже не приступили.

Нам кажется, что систематическая публикация надгробных камней хотя бы на первых порах только тех, какие хранятся в музеях, должна стать делом первостепенной важности для эпиграфистов Средней Азии.

³ О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского Ханства. Ташкент, 1958, стр. 95.

⁴ Ср.: А. Е. Бертельс. Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959, стр. 2.

Р. А. ПУГАЧЕНКОВ

卷之三

ମୁଖ୍ୟମାନଙ୍କ ଉତ୍ସବ

В 1996 г. был организован специальный выезд к Ярты-Гумбезу для оценки состояния памятника и фотографии и дигитализированные обмеры памятника, с последующим заполнением устаревших надписей с датой.

Судя по архивным документам, в 1910-1911 гг. в Краснодаре начали строить крепость на берегу Кубани, ныне называемую крепостью Михаила Толстого. В 1911 г. в Краснодаре было основано Училище пехотного офицерства, в 1912 г. — Краснодарский кадетский корпус, в 1913 г. — Краснодарская гимназия, в 1914 г. — Краснодарское реальное училище, в 1915 г. — Краснодарский инженерный институт и т. д.

ФАН ВСОН Иван Николаевич, Англоязычный из Тирнан. ССР лет 20. Известен по

ФАН ВСОР № 2-3, стр. 30.
2 М. Е. Масев. Планы замка.

Т. А. НАУЧЕНКОВА. Академическое издание *Джестана Абд*. Ташкент, 1947 г. Труды КГАНСа, т. II, Ашхабад, 1951 (1953), стр. 65.

Санкт-Петербург, Тип. А. С. Суворина. Печатано в Делистана, Абиверда, Серакс.

логическим данным, после арабского завоевания тепе было заброшено (рис. 1) и лишь позднее несколько поодаль стало разрастаться селение. Ныне от него сохранились на протяжении до полукилометра беспорядочные, полуразбросанные верблюжьей колючкой холмы, на поверхности которых рассеяны обломки средневекового жженого кирпича и глазурованной или безглазурной керамики преимущественно X—XII вв. Судя по археологическим данным, селение просуществовало до начала XIII в. и, очевидно, погибло во время нашествия монголов. Лишь в начале XIX в. вблизи появляется аул туркмен-салоров, вытесненных в Серахский район из Пендинского оазиса. К западу от упомянутого тепе высятся многочисленные холмики могил — старых и недавних, теснящихся к главному объекту кладбища — мавзолею.

Имя погребенного в мавзолее лица в среде окрестных туркмен позабыто, хотя давно они проявляют к нему знаки почитания: могила очищена, многочисленные пестрые тряпочки привязаны у изголовья. Здание носит название Ярты-Гумбез 'шалумавзолей', по нему, между прочим, и располагавшийся неподалеку салорский аул именовался Ярты-Ходжа. Местные жители объясняют название Ярты-Гумбез тем, что здание сохранило лишь половину своих стен: всю южную, большую часть восточной и небольшой участок западной. Рассказывают, будто все попытки воздвигнуть отсутствующие стены кончились неудачей, так как они обрушивались вновь. Это приписывалось чарам того, а отнюдь не тому низкому качеству строительной техники, из-за которого наспех слепленные из глины и обломков кирпича конструкции отваливались и падали наземь.

тем "коричневая" постройка сложена была качественно. На высоту до 60 см кладка из кирпича на глиняном растворе. Размеры кирпича $3.5 \times 4 - 4.5$ см, цвет желтоватый; поверхность в силу технологии обжига иногда имеет красноватый цвет. Встречается кирпич совершенно такой же фактуры, но 5 см. Оба эти стандарта кирпича типичны для южнотуркестанских строек XI—XII вв.

ложенные стены выведены из сырца 30—31 см в стороны 6,5—7 см толщины; формат этот характерен для памятников зодчества X—XI столетий. Сырцовые кладки перемежаются через 1 м прокладками в один-два ряда жженого кирпича. Стены облицованы тем же, что и в цоколе, жженым кирпичом $23 \times 23 \times 4$ —4,5 см. Внешне он выложен вразбежку швов каждого ряда, а снаружи — пакирпичей с широкими разделительными швами между ними. Кладки этого типа были исключительно широко распространены в южнотуркменском зодчестве XI—XII вв., примеры чего дают два мавзолея в Астана-мавзолей Абу-л-Фазла в Серахсе, Абу-Саида в Меана, Мухаммеда Зайда в Мерве,⁴ Талхатан-Баба и Худай-Назар-Овлия в Мервской области и ряд других.

Памятник этот вошел в литературу под неверным названием „мавзолей Мухаммеда“.

жилые стены и деревни, оставленные арабами из-за погрома в 727 г. Их земли были заняты кочевниками, а сама деревня стала называться Аль-Маджидия. Несколько столетий спустя в Коканде А. О. Смирновым был обнаружен

западный фасад здания, в котором находился мавзолей. Находка свидетельствует о том, что в XIII—XIV вв. на территории Самарканда существовали земли, принадлежащие кочевникам, которые занимали эти земли, несмотря на то, что они были заняты арабами. Арабы, в свою очередь, занимали эти земли, несмотря на то, что они были заняты кочевниками.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

Наиболее ранний памятник восточной эпохи — это мавзолей в селе Ярты-Гумбез, расположенный в 8 км от города Серакса. Мавзолей был построен в начале XIII в. и, очевидно, погиб во время нашествия монголов. Лишь в начале XIX в. вблизи появляется аул туркмен-салоров, вытесненных в Серакский район из Пендинского оазиса. К западу от упомянутого тепе высится многочисленные холмы могил — старых и недавних, теснящихся к главному объекту кладбища — мавзолею.

Логическим данным, после арабского завоевания тепе было заброшено (рис. 1) и лишь позднее несколько поодаль стало разрастаться селение. Ныне от него сохранились на протяжении до полукилометра беспорядочные, полузастроенные верблюжьей колючкой холмы, на поверхности которых рассеяны обломки средневекового жженого кирпича и глазурованной или безглазурной керамики преимущественно X—XII вв. Судя по археологическим данным, селение просуществовало до начала XIII в. и, очевидно, погибло во время нашествия монголов. Лишь в начале XIX в. вблизи появляется аул туркмен-салоров, вытесненных в Серакский район из Пендинского оазиса. К западу от упомянутого тепе высится многочисленные холмы могил — старых и недавних, теснящихся к главному объекту кладбища — мавзолею.

Имя погребенного в мавзолее лица в среде окрестных туркмен позабыто, хотя доныне они проявляют к нему знаки почтения: могила очищена, многочисленные пестрые тряпочки привязаны у изголовья. Здание носит название Ярты-Гумбез 'полумавзолей', по нему, между прочим, и располагавшийся вблизи салорский аул именовался Ярты-Ходжа. Местные жители объясняют название Ярты-Гумбез тем, что здание сохранило лишь половину своих стен: всю южную, большую часть восточной и небольшой участок западной. Рассказывают, будто все попытки воздвигнуть отсутствующие стены кончились неудачей, так как они обрушивались вновь. Это приписывалось чарам святого, а отнюдь не тому низкому качеству строительной техники, из-за которого наспех слепленные из глины и обломков кирпича конструкции от действия дождей раскисали и падали наземь.

Между тем "коренная" постройка сложена было качественно. На высоту до 1.5 м проложен цоколь из жженого кирпича на глиняном растворе. Размер кирпича $23.5 \times 23.5 \times 4 - 4.5$ см, цвет желтоватый; поверхность в силу каких-то особенностей технологии обжига иногда имеет красноватый цвет. Изредка в кладке встречается кирпич совершенно такой же фактуры, но размера $26 \times 26 \times 5$ см. Оба эти стандарта кирпича типичны для южнотуркменистанских построек XI—XII вв.

Вышеупомянутые стены выведены из сырца 30—31 см в стороне квадрата на 6.5—7 см толщины; формат этот характерен для памятников местного зодчества X—XI столетий. Сырцовые кладки перемежаются через 1—1.5—2 м прокладками в один-два ряда жженого кирпича. Стены облицованы тем же, что и в цоколе, жженым кирпичом $23 \times 23 \times 4 - 4.5$ см. В интерьере он выложен вразбежку швов каждого ряда, а снаружи — парами кирпичей с широкими разделительными швами между ними. Кладки этого типа были исключительно широко распространены в южнотуркменистанском зодчестве XI—XII вв., примеры чего дают два мавзолея в Астана-Баба, мавзолей Абу-л-Фазла в Сераксе, Абу-Саида в Меана, Мухаммеда ибн Зайда в Мерве,⁴ Талхатан-Баба и Худай-Назар-Овлия в Мерской области и ряд других.

⁴ Памятник этот вошел в литературу под неверным названием "мавзолей Мухаммеда Ханапья".

ЯРТЫ-ГУМБЕЗ

(ИЗ РАБОТ ЮТАКЭ)

Зодчие средневекового Востока придерживались хорошей традиции прописывания даты на вновь воздвигнутом здании. К сожалению, далеко не на всех постройках они сохранились. Тем большее значение приобретают те памятники, на которых надписи с датами не утрачены, поскольку они становятся сравнительным эталоном для определения времени возведения ряда иных, близких по стилю, но недатированных построек.

В Южном Туркменистане к числу таких памятников принадлежит мавзолей Ярты-Гумбез, расположенный в 8 км от старого Серакса, на землях колхоза им. Ленина. Мавзолей был отмечен в 1931 г. экспедицией Туркменского культа, датировавшей его XII—началом XIII в. Эта датировка подтверждалась в среде ашхабадских археологов еще в 1944 г.¹ Существенный корректиров был внесен лишь работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) Академии наук Туркменской ССР. В 1947 г. при проезде от Душака до Старого Мерва Ярты-Гумбез навестила археологическая группа ЮТАКЭ во главе с М. Е. Массоном, который расшифровал в куфической надписи на мавзолее дату — джумадай ахир 491 г. х.² Автору настоящих строк за недостатком времени удалось составить лишь обмер плана, рисунок и общее описание памятника. Эти данные опубликованы в трудах экспедиции, где мавзолей отождествляется также с упоминаемой в письменных источниках усыпальницей шейха Ахмеда ал-Хади, погребенного в серакском селении Андукан.³

В 1956 г. нами был осуществлен специальный выезд к Ярты-Гумбезу, позволивший произвести фотофиксацию и детализированные обмеры памятника, в частности — прорисовку упомянутой надписи с датой.

Мавзолей возвышается близ небольшого "столового" типа тепе VI—VII вв., являющего остатки укрепленного раннефеодального замка. Судя по архео-

¹ Ср.: С. А. Ершов. Археология в Туркм. ССР за 20 лет. Известия Туркменского ФАН СССР, 1944, № 2—3, стр. 30.

² М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 (1953), стр. 65.

³ Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серакса. Труды ЮТАКЭ, т. II, стр. 237 и сл.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ЯРТЫ-ГУМБЕЗ

(ИЗ РАБОТ ЮТАКА)

Зодчие средневекового Востока придерживались хорошей традиции прописывания даты на вновь воздвигнутом здании. К сожалению, далеко не на всех постройках они сохранились. Тем большее значение приобретают те памятники, на которых надписи с датами не утрачены, поскольку они становятся сравнительным эталоном для определения времени возведения ряда иных, близких по стилю, но недатированных построек.

В Южном Туркменистане к числу таких памятников принадлежит мавзолей Ярты-Гумбез, расположенный в 8 км от старого Серахса, на землях колхоза им. Ленина. Мавзолей был отмечен в 1931 г. экспедицией Туркменского общества изучения древностей и археологии (ЮТАКЭ), датировавшей его XII—началом XIII в. Эта датировка подтверждалась в среде ашхабадских археологов еще в 1944 г.¹ Существенный корректировкой был внесен лишь работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) Академии наук Туркменской ССР. В 1947 г. при проезде от Душака до Старого Мерва Ярты-Гумбез навестила археологическая группа ЮТАКЭ во главе с М. Е. Массоном, который расшифровал в куфической надписи на мавзолее дату — джумадай ахир 491 г. х.² Автору настоящих строк за недостатком времени удалось составить лишь обмер плана, рисунок и общее описание памятника. Эти данные опубликованы в трудах экспедиции, где мавзолей отождествляется также с упоминаемой в письменных источниках усыпальницей шейха Ахмеда ал-Хади, похороненного в серахском селении Анычан³.

В 1956 г. нами был осуществлен специальный выезд к Ярты-Гумбезу, позволивший произвести фотофиксацию и детализированные обмеры памятника, в частности — прорисовку упомянутой надписи с датой. Мавзолей возвышается на

Мавзолей возвышается близ небольшого

авляющего остатки укрепленного раннефеодального типа тече VI—VII вв.,

¹ Ср.: С. А. Ершов. Археология в Туркм. ССР за 20 лет. Известия Туркменского ДАИ СССР, 1944, № 2-3, стр. 30.

2 М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция ИОТАКЭ) 1947 г. Труды ИОТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1952.

Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана. Абиверя. Серахса. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 (1953), стр. 65.

памятники Дахистана, Абиверда, Серахса.

логическим данным, после арабского завоевания тепе было заброшено (рис. 1). И лишь позднее несколько поодаль стало разрастаться селение. Ныне от него сохранились на протяжении до полукилометра беспорядочные, полуза-росшие верблюжьей колючкой холмы, на поверхности которых рассеяны обломки средневекового жженого кирпича и глазурованной или безглазур-ной керамики преимущественно X—XII вв. Судя по археологическим дан-ным, селение просуществовало до начала XIII в. и, очевидно, погибло во время нашествия монголов. Лишь в начале XIX в. вблизи появляется аул туркмен-салоров, вытесненных в Серахский район из Пендинского оазиса. К западу от упомянутого тепе высятся многочисленные холмики могил — старых и недавних, теснящихся к главному объекту кладбища — мавзолею.

Имя погребенного в мавзолее лица в среде окрестных туркмен позабыто, хотя доныне они проявляют к нему знаки почитания: могила очищена, многочисленные пестрые тряпочки привязаны у изголовья. Здание носит название Ярты-Гумбез 'полумавзолей', по нему, между прочим, и располагавшийся вблизи салорский аул именовался Ярты-Ходжа. Местные жители объясняют название Ярты-Гумбез тем, что здание сохранило лишь половину своих стен: всю южную, большую часть восточной и небольшой участок западной. Рассказывают, будто все попытки воздвигнуть отсутствующие стены кончались неудачей, так как они обрушивались вновь. Это приписывалось чарам святого, а отнюдь не тому низкому качеству строительной техники, из-за которого наспех слепленные из глины и обломков кирпича конструкции от действия дождей раскисали и падали наземь.

Между тем „коренная“ постройка сложена была качественно. На высоту до 1.5 м проложен цоколь из жженого кирпича на глиняном растворе. Размер кирпича $23.5 \times 23.5 \times 4$ —4.5 см, цвет желтоватый; поверхность в силу каких-то особенностей технологии обжига иногда имеет красноватый цвет. Изредка в кладке встречается кирпич совершенно такой же фактуры, но размера $26 \times 26 \times 5$ см. Оба эти стандарта кирпича типичны для южнотуркменистанских построек XI—XII вв.

Вышерасположенные стены выведены из сырца 30—31 см в стороне квадрата на 6.5—7 см толщины; формат этот характерен для памятников местного зодчества X—XI столетий. Сырцовые кладки перемежаются через 1—1.5—2 м прокладками в один-два ряда жженого кирпича. Стены облицованы тем же, что и в цоколе, жженым кирпичом $23 \times 23 \times 4$ —4.5 см. В интерьере он выложен вразбежку швов каждого ряда, а снаружи — парами кирпичей с широкими разделительными швами между ними. Кладки этого типа были исключительно широко распространены в южнотуркменистанском зодчестве XI—XII вв., примеры чего дают два мавзолея в Астана-Баба, мавзолей Абу-л-Фазла в Серахсе, Абу-Саида в Меана, Мухаммеда ибн Зайда в Мерве,⁴ Талхатан-Баба и Худай-Назар-Овлия в Мерской области и ряд других.

⁴ Памятник этот вошел в литературу под неверным названием „мавзолей Мухаммеда Ханапъя“.

Переход к куполу в Ярты-Гумбезе осуществлен восьмигранником арочных ниш на осях и угловых парусов, выведенных также из жженого кирпича; сам купол не сохранился. Характерно, что от цоколя до купола все кирпичные кладки осуществлены на глиняном растворе, который отлично скрепляет их до наших дней.

Мавзолей ориентирован строго по странам света. Внутри него расположена могила, беспорядочно забросанная кирпичами, вытянутая с юга на север (рис. 2).

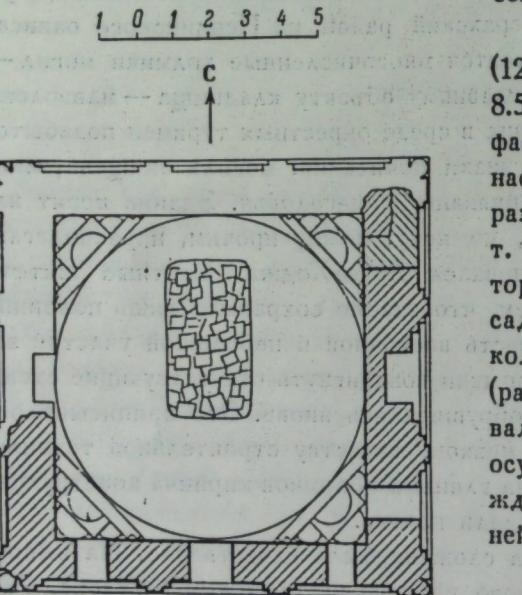

Рис. 2. План мавзолея Ярты-Гумбез.

Восточный фасад, хотя и не был „главным“, гораздо интереснее в своем оформлении. Здесь та же трехарочная разбивка, боковые проходы и угловые фланкирующие колонки (рис. 3), но в центре расположена михрабная ниша, предназначенная для совершения молитв пришедшим на зиарат. Ниша прямоугольна в плане и перекрыта конховым полукуполом. Ныне она почти до половины разрушена, но на основе зарисовки, сделанной нами в 1947 г., графически удалось почти полностью восстановить ее форму и прием орнаментальной кладки. Последняя осуществлена из пар кирпичей, разделенных вертикальными полукирпичиками, а в полукуполке — горизонтальной кладкой полукирпичей с широкими швами. В боковых же арках, ниже уровня арочных пят, расположено по прямоугольному панно с надписями.

О западном фасаде можно судить на основании небольшого участка. В разбивке его повторена была та же схема трех арок, но входы отсутствовали. Можно полагать, что в интерьере здесь имелся на оси михраб для совершения намаза у могилы. Что касается северной стены, полностью разрушенной, то представляется, что и она повторяла трехарочную композицию, не имея, однако, дверных проемов, так как вход в мавзолей от изголовья рассматривался бы как знак неуважения к покойному.

Рис. 1. Мавзолей Ярты-Гумбез. Общий вид.

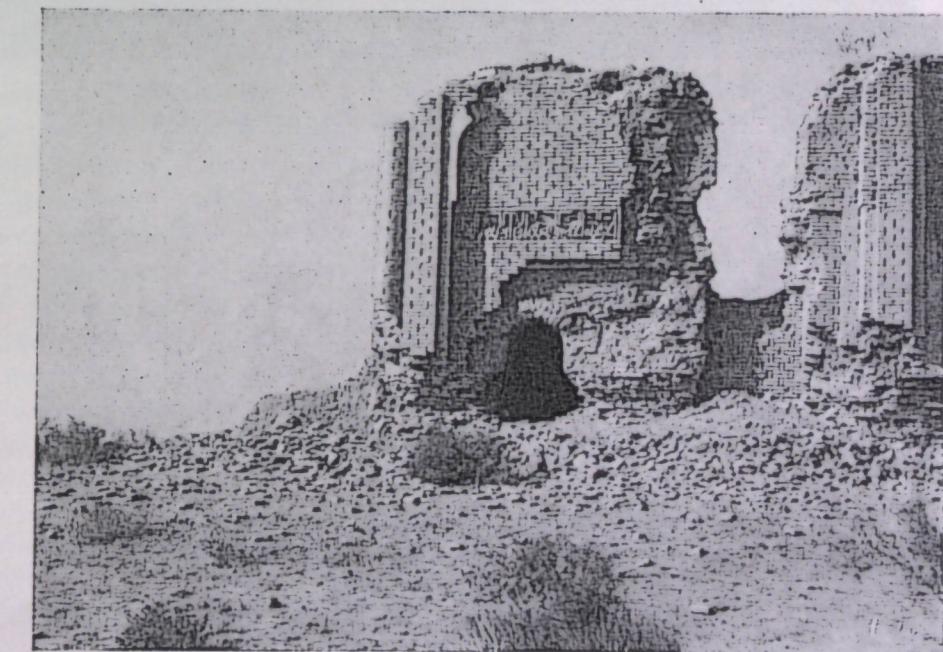

Рис. 3. Мавзолей Ярты-Гумбез. Восточный фасад.

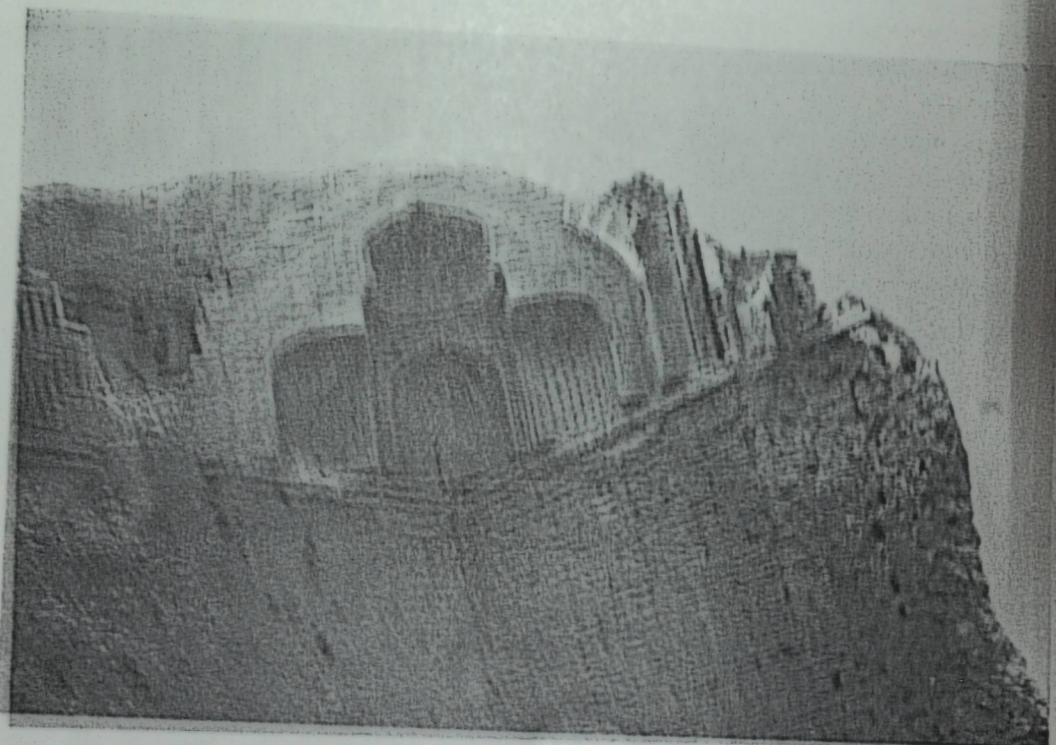

Рис. 5. Первый мавзолей Ярты-Гумбез с ганчевой облицовкой.

Стены интерьера были гладко оштукатурены ганчем вплоть до яруса парусов. Выше же четыре осевых арочных ниши имели облицовку кирпичом „в елку“, не менее характерную для архитектуры конца XI—XII вв., чем вышеописанная кладка „парами“. В центре ниш расположено по оконцу. Арки этих ниш и парусов сложены „отрезками“, как и арки фасадов.

Весьма интересна конструкция парусов. Юго-восточный и северо-западный сохранили лишь свою кирпичную кладку, а юго-западный — нанесенную по ней ганчевую отделку. В черной кладке мы видим два яруса конических конховых полу- и четвертных куполков, образующие которых получены отеской нагрубо кирпичей под углом около 30° . По этой кирпичной основе наносилась ганчевая обмазка, придававшая парусам плавный отлого-стрельчатый очерк, а завершающая конха верхнего ряда получала особо изысканное пятифестончатое очертание (рис. 4). Налицо система „конструктивных параллелей“ — своеобраз тех сталактитовых парусов, которым суждено было сыграть такую же выдающуюся роль в архитектуре последующих столетий. Особую роль для паруса Ярты-Гумбеза дают паруса мечети Рабати-Шереф (Иранский Хорасан), в создании которого участвовали персидские мастера.⁵

На верхушке парусов нанесена орнаментальная резьба, как бы продолжавшая кирпичные кладки. Этот прием получил широкое распространение в туркменском зодчестве XII в., примеры чего мы можем наблюдать на пристройке у мазара Шир-Кабир в Мешхеди Керманшаха и в реставрации 1154—1155 гг. в Рабати-Шерефе.⁶ Столь же интересна форма арочных кривых, то он, как показывают исследования, имел сфероидное очертание, что и подтверждается наличием галерея мавзолея Санджара,⁷ также был

имел сфероидное, с заострением в замке очертание. Такие арки известны в архитектуре Туркменистана, как мечеть Талхатан-Баба и мавзолей Гур-Эмир. Так как диаметр его известен, то и форма арки может быть определена по чертеже (рис. 5).

При воссоздании, объемная и фасадная композиция памятника и фактура отделки фасадов графически воспроизведены. Эта реконструкция представлена на рисунке 6.

Следует отметить, что архитектурный тип Ярты-Гумбеза восходит еще к мавзолею Саманидов — купольному сооружению средневековой классики Среднего Востока.

⁵ А. А. Бибикова, „Мавзолей Ярты-Гумбез в Туркменистане“, в: „Архитектурно-археологический журнал“, № 1, 1949, стр. 11—16; А. А. Бибикова, „Мавзолей Ярты-Гумбез в Туркменистане“, в: „Архитектурно-археологический журнал“, № 2, 1950, стр. 11—16.

⁶ А. А. Бибикова, „Мавзолей Ярты-Гумбез в Туркменистане“, в: „Архитектурно-археологический журнал“, № 1, 1949, стр. 11—16.

⁷ А. А. Бибикова, „Мавзолей Ярты-Гумбез в Туркменистане“, в: „Архитектурно-археологический журнал“, № 2, 1950, стр. 11—16.

⁸ А. А. Бибикова, „Мавзолей Ярты-Гумбез в Туркменистане“, в: „Архитектурно-археологический журнал“, № 1, 1949, стр. 11—16; А. А. Бибикова, „Мавзолей Ярты-Гумбез в Туркменистане“, в: „Архитектурно-археологический журнал“, № 2, 1950, стр. 11—16.

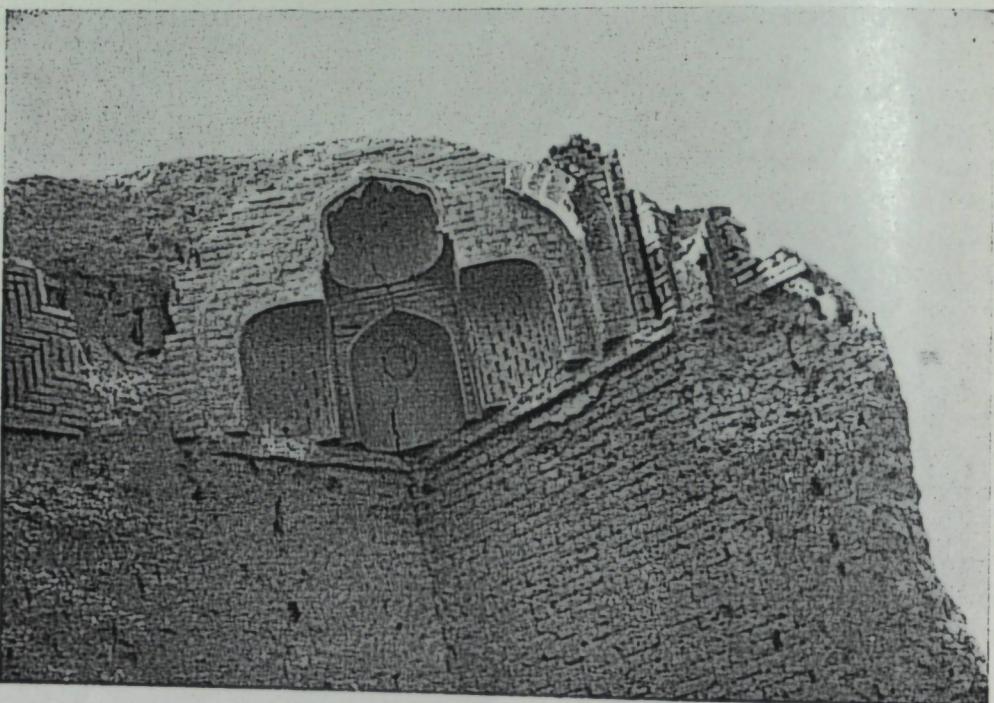

Рис. 5. Парус мавзолея Ярты-Гумбез с ганчевой облицовкой.

Стены интерьера были гладко оштукатурены ганчем вплоть до яруса парусов. Выше же четыре осевых арочных ниши имели облицовку кирпичом „в елку“, не менее характерную для архитектуры конца XI—XII вв., чем вышеописанная кладка „парами“. В центре ниш расположено по оконцу. Арки этих ниш и парусов сложены „отрезками“, как и арки фасадов.

Весьма интересна конструкция парусов. Юго-восточный и северо-западный сохранили лишь свою кирпичную кладку, а юго-западный — нанесенную по ней ганчевую отделку. В черной кладке мы видим два яруса конических конховых полу- и четвертных куполов, образующие которых получены отеской нагрубо кирпичей под углом около 30° . По этой кирпичной основе наносилась ганчевая обмазка, придававшая парусам плавный отлого-стрельчатый очерк, а завершающая конха верхнего ряда получала особо изысканное пятифестончатое очертание (рис. 4). Налицо система „конструктивных сталактитов“, прообраз тех сталактитовых парусов, которым суждено было сыграть такую существенную роль в архитектуре последующих столетий. Единственную аналогию для паруса Ярты-Гумбеза дают паруса мечети в караван-сарае Рабати-Шереф (Иранский Хорасан), в создании которого принимали участие серахские мастера.⁵

На ганчевой штукатурке парусов нанесена орнаментальная резьба, как бы имитирующая фигурные кирпичные кладки. Этот прием получил широкое распространение в южнотуркменистанском зодчестве XII в., примеры чего дают мавзолей Санджара,⁶ или пристройка у мазара Шир-Кабир в Мешхеди Мисриане⁷ и резной штук реставраций 1154—1155 гг. в Рабати-Шерефе.⁸ Что касается фестончатого очерка арочных кривых, то он, как показывают михраб Шир-Кабира и арочная галерея мавзолея Санджара,⁹ также был не чужд местному зодчеству.

Купол Ярты-Гумбеза, видимо, имел сфероидное, с заострением в замке очертание, аналогичное куполам таких хронологически и стилистически близких памятников Южного Туркменистана, как мечеть Талхатан-Баба и мавзолей Мұхәммәда ибн Зайда. Так как диаметр его известен, то и форма может быть восстановлена на чертеже (рис. 5).

Несмотря на руинное состояние, объемная и фасадная композиция памятника, его архитектурные членения и фактура отделки фасадов графически могут быть полностью восстановлены. Эта реконструкция представлена на прилагаемых чертежах.

Центрическая композиция Ярты-Гумбеза восходит еще к мавзолею Саманидов в Бухаре (Х в.) — памятнику средневековой классики Среднего Востока.

⁵ A. Godard. Khorāsān. Athār-é Īrān, t. IV, fasc. I. Paris, 1949, рис. 34, стр. 45.

⁶ Архитектурные памятники Туркмении. Составил Н. М. Бачинский. Москва—Ашхабад, 1939, стр. 26—27.

⁷ Г. А. Пугаченкова, ук. соч., рис. 6.

⁸ A. Godard, ук. соч., стр. 19.

⁹ Г. А. Пугаченкова: 1) ук. соч., стр. 197 и сл.; 2) Конструктивные элементы мавзолея Санджара. Известия АН Туркм. ССР, 1952, № 2, стр. 28.

В Ярты-Гумбезе развита же тема квадратной призмы, фланкированной колонками на углах и увенчанной сфероидной чашей купола. Однако се-рахский зодчий находит иные пропорции объемов и иной прием архитекто-ники фасадов.

Исследование ряда памятников средневекового зодчества Средней Азии привело М. С. Булатова¹⁰ к выяснению одного из самых распространенных приемов пропорционирования, который основан на соотношении сторон и диагоналей квадрата. В частности, "динамический" квадрат определяет собою и пропорции мавзолея Саманидов, архитектурный объем которого имеет форму куба, увенчанного полусферой, а все фасадные членения находятся в пропорциональном соотношении к квадрату плана и фасадов здания.¹¹

Графический анализ пропорций восточного фасада Ярты-Гумбеза показывает, что и здесь в основе лежат соотношения сторон и диагоналей динамического квадрата, исходный разрез которого дает общие соотношения объемов и форм совершенно иные, чем в саманидском мавзолее. Отличен и прием трехарочной разбивки фасадных плоскостей (рис. 6). Последний более всего перекликается с мавзолеем Хусайна из группы Султан-Саадат в Термезе (XI в.)¹² и мавзолеем Мухаммеда ибн Зайда в Мерве (1112—1113 г.).¹³ Оформление фасадов настенной аркадой вообще типично для среднеазиатских памятников конца XI—XII вв.; таковы, напри-

¹⁰ М. С. Булатов. О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии. Известия АН ТаджССР, вып. III, 1953, стр. 3 и сл.

¹¹ А. А. Семенов. Происхождение термезских сейидов и их древняя усыпальница "Султан-Саадат". Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, год 19-й, Ташкент, 1914, снимок между стр. 8 и 9.

¹² Архитектурные памятники Туркмении, стр. 41.

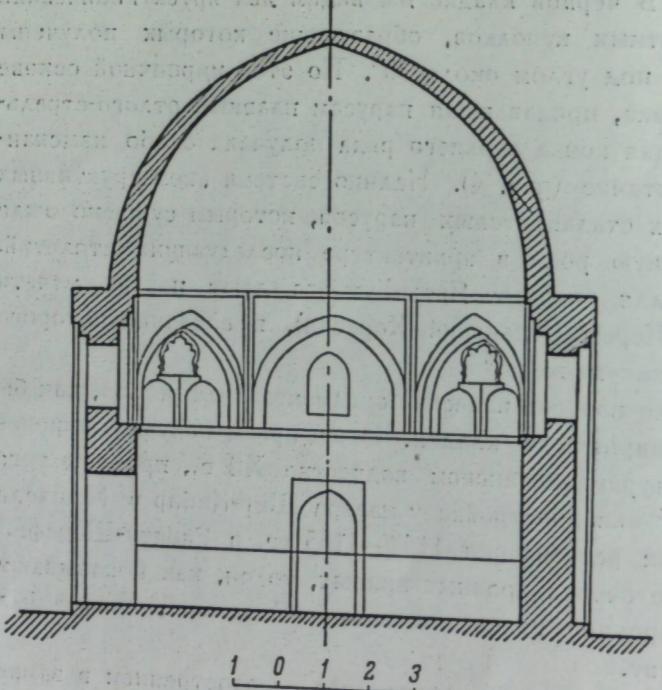

Рис. 4. Разрез мавзолея Ярты-Гумбез (в реконструкции).

мер, фасады мечетей Талхатан-Баба в Талхатане¹⁴ и Ходжи-Иса в Ширабадском районе.¹⁵

Удалось установить прием построения кривых арок Ярты-Гумбеза. Метод четырехцентровый; он очень несложен и позволял осуществлять выведение арок без кружал, простым натяжением бичевы. Два центра лежат на линии пят, разделенной на три части, два других — на пересечении идущих от этих центров под 45° радиусов и линии начала округления арочных кривых (т. е. геометрических пят). Таким образом, и здесь имеет место то же, что и на фасаде, четырехчастное членение и диагональ квадрата.

Ярты-Гумбез принадлежит к той категории памятников, в которых использование фактуры жженого кирпича определяет черты высокой художественной выразительности (рис. 7). Этот "кирпичный стиль", как известно, получил блестательное развитие в областях Средней Азии, Ирана и Азербайджана в XI—XII вв. В се-рахском мавзолее кладкам из спаренного кирпича на внешних фасадах отвечает частичное использование фигурных кладок в интерьере, хотя наряду с тем здесь применены и ганчевые штукатурки с резьбой.

Остановимся на надписи, которая полностью сохранилась в левом панно восточного фасада и от которой осталась лишь конечная буква йа в правом. Панно эти размером 2.20 × 0.44 м оконтурены рельефной рамкой из кирпича. Письмо куфическое; буквы, вытесанные из того же жженого кирпича, который употреблен в конструкциях мавзолея, прочно введены в облицовочную рубашку фасада. Ширина их благодаря подтеске сокращена до 3—3.5 см. Так как длина иных букв достигает подчас 40 см, то они соединены из двух секций. Буквы выступают на гладком фоне до 4 см, отбрасывая глубокую тень, когда утреннее солнце озаряет фасад.

Надпись, расшифрованная М. Е. Массоном, гласит:

В левом панно
آخر سندۀ احادی و تسعین واربعه ماید [جِمَادِي]

13 В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894, рис. 32.

14 В. Л. Воронина. Неизвестные памятники Средней Азии. Сб. "Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана", М., 1950, рис. на стр. 86.

2 Эпиграфика Востока, XIV

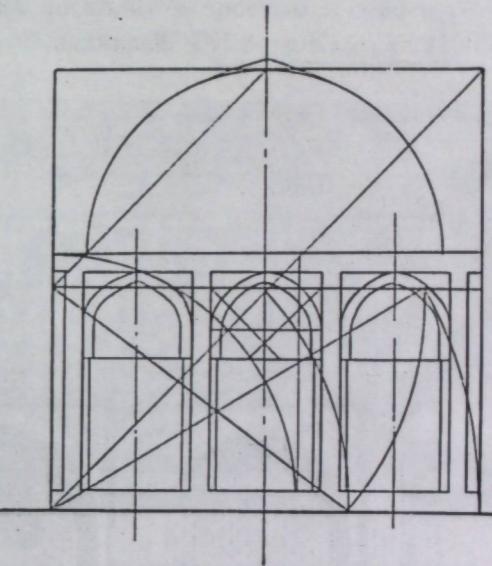

Рис. 6. Мавзолей Ярты-Гумбез. Пропорции фасада.

п 37179

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

‘джумāдай ахир четыреста девяносто первого года’ (май или первые дни июня 1098 г. н. э.).

Сформулируем некоторые наблюдения над стилистическими особенностями письма. Завершения как вертикальных, так и горизонтальных букв имеют

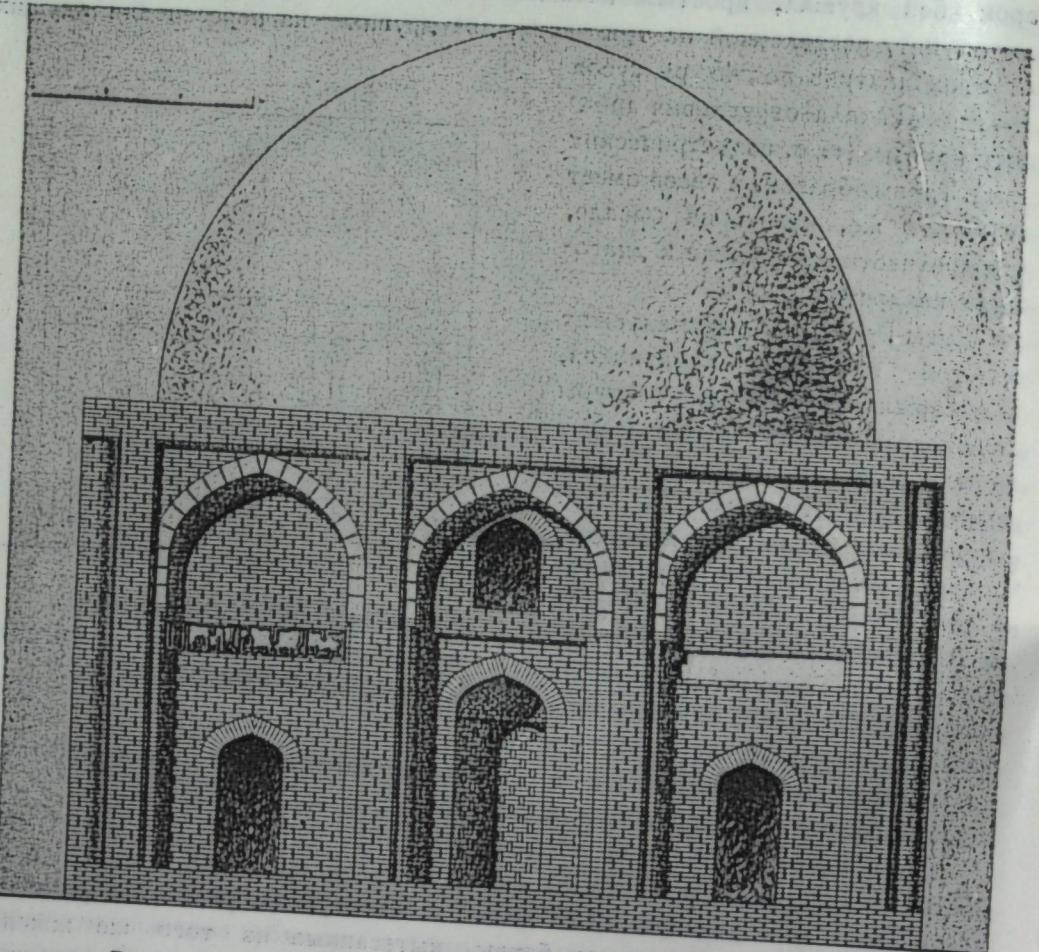

Рис. 7. Мавзолей Ярты-Гумбез. Восточный фасад (реконструкция).

вид лепестка. Алифы проходят по всей высоте поля. Буква син имеет прямые углы; буквы хā, мīm, vāv, kāf вытесаны с закруглением контуров и заострением верхушки, но в одном случае конечное хā дано треугольником. Связка смежных букв осуществлена угловатым элементом, угол которого опирает на основание. Соединение ـ передано крупным Z-образным знаком. Конечный йā в правом панно имеет сложно-изломанный очерк. Во избежание слишком обширных свободных полей, на верху панно трижды размещены (в разных вариантах) крупные Г-образные фигуры чисто орнаментального характера. С этой же целью в левом конце даны две вертикали, соединенные понизу под углом (рис. 8).

Сопоставление с куфическими надписями ряда датированных, архитектурных памятников XI в. Средней Азии, сводка которых опубликована В. А. Крачковской, — минаретов в Ургенче и Термезе, сайрамской колонны, Рабати-Малика и данданканской мечети,¹⁵ не дает прямых эпиграфических аналогий. Письмо Ярты-Гумбеза отлично и от надписей хронологически близкого мешхеди-мисрианского минарета (495/1102 г.).¹⁶ Шрифт Ярты-Гумбеза генетически восходит к простым и строгим формам выточенных из кирпича куфических надписей Гумбеди-Кабуса (1008 г.):

Рис. 8. Мавзолей Ярты-Гумбез. Надпись в левом панно восточного фасада.

свободное поле вверху, отсутствие сплетений и “узлов счастья”, общность начертания дāла, сйна, vāva, алифа.¹⁷ Однако в серахском памятнике налицо известное осложнение письма — в фигурном очерке букв йā, хā, конечного нūна. Стройные пропорции и общий стиль сближают его также с надписями строгого куфического письма некоторых хорасанских памятников XI в. — гробницы Арслан-Джазиба в Сенгбесте и минарета в Бистаме,¹⁸ мечети в Гунабаде,¹⁹ в которых, между прочим, использовано такое же, как в Ярты-Гумбезе, заострение кружка у букв мīm и vāv. Заполнение свободных верхних полей Г-образными знаками отмечаем на погребальной башне Пирь-Аламдāр в Дамгане (1027 г.).²⁰ Угловатое соединение смежных букв серахского памятника находит аналогию в резных по штуку надписях мечети в Харджирде, отстроенной в последней четверти XI в. Низāм

¹⁵ В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. ЭВ, III, М.—Л., 1949, стр. 16 и сл.

¹⁶ М. Е. Массон. Новые данные о надписях одного Мешхеди-Мисрианского минарета. ЭВ, VII, М.—Л., 1953, рис. 1—4.

¹⁷ E. Diez. Die Churqsanischen Baudenkmäler. Berlin, 1918, стр. 100 и сл., рис. 40, табл. 5.

¹⁸ Там же, табл. 15. — SPA, v. IV. London—New-York, 1938, Pl. 360-B.

¹⁹ A. Godard, ук. соч., рис. 52.

²⁰ SPA, v. IV, Pl. 339-B.

ал-Мульком, хотя в целом письмо здесь, может быть в силу пластических свойств материала, более вычурное (цветущий куфи).²¹ IX веком мы упоминаем имена Известную общность в пропорциях и основных приемах начертания букв дают вытесанные из кирпича надписи на Джар-Курганском минарете (1108-1109 г.).²² и в Рабати-Шерефе (1114-1115 г.),²³ хотя общий стиль их уже заметно усложнен в сравнении с Ярты-Гумбезом. Как известно, создателем минарета был Али ибн Мухаммед ас-Сараҳсий, а каллиграфом Рабати-Шерефа — кāтиб Алайбади Абу Мансур Ас'ад ибн Мухаммед Таифи ас-Сараҳсий.²⁴ Комплекс трех этих памятников указывает на наличие в Серахсе XI—XII вв. целой школы каллиграфов, работавших не только в своей округе, но и приглашавшихся в иные города Хорасана и Мавераннахра, куда, очевидно, проникла их слава выдающихся зодчих и мастеров архитектурной эпиграфики.

Архитектурный и эпиграфический анализ Ярты-Гумбеза позволяет подойти к вопросу о его принадлежности.

В недавней публикации археолога А. А. Марущенко, посвященной старому Серахсу, автор признает ошибочность прежней датировки Ярты-Гумбеза экспедицией Туркменкульта 1931 г. и взамен выдвигает категорическое утверждение, будто «Мазар Ярты-Гумбез, расположенный в 6 км от города (Старого Серахса, — Г. П.), несомненно связан с могилой «племянника ар-Риды», отмечаемой Мақдиси в фарсахе от города».²⁵

Кроме указанного (не совсем точно) расстояния, никаких аргументов в пользу «несомненности» выдвинутого положения автор не приводит, а опубликованные данные ЮТАКЭ 1947 г. об Ярты-Гумбезе, в том числе и установленную датировку мавзолея, игнорирует.

Прежде всего отметим, что в радиусе 5—10 км вокруг Старого Серахса имеется немало следов средневековых поселений, которые еще ждут археологического обследования.

Обратимся далее к тексту ал-Мақдиси. Здесь говорится следующее: «В фарсахе от Серахса могила его [ар-Риды] племянника, над ней построен мешхед». Сам ар-Рида ибн Муса умер в 818 г.; его усыпальница в Мешхеде является доныне главной шиитской святыней Ирана. Вероятнее всего, племянник его, даже если он был намного моложе своего дяди, скончался в том же IX в. Имя его ал-Мақдиси не называет; очевидно, то была бесцветная фигура, почитание которой со временем получило в Серахсе

²¹ E. Diez, ук. соч., табл. 18, 19, 7, 2.

²² В. А. Шишкин. Минарет в Джар-Кургане. Труды Института истории и археологии АН Туркм. ССР, Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, т. II, Ташкент, 1949, рис. 3—5.

²³ A. Godard, ук. соч., рис. 17, 18, 45, 47.

²⁴ Там же, рис. 54.

²⁵ А. А. Марущенко. Старый Серахс. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 170.

²⁶ Ал-Мақдиси. Извлечение из «Аҳсан ат-такағасым фи-ма'rifat ал-ақдийм», т. I, М.—Л., 1939, стр. 204.

некоторое значение лишь потому, что он был Алидом. По замечанию того же автора, среди жителей ал-Машрика (т. е. в Хорасане и Мавераннахре) «потомки Алия в почете до крайней степени».²⁷ Труд ал-Мақдиси был составлен в X столетии. К этому времени над могилой «племянника ар-Риды» уже был отстроен особый мавзолей, служивший «мешхедом», т. е. местом поклонения. Мешхед этот не сохранился, как не сохранились сотни других упоминаемых в письменных источниках, но стертых рукою времени сооружений средневековья.

Можно было бы выдвинуть предположение, что Ярты-Гумбез является собой обновленное в XI в. старое здание. Однако самый внимательный осмотр его свидетельствует, что здесь не может быть и речи о реставрации и перестройке. Налицо единовременное сооружение, воздвигнутое в характерных для Хорасана традициях сельджукской эпохи. Появление его приходится как раз на время наиболее широкого строительства мавзолеев, развернувшегося по всей Средней Азии в XI—XII вв.

Проанализируем содержание надписи Ярты-Гумбеза. Это лишь окончание значительного текста, который, очевидно, начинался на западном фасаде, огибал северный и завершался на восточном. Разрыв, который при этом вносили межарочные пилястры и михрабная ниша, нимало не смущали мастера. Так, в правом панно восточного фасада стоит название месяца — «джумади», а в левую переходит вторая его половина «ахир» и числа года. Такой прием расположения единой надписи в отдельных прямоугольных полях можно видеть, например, в Гумбеди-Кабусе²⁸ и в минарете 1108-1109 г. в Джар-Кургане,²⁹ о стилистической близости которого к Ярты-Гумбезу сказано выше.

Возникает вопрос — обозначена ли на мавзолее дата окончания постройки, или же смерти погребенного в нем лица?

Строительство такого небольшого здания, как Ярты-Гумбез, могло быть завершено в сравнительно короткий срок, в течение одного строительного сезона. В Средней Азии сезон этот длится до полугода — с конца апреля по октябрь, когда, как правило, нет дождей. Оставлять незавершенным на зиму здание, отстроенное из сырца и лишь облицованное жженым кирпичом на глиняном растворе было бы рискованно. Между тем приведенная в надписи дата «джумади ахир 491 г.» приходится, как уже сказано, на май — первые три дня июня 1098 г., т. е. на время, когда лишь начинаются серьезные строительные работы.

Кроме того, среди многочисленных надписей, сохранившихся на средневековых мавзолеях, точные даты с обозначением дня, месяца и года приводятся при указании дня кончины погребенного лица, но для даты строительства дается лишь год *айш* или *айш* ۲۹ 'месяцы года такого-то'. Это и понятно, так как никакой кāтиб — составитель надписи — и никакой

²⁷ Там же, стр. 201.

²⁸ E. Diez, ук. соч., табл. 4, 1.

²⁹ В. А. Шишкин, ук. соч., стр. 65 и сл.

вырезавший ее в кирпиче, по ганчу или из кашни мастер не могли бы с точностью определить не только день, но даже и месяц окончания строительства. Более того, благодаря длительным срокам возведения монументальных зданий на некоторых из них фиксируются даже разные годы завершения отдельных этапов строительного процесса, например сооружения портала (дворец Ак-Сарай в Шахрисябзе), нанесения части облицовок (медресе Тиля-Кари в Самарканде), а на Вакентском минарете даже даны разные годы возведения нижней и верхней трети его ствола.³⁰

Приведенные факты решительно говорят в пользу того, что в надписи на Ярты-Гумбезе приведена дата смерти того почитаемого лица, для которого воздвигнут был мавзолей. При всем том, архитектура здания — его конструкции, формы, декор, эпиграфический стиль — не оставляет сомнений, что возведение его имело место в ту же эпоху. Быть может, мавзолей выстроили в том же 1098 г. с июня по октябрь, поручив это дело одному из самых искусных и опытных зодчих — мимаров серахской строительной корпорации.

Имя погребенного в Ярты-Гумбезе лица, которое, видимо, содержалось в утраченных участках надписи, в народе позабыто. Некоторые из опрошенных туркмен называли Мухаммеда Ханапья, которому приписывается также и мавзолей в Старом Мерве. Однако уже В. А. Жуковский установил, что Мухаммед Ханапья был похоронен в Аравии, а не в Хорасане,³¹ в мервском же мавзолее 1112-1113 г. согласно надписи, расшифрованной М. Е. Массоном, поконится дальний потомок пророка 'Алл', Мухаммед иби Зайд. Такое приписывание духовенством имен почтенных мусульманских "святых" малозначительным местным святыням издавна и широко практиковалось на Среднем Востоке.

Установить личность умершего в 491/1098 г. и погребенного в Ярты-Гумбезе лица позволяет труд ас-Сам'аний. Будучи уроженцем Мерва, великолепно, de-visu знаяший все хорасанские святыни, ас-Сам'аний не мог бы опустить в своем "Генеалогическом словаре имен" упоминание об этом лице, настолько видном, что для него незадолго до составления этого словаря в одном из серахских селений воздвигнут был прекрасный мавзолей. И в самом деле, в перечне селений Серахса им упомянуто селение Андукан и в нем — усыпальница шейха Ахмеда ал-Хади, имя которого в более ранних исторических сочинениях не встречается.³² Думается, что Ярты-Гумбез как раз и является собой мавзолей видного местного шейха Ахмеда ал-Хади, жившего в XI в. в Андукане и здесь погребенного после смерти, последовавшей в месяце джумади ахир 491 г. х. Археологические бугры Андукана, содержащие в основном материалы X—XII вв., примыкают к мавзолею, называемому Ярты-Гумбез.

³⁰ В. А. Нильсен. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. Ташкент, 1956, стр. 94—95.

³¹ В. А. Жуковский, ук. соч., стр. 154—155.

³² Ас-Сам'аний. Китаб ал-ансаб, стр. 505.—МИТТ, т. I, стр. 325.

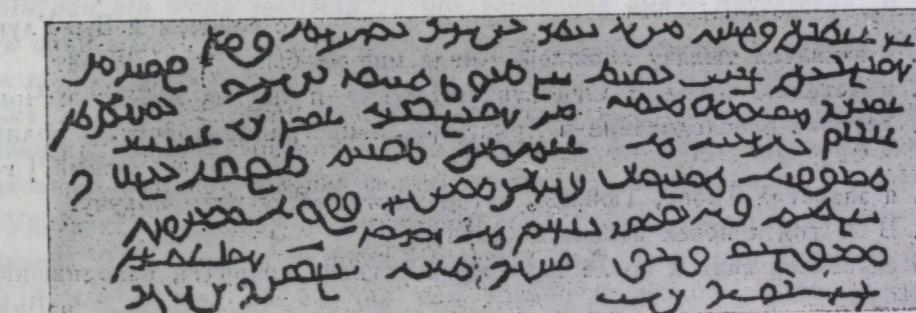
1961 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · XIV

награда своеобразной эпиграфической школой. О чём же может быть речь? В Азии, включая и Китайскую империю, в древности и вновь в эпоху императора Канги, восточную часть империи, включая Китай, Кара-Корум, Кара-Китай и Кара-Лар, вновь возникла эпиграфическая школа, основанная на основе китайской, но с ярко выраженным местным колоритом. Китайская эпиграфика вновь возникла в Китае, Кара-Китай и Кара-Лар, вновь возникла эпиграфическая школа, основанная на основе китайской, но с ярко выраженным местным колоритом.

Владимир Григорьевич Щербак
А. М. ЩЕРБАК

НАДПИСЬ НА ДРЕВНЕЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ ИЗ МОНГОЛИИ.

В конце июля 1955 г. монгольский археолог Ц. Доржисурен производил обследование курганов, расположенных на территории Увсанурского аймака, в местности Хар-ус, в 50 км к северо-западу от г. Уланкома. На восточном склоне одного из курганов, у насыпи, Ц. Доржисурен обнаружил камень с уйгурской надписью,¹ у другого кургана — камень с руническим текстом. Фотография уйгурской надписи и копия рунического текста были переданы проф. С. В. Киселеву и затем, весной 1957 г., пересланы в г. Ленинград.

Уйгурская надпись на камне с кургана в Хар-ус.

Чтение уйгурской надписи (см. рис.) в целом (отдельные места остаются неясными до сих пор) оказалось сравнительно нетрудным, и уже в начале 1958 г. имелся предварительный вариант текста и перевода, который по просьбе Ц. Доржисурена я отправил в Комитет наук Монгольской Национальной Республики. В том же 1958 г. Э. Вандуй опубликовал его в журнале "Шинжлэх ухаан, техник".² В 1959 г. указанный вариант был опубли-

¹ См.: Ц. Доржисурен. Изучение историко-археологических памятников Монголии. Улан-Батор, 1957, вклейка на стр. 13 (о самой надписи на стр. 17).

² Э. Вандуй. Увесы Хар-усы гарэлт хөшөө. Шинжлэх ухаан, техник. Уланбаатар, 1958, № 3, стр. 45—47.

кован на узбекском языке.³ Одновременно фотографию надписи без транскрипции и перевода издал Б. Ринчен.⁴

Ниже предлагаются вниманию специалистов уточненная транскрипция и перевод уйгурской надписи, а также краткие комментарии, главным образом лингвистического характера. Уйгурская надпись состоит из восьми строк и представляет собой единый, связный текст.

Транскрипция уйгурской надписи

- I. Эр атём Бодаз-тэгін јёті jīg(r)mī jašımta Бур-улұбта
- II. сүләдім, мің жоңт алтём. Tokuz jīg(r)mī jokımta
- III. Оң-Сунуту-Тұтамта сүләтіп Чонид (Өнгі?) чөріг
- IV. ға(т)ж. Ярмаб(а)нта іртірү тудім. Толун ѡлкі
- V. Түбіт Тұнлұг кісрә түріс Болучу-бігіз(тә)
- VI. алтём. Бір отуз жашимта Омуза сүләтіб (?)
- VII. тобаліб Бідітән тәгін (?) iłtijri кісрә
- VIII.

Перевод

- I. Мое геройское имя Богаз-тегин. Когда мне было 17 лет, я пошел с войском к Бур-Улугу,
- II. я захватил тысячу лошадей. Когда мне не было [еще] 19 лет,
- III. я устроил поход к Оғи-Сунуту-Тытаму и послал войско к Чону.
- IV. Устроив преследование в Ярмаг[а]не, я преградил дорогу. В полный [высокосный?] год
- V. я захватил Тибет, Тюнлюк, затем тюргешей, у реки Болучу.
- VI. В 21 год я повел войска к Омузу,
- VII. спустился вниз и после того, как спустился принц (?), находившийся в Биди,
- VIII.

С палеографической точки зрения рассматриваемую надпись необходимо отнести к согдо-уйгурскому или раннеуйгурскому типу уйгурской письменности, хотя многие буквы в ней имеют начертания, характерные для обычного уйгурского письма.⁵ Свообразие некоторых начертаний обусловлено, по-видимому, своеобразием материала (камень). В надписи четко

³ А. М. Щербак. Мұдулустонда топылған қадимги бир тош ёзама. Узбек тили ва адабети мисаллари, Тошкент, № 3, 1959, 34—36 б.

⁴ Y. Rinčen. Les inscriptions inconnues sur pierre et les plaques d'or ornemantées du Harnais de Tomyoucouc. Central Asiatic Journal, Wiesbaden, t. IV, № 2, 1959, стр. 290. После общей характеристики Б. Ринчен делает неожиданный вывод о том, что уйгурское письмо было известно монголам задолго до эпохи Чингиз-хана.

⁵ Мы пользуемся здесь классификацией А. Лекока (A. Le Coq. Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde. MSOS, XXII, Leipzig, 1919, стр. 93—109), выделяющего три типа письма у уйгуротов: I древнейший — согдийский (обычный для согдийских текстов),

различаются д (л, ԓ, ԓ) и т (ð, ð, Ԧ, Ԧ); ԓ обозначает (?) п в конце слова, тогда как обычно он передает в. Перед всеми гласными, кроме ё, в начале слова ставится алиф, например: ԓ о, ԓ а.

Слова, употребленные в надписи, являются общетюркскими и почти все встречаются в орхоно-енисейских эпиграфических текстах, например: сүләт- 'идти в поход', 'идти войной' от сү 'войско', ср. Тон.⁶, 44 (см. также ПКТм., 3, 4, МК. III, 271); сүләт- 'вести в поход', ср. Тон., 18; ға- 'посылать', ср. ПКТм., 13, Тон., 33; ту- 'запирать', 'закрывать', 'преграждать', ср. Тон., 23 (см. также МК. III, 247); жоңт 'лошадь', 'табунная лошадь', ср. Ramst. ŠU., 37; чөріг 'войско', ср. Ramst. ŠU., 19, и т. д.

Часто упоминающимися в орхоно-енисейских и других древнетюркских текстах являются также этнические и географические наименования уйгурской надписи, например: Түбіт (Тибет), ср. ПКТм., 3, ПКТб., 4, 52 (см. также МК. I, 29, 355); түріс (тургеш), ср. Тон., 30, ПКТб., 38, 39, 40, 53; Болучу-бігіз, ср. Тон., 35, ПКТб., 37 (Болчу), Ramst. ŠU., 25.

Данная надпись примыкает к орхоно-енисейской эпиграфике и в стилистическом отношении, ср. ЕП. (третий памятник с Чакуля): әр атём ғарук тәгін бән бір отуз жашимда... 'мое геройское имя — Ярук-тегин. Я в двадцать один год...', 38, (второй памятник с Алтын-Кёля): әр атём Әрән Улуб 'мое геройское имя Эрен Улуг', 56. Говоря о грамматических особенностях языка надписи, следует отметить широкое использование аффикса -та в значении формы направительного падежа (в некоторых случаях возможно толкование аффикса -та как формы с исходным значением).

Уйгурская надпись, обнаруженная Ц. Доржисуреном, является очень древней. Упоминание в надписи тюргешей дает основание для отнесения ее к VIII или началу IX в., так как трудно предположить, чтобы тюргеши были известны восточным тюркам позднее IX в. Если не считать тюргешские монеты из Семиречья, надписи на которых сделаны, очевидно, на согдийском языке, и если не принимать во внимание мелких (из двух-пяти знаков) надписей на керамике, являющихся тюркскими, то необходимо будет рассматривать данную надпись как древнейший образец согдо-уйгурской письменности у тюрок.

II поздний — согдийский (редко встречающийся в согдийских текстах) и III более поздний или согдо-уйгурский (обычный для тюркских текстов), имеющий несколько разновидностей.

⁶ В статье приняты следующие сокращения: ЕП. — С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрок. М.-Л., 1952; ПКТм., ПКТб. — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951 (Памятник в честь Кюль-Тегина. Малая надпись — м, большая надпись — 6); Тон. — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951 (Памятник в честь Тоньюкука); Ramst. ŠU. — G. J. Ramstedt. Zwei uigurische Runenschriften in der Nord-Mongolei (II. Die Inschrift des Grabsteins am Sine-Usu). Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXX, Helsinki, 1913—1918; МК. — Türk Dili Kurumu. Divanü Lügat-it-türk tercümesi, I—III. Ankara, 1939—1942.

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

К ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ УЛАНКОМСКОЙ НАДПИСИ

Древнеуйгурская надпись, публикуемая А. М. Щербаком,¹ историографически примыкает к группе "больших" рунических памятников Монголии. Упомянутое в ней сражение с тюргешами при р. Болучу произошло в 711 г. и подробно описано в памятниках Кюль-тегина (37—38), Могиляна (28) и Тоньюкука (35—42).² О другом сражении при Болучу в начале 750-х годов сообщает надпись уйгурского кагана Моюн-чура, но его противниками были не тюргеши, а карлуки (25—26).³ В Уланкомской надписи сражение при Болучу датировано "полным годом". Такого рода датировки чужды летосчислению древнетюркских памятников с их двенадцатилетним животным циклом и связаны с китайским летосчислением.⁴ Согласно китайскому лунному календарю, каждый четвертый год имеет дополнительный месяц и является високосным, "полным". К числу "полных" лет относится и 711 год.⁵

Герой уйгурской надписи, Богаз-тегин, в конце 711 г.⁶ принимал участие в походе тюркского войска против тюргешей и, следовательно, был союзником (вассалом?) восточнотюркского кагана Мочко. В предшествующие месяцы 711 г., когда отряды Тоньюкука и Могиляна сражались с киргизами в долине Енисея, Богаз-тегин совершил поход в Тибет и Тюнлюг. Это последнее название отождествимо с упомянутой Марко Поло "страной Тандюк" (в старофранцузской версии *Tanduc*, также *plain de Tanduc* 'равнина

¹ См. выше, стр. 23—25.

² С. Е. Малов: 1) Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 32, 63; 2) Памятники древнетюркской письменности Киргизии и Монголии. М.—Л., 1959, стр. 17. Номерами в скобках обозначены строки памятника.

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Киргизии и Монголии, стр. 36.

⁴ J. Marquart. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, стр. 29—30; P. Pelliot. Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale. T'oung pao, t. XXVI, 1930, стр. 204—211; O. Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955, стр. 26—27, 92—93.

⁵ Chen Yuan. A comparative daily calendar for Chinese, European and Mohammedan history. Peking, 1926, ч. 2, гл. 8, стр. 3.

⁶ О дате тюргешского похода см.: П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. СПб., 1899, стр. 140; V. Thomesen. Turcica. Études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie. Helsingfors, 1916, стр. 92—93.

Тандюк'; в латинской версии *Tenduc*), локализуемой в северной части Ордоса.⁷ Чередование l/d в данной позиции с точки зрения фонетики тюркских языков сомнения не вызывает. В конце VII—начале VIII вв. северо-восточная граница Тибета находилась в непосредственной близости от Ордоса,⁸ упомянутый в надписи поход в Тибет был, по всей вероятности, не более чем набегом на пограничный район. Отметим, что и предпринятый позднее Бильге-каганом поход в сторону Тибета не завершился проникновением на Тибетское плато. Поход Богаз-тегина возможно рассматривать в связи с готовившимся тогда походом против тюргешей — в этот период Тибет был наиболее сильным союзником Западнотюркского каганата.⁹

Интересно упоминание об овладении Ярмаганом (строка 4: *jarmađ/aJn*). Этот топоним может быть сопоставлен с названием двух тибетских городов на юге Синьцзяна — большого и малого Джармангана (*چارمنگان*), зарегистрированных в персидском географическом сочинении X в. "Худуд ал-'Алам"; "джекающий" анлаут свидетельствует в данном случае о карлукском информаторе автора этого труда.¹⁰

Определение даты сражения при Болучу позволяет предположить следующую хронологию упомянутых в надписи событий:

События	Хронология надписи	Даты
Поход в Бур-Улуг.	Возраст Богаз-тегина — 17 лет.	708 г.
Поход в Оги-Сунуту-Тытам и Чон.	Возраст Богаз-тегина — 19 лет.	710 г.
Овладение Ярмаганом.	То же.	710 г.
Поход в Тибет и Түнлүг.	"Полный год".	711 г.
Сражение с тюргешами при Болучу.	"Полный год".	711 г.
Поход в Омуз.	Возраст Богаз-тегина — 21 год.	712 г.

⁷ G. Pauthier. Le livre de Marco Polo... rédigé en français sous sa dictée en 1298 par Rusticlen de Pise, t. I. Paris, 1855, стр. 179, 208 (старофранцузская версия); A. C. Moule and P. Pelliot. Marco Polo. The description of the World, t. II, London, 1938, стр. 181—181 (латинская версия); H. Yule. The Book of ser Marco Polo the Venetian concerning the kingdoms and marvels of the East, v. I. 3-rd ed., London, 1903, стр. 284—286. Ср. также упомянутую в тексте памятника Кюль-тегина *Түн язы* 'равнину Тюн' (ПКТм, 6—7).

⁸ H. Hoffmann. Tibets Eintritt in die Universalgeschichte. Saeculum, Bd. I, Hf. 2, 1950, стр. 269—272.

⁹ E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. St.-Pétersbourg, 1903, стр. 179—192.

¹⁰ В. В. Бартольд. Худуд ал-'Алам. Рукопись Туманского. Л., 1930, л. 166; о локализации Джармангана: V. Minorsky. Hudud al-'Alam. A Persian geography, 372 A. H.—982 A. D. London, 1937, стр. 93, 259. В. Ф. Минорский локализует Джарманган в юго-восточной части Хотанского оазиса, где на одном из древних поселений А. Стейном найдены китайские монеты 713—783 гг. (A. Stein. Ancient Khotan. Detailed report on archaeological explorations in Chinese Turkestan, v. I, Oxford, 1907, стр. 233.)

Употребление в Уланкомской надписи уйгурского курсива и китайской системы летосчисления свидетельствует о связи Богаз-тегина и его соплеменников с восточнотуркестанскими городами. Возможно, они принадлежали к племени шато, которое в начале периода сянь-тинь (вторая половина 711 г.), «уклоняясь от тибетцев», переселилось из района Баркуля в округ Бешбалыка.¹¹ Палеография Уланкомской надписи показывает также, что уже в начале VIII в. — эпоху расцвета рунического письма — уйгурский курсив начинает соперничать с руничкой и в лапидарной графике.¹²

Уланкомская надпись — это памятник, который интересен тем, что в нем впервые в истории письменности Китая и Монголии включены иероглифы. Иероглифы в Уланкомской надписи являются следами китайской письменности, которая в то время еще не была распространена в Средней Азии. Надпись содержит информацию о том, что Богаз-тегин и его соплеменники, жившие в Уланкоме, были покорены китайским императором Чжэнь-цзунем в 711 году. В надписи говорится о том, что Богаз-тегин и его соплеменники были покорены китайским императором Чжэнь-цзунем в 711 году. В надписи говорится о том, что Богаз-тегин и его соплеменники были покорены китайским императором Чжэнь-цзунем в 711 году.

1961 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · XIV

Одна из надписей (надпись № 105) датируется 705 годом — это памятник из города Кошо-Цайдама, традиционно связанный с предполагаемым походом восточных тюрков в Согд, а другая (надпись № 106) — это памятник из города Монголии, датированный 705 годом. Надпись № 105 содержит информацию о том, что в 705 году китайские войска под командованием Чжэнь-цзуня покорили Согдийское государство. Надпись № 106 содержит информацию о том, что в 705 году китайские войска под командованием Чжэнь-цзуня покорили Согдийское государство.

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

СОГДИЙЦЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(ПО РУНИЧЕСКИМ ТЕКСТАМ)

Слова *alty čub soğdaq*, содержащиеся в древнетюркских памятниках Кошо-Цайдама, традиционно связываются с предполагаемым походом восточных тюрков в Согд, а слово *čub* отождествляется с *ch'ao-wu* китайских источников — родовым именем династов согдийских государств.¹ Однако контекст и хронология надписей не подтверждают этой распространенной гипотезы.

Большая надпись в честь Бильге-кагана (БКб): „(24) В мои семнадцать лет я пошел с войском на тангутов, народ тангутов победил... В мои восемнадцать лет я пошел с войском на согдийцев шести чубов, (25) [их] народ там победил. Пришло пятидесятитысячное войско китайского Онгтукука. При ыдук-баше я с ним сразился, это войско там уничтожил“.

Большая надпись в честь Кюль-тегина (КТб): „(31) Шестнадцать лет [от роду] он вот что сделал для расширения государства и власти моего дяди-кагана: мы пошли с войском на согдийцев шести чубов и победили их. Пришло пятидесятитысячное войско китайского Онгтукука, мы сразились. (33) Кюль-тегин пеший напал, схватил йорыча (?) Онгтукука вооруженной рукой и с оружием представил [его] кагану. То войско мы там уничтожили“.²

Обе надписи повествуют о походах Мочжо-кагана в 700—702 гг. В походах участвовали и племянники Мочжо — герои надписей. Сопоставление сведений о возрасте Бильге-кагана и Кюль-тегина позволяет уточнить время происходивших событий: а) поход на тангутов — конец 700—начало 701 г.;

¹ J. Marquart. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, стр. 5; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II. СПб., 1900, стр. 190; E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux. St.-Pétersbourg, 1903, стр. 288; H. A. R. Gibb. The Arab conquests in Central Asia. London, 1923, стр. 5; K. Shiratory. A study on Su-t'ê or Sogdiana. Toyo-bunko, Tokyo, 1928, № 2, стр. 100—107; H. W. Haussig. Die Beschreibung des Tarim Beckens bei Ptolemaios. ZDMG, Bd. 109, Hf. 1, 1959, стр. 114.

² В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии. СПб., 1902, табл. XVIII, XXIII; П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. ЭВОРАО, т. XII, 1899, стр. 72; V. Thomsen. Altürkische Inschriften aus der Mongolei. ZDMG, Bd. 78, 1925, стр. 150—151; С. Е. Малов: 1) Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 31, 40; 2) Памятники древнетюркской письменности Киргизии и Монголии. М.—Л., 1959, стр. 16, 20.

¹¹ E. Chavannes, ук. соч., стр. 98—99.
¹² Ср.: С. Г. Кляшторный, К вопросу о подлинности древнетюркской надписи с именем Чингиз-хана. Проблемы востоковедения, 1960, № 1, стр. 174; и др.

б) поход на согдийцев — конец 701—начало 702 г.; в) сражение с Онгтутуком — 702 г.³ Рассказ надписей совпадает с сообщениями китайских источников, согласно которым в 700 г. Мочжо совершил набег на Лун-ю (северо-восточная часть Ганьсу) — область, населенную тангутами.⁴ Императорским эдиктом командующим китайской пограничной армией был назначен военный губернатор Аньбэя (*tu-tu* > тюрк. *tutuq*) Сян-ван (*wang* > тюрк. *on*), именуемый надписями Онгтутуком.⁵ В конце 701—начале 702 г. Мочжо вновь предпринял поход за Великую стену, в Ордос и Шэнъси, где пробыл до осени 702 г.⁶

Сообщения надписей и китайских источников могут быть синхронизованы в следующей таблице:

События			
китайские источники	БК6	КТ6	Даты китайских источников
			Даты надписей
Набег Мочжо на тангутов в Лун-ю.	Поход на тангутов.	—	12-й месяц 1-го года Цзю-ши (январь 701 г.)
Назначение Сян-вана командующим китайской пограничной армией.	—	—	То же.
Набег Мочжо на Ордос и Шэнъси.	Поход на „согдийцев шести чубов“.	Поход на „согдийцев шести чубов“.	1-й месяц 2-го года Чанань (февраль 702 г.)
Посланы войска для предотвращения продвижения тюрков.	Битва с Онгтутуком.	Битва с Онгтутуком.	3-й месяц 2-го года Чанань (апрель—май 702 г.)
Отступление Мочжо через Шэнъси.	—	—	7-9-й месяцы 2-го года Чанань (август—октябрь 702 г.)

Участие Бильге-кагана и Кюль-тегина в столкновении с войсками Сян-вана (весна 702 г.) исключает возможность их похода в Согд, начало которого пришлось бы на конец 701—начало 702 г., и предопределяет локализацию упомянутых надписями согдийцев в Ордосе или Шэнъси.⁷

³ Ср.: П. М. Мелиоранский, ук. соч., стр. 140.

⁴ R. Stein. Mi-ñag et Si-hia. BEFEO, t. XLIX, 1951, стр. 231.

⁵ A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 321, 345.

⁶ S. Julien. Documents sur les Tou-kiue. JA, VI sér., t. IV, 1864, стр. 417—426; Wiesbaden, 1958, стр. 164, 218—219, 255.

⁷ Первый поход восточных тюрков в Семиречье в Согд был совершен в 711—714 гг. и длился около четырех лет (см.: С. Г. Кляшторный. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов. ЭВ, т. IX, 1954, стр. 55—64).

Проблема согдийской колонизации Ордоса впервые была рассмотрена Э. Пуллиблэнком.⁸ Развивая гипотезу Э. Шаванна и П. Пельо о применении в танскую эпоху термина „ху“ почти исключительно к согдийцам, Э. Пуллиблэнк предположил, что существовавшая между 679—786 гг. в Южном Ордосе—Северном Шэнъси область 六胡州 лю ху чжоу 'шесть округов ху' была населена согдийцами. Выводы Э. Пуллиблэнка вызвали известные сомнения, и были предложены иные возможные толкования анализируемых им и аналогичных сообщений.⁹ Рунические надписи позволяют решить всю проблему достаточно определенно. Слово čub, интерпретация которого встретила наибольшие трудности, передает китайское чжоу (танское *tsjəu*) 'округ'.¹⁰ Выражение alty čub soýdaq 'согдийцы шести округов' является калькой китайского административного термина „шесть округов ху“, обозначающего область согдийских колоний в Южном Ордосе—Северном Шэнъси.

Сообщения китайских источников о социально-политическом статусе „согдийцев шести округов“ подтверждают выводы, сделанные ранее на материале рунических текстов,—согдийские колонии Центральной Азии и Семиречья были объединены в территориальные федерации, номинальная зависимость которых от китайских и тюркских сузеренов оставляла место не только муниципальной автономии, но и военно-дипломатической активности.¹¹

⁸ E. G. Pulleyblank. A sogdian colony in Inner Mongolia. TP, v. XLI, livr. 4—5, 1952, стр. 317—356.

⁹ Liu Mau-tsai, ук. соч., Bd. II, стр. 599—601; W. Eberhard. The origin of the commoners in ancient Tun-huang. Sinologica, t. IV, Basel, 1956, стр. 154.

¹⁰ Возможны два пути фонетического изменения этого слова по нормам древнетюркских языков: а) *Tsjəu* > *čiu* > *či* — В. Csongor. Chinese in the Uighur script of the T'ang-period. AO, t. II, fasc. 1, 1952, стр. 116; б) *Tsjəu* > *čub*. Губной аудиоизвода китайского слова закономерно дает тюркский звонкий губно-губной согласный *b*. Синологической консультацией я обязан С. Е. Яхонтову.

¹¹ S. G. Klyachtorij. A propos des mots soýd bärçäkär buqaraq ulys de l'inscription de Kul téghin. CAJ, t. III, № 4, 1958, стр. 245—251.

квадратом, с ушком в центре и конусообразной шишечкой — петлей в центре. С центром связаны иероглифы 長 (длинный) и 子 (ребенок). Слово 長 (длинный) включает в себя иероглиф 作 (делать), а также иероглиф 有 (иметь). Иероглиф 有 (иметь) в свою очередь включает в себя иероглиф 人 (человек). Слово 子 (ребенок) включает в себя иероглиф 人 (человек) и иероглиф 女 (женщина).

Е. И. ЛУБО-ЛЕСНИЧЕНКО

ЗЕРКАЛА С НАДПИСЯМИ ПЕРИОДА ХАНЬ (В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА)

В коллекции китайских бронзовых зеркал, хранящихся в Эрмитаже, четыре зеркала, относящиеся к периоду Хань (II в. до н. э. — II в. н. э.), имеют иероглифические надписи. Чтение этих надписей представляет известный интерес для изучения той отдаленной эпохи. Расшифровка надписей на древнекитайских бронзовых зеркалах связана с некоторыми трудностями, так как мастера, изготавлившие зеркала, часто употребляли иероглифы в стилизованной или архаизированной форме и заменяли один иероглиф другим.

1. Зеркало ЛМ 423, диаметр 13.3 см, с конусообразной шишечкой — петлей в центре и широким выпуклым краем (рис. 1). Вокруг шишки выполненный двойной линией квадрат с восемью симметрично расположенными шишечками и четырьмя иероглифами в углах квадрата, из которых сохранилось три. Орнамент, выполненный слабым рельефным контуром, состоит из образований TLV¹ и птичек с поднятыми крыльями, сгруппированных по две вокруг V. Орнамент окружен лентами из зубцов, наклонных штрихов и опять из зубцов. Зеркало значительно повреждено. Иероглифы, расположенные в углах квадрата, расшифровываются следующим образом: 宜古長口 'Пусть [у вас] всегда будут сыновья [и внуки]'.

Последний иероглиф 孫 'внуки' восстанавливается путем сравнения с многочисленными подобными надписями на зеркалах ханьского периода.² Эта надпись представляет одну из самых распространенных в то время благожелательных формул.

2. Зеркало ЛМ 422, диаметр 12.7 см, с полукруглой шишкой — ушком в центре и высоким острым краем. Шишка отделена от орнаментального поля узеньким двойным пояском. Орнамент, выполненный высоким рельефом, состоит из последовательно расположенных шести фантастических крылатых животных, скачущих в летящем галопе. Между животными симметрично

¹ О символическом значении образований TLV см.: Cammann, Schuyler. The "TLV" Pattern on cosmic mirrors of the Han Dynasty. Journal of American Oriental Society, t. 68, № 4, October-December, 1948, стр. 158—167.

² См.: B. Karlgren. Early Chinese mirror inscriptions. Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, № 6. Stockholm, 1934, надпись № 2.

расположены шишечки с ободками. Орнамент окружен лентой с иероглифами и тремя лентами, одна из которых заполнена наклонными штрихами, а две другие — маленькими зубчиками (рис. 2). Четыре иероглифа полностью стерты. Остальные шесть удалось расшифровать: 口口作口自有口宣古市'口口' сделала [зеркало] по своему [рецепту], пригодное для рынка'.

Надпись плохо сохранилась. Первые два стертые иероглифа, вероятно, обозначали имя мастера. После иероглифов 自有, судя по аналогиям, должно было стоять 紀 'метод', 經 'принцип', 道 'способ', 方 'рецепт' и т. д.³ Надпись интересна тем, что она дает новый вариант, не встречавшийся в 257 различных типах надписей на зеркалах периода Хань, собранных Б. Карлгреном.

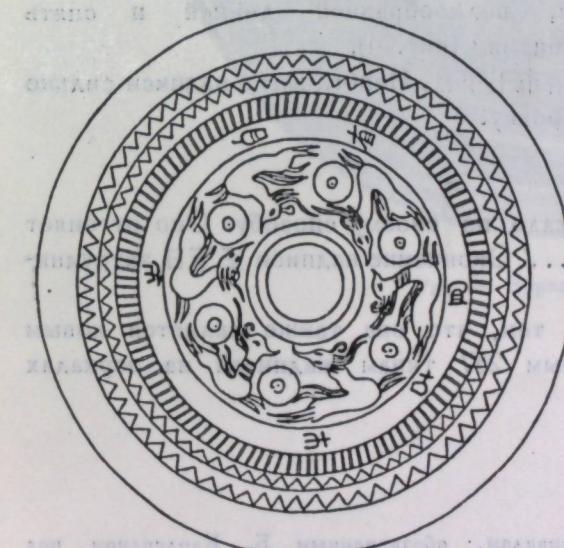
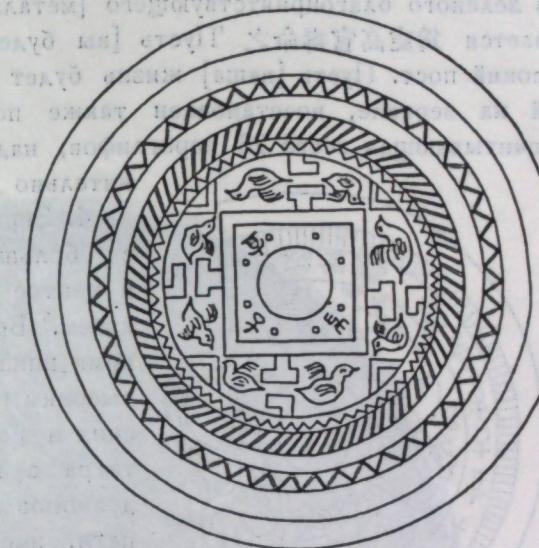
3. Зеркало ЛМ 429, диаметр 9 см, с маленькой шишечкой в центре и широким гладким краем. Орнаментированное поле заполнено стилизованными животными формами. Орнамент окружен двумя лентами: с иероглифами и маленькими зубцами. Часть зеркала отбита (рис. 3). Иероглифы в ленте расшифровываются следующим образом: ...竟自有紀辟去不羊宣古市長保口親利孫子口口... зеркало по своему методу. Оно отгоняет злые явления и пригодно для рынка. [Пусть вы] на долгое время сохраните [обоих] родителей и будете осчастлиvлены внуками и孙子... .

Рис. 2. Зеркало ЛМ 422 (прорисовка).

Сохранившиеся две трети надписи полностью совпадают с надписью, обозначенной Б. Карлгреном № 141.⁴ Она начинается иероглифами 青蓋作竟...

³ B. Karlgren, ук. соч., №№ 139—162.

⁴ Там же.

'Из зеленого благоприятствующего [металла я] сделал зеркало...' и заканчивается 爲吏高官壽命之 'Пусть [вы будете] чиновником [и будете] иметь высокий пост. Пусть [ваша] жизнь будет долгой'. Иероглиф „обоих“, стертый на зеркале, восстановлен также по аналогии с надписью № 141. Насчитывающая всего 28 иероглифов, надпись принадлежит к числу сравнительно длинных.

Рис. 3. Зеркало LM 429 (прорисовка).

4. Зеркало LM 9, диаметр 16.6 см, с большой полусферической шишкой в центре и сильно утолщенным выпуклым краем.⁵ Вокруг шишки поясок с 30 маленькими шишечками. Орнамент, выполненный высоким рельефом, состоит из фантастических и реально существующих животных: тигра с повернутой назад головой, трех драконов в различных позах, медведя, черепахи, змеи и божества — сяна, толкущего вместе с зайцем в ступе элексир бессмертия. Шесть шишечек с кружками делят группы животных на шесть равных частей. Орнамент окружен лентой с иероглифами и лентами с наклонной штриховкой, зубцами, волнообразной линией и опять с зубцами⁶ (рис. 4).

Надпись: 曾尹作竟自有道辟去不羊治市王下日. Иероглифы в надписи сильно стилизованы, что затрудняет расшифровку.

吉 — представляет собой 去.⁷

只 — представляет собой 不.⁸

Перевод: 'Цзэн Инь сделал зеркало по своему способу. Оно отгоняет злые влияния и пригодно для рынка...' Окончание надписи 王下日 затруднительно для перевода.

Приведенная надпись интересна тем, что она также является новым вариантом в дополнение к известным 257 типам надписей на зеркалах ханьского периода.

⁵ Зеркало LM 9 принадлежит к зеркалам, обозначенным Б. Карлгреном под группой L и датируемой 100 г. до н. в.—100 г. н. в. (см.: B. Karlgren. Huai and Han. Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, № 13, Stockholm, 1941, стр. 113—114).

⁶ Зеркало опубликовано и описано в статье М. П. Лавровой „Китайские зеркала ханьского времени“ (Материалы по археографии, т. IV, вып. 1, 1927, стр. 10—11, рис. 9). Указание М. П. Лавровой, что зеркало сделано мастером по фамилии Лу, не подтверждается надписью.

⁷ Си цин гу цзянь, цз. 39, стр. 31.

⁸ Там же, стр. 3, 5.

Рис. 4. Зеркало LM 9.

В вышеприведенных надписях имеются следующие иероглифы, употребленные без „ключей“ или замененные другими иероглифами:

竟=鏡
羊=祥
去=祛
古=賈

Четыре разобраные надписи выполнены в характерном для периода Хань стиле „ли шу“ со значительной стилизацией на зеркале ЛМ 9. Все они имеют ярко выраженное благожелательное значение: пожелание долгой жизни, потомства, больших чинов и т. д. Упоминание о рынке, имеющееся в трех надписях, свидетельствует о том, что эти зеркала изготавливались мастерами специально для продажи.

известной мифологии ондоуло именами якни и хиннадзионими. Я
имифология индуистской мифологии или "Неволя", ведь они

—
—
—
—

адицей ялд, монотивъя и монодыя иониды эминофоюа юниты
з. МА ольфес ли бенуисланте. Нонастриане из "Ш. Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН".

Коты, пингвины: Банзары складываются в виде головы ино
НЕСКОЛЬКО ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА ВЕРАМИНСКИХ ИЗРАЗЦАХ
ЭРМИТАЖА

При издании одного из хранящихся в Эрмитаже расписанных люстром изразцов мавзолея Имам-задэ Яхья в Верамине сообщалось, что среди них, помимо указанного, имеется еще несколько экземпляров с персидскими поэтическими текстами в бордюрах, в то время как соответствующие надписи на всех остальных изразцах содержат коранические стихи.¹ Из всей группы изразцов с персидскими поэтическими текстами только изданный имеет дату, и то лишь в виде начального числительного, так как для остального не хватило места. Числительное это, в котором скорее можно было бы ожидать 'шестьдесят', по своему начертанию, вызванному, вероятно, недостатком места, более похоже на ст 'шесть'. В связи с этим и дата раскрывается либо как 660/1261-1262 г., многократно встречающийся на изразцах упомянутого мавзолея, либо, что менее вероятно, как несколько более ранний — 656/1258 г.² Так же должен быть решен вопрос и о датировке остальных изразцов этой группы, которые совпадают с изданным экземпляром как в отношении тона люстра, характера расписи и степени обжига, с одной стороны, так и в отношении почерка надписей, явно выдающегося одного и того же писца, — с другой. Любопытно, что совпадение прослеживается и в форме изразцов, один из которых сохранился, подобноциальному, в полном объеме креста, остальные же представляют более или менее полно сохранившиеся половинки крыльев одного или двух крестов, намеренно расколотых при укладке их на стену. Из имеющихся четырех половинок складываются два крыла.

Одно крыло (рис. 1) составляетя неполностью, так как у обеих его половинок (ИР-1175а, б) недостает частей, образующих оконечность луча и отломившихся, вероятнее всего, при насильственном снятии их со стен мавзолея. Противоположный край, образовавшийся при отколе крыла от средокрестия, также не прямой, и это может послужить основанием к сомнению в том, что обломки крыла действительно связаны друг с другом. Этому

¹ Л. Т. Гюзальян. Два отрывка из Низами на изразцах XIII и XIV вв. ЭВ, VII, 1953, стр. 17-25.

² Там же.

сомнению может способствовать неточное совпадение деталей орнамента, расположенных по краям расписанной полосы, и кажущееся неполное сходство почерка в надписях одной и другой половинок. Однако эти сомнения отпадают в связи с тем, что сохранившиеся части половинок крыла сошлись не только по рисунку разрисованного поля, но и по неровностям их внутренних краев, образовавшимся при намеренном раскалывании креста.

Надпись содержит три независимых друг от друга обрывка. Первый из них в виде *وردي*... представляет полностью, либо частично рифму, возможно — только редиф последней строки какого-то отрывка или четверостишия. Непосредственно за этим следует хорошо засвидетельствованный в "Шахнаме" бейт, содержащий одну из часто повторяющихся в поэме сентенций. Сохранился полностью первый стих байта, от второго же — лишь две черты начального слова, достаточные, однако, чтобы оно могло быть восстановлено. Совпадение этого слова с обычным началом второго стиха, при том, что и первый стих полностью совпадает с обычным чтением, свойственная всему байту лаконичность, также как и отсутствие каких-либо разночтений байта в доступных рукописях поэмы, служат основанием к восстановлению на изразце его второго стиха полностью. При этом восстанавливается также опущенный в первом стихе бейта союз *و*.

جیانا سراسر فسوسی [و] باد * [بتو نیست مرد خردمند شاد]

'О, мир, ты целиком [лишь] досада и ветер,
[И не в радости от тебя разумный человек!]'

Этот бейт относится к заключительной части "Царствования Феридуна" и представлен подавляющим большинством рукописей. Он отсутствует в рукописи 733/1333 г. Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Д 329), в которой вообще эта заключительная часть намного короче распространенной редакции. В некоторых рукописях встречается искажение. Так, в рукописях Института народов Азии Академии наук СССР, С 822 и С 1654, в начале байта вместо *چیانز* читается *چیانزه*. Это — явная бессмыслица, свидетельствующая, что в более раннее время либо при переписке поэмы была допущена чисто механическая ошибка, либо один из переписчиков сознательно переделал слово, полагая, что и в этом байте продолжается речь Феридуна.

Третий обрывок не поддается определению. По тому, какой смысл в нем можно предполагать, и по размеру, который в нем улавливается (*ت* *هـ*), он скорее должен являться частью выдержки из большого поэтического произведения, чем частью четверостишия. Вследствие недостаточной ясности обрывка, чтение его оставлено без перевода: *در دل زنده جان هو ...*

Другие две половинки (ИР-1174 а, б), в отличие от первых, не могут быть приставлены одна к другой плотную (рис. 2). Это объясняется не только тем, что их обломанные края были обточены, но и тем, что на одной половинке сохранились остатки цементирующего состава. Тем самым подтверждается, что крест был расколот сознательно и что эти куски были

уложены на стенах не рядом друг с другом. Связь двух половинок между собой не могла бы быть установлена на основании одной лишь росписи. Решающей здесь надпись, одно слово которой (استینم) оказалось частью на одной, частью на другой половинке.

Надпись содержит два не связанных между собой обрывка. Первый из них представляет неполный второй бейт четверостишия. Так же, как в надписи изданного ранее изразца, здесь есть случай написания изафета после буквы, обозначающей согласный звук. В приводимом ниже тексте этот изафет заключен в круглые скобки: از پی دل تا در(ای) یار * اشکم بدؤید و استینم بگرفت ...

Более полный текст этого четверостишия, без его начала и конца, имеется на фрагментированном звездчатом изразце с люстровой росписью из Музея в Куме (Иран). Изразец этот с изображением всадника с човганом в руке был опубликован в 1937 г. А. У. Попом в "Бюллетене Американского Института иранского искусства и археологии".³ Начало четверостишия находилось в верхнем отсутствующем луне звезда. Сохранившаяся часть четверостишия представляет следующее:

مس دل غمینم بگرفت * و اندیشه یار نازنینم بگرفت
گفتم بروم برپی دل تا در یار * اشکم بدؤید و استینم بگرفت ...

Четверостишие это принадлежит к числу приписываемых автору XI в. Кемали Исмаили. В рукописи дивана этого поэта, принадлежащей Институту народов Азии Академии наук СССР и датируемой предположительно XVI в. (C-77), оно помещено на л. 222-а:

دی شب هوس دل غمینم بگرفت * و اندیشه یار فازنینم بگرفت
گفتم بروم از پی دل تا بر یار * اشکم بدؤید و استینم بگرفت

Расхождение между приведенными текстами ограничивается третьим стихом. В то время как эрмитажный изразец и рукопись дают чтение از پی دل، на изразце Кумского музея текст читается بر پی دل. Вместе с тем оба изразца дают чтение تا در یار, чему в рукописи соответствует تا بر یار.

Не вдаваясь в рассмотрение преимуществ и недостатков тех или иных вариантов, отметим лишь, что те из них, которые засвидетельствованы дважды, более соответствуют обычным оборотам в лирических четверостишиях, наиболее часто встречающихся в надписях на керамических изделиях соответствующего времени. Хотя эти разнотечения и не изменяют смысла стиха, тем не менее они отражены в приводимом ниже переводе четверостишия:

³ A. U. Pope. New Findings in Persian Ceramics of the Islamic Period. Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology, V, № 2, December, New-York, 1937, стр. 154, рис. 6.

"Прошлой ночью я был охвачен страстью моего тоскующего сердца,
И меня одолели раздумья о моей изнеженной красавице.
Я решился было пойти вслед за [моим] сердцем (или: по следам [моего]
сердца) до порога моей возлюбленной (или: к моей возлюбленной),
[Но] хлынули у меня слезы и удержали меня".

При переводе последнего стиха предпочтение отдано не обычному значению глагола استینم گرفتن, приводимому в словарях, как 'заставить трудиться безвозмездно', 'заставить работать впустую' или 'заставить бродить без цели', а буквальному его смыслу 'схватить за рукава'. Думается, что это больше соответствует общему духу четверостишия и что при этом больше сохраняется характер глагола گرفتن как редифа. Вообще же в данном месте глагол استینم گرفتن мог бы иметь и другие значения, как 'сковать желания' или 'сделать безуспешными попытки'.

Фиксация рассмотренного четверостишия на двух изразцах, если и не способствует разрешению вопроса об его авторе, то, во всяком случае, свидетельствует, что это четверостишие существовало и пользовалось известностью задолго до составления указанной выше рукописи. Поскольку изразец Кумского музея может быть датирован на основании стилистических и палеографических данных третьей четвертью XIII в., то более точной и, пожалуй, более ранней оказывается фиксация четверостишия на эрмитажном обломке.

Вторым обрывком, следующим непосредственно за первым, является неполностью сохранившийся бейт:

کجا اند شاهان با تاج و تخت * کجا اند خوبان ...

'Где [те] шахи, что владели короной и троном?
Где [те] красавицы...'

Не приходится сомневаться в том, что этот бейт идет из "Шахнаме". Между тем точно такого байта в поэме нет. Поэтому приходится предположить, что он является либо переработкой определенного байта из поэмы, либо подражанием целому ряду подобных же байтов, встречающихся в ней.

Третьим и последним из издающихся является изразец (ИР-75), сохранившийся в объеме полного креста (рис. 3). Однако он разбит на мелкие обломки. Это, очевидно, произошло главным образом при насильственном снятии его со стены, на что указывают поверхностные выломы на двух углах средокрестия (на фотографии — правые). В верхнем из этих углов сходятся начало и конец надписи. Если вспомнить, что надпись на изданном ранее кресте также начиналась и заканчивалась на одном из углов средокрестия, то можно предположить, что это было характерно для данного писца, так как коранические тексты на крестовидных изразцах этого же мавзолея начинаются обычно от оконечностей крыльев. Отмеченные при издании первого креста особенности писца оказались здесь в расчененном написании слова, сопровождаемого к тому же, несмотря на его согласный исход, изафетом, и в повторном случае написания последнего после согласного (گردشی вместо دلیران instead of دلیران). Однако, в отличие от упо-

мняного креста, надпись на данном экземпляре содержит не связный текст, а четыре независимых один от другого, но и не отделенных друг от друга поэтических образца, что сближает ее с надписями на рассмотренных выше обломках. В приводимом ниже чтении надписи сохранены свойственные данному писцу особенности, восстановление же отсутствующих мест в большинстве случаев не требует обоснований, так как они относятся преимущественно к широко распространенным в то время и хорошо известным по записям на керамических изделиях произведениям. Одним из наиболее часто встречающихся является четверостишие, с которого начинается надпись:

[ای گوئنده میر تو [سیران] جهان * ترسان ز فراق تو دل رازی) جهان]
با چشم تو اهوان چه دارند بدست * ای زلف ذا و پای بند شیران جهان

О ты, по любви которой изголодались все пресытившиеся миром,
И в страхе перед разлукой с которой трепещут все храбрецы мира!
Что могут противопоставить твоим глазам газели?

О ты, чьи локонь связали путами всех львов мира!

Следующее по ходу надписи четверостишие принадлежит к числу более редко встречающихся:

با دل همه شب حديث تو می گویم * بوی [تو ر] هر باد سحر می بویم
رخساره بخون دل ازان می شویم * تاروز دگر ز[رد] نباشد رویم

Это четверостишие начертано также в поясе на внутренней стороне чаши 610/1214 г., принадлежащей частной коллекции Дебенхам (Debenham) и воспроизведенной в последний раз в международном "Обзоре персидского искусства" (рис. 4).⁴ На фотографии начало четверостишия находится в верхней части пояса. Видны первые два стиха четверостишия и начало третьего, в пределах которых устанавливаются следующие расхождения с текстом на нашем изразце. Рифма второго стиха читается не *بوی*, а *می گویم*, и начало же третьего стиха представляет отличный вариант. В нем только слово *چلو* с предшествующим ему предлогом и сопровождаемое, по-видимому, послелогом совпадает с близким ему по значению словом *رخساره*, которое является соответственно началом третьего стиха на изразце. Поскольку на таблице указанного издания не вся видимая часть третьего стиха поддается чтению, в приводимом ниже переводе четверостишия этот вариант не отражен. Отражено лишь разночтение рифмы второго стиха, тем более, что оно представляется более убедительным.

'Всю ночь я веду беседу о тебе со своим сердцем и вижу тебя в зеркале.
И вдыхаю твой аромат от каждого дуновенья' (вариант: и ловлю твой аромат
Для того и омыла я [свой] щеки кровью сердца,
Чтобы на следующий день не было желтым лицо у меня'.

Дальше следует еще одно четверостишие, но, в отличие от двух предшествующих, уже не лирическое, а благопожелательное:

⁴ SPA, V, London—New-York, 1939, табл. 734 B.

Рис. 1. Неполное крыло расколотого крестовидного изразца. Государственный Эрмитаж (ИР-1175 а, б).

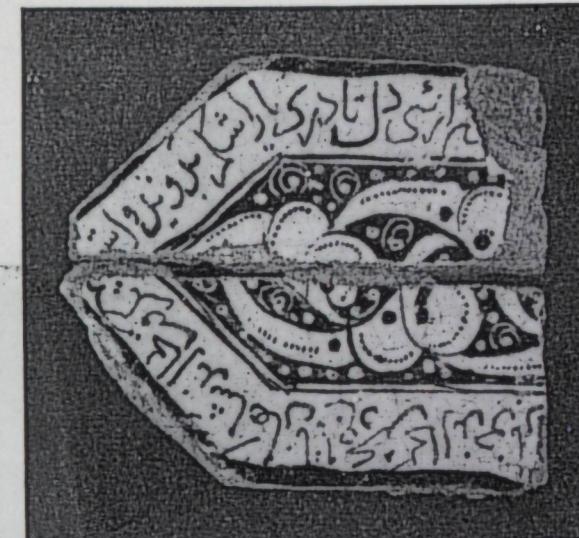

Рис. 2. Крыло расколотого крестовидного изразца. На одном обломке сохранились остатки цементирующего состава. Государственный Эрмитаж (ИР-1174 а, б).

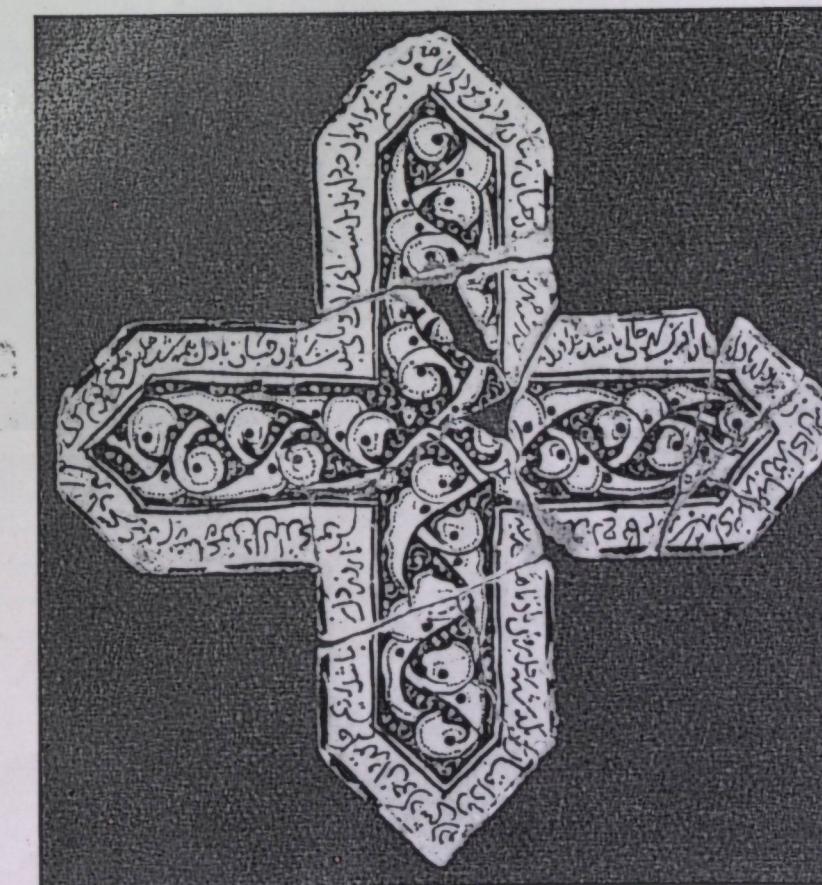

Рис. 3. Разбитый на мелкие куски крестовидный изразец. Государственный Эрмитаж (ИР-75).

حکم تو روان چو گردشی) گردون باد * اقبال تو بگدشته ز حد بیرون باد
تاهرچه ... دح بکام ... رسد * ای صدر جهان تورا بجان افزون باد

Известен другой вариант этого четверостишия, встречающийся на керамической посуде XIII в., начиная с образцов, датированных 1210—1211 гг. В той части, в какой предметы эти воспроизведены и четверостишие на них поддается разбору, прослеживается, что в него вводилась конкретизация применительно к предмету, на который оно наносилось. Содержится это четверостишие, в частности, и в пояске на фестончатых стенках расписанного люстрем блюда, датированного месяцем джумада II 607 г./20 ноября—18 декабря 1210 г. и находящегося в собрании Юморфополуса. Так же, как и чаша, это блюдо воспроизведено было в последний раз в „Обзоре персидского искусства“.⁵ Начинается четверостишие чуть выше уровня сегмента с изображением бассейна, с правой стороны:

همواره ترا دولت و عز افزون باد * اقبال تو بگذشته ز حد بیرون باد
تاهرج ازین طبق بکام تو رسد * ای صدر جهان تورا بجان افزون باد

'Да будут всегда в избытке у тебя счастье и слава,
Да будет превосходить [всякие] пределы твоё преуспеянье!
Поскольку все с этого блюда удостаивается [чести] удовлетворять твой вкус
(или: твои желания),
То да будет оно в избытке [на радость] твоей душе, о средоточие мира!'

Этот же вариант четверостишия содержится в круговой надписи на борту полихромной чаши из коллекции Пилсбери (Pillsbury).⁶ Третий стих находится справа от изображенной на дне чаши человеческой пары, и в этом стихе вместо слова طبق 'блюдо' читается, если вглядеться внимательно, صحن 'чаша'. Содержится этот вариант в такой же круговой надписи и на борту частично реставрированной, расписанной люстрем чаши, принадлежавшей ранее Келекяну, в альбоме коллекции которого на табл. 28 она и была воспроизведена впервые.⁷ Здесь четверостишие приходится слева от изображенной на дне сцены, и соответствующее слово читается طاس 'чаша'. В других случаях фотографии не дают возможности проследить соответствующее слово четверостишия. Так обстоит, в частности, дело с воспроизведенной в том же „Обзоре персидского искусства“ датированной месяцем зу-л-хиджжа 607 г./16 мая—14 июня 1211 г. полихромной чашей Национального Музея в Стокгольме.⁸ За последние годы раскопки городища Орен-Кала в Азербайджанской ССР дали несколько фрагментов глиняных сосудов с этим же вариантом четверостишия. К сожалению, все они пред-

⁵ Там же, табл. 708. Недостаточная ясность надписи на таблице заставила отказаться от повторного ее воспроизведения. По этой же причине не воспроизводятся и две упоминаемые далее таблицы.

⁶ Воспроизведена там же, табл. 737 А.

⁷ The Kelekian Collection of Persian and Analogous Pottery. Paris, 1910.

⁸ SPA, V, табл. 735 В.

Рис. 4. Чаша 610/1214 г. из коллекции Дебенхам.

ставляют в той или иной полноте лишь первые два его стиха, вполне со-
впадающие с приведенным текстом.

Во втором варианте четверостишия обращают на себя внимание два об-
стоятельства. Первое из них — формального порядка и сводится к тому, что
рифма четвертого стиха повторяет в точности рифму первого стиха. Второе,
более существенное, обстоятельство заключается в том, что составляющие
это четверостишие два байта недостаточно связаны между собой. Послед-
нее становится более очевидным при прослеживании других связей, которые
обнаруживаются в каждом из этих байтов в отдельности.

Ко второй половине XII в., если не говорить о более раннем времени,
сложилось два основных варианта трафаретных благопожелательных над-
писей, которые встречаются на разного рода изделиях, в частности на худо-
жественной бронзе и керамике. Поскольку оба варианта заканчиваются неиз-
менным выражением *لصاحبِه* 'владельцу сего (предмета)', а в наборе слов,
составляющих благопожелание, есть много общего, то варианты различаются
между собой главным образом составом начальных слов и их порядком.
Более распространенный из этих вариантов, в котором слова употребляются
либо с определенным членом, либо без него, имеет следующее начало:
... *عَزْ وَاقْبَالْ وَدُولَتْ* ... Эти три слова в таком же
благопожелательном значении содержатся в первом двустишии второго ва-
рианта нашего четверостишия, и если бы размер последнего допускал это,
возможно, и порядок их был бы соблюден. Только здесь, в связи с по-
этической формой, они звучат более торжественно, что особенно сказы-
вается в гиперболическом образе второго стиха.

В отличие от первого, во втором байте нет элемента, который связы-
вал бы его с трафаретными благопожелательными надписями, обращенными
к неизвестному будущему владельцу предмета. Но здесь есть восклицание
اَيْ صَدَرْ جَهَانْ, которое переведено выше как 'О, грудь мира!', 'О, первая в мире персона!', или 'О,
первое в мире место' и которое явно идет из придворной панегирической лите-
ратуры и естественно требует приподнятого торжественного тона. Таким обра-
зом, второй вариант нашего четверостишия не представляет органически цель-
ным произведением. Формальный же признак повторяющейся рифмы подтвер-
ждает существование искусственной связи между отдельными его частями.

Выгодно отличается от второго варианта первый вариант рассматривае-
мого четверостишия, имеющийся на изразце. В нем нет недостатков фор-
мального порядка, в отношении же содержания оно, в той мере, в какой
сохранилось, внутренне связано. Помимо общего у него со вторым вариан-
том третьего стиха, связь которого с придворной панегирической литерату-
рой выше отмечена, туже связь обнаруживает и первый его стих. Тем самым
становится понятным и гиперболический образ второго, общего обоим вариан-
там стиха, который оказывается вполне в духе первого стиха первого варианта.

К сожалению, как будет видно из дальнейшего, мы не располагаем до-
статочным основанием для уверенного восстановления третьего стиха пер-

вого варианта четверостишия. Однако в пределах остальных стихов он
представляется не столько вариантом, сколько возникшим в придворных
кругах, в связи с каким-то подношением определенному лицу, панегирико-
посвятительным четверостишием, которое было воспринято чуткой, как из-
вестно, до поэзии средой ремесленников-керамистов и переработано в ее
духе. Переработке подверглись, очевидно, первый стих, в который были
внесены отсутствующие с точки зрения определенного, более распростране-
ненного варианта традиционной благопожелательной надписи два слова,
и третий стих, приспособленный к условиям производства керамики, с кон-
кретизацией применительно к каждому типу изделий. Сама же по себе эта
конкретизация свидетельствует не о первичности, а о вторичности явления.

Высказанное предположение не вяжется с датировкой надписей, по-
скольку изразец, на котором сохранился более ранний, как предполагается,
вид четверостишия, датируется на 45—50 лет позднее сосудов, представ-
ляющих четверостишие в его переработанном виде. Для разрешения этого
вопроса приходится рассчитывать на обнаружение новых материалов, кото-
рые либо подтверждают, либо отвергнут высказанное предположение.

Неразрешенным остается также вопрос о восстановлении недостающих
мест в третьем стихе четверостишия на изразце. Поскольку выше было
высказано предположение, что четверостишие могло возникнуть в связи
с каким-то преподношением, то, допустив, что это мог бы быть предмет,
недостающие места третьего стиха легко могли бы быть восстановлены по ана-
логии с чтением на сосудах в следующем виде: ... *پَوَّاهَرْ چَهْ [ازَيْنْ] مَدْحَعْ* ... Однако в графическом отношении такое
скольку все [из этого кубка]...? Однако в графическом отношении такое
восстановление не вполне оправдывало бы себя, поскольку знак, принимае-
мый при таком чтении за *ن*, похож более на *و* в его конечном начертании,
находящаяся же справа от следующего знака черточка могла бы относиться
скорее к *ه*, чем к *ق*. Возможность же существования здесь слова *مَدْحَعْ* 'вос-
хваление', 'славословие', принимая во внимание общий характер и содержание
четверостишия, вовсе не исключается. При неясности этого вопроса с его
разрешением также приходится подождать в надежде на обнаружение пов-
торных фиксаций четверостишия. Поэтому в приводимом ниже переводе
последнего неясные места третьего стиха не восполняются:

'Да будут твои повеленья действенными подобно вращению небесного свода,
Да будет превосходить [всякие] пределы твоё преиспянье!
Поскольку все... удостаивается [чести] удовлетворять [твой] вкус (или: [твои] желания),
То да будет оно в избытке [на радость] твоей душе, о средоточие мира!'

Завершается надпись на изразце байтом, наиболее часто встречающимся
на керамических изделиях XIII в. Тем более не требуют пояснений в чте-
нии восстановление поврежденного слова и восполнение недостающего, для
которого, по-видимому, не хватило места:

*نَگَهْ دَارْ بَادَرْ جَهَانْ] اَفَرِينْ * بَهْرَ جَاْ كِ باشَدْ خَدَاؤَندْ [اَيْنْ]*
Да будет творец мира покровителем владельца [сего предмета], где бы он ни находился'.

здесь можно увидеть, что надпись идентична той, что изображена в тканях с чисто мамлукской надписью. Она же, как и надпись на медальонах, отмечена в центре стилизованным крестом, состоящим из двух концентрических полукругов, соединенных в центре. Крест, в свою очередь, обрамлен квадратной рамкой, состоящей из четырех изогнутых линий, симметричных относительно горизонтальной оси. Крест и рамка, в свою очередь, обрамлены широкой полосой, состоящей из плавно изогнутых линий.

С. Б. ПЕВЗНЕР

НЕСКОЛЬКО НАДПИСЕЙ НА МАМЛУКСКИХ ТКАНЯХ

В различных музейных собраниях мира хранится довольно значительное количество тканей, относящихся к XIII—XV вв. и произведенных в Египте или Сирии. Надписи этих тканей, не подвергавшиеся специальному исследованию, представляют, однако, значительный интерес.¹

Особенно важны те из них, которые содержат имена и титулатуру султанов.

В Государственном Эрмитаже хранится синяя шелковая ткань с голубым камчатным узором в виде крупных листообразных медальонов, расположенных в шахматном порядке между извивающимися стеблями (рис. 1).² В середине каждого медальона находятся цветы, обведенные рамкой, которая повторяет форму медальона. Острые концы медальонов в горизонтальных рядах отогнуты, попеременно вправо и влево. Вокруг рамки с цветком помещаются надписи. В медальонах с концом, отогнутым влево, надпись читается: *لَوْلَا سُلْطَانَ الْمُكَافِرِ* 'Слава господину нашему султану царю победоносному'; *نَاصِرُ الدُّنْيَا وَالدِّينِ مُحَمَّدْ قَلَوْنَ* 'Насир ад-дунья ва-д-дин Мухаммеду [иби]³ Каллону'. Надписи в медальонах каждого двух рядов составляют, таким образом, единый текст, который представляет собою обычное для эпиграфики того времени благопожелание султану Мухаммеду ибн Каллону, правившему в Египте с перерывами с 1297 до 1341 г., с краткой его титулатурой.

В разных музеях мира содержится большое количество изделий художественного ремесла, имеющих надписи с именем этого султана. В первую очередь надо отметить ряд предметов из бронзы в собрании Эрмитажа.⁴ Имеются и ткани с его именем. Так, в Музее Виктории и Альберта в Лондоне хранятся два

¹ Некоторую сводку надписей такого рода см.: A. Grohmann. *Tiraz*. EI, IV, 1934, стр. 850—858.

² Инв. № Ег 905. Ширина 33,5 см, длина 49,5 см. В Арабском музее в Каире хранится кусок, по-видимому, вполне тождественной ткани, см.: M. Herz-bey. Catalogue raisonné des monuments exposés dans le Musée de l'art Arabe. Le Caire, 1905, стр. 272, рис. 51.

³ Слово 'иби' в надписи пропущено.

⁴ Инв. № № Ег 273, Ег 274, Ег 275, Ег 283.

фрагмента зеленой шелковой ткани, чрезвычайно схожей с рассмотренной выше.⁵ Развличие состоит в том, что надпись в медальонах с отогнутым влево концом представляет зеркальное изображение надписи медальонов с отогнутым вправо концом и совпадает с надписью в медальонах с концом, отогнутым вправо, на ткани Эрмитажа № Ег 905. В этой же коллекции имеется ткань другого рисунка с надписью, содержащей тот же титул.⁶

Изданы Шмидтом⁷ еще три ткани с тем же именем, одна из которых близка к рассмотренной ткани Эрмитажа по узору,⁸ другая по узору отличается,⁹ третья же, отличаясь по узору, не содержит имени, а только титул ан-Насир.¹⁰ В Берлинском музее имеется одна ткань, совершенно аналогичная эрмитажной по узору,¹¹ но светло-зеленого цвета, и еще одна — другого узора, но с тем же титулом.¹² Ткань с этим же титулом хранилась в церкви св. Марии в Данциге.¹³

Кюнель¹⁴ считает, что такие надписи, содержащие только титулатуру без упоминания имени, нельзя отнести к какому-либо

Рис. 1. Шелковая ткань. Государственный Эрмитаж, № Ег 905.

⁵ A. F. Kendrik. Catalogue of the Muhammedan Textiles of the Medieval Period. London, 1924, № 957, стр. 39 и табл. XII (издана: JRAS, XVI, 1906, стр. 395, № 9) и № 958, стр. 40.

⁶ Kendrik, ук. соч., № 959, стр. 40—41, табл. X (издана: JRAS, III, 1923, стр. 405—407).

⁷ J. H. Schmidt. Damaste der Mamlukenzzeit. Ars Islamica, I, 1934, рис. 4, 6, 12.

⁸ Там же, рис. 6.

⁹ Там же, рис. 4.

¹⁰ Там же, рис. 12.

¹¹ O. Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberie. Berlin, 1913, № 366.

¹² E. Kühnel. Islamische Stoffe aus ägyptischen Gräbern. Berlin, 1927, № 3215, стр. 80—81, табл. 48.

¹³ Lessing. Die Gewebesammlung des k. Kunstgewerbe Museums. Berlin, 1900, табл. 109.—Die Ausstellung von Meisterwerken Muhammedanischer Kunst in München. München, 1912, табл. 180.—A. Hintz. Schatzkammer zu Danzig. Danzig, 1870, табл. XXIII.

¹⁴ Kühnel, ук. соч., стр. 80.

определенном из правивших в Египте султанов. И действительно, пять султанов-мамлюков имели лақаб ан-Насир. Из них ан-Насир Мухаммед ибн Қаләун правил около 50 лет, хотя и с перерывами. Ан-Насир Ахмед правил около года (1342), оба правления ан-Насира Ҳасана продолжались вместе 11 лет (1347—1351 и 1354—1361), а оба правления ан-Насира Фараджа — 12 лет (1399—1405 и 1406—1412). Наконец, несколько менее 3 лет правил ан-Насир Мухаммед ибн Кайтбей (1496—1498).

Султан Мухаммед ибн Қаләун был, собственно говоря, последним из сильных мамлукских султанов, имевших реальную власть в государстве. Время его правления — первая половина XIV в. — и было тем временем, когда развитие феодальных отношений привело к ослаблению султанской власти. Однако при дворе Мухаммеда ибн Қаләуна, стремившегося подражать двору Фатимидов, поддерживалась невероятная роскошь. До наших дней сохранилось довольно большое количество изделий художественного ремесла, на которых стоит имя Мухаммеда ибн Қаләуна и его придворных.

Несколько упомянутых выше тканей в разных музеях, предметы из бронзы¹⁵ и стекла¹⁶ представляют большую группу, свидетельствующую о том, что Мухаммед ибн Қаләун делал большие заказы. Что касается других султанов с лақабом ан-Насир, то до сих пор только стеклянные и бронзовые лампы с именем султана ан-Насира Ҳасана в большом количестве имеются в Каирском музее. Однако все они происходят из ме-чти этого султана, что и объясняет как их многочисленность, так и со-хранность. Других вещей с именем этого султана или других султанов с прозвищем ан-Насир до нас почти не дошло.¹⁷

Как кажется, такое наблюдение дает некоторые основания с определен-ной долей вероятности приписать те изделия художественного ремесла, на которых имеется в надписи лишь лақаб ан-Насир, султану Мухаммеду ибн Қаләуну, однако не во всех случаях.

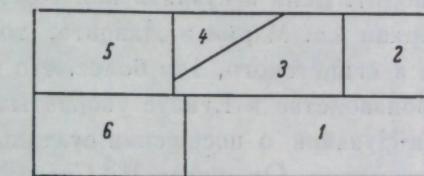
В этом отношении показательна еще одна ткань Гос. Исторического музея (рис. 2). Большой фрагмент парчевой ткани сшият из 9 ку-

¹⁵ В каталоге бронзовых изделий Арабского музея в Каире, где собраны сведения обо всех известных ко времени его издания бронзовом изделиях в различных коллекциях, указаны 29 предметов с именем этого султана (G. Wiet. Les objets en cuivre. Catalogue général du Musée Arabe du Caire, 1931, Appendice, №№ 175—202, 218 bis).

¹⁶ В каталоге стеклянных ламп и бутылей Арабского музея в Каире, в котором приведены сведения обо всех стеклянных изделиях такого рода, известных ко времени его изда-ния, указано 10 предметов (см.: G. Wiet. Lampes et bouteilles en verre émaillé. Catalogue général du Musée Arabe du Caire, 1929, Appendice, №№ 7, 21, 35—40).

¹⁷ В каталоге бронзовых изделий Арабского музея в Каире указываются 3 предмета с именем султана ан-Насира Ахмеда, 7 — с именем ан-Насира Ҳасана, 2 — с именем ан-Насира Фараджа и 1 — с именем ан-Насира Мухаммеда ибн Кайтбеля. В каталоге стеклянных ламп и бутылей есть упоминание, кроме ламп ан-Насира Ҳасана и ан-Насира Мухаммеда, только 1 лампа ан-Насира Фараджа.

сков,¹⁸ не составляющих совершенно полного узора. Три нижних куска (7, 8, 9-й) показывают основную орнаментальную часть убранства. На фоне, залитом серебром с восемьлепестковыми цветами, выполненными белым шелком, на голубых стеблях помещены крупные фестончатые голубые медальоны, внутри которых серебряной нитью вытыканы большие сложные цветы лотоса, окруженные завитками. Эту широкую орнаментальную полосу обрамляют два узких бордюра, залитых серебром, с изображением черного извилившегося побега с белыми цветочками. Снизу под бордюром находитесь очень незначительный остаток полосы с надписью. Сверху над бордюром помещается широкая полоса с надписью. Она составлена из шести отдельных кусков, расположенных следующим образом:

Куски эти сшиты совершенно случайным образом, без учета надписи. Куски 2, 4 и 6-й пришиты наоборот, верхом вниз. Таким образом, по куску 6-му можно судить с уверенностью о верхней части полосы с надписью и уста новить, что сверху она была ограничена точно таким же бордюром, как снизу.

Надпись, в том виде, как она сохранилась, может быть прочитана следующим образом:

1. Нижние части высоких букв и низкие буквы дают отрывки надписи, часть слов которой вынесена во второй ряд сверху: [عَزْ] [أَنْصَار] [النَّا] [صَرْ] [الْمَلِك]. [عَزْ] [أَنْصَار] [النَّا] [صَرْ]

2. Верхние части высоких букв и некоторые из вынесенных в верхний ряд букв дают: [الْمَلِك] [النَّاصِر] [حَسَن] [بْن]

3. Буквы без самого низа и самого верха дают: [عَزْ] [مُولَا] [السُّلْطَان]

4. Средние части букв без верха и без низа дают: [عَزْ] [مُولَا]

5. Средние части букв без самого низа и верха дают: [عَزْ] [مُولَا]

6. Самая верхняя часть полосы с верхушками высоких букв и вынесенными в верхний ряд словами дает: [الْمَلِك] [النَّاصِر] [مُحَمَّد]

Таким образом, из всех этих кусков может быть составлена единая надпись, а именно: [عَزْ] [مُولَا] [السُّلْطَان] [الْمَلِك] [النَّاصِر] [حَسَن] [بْن] [مُحَمَّد] [عَزْ] [أَنْصَار] 'Слава господину нашему султану ал-Малику ан-Насиру Ҳасану ибн Мухаммеду, да будут прославлены его победы!', по-видимому, повторявшаяся несколько раз.

¹⁸ Инв. № 395-54746. Общие размеры: ширина 56 см, длина 43 см. По кускам: 1) 37 × 10.5 см; 2) 14 × 10.3 см; 3) 24.7 × 10 см; 4) 20 × 7 см; 5) 16.8 × 10.2 см; 6) 18.5 × 9.5 см; 7) 39 × 10.6 см; 8) 32 × 11 см; 9) 8.5 × 9.5 см.

Неправильный подбор кусков, из которых составлена надпись, привел к досадному недоразумению. Минави, читавший надпись, прочел ее не полностью, без трех последних слов. Хотя по характеру почерка Минави предполагал, что ткань произведена в Дамаске, Ф. Аккерман сочла возможным рассматривать ее в системе персидских тканей.¹⁹ Вообще относительно персидского производства целого ряда тканей, помещенных в издании „Обзора персидского искусства“, возникают определенные сомнения. Такова, например, упоминавшаяся выше ткань, которая хранилась в церкви св. Марии в Данциге.²⁰ Считалось, что эта ткань была изготовлена в Китае для подарка одного из Хулагуидов султану Мухаммеду ибн Қалāуну.²¹ Никаких твердых доказательств персидского производства этой ткани, так же как и других, Аккерман не приводит. Если и ставить под сомнение китайское происхождение ткани из церкви св. Марии в Данциге, то, во всяком случае, в пользу не персидского, а египетского, тем более, что в письменных источниках есть сведения о производстве в Египте узорчатых шелковых тканей. Имеется свидетельство ан-Нувайри о посещении султаном ал-Ашрафом Шабāном мастерской в Александрии. Он пишет:²² „Султан ходил вокруг станков, разглядывал их, нагибал голову, чтобы осмотреть их нижние части, и любовался мастерами, как они ткали, бросая свои челноки туда и обратно. Он поднимал голову, чтобы видеть верхние части станков, где мальчики-тянущики тянули за ремешки, поднимая и опуская нити основы. Он наблюдал, как получались мотивы в виде птиц, геометрических и других узоров из этих ниток, которые поднимались и опускались, пока не была закончена каждая птица или другой узор“.

Однако изображения китайских драконов на ткани из церкви св. Марии настолько выразительны, что сомневаться в ее китайском происхождении не приходится.

Что касается формулы надписей этого рода, то она вполне совпадает с формулой надписи на изделиях других видов художественного ремесла — на предметах из бронзы, стекла, давая, правда, один из наиболее кратких вариантов благопожелательного текста. Обычно титулatura в надписях этих видов изделий гораздо более богата и цветиста.²³ Это можно объяснить

¹⁹ SPA, III, London—New-York, 1939, стр. 2058; VI, 1939, стр. 1002A.

²⁰ SPA, III, стр. 2059; VI, табл. 1000.

²¹ R. Guest. Further Arabic Inscription on Textiles. JRAS, III, 1923, стр. 407.

²² См.: Abdil Aziz Marzouk. Alexandria as a Textile Centre. Bulletin de la Société d'Archéologie Copte, t. XIII, Le Caire, 1951, стр. 131, где приведена эта цитата из рукописи ан-Нувайри под названием: الہام بالاعلام فيما جارت به الاحکام والأمور المقضية في واقعۃ الاسكندریۃ. Ср.: C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Litteratur, SB, II. Leyden, 1938, стр. 34.

²³ Для примера можно указать надпись на тазике с именем султана Мухаммеда иби گز مولانا السلطان الملك الناصر العالم (№ 9000): العامل العادل المجاهد المربط المثاغم المؤيد المنصور سلطان الاسلام والمسلمين قاتل الكفرة والمرشكيين مخى العدل في العالمين السلطان الملك الناصر ناصر الدنيا والدين

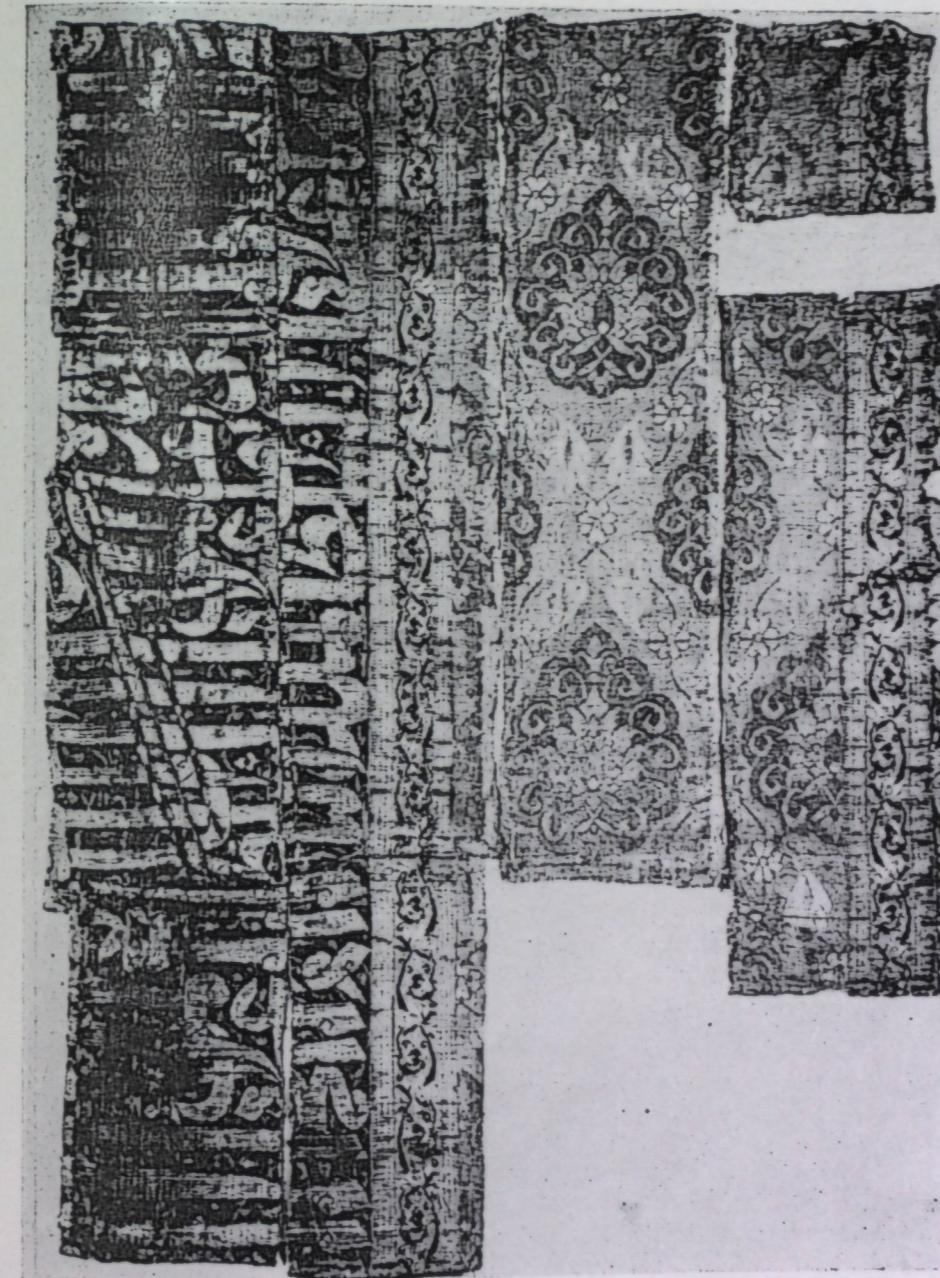

Рис. 2. Парчевая ткань. Государственный Эрмитаж, № Ег 942.

технической сложностью изготовления надписи на ткани. Мамлукские ткани с надписями изготовлены на многоремизном станке, позволяющем строить большой и сложный рапорт, однако увеличение титулатуры должно было повлечь увеличение числа ремизок и чрезвычайное усложнение станка. По-видимому, это и служило основной причиной относительной простоты формулы надписи на этих тканях.

Главной особенностью этих надписей является то, что они, будучи тирадзом в широком смысле, как всякая ткань с надписью, не были тирадзом в узком смысле слова. Право изготовления тирадза являлось одной из прерогатив халифской власти, наравне с выпуском монеты. Ясно, что формула тирадза, как и формула надписи на монетах, никогда не появлялась в каких-либо других ремесленных изделиях времени Аббасидов или Фатимидов. Рис. 3. Шелковая ткань. Государственный Эрмитаж, № Ег 643.

Тот факт, что на тканях мамлукского времени встречается формула, общераспространенная во всех видах изделий художественного ремесла, показывает, что султаны-мамлуки не обладали правом выпуска собственных тирадзов. Быть может, это право теоретически имели лишенные всякой власти аббасидские халифы, жившие в это время в Каире, но они не могли это право осуществить.

Немалый интерес представляют еще две надписи на тканях собрания Эрмитажа. В полях между медальонами синей шелковой камчатной ткани с голубым узором (рис. 3)²⁴ находится надпись: لـك الشـرف عـلـي. По-види-

— محمد بن السلطان الملك المنصور سيف الدين قلاون عز نصره
— 'Слава нашему господину султану, царю победоносному, знающему, деятельному, справедливому, борцу за веру, воителю, охранителю границ, которому помогает бог, которому бог дает победу, султану ислама и мусульман, истребителю неверных и многобожников, оживляющему справедливость в мирах, султану ал-Малику ан-Насиру Насир ад-дунья ва-д-дин Мухаммеду сыну султана ал-Малика ал-Мансура Сайф ад-дунья ва-д-дин Қаләуна. Да будет прославлена его победа!' (См.: Wiet. Objets en cuivre, стр. 144). На бронзовых предметах, принадлежавших этому султану, нередко встречаются надписи, содержащие только лакаб, наряду с надписями, в которых содержится и его имя, например надписи в медальонах на верхней части подсвечника Арабского музея (№ 4043) الملك الناصر 'ал-Малик ан-Насир' (см.: Wiet. Les Objets en cuivre, стр. 105). Несколько более распространенный текст дает надпись на стеклянной лампе в собрании Метрополитанского музея: مولانا السلطان الملك الناصر ناصر الدنيا والدين محمد بن قلاون عز نصره
— см.: Wiet. Lampes et bouteilles en verre émaillé, стр. 161, № 35.

²⁴ Ив. № Ег 643, ширина 37.5 см, длина 32.5 см.

мому, ее следует дополнить 'Тебе [дана] высочайшая честь'. Совершенно аналогичная ткань хранится в Музее Виктории и Альберта в Лондоне.²⁵ Надпись ее издана по чтению Геста в следующем виде: 'Почет ал-Ашрафу', причем Гест сомнением пытается отнести ее к кому-нибудь из султанов с лакабом ал-Ашраф. Чтение это представляется неправильным. Во-первых, от слова, которое он читает *للشرف*, имеются только три первые буквы — последние знаки надписи. При этом первый знак не соединен со вторым, а значит, чтение ...*لش* невозможно. Первый знак — без сомнения алиф от определенного артикля. Во-вторых, Гест не принял во внимание два первых знака надписи. Понятно, он толковал их как простое украшение для заполнения пространства симметрично левой части надписи. Однако эти два знака без труда читаются как *كش* 'тебе'.

Такое толкование подкрепляется надписью на другой шелковой ткани (рис. 4).²⁷ В полях между четырехлепестковыми цветами помещаются поочередно надписи: *لـكـ الشـرـفـ العـالـيـ* и *وـاـنـتـ كـنـ أـهـلـ لـهـ*, составляющие одно речение: 'Тебе [дана] высокая честь, а ты будь [ее] достоин'. Идти здесь бы можно было бы иначе, но в данном случае обе ткани предназначались для пожалований — *خلعة*. Следует отметить, что надписи фатимидских тканей, не содержащие имени халифа, не имеют ничего общего с надписями таких мамлюкских тканей.

На тканях X—начала XI в. мы встречаем надпись, которая не встречается на тканях в более позднее время: *الملك لله* 'власть [принадлежит] Аллаху'. Эта надпись есть на тканях Эрмитажа, №№ Ег 618 и Ег 651 из коллекции Берлинского музея, № 3142.²⁸ На ткани Бостонского музея, опубликованной Бриттон, надпись более распространенная: *الحمد لله الملك لله* 'Слава [принадлежит] Аллаху, власть [принадлежит] Аллаху'.²⁹ Для XI и начала XII в. наиболее характерной является надпись *نصر من الله*³⁰ 'помощь от Аллаха', обычно без всяких продолжений. Количество

²⁵ Kendrik, ук. соч., стр. № 963. Такая же ткань издана Шмидтом (Schmidt, 1911, рис. 2).

²⁶ Kendrik, ук. соч., стр. 42.

²⁷ Изв. № Ег 612, ширина 17 см, длина 15 см.

²⁸ Kühnel, ук. соч., стр. 20, табл. 4.

²⁹ Britton. Some Early Islamic Textiles in the Boston Museum of Art. Boston, 1938, стр. 51, рис. 38.

³⁰ Юнкер в ряде случаев считает, что надпись можно читать *يـمـنـ مـنـ اللـهـ* 'счастье от Аллаха', однако, как кажется, она скорее во всех случаях однозначна. Может быть, исследование шрифта этой надписи позволит сделать более определенные выводы.

Рис. 4. Шелковая ткань. Государственный Эрмитаж, № Ег 612.

тканей с этой надписью чрезвычайно велико, так что перечислять все представляется бессмысленным.³¹ Иногда встречается более распространенная цитата этого места Корана: 'نصر من الله وفتح قریب' 'Помощь от Аллаха и скорая победа'.³²

Применение этого речения, входившего в формулу фатимидского официального тирэза, вполне можно объяснить. С одной стороны, это было постоянным напоминанием о могуществе божьем, представителями которого считали себя халифы — Фатимиды. С другой стороны, мастера-ткачи привыкали к исполнению этого узора, так как в значительной степени надпись являлась для них узором, как в силу своей декоративности, так и в силу их (мастеров) неграмотности.

Точно так же можно объяснить появление на тканях XII в. частично нечитаемых надписей, содержащих басмала и еще некоторые речения, характерные для надписи тирэза.³³

На тканях конца XI—XII в. встречается чисто благопожелательное речение 'счастье и успех'.³⁴ Интересно отметить, что оба эти слова постоянно встречаются в благопожеланиях на изделиях всех видов художественного ремесла во всех мусульманских странах.

Однако в более восточных областях они встречаются всегда в других сочетаниях. На бронзовых предметах из Ирака и Ирана наиболее часты сочетания 'счастье и благословение [Аллаха]' и 'слава и счастье' и почти постоянное 'слава и успех'. К сожалению, опубликовано слишком мало предметов египетского художественного ремесла с надписями X—XII вв., так что трудно судить, проходит ли граница в употреблении определенных благопожелательных словосочетаний в области географии, отделяя бывшие восточные провинции халифата от западных, или же эта граница разделяет разные отрасли художественного ремесла. Вопрос этот весьма интересен, однако решение его за недостатком материала пока невозможно.

Ткани, в надписи которых имеется имя султана, скорее всего, предназначавшиеся, как и тирэзы с именами халифов, для пожалований, а также и другие ткани, изготовленные с этой целью, должны были, по-видимому, производиться в султанских мастерских, где мог быть осуществлен необходимый

³¹ В качестве примера можно указать ткань Эрмитажа, инв. №№ Ег 623, 624, 625 и др.

³² Коран, 61, 13. Ср. ткань Эрмитажа, № Ег 659; Kendrik, ук. соч., стр. 28, табл. VII, № 922.

³³ В Эрмитаже ткань инв. № Ег 671.

³⁴ В Эрмитаже ткани инв. №№ 659, 674. В Музее в Брюсселе см.: I. Eggelaer. Collection d'anciennes étoffes égyptiennes. Bruxelles, 1916, стр. 177—178, № 412; в Музее Виктории и Альберта в Лондоне: Kendrik, ук. соч., стр. 18, № 887, табл. IV. В обоих каталогах ткань воспроизведена с изнанки. По-видимому, это вело в заблуждение Геста, который дает чтение этой надписи (по изнанке) с большими натяжками. 'Чего хочет Аллах, то будет' — речение больше никогда не употреблявшееся (см.: R. Cuest. Some Arabic Inscriptions on Textiles. JRAS, XIV, 1906, стр. 399, № 16). Необычность этого речения отмечена Громанном (см. статью: A. Grohmann. Tiraz. EI, IV, 1934, стр. 828).

димый контроль за качеством и особенно за количеством выпускаемой продукции. Существование таких мастерских в мамлюкский период несомненно, хотя оно и отрицалось.³⁵ В упомянутой рукописи ан-Нувайри дается описание посещения такой мастерской в Александрии султаном Ша'баном.³⁶ В хронике Ибн Тагривардий также есть указание на существование таких мастерских³⁷ еще в конце XV в., когда количество их сильно уменьшилось.

О наличии султанских мастерских на территории Сирии никаких указаний в источниках нет. Таким образом, сомнение в том, выпущены ли ткани этого рода в Сирии или Египте и вообще производились ли шелковые ткани в Египте,³⁸ может, пожалуй, считаться решенным в пользу производства их в Египте, хотя сирийское производство многих из находимых в Египте тканей несомненно.

1961 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · XIV

сокративши синтетики линолеум отливки изображают
в Гондурасе и в Царии и он известен этимологиями
одинаковых монет видах изображают изображают
"власти", такими изображают изображают Н. А. Константинову изображают
этот сюжет изображают от
они же, но от них изображают
изображают изображают этим томом
изображают изображают изображают
изображают изображают изображают
изображают изображают изображают

A. M. МАНДЕЛЬШТАМ

ОБ ОДНОМ ОБОЛЕ „ГЕРАЯ“

Монеты „Герая“, как известно, неоднократно привлекали к себе внимание нумизматов и историков, а в свое время явились даже предметом дискуссии. Относительно времени и места их чеканки высказывались различные мнения. Последнее слово в данном вопросе было сказано А. Н. Зографом, вполне убедительно показавшим на основе анализа эпиграфических, стилистических и других особенностей, что эти монеты следует относить приблизительно к середине I в. до н. э., а место чекана их надлежит искать где-то на территории между Аму-Дарьей и Гиндукушем.¹

Однако А. Н. Зограф, как и все его предшественники, имел в своем распоряжении только монеты случайного происхождения, о месте и условиях находки которых никаких определенных данных не имелось. В силу этого все его заключения также носили предположительный характер и требовали проверки на основе привлечения иных данных — в первую очередь археологических.

В 1953 г. во время раскопок на городище Кей-Кобад-шах у пос. Кобадиан впервые удалось найти монету „Герая“ в комплексе с различными другими предметами. Это обол хорошей сохранности (рис.), относящийся ко второй, относительно более поздней группе, согласно классификации А. Н. Зографа.² Деление оболов произведено им в соответствии с формой омеги.

Лиц. Бюст государя вправо. Лицо безбородое, но с усами. Волосы перевязаны наверху узкой диадемой. Позади головы расположен какой-то неясный по своей форме знак. Все изображение заключено в ободок из небольших круглых выпуклостей.

Об. В центре — стоящая мужская фигура, повернутая вправо с вытянутыми вперед руками; голова ее стерта. Справа и слева легенда греческим шрифтом: [?]А[? ?]ΟΓ [К]ΟΚΑΝΟΥ.

Обол был обнаружен при разборке большого скопления культурных остатков, располагавшегося внутри города около юго-западной угловой башни. Постройка с характером извлеченной из него керамики, это скопление относится к этапу Кобадиан III, соответствующему I в. до н. э.—I в. н. э.

В нижележащем культурном слое, относящемся в основном к этапу Кобадиан II имелось и некоторое количество керамики, которую можно было бы отнести уже к этапу Кобадиан III. Это обстоятельство позволяет уточнить

¹ А. Н. Зограф. Монеты „Герая“. Ташкент, 1937.

² Там же, стр. 17 и сл.

³⁵ Kühnel. Zur Tiraz-Epigraphik der Abbasiden und Fatimiden. Festschrift Max Freiherr von Oppenheim. Berlin, 1933, стр. 59—60.

³⁶ Abdil Aziz Margouk, ук. соч., стр. 130. Ср. выше, стр. 48.

³⁷ Ibn Taghri Bardi's Annales entitled al-Nujum al-Zahira, v. VI, 2. Ed. by W. Popper; Berkeley—Leyden, 1920—1923, стр. 714.

³⁸ Шмидт (Schmidt, ук. соч., стр. 99) также считает несомненным, что ткани с именем сultана должны были выпускаться в султанских мастерских. Кендрек предполагает, что ткани Музаиля Виктории и Альберта с именем и титулом ан-Наасир произведены в Александрии (Kendrik, ук. соч., стр. 38).

датировку начала образования указанного скопления культурных остатков: оно, очевидно, должно быть отнесено не к началу, а к середине I в. до н. э.

Таким образом, настоящая находка является весьма веским подтверждением правильности предложенной А. Н. Зографом датировки монет "Герая".

Что касается вопроса о месте чекана их, то он, конечно, может быть решен лишь при появлении новых находок, но и в этом случае предположение А. Н. Зографа находит себе определенное подтверждение.

Описанный обол представляет интерес и с эпиграфической точки зрения. Дело в том, что третий знак в правой части легенды, передающий *ш* или близкий к нему звук, представляет собой каппу с несколько вытянутой вверх спинкой. Такая передача этого звука не встречается на других опубликованных монетах — ни "Герая", ни более поздних кушанских правителей.

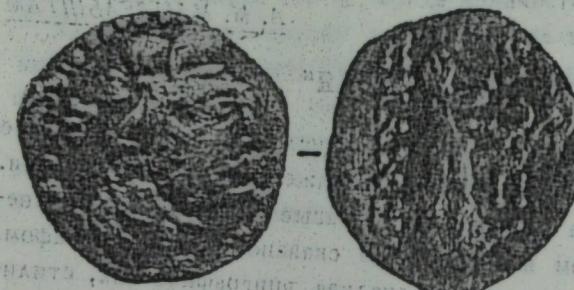
Название кушан в легендах греческим шрифтом впервые появляется на монетах "Герая". Но на всех известных до сих пор экземплярах таковых *ш* передается сочетанием двух букв: *||, Р[, РС³* и, в одном случае *|С.⁴*.

На подавляющем большинстве монет Кадфиза I этот звук передается сочетанием букв *РС*; случаи передачи его одной буквой (*Р*) являются единичными. Поиски способа графического изображения *ш* средствами греческого алфавита закончились, очевидно, лишь ко времени начала правления Канишки: на всех его монетах неизменно имеется новая буква *Р* (*ш*), которая отныне проочно входит в алфавит: мы встречаем ее не только на монетах кушан, но и на монетах эфталитов.

На описанном выше оболе с городища Кей-Кобад-шах мы имеем, таким образом, как будто первую, самую раннюю попытку передать *ш* одной буквой или, точнее говоря, создать для него особый знак на основе греческого алфавита. Это представляет определенный интерес для эпиграфики кушанского периода, и учет ее может оказаться небесполезным для датировки других монет и эпиграфических памятников этого времени.

³ R. Gardner. A coin of Heraüs, Saka king, N. Chr., t. XIV, 1874, стр. 161 и сл. — P. Gardner. The coins of the Greek and scythic kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1896, стр. 116. — A. Cunningham. Coins of the Indo-scythian king Miasus or Heraüs. N. Chr., 3 series, t. VIII, 1899, стр. 55. — R. Whitehead. Catalogue of coins in the Punjab Museum, Lahore, t. I. Oxford, 1914, стр. 163. — А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 6.

⁴ А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 6 (№ 7).

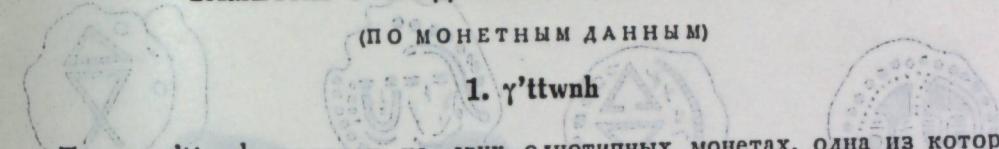
Обол "Герая" с городища Кей-Кобад-шах.
— лицевая сторона; б — оборотная сторона.

1961. ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА. XIV

Большинство (эпиграфике) находок К. лини молту минут дои ясн то
— когд таинственное место мицкую ядро и ярко итога конфуз и
маже хану. И анатомическое вымышили, чтобы конфуз ожидания
имущество пади, и тут оно, кроме хану — иное же имущество
тщуплено, но избрано, ожидание отложил наше сознание. Исподи
дланец ясн то, якоже хану для конфуз тою. Быть-заря, при конфуз
и хану, ожидание, и хану для конфуз тою. Быть-заря, при конфуз
отложил конфуз тою. Исподи конфуз отложил конфуз тою. О. И. Смирнова

ЗАМЕТКИ О СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ТИТУЛАТУРЕ

(ПО МОНЕТНЫМ ДАННЫМ)

Титул *γ'ttwnh* прочтен на двух однотипных монетах, одна из которых происходит с пенджикентского городища, другая принадлежит Государственному Эрмитажу. Пенджикентский экземпляр (полев. шифр ТП-55) де-

фектный и состоит из большого фрагмента в 1/3 кружка и двух малых. Все три фрагмента вместе составили целый экземпляр, лицевая сторона которого хорошо сохранилась, тогда как оборотная полустерта. Эрмитажный экземпляр хранится в коллекции Нумизматического Отдела среди дополнительных экспонатов № 78. Происхождение его неизвестно.

Лицевая сторона монеты сохранилась хорошо, но оборотная, как и у пенджикентской монеты, сильно потерта. В 1956 г. на том же пенджикентском городище обнаружена еще одна обломанная по краям такая же монета плохой сохранности, лицевая и в особенности оборотная сторона которой почти полностью стерты (ТП-56). Кроме того, среди пенджикентских находок полностью стерты (ТП-118). Кроме того, среди пенджикентских находок 1954 г. оказался еще один сильно поврежденный экземпляр того же типа, (ТП-54). Наконец, еще две монеты того же круга, относительно другого варианта (VI-142).

личные по типу, хранятся в Самаркандском музее. Краткое описание одной из них помещено в журнале "Эпиграфика Востока".¹ Оба самаркандских экземпляра плохой сохранности и сильно потерты. Подробнее о них будет сказано ниже. Отметим только, что пенджикентские и эрмитажные монеты отчеканены, тогда как самаркандские экземпляры литье.

1. Лиц. В поле в круге из крупных точек погрудное изображение царя и царицы, лица которых даны почти в фас с легким наклоном друг к другу. Лоб, скулы и подбородок удлиненных лиц выделены несколько схематизованным рельефом. Глаза переданы двумя прямыми штрихами; нос прямой. Царь изображен без головного убора; волосы, спускающиеся вдоль левой щеки до плеч, переданы двумя изогнутыми линиями, усы — двумя штрихами

¹ О. И. Смирнова. Материалы к каталогу согдийских монет. ЭВ, VI, 1952, стр. 44.

от носа под тупым углом вниз. У царицы (правое изображение) контуры лба и верхней части лица и щек окружены рядом теснопоставленных точек — возможно, головной убор, украшенный драгоценностями. В ушах серьги, переданные тремя точками — малой сверху около уха и двумя, рядом стоящими, под ней. Основание шеи каждого изображения охвачено рельефной полукруглой линией, передающей ворот одежду или шейное украшение типа гривны.

Об. В поле посередине полуустертый рисунок из прямых линий, состоящий из подставки в виде скамеечки на двух перекрещивающихся ножках и остроугольного равнобедренного треугольника над ней, основание которого равняется ширине подставочки. Кругом этого рисунка располагается одно-

Рис. 1. Согдийские монеты с изображениями царя и царицы.

строчная надпись унициальным согдийским письмом; надпись начинается против левой стороны треугольника у его вершины и заканчивается против правой стороны у той же вершины. От надписи сохранилось первое и последнее слово. Текст между ними стерт: MR'Y... /γ'ttwnh Господин... /хатун'. Рисунок и надписи заключены в сплошной одинарный круг.

Монета тонкая; чеканка штемпель был сдвинут влево.

Æ; д. 23 мм; в. 1.16 г.; в трех фрагментах.

Полев. шифр ТП-55 (рис. 1; табл., 1).

2. Вариант. Лицевая и оборотная стороны почти стерты. На лицевой стороне едва различимы контуры лиц. У правого изображения контуры щек и подбородка подчеркнуты широкой сплошной рельефной линией. Надпись на оборотной стороне стерта.

Æ; д. 24 мм; в. 1.57 г.; штемпель сдвинут. Края, кружка обломаны. Монета пробита в двух местах и, видимо, употреблялась в качестве украшения (ушной подвески). Полев. шифр ТП-56 (рис. 2; табл., 2).

3. Вариант. Изображения на лицевой стороне несколько схематичнее. У правого — царицы — контуры щек и подбородка подчеркнуты сплошной рельефной линией. Между изображениями на уровне подбородка три точки. Все в круге мелких точек. Линейный рисунок на оборотной стороне такой же, как на предыдущей монете, но составлен из тупоугольных равнобедренных треугольников, обращенных друг к другу основаниями, нижний из них имеет точку посередине. От надписи сохранились первые три буквы начального слова и последнее: MR' (?) ... /γ'tt(w)n.

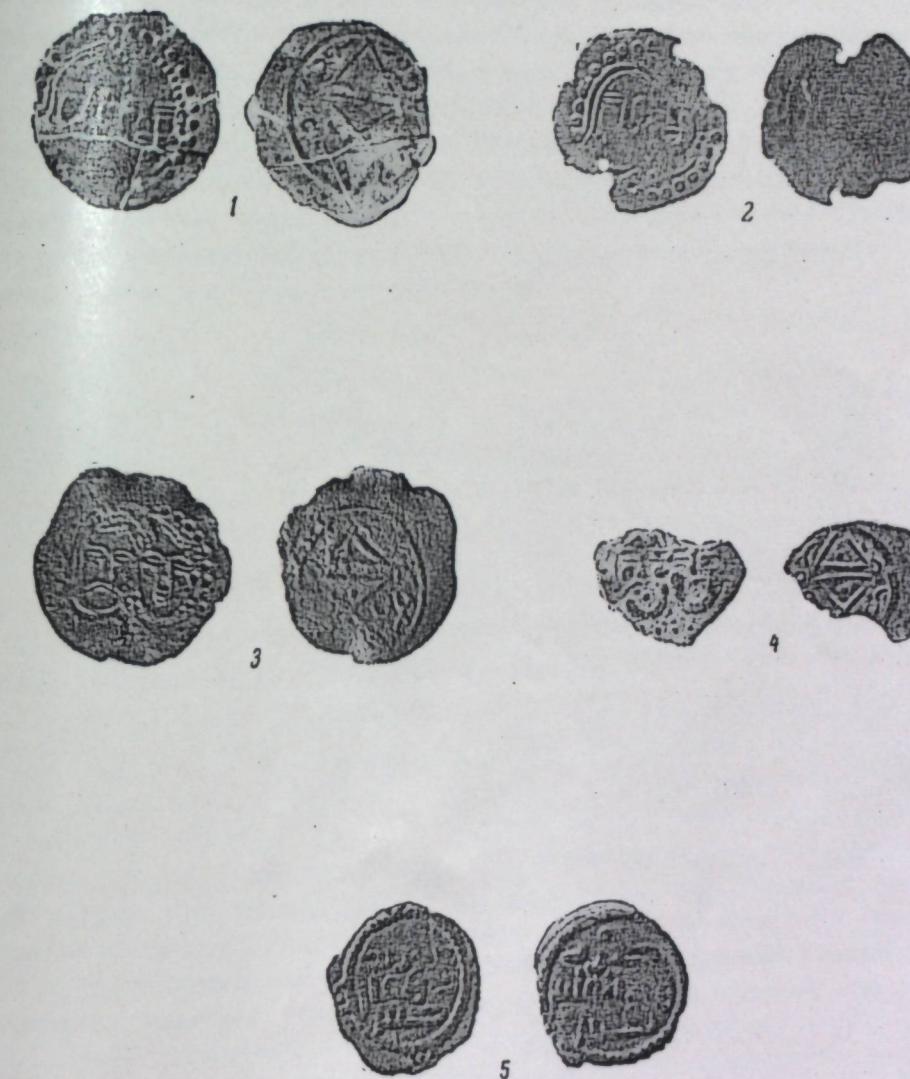

Таблица
1—4 — согдийские монеты с изображениями царя и царицы; 5 — монета с арабской надписью Izrīda, dīkhāna Kēsha.

AE ; д. 25 мм; в. 1.73 г; ↑; штемпель сдвинут; монетный кружок с одного края несколько обломан. Эрм. экз. № 78 (рис. 3; табл., 3).

4. Вариант. Изображения на лицевой стороне схематизированы; овалы лиц грубо обведены широкими сплошными, рельефными линиями. Глаза переданы прямой чертой, брови — другой такой же чертой; губы — точками. Между изображениями на уровне подбородка — три, точки по горизонтали и две над ними; точечный круг по краю кружка, характерный для двух предыдущих монет, отсутствует. Рисунок на оборотной стороне состоит из прямоугольных равнобедренных треугольников с точкой посередине. Надпись та же, но искажена и не читается.

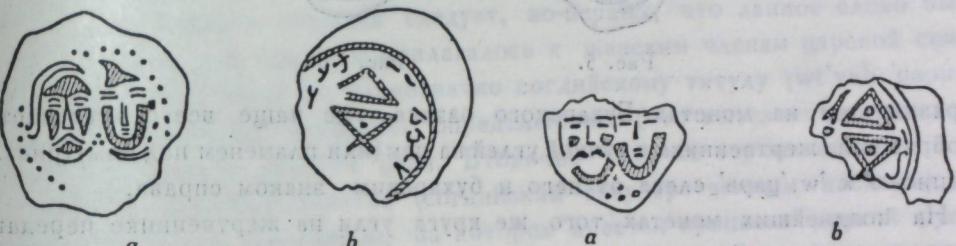

Рис. 3. Монеты из коллекции Самаркандского музея.
 AE ; д. 20 мм; в. 0.74 г; ↑; штемпель сдвинут. Одна треть кружка отломана. Полев. шифр ТП-54 (рис. 4; табл., 4).²

К тому же кругу монет, но к другому типу принадлежат, как было указано, две монеты Самаркандского музея. Изображения на их лицевой стороне выполнены с большим искусством и весьма тщательно; мастер, изготовивший образцы для матриц, несомненно стремился придать им сходство с оригиналом. Лица имеют явно выраженные монголоидные черты: узкий разрез чуть приподнятых у внешних углов глаз, высокие скулы и слегка приплюснутый нос. Спускающиеся до плеч волосы царя охвачены обручем, украшенным посередине полумесцем. На царице трехконечный островерхий головной убор, несколько напоминающий русский кокошник. Изображения заключены в круг из крупных довольно редко поставленных точек. На оборотной стороне такой же, как на описанных выше монетах, рисунок из прямых линий, сохранившийся полностью в виде скамеечек (типа курси) с перекрещающимися ножками и тупоугольного треугольника над ней, причем основание последнего продолжено за его стороны Δ . На одной из монет в середине треугольников по крупной точке. Вокруг рисунка надписи. Рисунки и надписи заключены в линейный одинарный круг. Монеты, как выше было сказано, литье. Дать более полное описание этих двух монет и чтение их легенд нет возможности, так как имеющиеся в распоряжении автора снимки недостаточно четкие. Но изложенного достаточно, чтобы установить, что пенджикентские находки и Эрмитажный

² Издание монеты см.: О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента (материалы 1948—1954 гг.). МИА, т. 66, 1958, стр. 226, № 431. Стрелка указывает направление вертикальной оси штемпеля оборотной стороны по отношению к штемпелю лицевой.

экземпляр представляют позднейшее подражание монетам, образцы которых представлены в коллекции Самаркандского музея. Это обстоятельство, как и то, что первые отчеканены, а не отлиты, позволяет отнести последний по времени их вариант к VIII в., вероятнее к его середине.

Среднеазиатской нумизматике свойственно изображение жертвенника. Формы жертвенников, изображенных на монетах, разные. Наиболее многочисленны изображения с кучкой углей на нем (или пламенем над ним) (рис. 5), и с тюбэром (рис. 6).

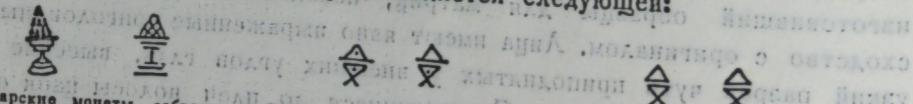
Рис. 5.

Рис. 6.

Образы они на монетах Бухарского оазиса, где чаще всего встречается изображение жертвенника с кучкой углей на нем (или пламенем над ним) (рис. 5), надпись *k'w 'царь'* слева от него и бухарским знаком справа.

На позднейших монетах того же круга угли на жертвеннике переданы треугольником, заштрихованным прямыми линиями справа налево и слева направо, а сам жертвенник шестью горизонтальными прямыми линиями, соединенными по три одной вертикальной (рис. 6). Рисунок на согдийских монетах в виде скамейки (столика) с перекрещивающимися ножками, вероятно, также передает жертвенник с кучкой углей на нем или горящий светильник. Точно такие скамейки или столики (типа курси) изображены в пенджикентской росписи. Эволюция изображения жертвенника на монетах разного типа представляется следующей:

Бухарские монеты собрания Согдийские монеты собрания Согдийские монеты Пенджикентского города. Самаркандского Музея. Государственного Эрмитажа.

Отметим, между прочим, сходство рисунка на согдийских монетах с родовым знаком Багратидов на Кавказе.³

Надписи на оборотной стороне пенджикентских монет, как выше сказано, частично стерты, причем стертыми частями приходятся на одни и те же участки (при чеканке эти части по каким-то техническим причинам слабее оттиснулись), в связи с чем надписи полностью восстановить не удалось.

Вся легенда, вероятно, состоит из трех слов. Первое — идеограмма MR'Y

'господин', встречающаяся на монетах разных групп и типов, а также в согдийской литературе.⁴

Следующее за ним слово (имя?) не сохранилось.

3 Д. Г. Карапанадзе. Родовой знак Багратидов на грузинских средневековых монетах. Нумизматический сборник, вып. II, М., 1957, стр. 78 и 80.

4 Та же идеограмма встречена на монетах (бронзовых), выпускавшихся князьями Пенджикента (см.: О. И. Смирнова. О двух группах согдийских монет. Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР, т. 14, 1957, стр. 121—122).

Третье слово *γ'ttwnh*, впервые засвидетельствованное на среднеазиатских монетах, и в том числе на согдийских, занимает всю правую часть кружка. Согд. *γ'ttwnh* соответствует известному тюркскому *qatun* 'дама' ('княгиня'), азерб. *qadyn*, монг. *χatan*. В согдийских текстах слово отмечено дважды. В текстах буддийского содержания оно засвидетельствовано в таком же, как на монетах, написании (с удвоенным *t* и показателем ж. р. *-h*) в следующем контексте: *rtymis "n'nt' kō ZNH γwt'ynh 'PZY γ'ttwnh ZY wy(s)bγwth ny wyp's'k 'PZY γwt'wzt'k*, который Е. Бенвенист переводит: „Et Ānanda, si l'impératrice, la seconde femme (de l'empereur), la princesse, le prince héritier, les fils du roi...“⁵

Из приведенного отрывка следует, во-первых, что данное слово было в согдийской среде и прилагалось к женским членам царской семьи; во-вторых, что *γ'ttwnh* не равнозначно согдийскому титулу *γwt'ynh* 'царица'. Издатель текста Е. Бенвенист определяет его (что вытекает из перевода) как звание второй супруги царя. Вторично тот же термин отмечен в одном из христианских текстов (согдийским государственным письмом), изданных Ф. В. К. Мюллером, на котором имеется приписка другой рукой, состоящая из двух слов: *δβ'mn γ'twn 'царица γ'twn'*. В сакских языковых памятниках ему соответствует *kāttuṛ, hkhātuṛ* в том же значении.⁶

Е. Бенвенист считает этот термин безоговорочно тюркским в согдийском.⁷ Р. Фрай, наоборот, рассматривает его как согдийское слово в тюркском и считает, что слово *γ'ttwnh* "заимствовано тюрками и употреблено в качестве титула супруги хана". На согдийской почве Р. Фрай сближает его с согдийским *γwt'ynh* (из **xwatāni-*, ж. р. от *γwt'w* 'царь').⁸ Оснований для такого сближения нет. Тюркское *χatūn* как звание супруги кагана или хана хорошо известно, но этимология его до сих пор тюркологами не выяснена. Одна из его древних форм, сохранившаяся в китайской иероглифической передаче, — *qātatun*.⁹ Миения тюркологов, как и иранистов, по вопросу о происхождении слова расходятся. Некоторые считают его тюркским, другие — монгольским или чагатайским, третьи — согдийским в тюркском. Последнему может противоречить его орфография в надписи на монете и в тексте буддийского содержания, т. е. написание через удвоенное *t* (*γ'ttwnh*), которое в согдийском языке преимущественно передает чужой соответствующий звонкий; в качестве примеров можно привести западно-иранское в согдийском *xrt'r* 'купец' и имя *sttrcy* из санскритского *sadacarya-*. Правописание слова указывает на особое качество дан-

⁵ E. Benveniste. Textes sogdiens. Édités, traduits et commentés par..., (Mission Pélletier en Asie Centrale, III), Paris, 1950, текст 6, строка 165.

⁶ H. W. Bailey. A Turkish-Khotanese Vocabulary. BSOAS, IX, 1944, 299.

⁷ E. Benveniste, ук. соч., комментарий, стр. 205, к тексту 6., строка 165.

⁸ R. N. Frye. The History of Bokhara, translated..., Cambridge Massachusetts, 1954, стр. 110—111, прим. 38 (там же библиография).

⁹ О термине и его различных формах см.: K. Shiratori. A Study on the titles kaghan and katun. Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, № 1, Tokyo, 1926, стр. 34—39.

ного согласного. Отмеченное обстоятельство должно обратить на себя внимание, поскольку предполагает древнюю (или диалектальную) форму, отличную от известной нам с глухим согласным. Согдийский показатель женского рода при слове указывает, что данная форма была освоена согдийской языковой средой и вошла в словарь согдийского языка.

Мусульманские и китайские источники прилагают наименование ҳатун к правительницам ираноязычных оседлых народов Средней Азии. Именно под таким названием нам стала известна бухарская царица (регентша) конца VII и начала VIII в., мать бухарского царя Тұғшады (убит в 739 г.) — Ҳатун-и Буҳарә Ҳатун Бухары. Источники говорят о бухарской царице как о современице Тархуна. Основные сведения о ней мы находим у среднеазиатского историка Нершахи. Упоминает о ней ат-Табарий, известия которого были использованы Нершахи. У Белазурой имя ее не встречается. Ал-Йа'қубий говорит только о романе ее с Тархуном, к которому она обратилась за помощью против арабов.¹⁰ О том же, но гораздо подробнее рассказывает Нершахи. Так, у Нершахи мы находим известие о том, что с Ҳатун заключил мир арабский наместник Хорасана 'Убайдаллах ибн Зийад в 53/673 г. за сумму в тысячу тысяч (т. е. миллион) дирхемов. По словам того же автора, в 56/675-676 г. за такую же сумму с ней заключает мир Сайд ибн 'Усман, преемник 'Убайдаллаха; последнему она предоставляет, кроме того, в качестве заложников 80 царевичей и знатных бухарских юношей. Следовательно, если верить источникам, царствование бухарской ҳатун продолжалось более 30 лет. Возможно, что роман ее с Тархуном — позднейшее измышление легенды, соединившей вместе имена двух любимых героев. Однако как ат-Табарий, так и ал-Йа'қубий говорят о ней именно как о современице Тархуна. Вероятно, Нершахи отнес к ее времени события, имевшие место ранее. Согласно Белазурой Бидун, ее муж и предшественник был убит в 61/680 г. Во всяком случае, она была лицом несомненно историческим. Бухарская царица-правительница, судя по рассказу Нершахи, как бы он приукрашен ни был, пользовалась неограниченной властью. Нершахи рисует ее как женщину смелую, воинственную и склонную к романтическим похождениям. Почетную охрану ее составляли представители молодой знати, которые ежедневно чередовались. Роскошь ее была такова, что, по словам того же Нершахи, чулок и туфля с ее ноги стоили 200 000 дирхемов.

Неоднократно упоминают среднеазиатских цариц (ҳатун), но не правительниц, и китайские анналы. Так, в 734 г. бухарский царь Дусоботи (тұғшада) послал китайскому императору в дар двух персидских лошаков, сирийский вышитый ковер, благовония и разные другие предметы роскоши, а супруга царя, катун, в свою очередь поднесла императору два больших ковра и один вышитый ковер, за что и была одарена: император пожало-

¹⁰ Ibn Wadih qui dicitur al-Ya'qubiy. Historiae, II. Ed. M. Th. Houtsma, Leide, 1883, стр. 281.

вал царю кафтан с поясом, латы и оружие, а для катуни послал украшения и благовония".¹¹ По смерти Гурека император отправил посланника пожаловать его сыну Догә (согд. twrγ'r) "титул вана, а его матери катуни титул цюнь фужень ('княгини')".¹² Несколько позже "владетель Ши был пожалован титулом гун-цзунь ван (т. е. почтительный и покорный князь), а катуни его матери — титул цюнь-фу-жень".¹³ Число подобных примеров может быть увеличено. Таким образом, термин ҳатун прилагался к супруге царя и к его матери, при чем следует оговорить, что под матерью в этих источниках понимается старшая мать, т. е. не родная мать, а старшая жена отца, на которой сын-наследник имел право (или должен был) жениться по смерти отца. Так, в "Бей-ши" (истории Северных дворов) говорится, что в Бухаре (Ань) обычай сходны с кангюйскими; отличие только в том, что женятся на сестрах и старшей жене отца.¹⁴ Титул цюнь фу-жень в Китае давался только дамам императорской крови, и то, что он жаловался именно царице-матери, говорит о том, что эта последняя занимала высшую ступень в иерархии женской половины царского двора. Картинка, которая рисуется по китайским источникам, свидетельствует о той значительной роли, которую среднеазиатские царицы вообще играли при дворе. Так, когда владелец Ань (Бухары) слушал представление о делах, то супруга его сидела напротив него.¹⁵ Во владениях Ши (Ташкент) супруга владетеля принимала участие в культовых торжествах.¹⁶

Легенды на монетах суть подписи к изображениям на них (портретам, рисункам, знакам), и потому надпись, содержащая два титула, один из которых женский γ'ttwnh, прекрасно увязывается с изображением царственной четы на лицевой стороне описываемых монет. Появление женского титула или имени на согдийских монетах закономерно. Два женских титула (звания) прочитаны на других монетах того же примерно времени, выпущенных в Пенджикенте двумя царицами. Эти титулы — β'prn h 'царица' и ρprn h 'старшая госпожа' (дословно 'госпожа госпож'). Высказано также предположение, что указанные два титула обозначают цариц, занимавших каждая определенное место в дворцовой иерархии и что один из титулов был, вероятно, присвоен царице-матери, другой — старшей супруге царя.¹⁷ Слово γ'ttwnh на монетах расположено так, что, несмотря на то, что часть текста стерта, можно с достаточной уверенностью сказать, что оно не

¹¹ Здесь и ниже переводы китайских источников Б. И. Панкратова, ср.: Ed. Chavannes. Documents sur les tou-kiue (Turcs) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, VI, СПб., 1903, стр. 138. — И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, т. II. М.—Л., 1950, стр. 312 (издатели в скобках переводят 'ми' вместо 'ко-вер', а слово „катун“ передают русским 'княгиня').

¹² Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 136. — И. Бичурин, ук. соч., стр. 311.

¹³ Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 145. — И. Бичурин, ук. соч., стр. 315.

¹⁴ Там же, стр. 272.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 273 и 282.

¹⁷ Известия Отделения общественных наук Тадж. ССР, т. 14, стр. 121—122.

имело ни предшествующего, ни последующего определения. В источниках царица Бухары именуется только Хатун. На монетах, выпущенных от лица пенджикентских цариц, имени также нет. В вышеупомянутом согдийском тексте христианского содержания имеется приписка другой рукой: $\beta'mpn$ $\gamma'twn$, т. е. 'царица $\gamma'twn$ ' без обозначения имени этой женщины.

О том, что среднеазиатские правители родились путем браков с тюркским каганатом и китайским двором, известно. Имеются известия о том, что каганат и китайский двор за особые заслуги жаловали вассалам в жены своих царевен. Эти царевны не сохраняли за собой в чужой среде имен собственных, трудных для освоения, а обозначались общим для всех словом хатун; впоследствии этот термин, вероятно, вошел в согдийский язык как обозначение супруги правителя вообще, безотносительно к этнической принадлежности ее носительницы. Китайское гин-чжу 'царевна', на согдийской почве давшее $\gamma'wncyw\hbar$ $\gamma'wnch$, вошло в согдийский язык и как имя,¹⁸ а возможно, и в своем первоначальном смысле.¹⁹ В данном случае, когда надпись $\gamma'ttwnh$ сопровождает изображение четы с монголоидными чертами лица, она может указывать на тюркское происхождение династии. Крайне соблазнительно было бы видеть в Хатун ($\gamma'ttwnh$), упомянутой на монетах, знаменитую бухарскую правительницу. Однако данных для этого нет.

В список известных сейчас терминов, определявших положение отдельных женских членов царской семьи, таким образом входят: $\gamma'wt'ynh$ 'царица', 'супруга $\gamma'wt'w$ '; $(\delta)\beta'mpn$ 'царица', 'супруга $\gamma'w\beta'w$ '; $\gamma'prpnh$ 'старшая супруга'; $\gamma'ttwnh$ 'супруга', возможно, тюркский синоним согдийскому $\beta'mpn$. Рассмотренные материалы говорят также о тесных согдо-турецких связях.

2. Ихрید

Слово засвидетельствовано на медной монете с арабской надписью, найденной на пенджикентском городище в 1956 г. Монета, как обычно для меди, сохранности ниже средней, кружок чуть обломан по краям. На обеих сторонах располагаются трехстрочные арабские легенды. Верхняя строка надписи лицевой стороны из одного слова почти стерта, и знаки, ее составляющие, видны только при определенном положении монетного кружка и не все с достаточной ясностью.

Лиц. В поле трехстрочная надпись из трех слов: اخريد/مهقان/كش 'Ихрید, дихан Кеша'. Надпись в круге из тесно поставленных крупных продолговатых точек. По краю монеты, с внешней стороны от точечного круга, в четырех местах (сверху и снизу, слева и справа) украшения в виде четырех кружков с точкой по середине \odot .

Об. В поле трехстрочная надпись из четырех слов: ضرب/هـ(لـ) الفليس 'ахрид/مهقان/كش'.

¹⁸ E. Veneniste, ук. соч., текст 8, 175 (комментарий).

¹⁹ Ср.: $\delta\gamma'wt' \gamma'wnch$ 'девица-царевна' в мугских документах (Nov. 3, строка 5 и Nov. 4, строка 6).

Баш 'Выбит этот фельс в Кеше'. Надпись в круге из таких же тесно поставленных крупных точек.

Æ; д. 20 мм; в. 1.71; ↓; полев. инв. ТП-56 I-36 (рис. 7; табл. 5).

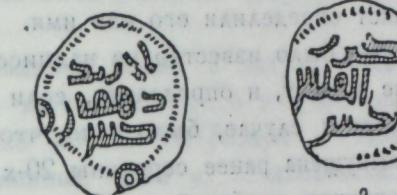

Рис. 7.

Легенды выполнены крупным куфи; шрифт несколько неровен, но надписи нанесены уверенной рукой. Низкие буквы равны примерно двум третьим высоких. Отдельные буквы слегка округлены. Некоторые имеют легкий наклон, но большинство вертикальны. В третьей строке на оборотной стороне монеты первый марказ имеет легкий наклон вправо. Начальный алиф в слове 'иҳрید' слегка выгнут с отклонением вершины налево и окончания направо, по типу коранического начального алифа. Конечное $\bar{b}\bar{a}$ имеет растянутый, с легким уклоном вниз, конец. Косой штрих характерного для куфи начального $\dot{\zeta}$ опускается несколько ниже строки. $\dot{R}\bar{a}$ имеет дугообразную форму, и верхняя часть несколько приподнята над строкой. $\dot{D}\bar{a}\bar{l}$ и $\dot{k}\bar{a}\bar{f}$ растянуты и несколько округлены. Сий и ший типичные для куфи; конечный $\bar{n}\bar{u}\bar{n}$, открытый налево и опущенный вниз, имеет форму длинной прямой дуги. Написание $\bar{x}\bar{a}$ характерно для коранического куфи. Отмеченная выше округленность некоторых букв сближает письмо легенд нашей монеты со скорописью.

При первом знакомстве с монетой и надписями на ней обратили на себя внимание следующие особенности.

1. Письмо легенд на монете близко к письму арабского документа, обнаруженного в развалинах замка на горе Муг в Таджикистане, хотя в одном случае (монета) мы имеем дело с куфи, а в другом (документ) — со скорописью с элементами куфи (так, кроме общего характера письма, алиф в слове 'Ихрید' такой же, как в слове Діваштіч во 2-й строке документа; отметим также одинаковые формы конечного $\bar{n}\bar{u}\bar{n}$ и $\bar{b}\bar{a}$).²⁰

2. Круговые легенды, характерные для арабского чекана меди в Бухаре и в Самарканде начиная с шестидесятых годов VIII в., отсутствуют.

3. Легенды не содержат, как это обычно для медных арабских монет того же времени, символа веры.

Отмеченные особенности указывают, что найденная на пенджикентском городище монета, вероятно, принадлежит к одному из первых выпусков монет.

²⁰ О почерке документа см.: В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Древнейший арабский документ из Средней Азии. Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 80—90; см. также: В. А. Крачковская. Арабское письмо в Средней Азии и Закавказье до IX в., ЭВ, VI, 1950, табл. VI.

нет с легендами арабским письмом, отчеканенных в Согде, когда в крае еще не установился тип монет с центральными и круговыми легендами. Из содержания следовало, что монета была выпущена дихканом Кешем (свр. Шахрисябз) Ихридом и выбита в Кеше. Место слова "иҳрид" на монете и последующий текст определили его как имя.

Место выпуска монеты было известно из надписей. Предстояло установить лицо, выпустившее монету, и определить, если окажется возможным, время ее выпуска. Во всяком случае, было ясно, что монета с такими надписями не могла быть выпущена ранее середины 20-х годов хиджры, когда, согласно известиям источников, арабский язык стал обязательным для арабского управления Хорасана, а затем и Мавераннахра, и вряд ли позже 143/760-761 г., когда в Бухаре и Самарканде уже чеканились бронзовые монеты с центральными и круговыми легендами. Таким образом, возможное время выпуска монеты оказалось суженным меньше чем до двух десятилетий и можно было предположить с достаточной долей уверенности, что она была отчеканена в первые годы становления власти Аббасидов, может быть, при Абу-Муслиме, к чекану которого относятся первые выпуски арабской меди (фельсов) в Мерве. Наш испытанный информатор о Средней Азии времени арабских завоеваний ат-Табарий, как и прежде в аналогичных случаях, оправдал наши ожидания. Известен его рассказ об убийстве дихкана Кеша ал-Ихрида близким соратником Абу Муслима и его эмиссаром в Мавераннахре Абу Да'удом Халидом (впоследствии наместником Хорасана). Ат-Табарий передает эти события так: *وفي هذا السنة غزا أبو داود خالد بن إبراهيم* (вар.: *وهو سامع مطيع قدم عليه قبل ذلك بلغ أهل كش فقتل الأخرید ملكها*) («иҳрид»). *(الآخرید بـها)* *من الأخرید و أصحابه حين قتيلهم من ثم تلقاه بكلد مما يلي كش وأخذ أبو داود من السروج الصينية و متاع الأولى الصينية المنقوشة المذهبة التي لم ير مثلها و من السروج الصينية و متاع الصين كله من الدبياج و غيره ومن طرف الصين شيئاً كثيراً فحمله أبو داود أجمع إلى أبي مسلم و هو بسرقند و قتل أبو داود دهقان كش في عدة من دهقانيها و استحيا طاران* ²¹ *في ذلك العام* ²² *و قتل أبو داود* ²³ *إذا الأخرید و متنه على كش*. В том году (134) пошел Абу Да'уд Халид сына Ибрахима на население Кеша и убил ал-Ихрида, его царя. А он послушным и покорным явился к нему перед этим в Балх. Затем встретил его в Кандаке, что соприкасается с Кешем. ²³ И взял Абу Да'уд у ал-Ихрида и его соратников, когда он убил их, множество вызолоченных китайских инкрустированных сосудов, подобных которым никто не видывал, и китайских седел, и китайских тканей, все это из дайбаджа, и прочего, и множество китайских диковинок. И отправил все это Абу Да'уд к Абу Му-

слиму, а тот [в это время находился] в Самарканде. И убил Абу Да'уд дихкану Кеша вместе с несколькими [другими] дихканами, и оставил в живых Тарана, брата ал-Ихрида, и поставил его царем над Кешем...“

То же известие с незначительными сокращениями имеется в истории Ибн ал-Асиря.²⁴

Ввиду полного совпадения имени и титула больших сомнений относительно того, что речь в тексте идет о том же лице, от имени которого выбита монета, быть не могло. Ат-Табарий и Ибн ал-Асир при слове "иҳрид" ставят определенный член и, следовательно, осмысляют это имя скорее как своеобразную нисбу (относительное имя). Ат-Табарий отмечает форму *اخشاد* как титул владетелей Ферганы.²⁵ Аналогичную форму титула у того же автора мы встречаем с определенным членом в качестве имени собственного (*ابن الاخشاد*).²⁶ Уже П. И. Лерх считал таковую искаженной формой арабского множественного числа *اخشيد* 'иҳшид',²⁷ тогда как ее, вероятно, следует рассматривать как диалектальную форму с чередованием *ā/ē* из *āya*; последнее говорило бы о том, что в Фергане бытовал диалект, отличный от Самаркандинского. Вероятно, к той же группе относится известный титул *شاد*/*شاده* (*شاده*), происхождение которого будет, таким образом, иранским, а не тюркским, как это принято считать. Этимология слова "иҳрид" (согд. *'xgub) не ясна; некоторые исследователи, в том числе Маркварт, считают это слово титулом и рассматривают его как диалектальную форму согдийского титула, обычная форма которого с начальным протетическим гласным *'ṣyb* 'царь', в арабской графике *اخشيد*, и менее распространенная *ṣyb*, в арабской графике *شیده*, из авестийского *xšayāvīa*.²⁸

В списках среднеазиатских царей, приведенных у ал-Бируни и Ибн Хордабеха, такого титула нет. Ал-Бируни в своей таблице приводит титул царей Кеша — *نیدون* (Niydon). Ибн Хордабех упоминает о таком же.²⁹ Но оба эти автора смешивают, как известно, имена собственные и титулы. Так, имя Тархун цитируется в качестве титула царей Самарканда (возможно, под влиянием тюркского тархан, согд. *tr̥n'*). Титул владельца Мерва *māhūna* у ат-Табарий упомянут как имя собственное мервского марзбана.³⁰ Р. Фрай сближает (ошибочно) *نیدون* Кешского с упомянутым в других источниках царем Согда бухархудатом Бидуном (بیدون, вар. *بنیدون*), имя которого долго сохранялось на железной плите выстроенного им замка. Ал-Беләзүри называет

²⁴ Ibn al-Athiri chronicon quod perfectissimum inskrbitur, t. V. Ed. C. I. Tornberg. Lugduni Batavorum, 1876, стр. 347.

²⁵ Ат-Табарий, сер. II, стр. 1242.

²⁶ Там же, сер. III, стр. 2184, 2186, 2190 и 2193.

²⁷ П. И. Лерх. Монеты бухархудатов. СПб., 1909, стр. 159—160.

²⁸ И. Гершевич возводит его к авестийскому *xšāeta*, в связи с чем предлагает считать термин заимствованным в согдийском из западноиранских языков (см.: I. Gershevitch.

Grammar of manichean sogdian. Oxford, 1954, § 269).

²⁹ Alberuni Chronologie orientalischer Völker. Leipzig, 1878, стр. 101; BGA, VII,

стр. 296.

³⁰ Ат-Табарий, сер. I, стр. 2873; BGA, VII, стр. 296; BGA, VI, стр. 40.

5 Эпиграфика Востока, XIV

вает последнего царем всего Согда.³¹ Искомое слово ни в одном источнике, кроме истории ат-Табарий (в указанном месте) и зависимых от него авторов, не встречается. Других имен царей Кеша у мусульманских авторов нет. Тот же ат-Табарий упоминает 'صاحب نصف' 'владетель Несефа' (совр. Карши), т. е. города и одноименного округа того же Кашкадарьинского оазиса рядом с Кешем. В источниках Несеф (или Нахшаб) упоминается то как самостоятельное владение, то, чаще, как зависимое от Кеша. Китайские чиновники называют его иногда малым Шы, т. е. малым Кешем, и относят его к прежним землям Тухоло (т. е. Токаристана). Царек Несефа, согласно ат-Табарий, носил имя ал-Ишканд (الشكند صاحب نصف),³² обычно рассматриваемое исследователями также как титул. Впервые имя царька Несефа встречается под 112/730-731 г.; затем позднее под 117/735 г.,³³ и еще раз под 119/737 г. то же лицо упомянуто как активный участник борьбы согдийцев с арабами, наиболее интенсивно развернувшейся в Хутталине и Термезе в 119/737 г. На стороне антиарабской коалиции были Самарканд, Шаш, Хутталин. Возглавлял коалицию тюрский хакан. Часть местных владетелей оставалась на стороне арабов, в том числе владетель Чаганиана. В состав арабских войск входили также местные джузджанские отряды чакиров. В рассказе о событиях, имевших место в 119/737 г., ат-Табарий называет владетеля Несефа испахбадом, т. е. «военачальником»:

وَاقْبَلَ خَاقَانٌ فَظْنَ الْمُسْلِمِينَ أَنَّهُ لَا يَقْطَعُ
إِلَيْهِمْ وَبِنِيهِمْ وَبَيْنَهُمْ وَبَيْنَهُمْ فَلِمَّا نَظَرَ خَاقَانٌ إِلَى النَّهْرِ امْرَأُ الْأَشْكَنْدُ وَهُوَ يَمْشِدُ
(вар: 'I' اصْبَاهِدْ نَسَا (сан: سان) 'И' приблизился хакан. И подумали мусульмане, что
он не переправится к ним, а между ними и им река. И когда посмотрел
хакан на реку, приказал ал-Ишканду, а он тогда испахбад Нисы(?).³⁴

Из данного отрывка следует, что ал-Ишканд в 119/737 г. возглавлял воинство Нисы; согласно другим сведениям того же источника, это лицо было владетелем Несефа — одного из владений Кашкадарьинского оазиса. О том, что во всех указанных местах идет речь об одном и том же лице, сомнений быть не могло.

В китайских хрониках мы находим некоторые сведения о правителях Кеша VII—VIII вв. По словам авторов хроник, Шы (Кеш) был значительным владением, население которого доходило до 20 000 семей, т. е. беря в среднем по 5 душ на семью, со стотысячным населением; постоянного же войска насчитывалось более 1000 человек.³⁵ Городов в области было 500. Владетели Кеша происходили из одного рода с владетелями Самарканда,

³¹ R. N. Frye. The History of Bukhara. Cambridge Massachusetts, 1954, комментарий стр. 110, к стр. 37. — О бухархудате см.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху Монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1904, стр. 103. — Варианты имен: Yusty. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, стр. 62 б и 219 б.

³² Ат-Табарий, сер. II, стр. 1542₈.

³³ Там же, стр. 1584.

³⁴ Там же, стр. 1597₁₆.

³⁵ Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 146; см. также: Mélanges Asiatiques, I, Paris, 1825, стр. 238.

Бухары и других среднеазиатских владений. Согласно „Тан-шу“, в период Да-Ие (605—616 гг.) государь этой страны Ти-Чжо впервые вступила в сношения с Китаем. В 642 г. государь Ша-ше-пи поднес китайскому императору произведения своей страны. Позднее, в период Сянь-цин (656—660 гг.), при административной реорганизации Китаем среднеазиатских владений, князь владения Шы Ше-а-хо был утвержден Китаем в звании цзю-ань, т. е. наместником округа (согласно позднему компилятивному тексту, изданному А. Ремюза — „судьи“, вероятно верховного), а владение Шы переименовано в округ Кюйша, т. е. Кешский, с какового времени он и носит это название. В 727 г. государь Ху-пи-то поднес китайскому двору танцовщиц и пятнистых леопардов.³⁶ Согласно хронике Чэ-фу, в 738 г., одновременно с доносением о кончине самаркандского царя Гурека в Китай было сообщено о кончине некоторых других владетелей, умерших в разное время, в том числе и о смерти царя Кеша Йань-туя, преемником которого был утвержден его сын Ху-по.³⁷ Назначение последнего состоялось в том же 738 г., в десятом месяце.³⁸ Китайской передаче имени царя Кеша Йань-тун соответствует в арабских текстах титул ийдун; и последний следует читать 'Йандун' (в согд. * у'нðwn). По сведениям того же источника, в 739 г. (в четвертый месяц) царь (ван) Кеша Се-кинь-тей посыает вместе с другими владетелями к китайскому двору послов с адресом узнать о здравии императора.³⁹ Затем он же воюет на стороне Китая во время междоусобиц среди тюргешей Ка-Ферганы и выступает вместе с владетелем Ташкента против сына Сулу Ка-Гана, которого они разбивают в Токмаке.⁴⁰ В тех же трудах этот царь имеется „царем чакиров“. В 740 г. (первый месяц) Китай в благодарность за службу во время похода против Сулу-кагана жалует Се-кинь-тею 'царю чакиров' титул дэ-цзин.⁴¹ В 741 г. (третий месяц) государь Кеша Се-кинь-тей отправил вельможу Пу-ти-ми-ше (вместе с послом Ферганы) принести новогодние поздравления императору и поднести подношения.⁴² Позднее упоминается еще только одно посольство в Китай в 746 г. (десятый месяц).

³⁶ Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 146—147; Mélanges Asiatiques, I, стр. 258.

³⁷ Ed. Chavannes: 1) ук. соч., стр. 210; 2) Notes additionnelles sur les Tou-Klue (turcs) occidentaux. Tsiung-Pao, т. V, 1904, стр. 59.

³⁸ Утверждение государя Кеша последовало непосредственно после получения сведений о смерти Гурека, так же как и утверждение других государей. Себестенно это было простым санкционированием сувереном (в данном случае Китаем) уже имеющего место акта; государь же Кеша, как и другие, фактически взошел на престол раньше.

³⁹ Ed. Chavannes. Documents..., стр. 147, прим. 1.

⁴⁰ Там же, стр. 83. — И. Бичурин, ук. соч., стр. 370.

⁴¹ „Владетель в Ши грамотой пожалован достоинством шунь-и-гви, а владетель в Шы повышен титулом: дэ-цзин — в ознаменование заслуг их“ (И. Бичурин, ук. соч., стр. 30). В переводе Э. Шавана „spécialement promu“ (Ed. Chavannes. Notes additionnelles, стр. 63).

⁴² Ed. Chavannes: 1) Documents..., стр. 147, прим.; 2) Notes additionnelles..., стр. 65.

царя, отправившего его, остается нам не известным.⁴³ В 748 г. владения Шы переименованы Китаем в Лай-вэй.⁴⁴ Эд. Шаванн с полным основанием идентифицирует последнего известного нам по китайским источникам царя Шы (т. е. Кеша) Се-кинь-тэя с владельцем Несефа ал-Ишканом, о котором говорят ат-Табарий и Ибн ал-Асир. Звание его "царь чакиров" вызвало недоумение ученого.⁴⁵

Если мы сведем вместе данные китайских и арабских источников, то получим следующую хронологическую таблицу государей Кеша:

Правители Кеша

Имена	Время	Примечания
китайская передача	китайская историческая транскрипция	арабская передача
Ти-чжо	d'iek t's'ia	—
Ша-ше-пи Ше-а-ху	sa-žat piět siět-ā tāt (xāt)	عَشَّاتٌ
Ху-пи-то Йань-тунь	xiāt piět tā jān-d'uān (t'īnēn)	خانٌ
Ху-по	—	يَنْدُون
Се-кинь-тэй	Sig kīn-d'ie (t'ie)	الأشكند
—	—	الآخريد
—	—	الخريد
—	—	الخريد
Несмотря на относительную точность, составленная таблица дает все же представление о последовательности правлений государей Кеша от начала VII в. до середины VIII в. На середину VIII в. приходится правление госу-	Упоминают между 605—616 гг.	К этому периоду относится первое посольство в Китай.
	Упоминают в 642 г.	Посольство в Китай.
	Упоминают между 656—660 гг.	Посольство в Китай.
	Упоминают в 727 г.	Посольство в Китай.
	?—738 г.	Умер не позже этого года.
	738 г.	Сын Йань-туня; 738 г. — год утверждения его царем Китая.
	Не позже 739 г., не ранее 741 г.	В 739 и 741 г. посольство в Китай от его имени. В арабских источниках называется владетелем Несефа.
	убит в 752 г.	Брат ал-Ихрайда. Поставлен арабами преемником последнего.
	752 г. (?)	—

Несмотря на относительную точность, составленная таблица дает все же представление о последовательности правлений государей Кеша от начала VII в. до середины VIII в. На середину VIII в. приходится правление госу-

⁴³ Ed. Chavannes. Notes additionnelles..., стр. 76.

⁴⁴ И. Бичурин, ук. соч., стр. 316.

⁴⁵ Ed. Chavannes. Documents..., стр. 147, прим. 1.

дарей Ху-пи-то и Йань-туня (араб. Йандун) — современников ихшида Согда Гурека, а также сына и преемника Йань-туня — государя Ху-по, Се-кинь-тэя (араб. ал-Ишканд), ал-Ихрайда и, вероятно, брата последнего Тарана — современников сына Гурека, ихшида Согда Тургара.

Рассмотрим данные о каждом из них. Ал-Ишканд (кит. Се-кинь-тэй) упоминается у ат-Табарий как владетель (сахиб) Несефа под 731 и 735 гг. и в том же источнике — еще раз под 737 г. как испахбад Нисы и участник антиарабской коалиции. В 739 и 741 гг. китайские источники упоминают его как царя Кеша и "царь чакиров", т. е. как главу военной дружины (чакиров). Чтение نسـ — конъюнктура издателя; в подлиннике диакритика отсутствует. В подтексте издатель приводит разночтение نـسـ. Предложенное издателем чтение نـسـ 'Наса' не оправдано контекстом. И, возможно, слово следует читать سـفـ. Звание испахбада, т. е. 'глава войска', соответствует званию этого лица "царь чакиров" в китайских хрониках, что подтверждает идентификацию, предложенную Эд. Шаванном. Общая картина представляется следующей: владетель Несефа ал-Ишкан в 736—737 гг. принимает активное участие в антиарабской коалиции в качестве военачальника. Вероятно, он возглавляет дружину Кеша и Несефа, а может быть, и все согдийские войска, в связи с чем ему присвоено звание испахбада. Позднее он становится царем всего оазиса и именуется царем Кеша. При каких обстоятельствах происходит его возвышение, нам не известно; в 738 г., согласно китайским источникам, в Кеше царем был Ху-по, сын Йань-туня (يَنْدُون), время правления которого было весьма кратким, так как уже в 739 г. Се-кинь-тэй упоминается как царь Шы (т. е. Кеша). Длительность правления последнего нам не известна, во всяком случае, не менее двух лет, так как в 741 г. отмечено его посольство в Китай. В каком году Се-кинь-тэй утвержден был Китаем в качестве вана, т. е. вассального князя, мы не знаем, но что такое утверждение имело место, следует из того, что китайские хроники его так именуют. Когда ал-Ишканда сменил ал-Ихрайд, опять-таки неизвестно, так как имени его, как было указано, никто, кроме ат-Табарий, не упоминает: мы знаем только, что его преемник Ихрайд был убит в 752 г.; начало царствования последнего нам также неизвестно.

Толкование слова "ихрайд" на монете и в тексте ат-Табарий как имени, а не как титула, следует из его места в надписи и из последующего определения: هـقـانـ كـشـ 'дихқан Кеша'. Этому положению могут противоречить некоторые известия ат-Табарий. Так, о Гуреке, которому был присвоен титул نـورـتـ مـنـ الدـهـاقـينـ (Nūrūt min ad-dihqāniyin), ихшида Согда, ат-Табарий говорит как об одном из дихқанов, ал-Дайваштича, афшина Пенджикента, бывшего некоторое время ихшидом Согда, называет هـقـانـ أـهـلـ سـمـرـقـنـدـ (Hacan Ahl Samarkand). Полное совпадение надписи на монете ^{الآخريد} هـقـانـ كـشـ с текстом ат-Табарий ^{اخـرـيـدـ} هـقـانـ كـشـ убедительно говорит о том, что это одно и то же лицо. Помещение двух титулов, одного — заимствованного для Согда, другого — восточноиранского (местного), возможно, но, учитывая отсутствие имени, не оправдано, если только один из этих титулов не воспринимается по каким-либо

обстоятельствам как имя. Именно об этом говорит форма титула с определенным членом *الآخر* у ат-Табарий и Ибн ал-Асиря.

Каковы были причины гибели царя Кеша ал-Ихрида мы не знаем. Вероятно, то была общая неустойчивая, как правило, политика местных властителей по отношению к арабам. Ат-Табарий рассказывает, что царь Кеша явился навстречу арабам покорным и послушным, что указывает на его прежние действия, направленные против них. Мусульманские и китайские авторы сообщают об имевших место в начале 50-х годов VIII в. крупных столкновениях арабских и китайских войск, вызванных междуусобицами и колебаниями согдийской знати, а также упоминают о движении согдийцев против арабов в 752 г., т. е. именно в том году, когда был убит ал-Ихрид. Любопытен также приведенный ат-Табарий перечень добычи, захваченной арабами в Кеше после убийства ал-Ихрида; этот перечень говорит о тесных связях Кеша с Китаем, что также подтверждается известиями китайских источников. В свете вышеизложенного датировка монеты концом второй четверти VIII в. (не позже 752 г.) не может вызвать возражений. Из этого следуют два вывода: во-первых, в начале VIII в. царь Кеша от своего имени выпускал монету и, следовательно, в Кеше, так же как в древнем Пенджикенте, существовал "монетный двор", употребляя этот термин условно; во-вторых, в конце второй четверти этого века в Согде уже чеканилась бронзовая монета с арабской надписью. Второй вывод для нас также важен: письмо легенд пенджикентской монеты фиксирует определенный этап освоения арабской письменности в Средней Азии — в Согде.

В своих работах И. Ю. Крачковский неоднократно указывал на удивительную точность ат-Табарий. Полное совпадение написания имени-титула царя Кеша в надписи на монете и в тексте у ат-Табарий говорит о том, что о его искажении или какой-либо ошибке у последнего речи быть не может.

1961 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · XIV

Д. Г. КАПАНАДЗЕ

КЛАД МОНЕТ НАЧАЛА XI В. ТБИЛИССКОГО ЭМИРА 'АЛЫ ИБН ДЖАФАРА

В начале апреля 1953 г. мне было передано десять монет с сообщением, что они разновременно были найдены в старой части города Тбилиси, в районе серных бань. Но однородный состав этих монет, одинаковая фактура и одинаковый же характер покрывающего их слоя окиси давали основание подозревать, что все они происходят из одного и того же клада. Спустя несколько дней это действительно подтвердилось: выяснилось, что всего лишь за несколько дней до передачи близ реконструированного Метехского моста был найден крупный клад древних монет.

Оказалось, что при укреплении правого берега Куры подпорной стеной и расчистке площадки от развалин разрушенной до этого магометанской мечети бригада рабочих обнаружила остатки более древнего сооружения, оказавшегося при дальнейшем исследовании правобережным устоем моста.

На самой поверхности устоя рабочие заметили склонившийся ржавый ком зеленоватого цвета, который распался от удара заступом на части. Рассыпавшиеся в разные стороны монеты стали подбирать рабочие и случайные прохожие, наблюдавшие эту картину с моста, и в несколько минут весь этот клад разошелся по рукам. Пожалуй, он так и не дошел бы до нас, если бы производитель работ Георгий Митрофанович Гогичайшвили не собрал 91 монету с намерением передать их Музейю.

Из опроса очевидцев было установлено, что клад содержал значительно большее количество монет, поэтому, собрав рабочих и разъяснив им значение и ценность древних монет, а также необходимость регистрации и сохранения монетных кладов и отдельных находок, я заручился их обещаниями продолжать сбор рассеянного материала.

К концу мая 1953 г. при участии Г. М. Гогичайшвили я дополнительно собрал еще 310 экземпляров. Таким образом, с первыми двумя поступлениями, в распоряжении Государственного Музея Грузии теперь уже находятся 411 монет.¹

¹ В апреле и мае 1953 г. последовательно поступило следующее количество монет: 10, 91, 62, 24, 67 и 157, всего — 411.

До удаления довольно плотного слоя окислов, образовавшегося на монетах от продолжительного лежания в земле и действия среды, не представлялось возможности точно их определить, хотя по проступающим кое-где надписям предположительно их можно было приурочить к арабскому периоду истории Грузии. Прежде чем передать монеты для чистки в химическую лабораторию Музея, они были тщательно просмотрены и, так как на некоторых сохранились фрагменты ткани, закрепившиеся в металлических солях окислов, то они были оставлены в неочищенном виде.

Возможность захоронения клада в глиняной посуде исключена потому, что, по единогласному утверждению свидетелей-очевидцев, обломков керамики на месте не оказалось. Эти монеты, очевидно, были уложены в матерчатый кисет, к сожалению, сохранившийся только в миниатюрных фрагментах.

После чистки остальных монет стало возможным сличить сохранившиеся на них обрывки надписей. Установлено, что все они до единой принадлежат одному и тому же историческому лицу и хотя чеканены различными штемпелями, но принадлежат одному и тому же типу. Внешними признаками монеты клада очень сильно отличаются от общеизвестных дирхемов арабского типа, так как вместо привычных для глаза и обычных для употребления кружочков, имеющих приблизительно одинаковые вес и размер, подавляющее большинство чеканено из кусочков металла различной величины, толщины и веса, а в некоторых случаях и самой разнообразной формы (см. табл.). В соответствии с этим размер (диаметр) монет этого клада самый разнообразный и колеблется от 5 до 30 мм (инв. №№ 8420 и 8352), а вес — от 0.12 до 5.23 г (инв. №№ 8420 и 8503).

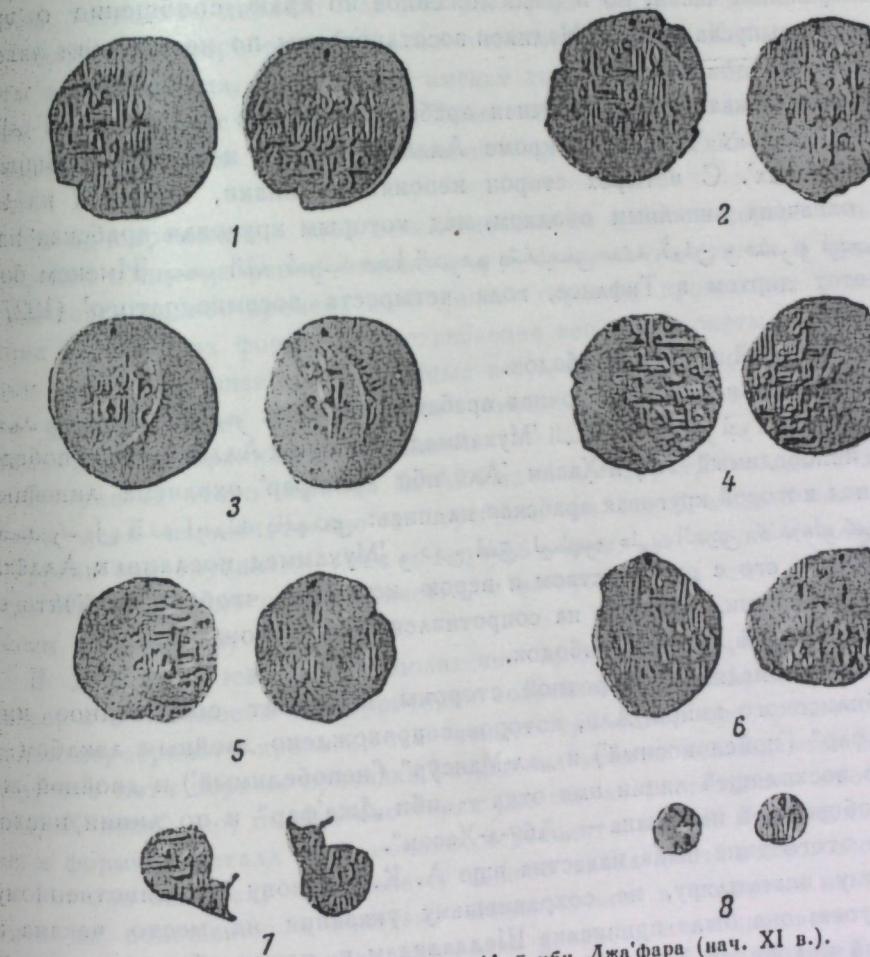
Для их изготовления использована золотистая бронза, посеребренная настолько густо, что после продолжительного пребывания в земле и даже химической чистки с участием разъедающих кислот, внешний вид монет совсем не изменился, и они продолжают и сейчас оставлять впечатление серебряных. Подлинный их состав был установлен в лаборатории при поисках технологических процессов чистки.

Разбор надписей осложнялся потому, что в подавляющем большинстве случаев контур монетной пластинки не соответствует круглому очертанию рисунка штемпеля, в результате чего, не помещаясь на монетной пластинке полностью, последний выходил за ее пределы, и, таким образом, та или иная часть надписи совершенно терялась.² Эти затруднения осложнялись и тем, что одновременно с изменениями монетного металла и полным нарушением весовых норм и размера монеты отличаются и крайней небрежностью технического выполнения. Удар штемпеля то слишком слаб и недостаточно

² Из 411 донесших до нас монет полная центральная надпись, содержащая имя, сохранилась лишь на 3, фрагменты круговой надписи (с датой и местом чекана) — на 105, фрагменты оборотной стороны (33-й стих 9-й и 9-й стих 61-й суры Корана) — на 36 и совершенно лишенных круговых надписей оказалось 236 монет. Неочищенные 9 экземпляров с фрагментами ткани в общий счет не входили.

отчетливо и рельефно оттискивает надписи, то, наоборот, так силен, что происходит сдвигение и перемещение надписей.

Все эти внешние признаки монет, еще до полного их определения, давали основание полагать, что они выпускались в условиях исключительно

Монеты тбилисского эмира 'Алӣ ибн Дж'а'фара (нач. XI в.).

1 — инв. № 8496; д. 21—24 мм; в. 2.73 г; 2 — инв. № 8387; д. 21—33 мм; в. 3.59 г; 3 — инв. № 8285; д. 20—22 мм; в. 5.20 г ([4] 18 г. х.); 4 — инв. № 8511; д. 20—21 мм; в. 3.77 г; 5 — инв. № 8346; д. 18—19 мм; в. 2.25 г; 6 — инв. № 8406; д. 18—21 мм; в. 2.59 г; 7 — инв. № 8266; д. 10—15 мм; в. 0.72 г; 8 — инв. № 8418; д. 7 мм; в. 0.29 г.

тяжелого экономического кризиса или военно-политических неудач, что подтвердилось дальнейшим изучением материала.

Огромное большинство монет клада оказалось настолько неудовлетворительной сохранности, что из всего количества, доставленного в Музей, в инвентарный каталог было внесено только 296 экземпляров (№№ 8252—8547), остальные же 115 (общим весом 199.47 г) как крайне дефектные под этими же номерами отложены отдельно. Даже при наличии такого, сравнительно большого материала, из 296 монет не нашлось ни одной, сохранившей полную дату, и ее пришлось восстанавливать по фрагментам, имею-

щимся на нескольких монетах (например, №№ 8282, 8285), а название города сохранилось лишь на №№ 8346, 8352 и 8354.

Сличением и подбором штемпелей восстановлена как полная схема рисунка монеты, так и содержание не только ее надписей на лучше сохранившейся центральной части, но и расположенное по краю сообщение о времени и месте выпуска монет.³ Надписи восстановлены по нескольким экземплярам монеты.

Лиц. Центральная четырехстрочная арабская надпись: *الله وحده لا إله إلا هُوَ* 'Нет бога, кроме Аллаха одного, нет ему сообщника ал-Кадир би-ллах'. С четырех сторон непонятные знаки, похожие на *ع*. Надпись охвачена линейным ободком, над которым круговая арабская надпись *بِسْمِ اللَّهِ الْرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ هَذَا الدِّرْهَمُ بِتَغْلِيسِ سَنِهِ ثَمَانٍ وَعَشْرَ وَأَرْبَعِمِائِهِ* 'Именем бога чеканен этот дирхем в Тифлисе, года четыреста восемнадцатого' (1027—1028 гг. н. э.).

У края — второй линейный ободок.

Об. Центральная четырехстрочная арабская надпись: *مُحَمَّدُ رَسُولُ اللَّهِ الْأَمِيرُ مُخَامِمُ الدَّفَرِ الْمُنْصُورُ أَبُو الْحَسِنِ عَلَى بْنِ جَعْفَرِ* 'Мухаммед посланик Аллаха. Эмир победоносный и непобедимый Абу-л-Хасан 'Алй ибн Джар'фар' охвачена линейным ободком, над которой круговая арабская надпись: *مُحَمَّدُ رَسُولُ اللَّهِ أَرْسَلَهُ بِالْهُدَىٰ وَدِينِ الْحَقِّ لِيَظْهُرَ عَلَى الْدِينِ كُلِّهِ وَلَوْ كَرِهَ الْمُشْرِكُونَ* 'Мухаммед посланик Аллаха, который послал его с руководством и верою истинной, чтобы возвеличить ее над всеми религиями, несмотря на сопротивление многобожников'.

У края — второй линейный ободок.

Центральная надпись оборотной стороны содержит собственное имя ('Алам) тбилисского эмира 'Алай, которое сопровождено двойным лақабом — "ал-Музаффар" ('победоносный') и "ал-Мансур" ('непобедимый') и двойной же кунией: по восходящей линии имя отца — "ибн Джар'фар" и по линии нисходящей, сообщающей имя сына — "Абу-л-Хасан".

Монета этого типа была известна еще А. К. Маркову по единственному ермитажному экземпляру, не сохранившему указания на место чекана и время выпуска; она была приписана Шеддадидам и, таким образом, датирована второй половиной XI в.⁴ Интересно, что в ермитажном каталоге эта монета следует непосредственно за монетами тбилисских эмиров из рода Джарифидов, давно уже вошедших в научный обиход.

Имя тбилисского эмира 'Алай ибн Джар'фара, упоминаемое в письменных источниках,⁵ отмечено и на дирхеме 386/996 г., опубликованном лет десять тому назад и отличающемся от остальных, чеканенных в Тбилиси джафар-

³ Надписи восстановлены благодаря настойчивости и усилиям научных сотрудников Т. Маргвелашвили (Тбилисский государственный университет) и И. Л. Джагалагания (Государственный Музей Грузии) при любезной консультации проф. Г. В. Церетели. Пользуюсь случаем еще раз принести им свою искреннюю благодарность.

⁴ М., стр. 309.

⁵ М. Лордкипаниձ. Из истории тбилисского эмирата (на груз. яз.). АН Груз. ССР, Министерство культуры Грузии, 1951, стр. 185—201.

ридских дирхемов X в., несколько тусклым оттенком металла, напоминающим свинец. Установлено, что чеканенный лет за сорок до этого дирхема тбилисского же эмира Мансура (деда 'Алай ибн Джар'фара), помеченный 343/954—955 г., изготовлен из высокопробного серебра 91 $\frac{1}{4}$ золотниковой пробы, тогда как дирхем 'Алай ибн Джар'фара 386/996 г. значительно беднее по содержанию серебра — 55% золотниковой пробы.⁶ Как отмечалось, монеты нашего клада, помеченные именем того же 'Алай ибн Джар'фара, чеканены уже из чистой бронзы. Таким образом, становится очевидной картина неуклонной и катастрофической порчи тбилисских монет конца X — начала XI в.

Но одновременно с этой легализованной фальсификацией монет, выразившейся в посеребрении медных или бронзовых пластинок и широко применявшейся во все времена и во многих странах, происходит резкое изменение внешней их формы: в употребление вводятся монеты, которые внешне отличаются различными признаками (различные вес, размер и толщина, а часто и сама разнообразная форма), дают основание отнести их к категории так называемой "неправильной чеканки".

О монетах этого периода Е. А. Пахомов говорит, что "до сих пор мы имели дело исключительно с серебром; ни одной медной монеты, битой в Грузии как грузинами, так и мусульманами, до нас не дошло, но с начала XII века дело резко меняется, и на протяжении ста с лишком лет мы имеем только одну медь".⁷

В другой своей работе появление кредитных медных монет в Закавказье, и в частности на территории современной Грузии, он связывал с началом серебряного кризиса, охватившего громадное пространство, и отмечал, что хотя первые признаки ухудшения монеты наблюдаются "уже к исходу X века", но, постепенно теряя "не только постоянство пробы и веса, но и формы", металл этой монеты "переходит в чистую медь" только к XII в.⁸

Но мне кажется, что монеты нашего клада дают возможность установить по отношению к монетам, чеканившимся в то время на территории Грузии, более точные сроки изменений ценности и их внешнего вида.

Первые признаки ухудшения монет, выразившиеся в постепенном снижении пробы серебра, судя по дирхемам тбилисских Джарифидов второй половины X в. (954—955 и 996 гг.), как утверждал Е. А. Пахомов, действительно, наблюдаются к исходу X в. Но переход от серебра к более дешевым металлам (чистой меди или бронзе) происходит не к концу XI в., как полагал Е. А. Пахомов, а по меньшей мере лет на 70 раньше.

Правда, этот пока еще незаметный для глаза и для поверхности прорывки способ тайной порчи монеты производится так тщательно и основательно, что специально обработанные монеты трудно даже отличить от

⁶ Д. Г. Капанадзе. Тбилисский дирхем X в. Али ибн Джар'фара (на груз. яз.). ВМГ, XII-Б, 1944, стр. 183—190.

⁷ Е. А. Пахомов. Монеты Грузии, ч. I. СПб., 1910, стр. 79.

⁸ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Баку, 1926, стр. 24.

серебряных и, надо полагать, что аналогичная монета, внесенная в армия каталог как серебряная, при проверке тоже окажется бронзовой. По существу, тот же способ, но более неприкрытой явной порчи монеты, применялся в Грузии и в XII—XIII вв., когда определенное количество выпускаемой к принудительному обращению медной, так называемой "кредитной монеты", как это свидетельствует и Е. А. Пахомов, носило уже "следы посеребрения".⁹ Таким образом, причина и метод порчи монеты, по сути дела, в обоих случаях одинаковы, с той лишь разницей, что в первом случае эта порча оформлялась в скрытой форме и с большой тщательностью, а затем, с течением времени, приняла неприкрытую, явную форму.

Надо полагать, что подобные мероприятия, проводимые на огромном пространстве Передней Азии, очевидно, иногда возникали безотносительно к общему серебряному кризису и находились под воздействием местных причин. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с самостоятельным денежным кризисом. Подтверждением того, что порча монеты проводилась не всегда по одноковому шаблону и не всегда одновременно, служат чеканившиеся с 1027 по 1125 г. грузинские серебряные монеты Баграта IV, Георгия II и Давида IV, вес и проба которых хотя тоже падали, но основной металл сохранялся до конца.

Причины, по которым монеты, чеканившиеся одновременно на таком сравнительно небольшом участке, как территория современной Грузии, резко отличались друг от друга не только своим внешним видом и формой, но и ценностью содержащегося в них металла, тесно связаны с создавшимися условиями. В результате освободительного движения, начавшегося в Грузии еще задолго до этого, Триалетская провинция, Манглис и некоторые другие южные и юго-западные земли были присоединены к грузинской короне еще в 989 г.; с севера — в 1010 г. присоединена была и Кахетия; в 1010—1014 гг. ганджинский эмир Фадлун (с востока) вынужден был признать суверенитет грузинского царя.¹⁰

Полностью изолированный от остального мира, последний оплот арабов в Грузии к этому времени, по существу базирующийся лишь на Тбилиси и его окрестностях, постепенно стал хиреть и клониться к упадку, что вызвало наступление полного экономического удушения. Вследствие расстройства торговых операций должен был резко сократиться и приток монет извне, что должно было вызвать усиление выпуска собственной монеты, подтверждением чего служит наличие большого их количества в нашем кладе. Несравненно большую редкость монет тбилисских эмиров X в. (их всего известно около десятка), пожалуй, можно было бы объяснить стремлением осуществить одну из регалий власти, тогда как наличие большого количества в начале XI в. — следствием действительной и насущной в них потребности. Все это, конечно, отразилось и на выпускавшихся в то время

⁹ Е. А. Пахомов. Монеты Грузии, ч. I, стр. 115.
¹⁰ И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, кн. 2 (на груз. яз.). Тбилиси, 1948, стр. 126, 129, 130.

монетах тбилисских эмиров, которые с целью увеличения личных своих доходов использовали испытанный способ порчи монеты, выразившийся в отделении их реальной ценности от номинальной.

О жесточайших экономических затруднениях, испытываемых жителями Тбилиси в начале XI в., можно судить и по справке грузинского летописца, сообщавшего, что во время продолжительной осады города грузинскими войсками в 1037—1039 гг. нужда достигла такой степени, что литр ослиного мяса расценивался в 500 дирхемов.¹¹

Монеты нашего клада чеканены лет за десять до описанных летописцем событий и, должно быть, обращались и во время осады Тбилиси. Поэтому возникают вопросы: как и на каких условиях они обращались? Могли ли они идти по счету или же как чеканенные из пластиночек различного веса и величины принимались на вес? Не о весовом ли значении термина "дирхем" говорит летописец?¹² Так как по этому поводу в древних рукописях нет сведений, а в современной специальной литературе вопрос этот тоже не разработан, мы вынуждены ограничиться здесь лишь постановкой вопроса.

Публикуемый клад монет тбилисского эмира Алай ибн Дж'афара важен потому, что, в противоположность большинству известных дирхемов, найденных далеко от места их чеканки, обнаружен в черте самого города Тбилиси и, видимо, на устое того места, который, по свидетельству летописца, в 1046 г. был разрушен жителями левобережного Тбилиси (старого Исани), не пожелавшими признать над собой власть грузинского царя Баграта IV.¹³

Мост интересен и своим расположением; он был наведен в самом узком месте р. Куры, всего в двух или трех метрах от нынешнего, там, где впоследствии шах Исмаил построил (ныне разрушенную) шиитскую мечеть. Но, по имеющимся вполне достоверным сведениям, мусульманская мечеть была в Тбилиси и до этого, а потому высказанное в личной беседе предположение проф. Г. В. Церетели, что выбор постройки мечети в XVI столетии не был случайным и связан с определенной традицией, следует признать справедливым.

Контролируя вход и выход из города, этот мост в те времена мог играть роль таможни, облагавшей пошлиной ввозимые и вывозимые товары. Пристроенная к мосту мечеть могла иметь от этого определенные доходы,

¹¹ Там же, стр. 140. Употребляемая еще римлянами (*libra*), эта мера перешла затем к арабам под названием "рита" и приравнивалась к 64 золотникам. Привившись к Грузии, в дальнейшем она подвергалась изменениям в сторону непомерного увеличения, но в интересующий нас период равнялась 327.5 г. Значит в переводе на наши современные меры кило ослиного мяса расценивалось примерно в 300 рублей. См.: И. А. Джавахишвили. Наука о грузинских деньгах и мерах или нумизматика-метрология (на груз. яз.). Тбилиси, 1925, стр. 103.

¹² Наличие различных номиналов в этом кладе исключено совершенно, потому что весовые данные, равно как и размеры монет, дают все переходы и не дают никакой шкалы.

¹³ И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, кн. 2, стр. 142.

а наш клад, возможно, является сбережением слишком старательного и ревностного сборщика податей.

Несомненный интерес представляют и надписи монет этого клада. Во-первых, рядом с именем самого эмира поставлено имя и его сына Хасана, видимо, предполагаемого наследника и преемника 'Алл ибн Дж'афара. Но дальнейшая судьба этого Хасана уже неизвестна: письменные источники того времени, сообщая о том, что могущественным грузинским феодалом Липаритом был пленен тбилисский эмир, называют не его, а другого сына 'Алл, носившего уже родовое имя Дж'афара.¹⁴ Отпущеный затем на свободу, этот Дж'афар управлял Тбилиси до 1046 г. и упоминается в летописях неоднократно.

Во-вторых, даты, приставленные на известных нам монетах 'Алл ибн Дж'афара, дают нам возможность говорить о его долголетнем управлении, продолжавшемся не менее 31 года (с 996 по 1027 г.).

И, наконец, в-третьих, заслуживает внимания и то обстоятельство, что, в отличие от упомянутого выше дирхема 386/996 г., где халифом назван свергнутый за пять лет до этого ат-Тай,¹⁵ на монетах нашего клада халифом назван ал-Кадир. Недавно был опубликован еще один, по-видимому, уникальный дирхем этого же 'Алл ибн Дж'афара, на котором от даты сохранилась лишь единица: xx 4. Судя по этому признаку, этот дирхем может быть датирован 394, 404 или 414 г. хиджры (1003-1004, 1013-1014 или 1023-1024 г. н. э.), а в надписях упомянут ал-Кадир.¹⁶

Таким образом, внешний вид монет нашего клада дает возможность установить точные сроки изменения ценности и общего их облика на рубеже X-XI вв., а надписи являются важным подспорьем для выяснения некоторых исторических фактов, и в частности, взаимоотношений между тбилисским эмиратом и Восточным Халифатом.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

О НАЧАЛЕ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ В ХОРЕЗМЕ И САРАЕ В КОНЦЕ XIII в.

Опустошительное монгольское завоевание было связано с уничтожением огромной массы производственных сил, запустением городов, угоном населения покоренных стран. Тысячи пленных рабов переселялись завоевателями в новые центры Джучидской империи. Искусство и мастерство, веками накопленное ремесленниками Хорезма, Болгара, Руси использовалось монголами для строительства новых городов в Нижнем Поволжье, для организации ремесла и торговли в этих новых центрах.

Вопрос об эклектизме золотоордынской культуры, механически соединявшей элементы, взятые из материальной культуры покоренных народов, был поднят в советской исторической литературе давно. На археологическом материале было убедительно показано влияние хорезмских мастеров на гончарное ремесло в Сарае.¹ Было установлено, что в Сарае жило большое ремесленное и торговое население — выходцы из Руси и Болгар, Кавказа и Хорезма.²

Внимательное изучение и сравнение типов хорезмских и сарайских монет последней четверти XIII в. заставляет признать большое сходство этих монет между собой в манере украшения монетного поля и в некоторых особенностях почерка.

Сходство ранних хорезмских и сарайских монет тем более кажется значительным, что они резко отличаются от монет, выпускавшихся в конце XIII в. в Болгаре, Биляре, Кирмане,³ Крыму и Укеке.

1-й тип хорезмского дирхема чеканился в 678/1279-1280 г.⁴ без имени хана.

¹ А. Ю. Якубовский: 1) К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарай-Берке. Изв. ГАИМК, VIII, вып. 2—3, Л., 1930; 2) Столица Золотой Орды Сарай-Берке. Л., 1932.

² См.: Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 171 и сл.

³ Монеты Кирмана в количестве 131 экз. были найдены в составе Альменьевского клада (Чувашская АССР), зарытого в конце XIII в. (см.: Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954, стр. 117).

⁴ Коллекция Государственного Эрмитажа.

¹⁴ Там же, стр. 143.

¹⁵ Д. Г. Капанадзе: 1) Тбилисский дирхем X в. Алл ибн Дж'афара (на груз. яз.). ВМГ, XII-B, 1944; 2) Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 50.

¹⁶ David M. Zang. Studies in the numismatic history of Georgia in Transcaucasia. New-York, 1955, стр. 15, 16.

Лиц. В круглой рамке из точек и линий:

الملك لله	Власть богу
الواحد	единому
القىمار	всемогущему

Об. В круглой рамке из точек:

ضرب في	Чеканен в
خوارزم	Хорезме
سنة ٦٧٨	год 678

2-й тип хорезмского дирхема чеканился в 686/1287-1288 г.,⁵ 687/1288 г.,⁶ 688/1289 г.⁷ и 690/1291 г.⁸ (рис. 1, 1).

Лиц. В круглой рамке из точек вписана квадратная рамка из точек, по бокам которой четыре виньетки:

لا إله إلا	Нет бога, кроме
الله محمد	Аллаха, Мухаммед
رسول الله	посланник Аллаха

Об. В такой же рамке:

ضرب في	Чеканен в
خوارزم	Хорезме
سنة ٦٧٧	год 687

Имеются варианты в начертании тамги —

3-й тип хорезмского дирхема чеканился в 694/1294-1295 г.,¹⁰ 695/1295-1296 г.,¹¹ 696/1296-1297 г.,¹² 698/1298-1299,¹³ 699/1299-1300 г.,¹⁴ 700/1300-1301 г.,¹⁵ 701/1301-1302 г.¹⁶ от имени хана Токты (рис. 1, 2).

⁵ S. Lane-Poole. Catalogue of Oriental coins in the British museum, vol. VI, The Coins of the Mongols. London. 1881, стр. 122, № 356.

⁶ Х. М. Фреи. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832, стр. 4, № 17.

⁷ Коллекция Государственного Эрмитажа.

⁸ Коллекция ГИМ, инв. № 91557/2552-2553.

⁹ Эта тамга встречается на монетах Джагатандов.

¹⁰ Коллекция Государственного Эрмитажа.

¹¹ Коллекция ГИМ, инв. № 91557/2669.

¹² S. Lane-Poole, ук. соч., стр. 122, № 356.

¹³ Коллекция ГИМ, инв. № 91557/2643.

¹⁴ Там же, инв. № 91557/2694.

¹⁵ Там же, инв. № 91557/2695.

¹⁶ Х. М. Фреи, ук. соч., стр. 6. — П. С. Савельев. Монеты джучидов, джагатандов, джалалидов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша, в. 2, СПб., 1858, стр. 192, № 374.

Лиц. В такой же рамке, как на лицевой стороне 2-го типа:^(1, 2)

توقتو	Токту
بك	бек
العادل	правосудный

Об. В такой же рамке:

ضرب في	Чеканен в
خوارزم	Хорезме
سنة ٦٩٨	год 698

В первых типах хорезмских монет присутствуют все основные особенности манеры оформления хорезмских монет золотоордынской эпохи. Что касается почерка этих ранних монет, то в нем также присутствуют почти все характерные черты цветущего куфи в том виде, в каком он применялся к таким мелким надписям, как монетные легенды.

Резкое изменение характера надписей на среднеазиатских монетах, появление в строгом стиле куфи элементов курсива, отдельных слов, начертанных почерком насхи и некоторых палеографических приемов, развившихся впоследствии в характерный для монет XII—XIII вв. почерк, — все эти изменения относятся к X в. Советский исследователь восточной эпиграфики В. А. Крачковская пишет об этом периоде: «Вводятся поднятые окончания и растительные детали: *ر* в титуле *فخر*; *نون* в *بن*; конечный *أين* с полу-пальметкой в *طابع* и с очень извилистым стволом *تاء*.¹⁷ А. А. Биков отмечает „изгиб над строкой обычно спускающихся под нее нижних концов некоторых букв типа *ج*“ (араб. буква *ر*) в печати фатимидского халифа Зайна аль-Аббаса II.

¹⁷ В. А. Крачковская. Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX—XI вв. ЭВ, X, 1955, стр. 45.

6 Эпиграфика Востока, XIV

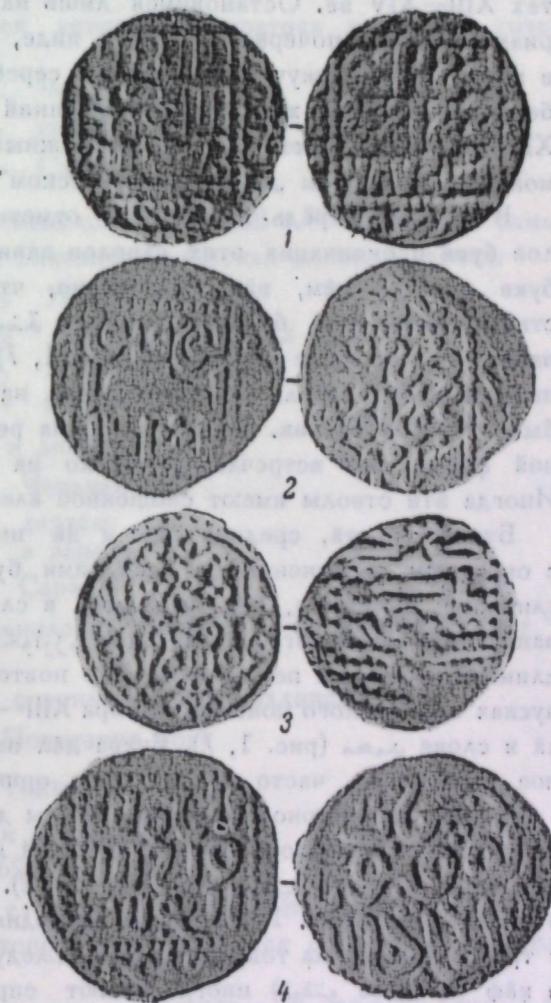

Рис. 1. Монеты Хорезма и Сараса (увелич. в 2 раза).

хира (XI в.), как чрезвычайно характерный элемент для многих монетных и эфиграфических памятников того времени.¹⁸

Отмеченные особенности почерка развиваются в илекской чеканке, а затем в монетном деле Хорезмшахов.

В пределах краткой статьи нет возможности охарактеризовать во всех особенностях среднеазиатские варианты почерка цветущего куфи на монетах XIII—XIV вв. Остановимся лишь на некоторых чертах хорезмского варианта этого почерка в таком виде, в каком застала его начавшаяся в конце XIII в. джучидская чеканка серебряной монеты в Хорезме. Эти особенности создают характерный внешний облик хорезмских дирхемов XIII—XIV вв. Х. М. Френ считал возможным говорить применительно к этим монетам об особом „хорезмо-куфическом“ почерке.¹⁹

В первую очередь необходимо отметить загиб наверх подстрочных стволов букв и окончания этих стволов завитком с точкой. Таковы начертания букв рā, зā, мāм, вāв. Интересно, что даже не имеющие подстрочного ствола последние буквы — в словах ڦis и ڦsh — начертаны, как загнутые наверх подстрочные окончания (рис. 1, 1). Следует отметить, что расщепление загнутого ствола не встречается на хорезмских монетах. Оно вообще было в XIII—XIV вв. явлением весьма редким в Хорезме. В слабо выраженной форме оно встречается только на окончаниях вертикальных стволов. Иногда эти стволы имеют склоненное влево окончание.

Буквы бā, тā, средние нūн и ڻā имеют прямые очертания, но часто с округлым соединением с соседними буквами. Иногда стволы этих букв слишком вытянуты, как например в слове بك (рис. 1, 2). Очень типично написание начального ڇā в слове خوارزم (рис. 1, 1, 2). Эта буква в виде длинной изогнутой петли неизменно повторяется в слове خوارزم на всех выпусках хорезмского монетного двора XIII—XIV вв. Такого же начертания буква ڇā в слове محمد (рис. 1, 1). Буква ڦāl имеет свойственное куфи прямоугольное начертание, часто усложненное орнаментальным завитком (рис. 1, 1).

Очень характерно написание буквы ڦād в виде овальной петли, присоединенной к невысокому стволу, который является началом следующей буквы, например в слове ضرب (рис. 1, 1, 2). Устойчиво написание буквы 'ain в слове العادل (рис. 1, 2) в виде приподнятой над строкой удлиненной линии с тремя точками на тонких ножках. Следует отметить также, что буквы vāv и ڦāf (в слове توقتو) иногда имеют справа прямой вертикальный ствол с выступающим верхним концом (рис. 1, 2). ڻā в слове ڦsh имеет слева дополнительный орнаментальный завиток. Лигатура ڦām—алиф (рис. 1, 1) обычно состоит из двух параллельных вертикальных линий, расположенных над двумя точками. Иногда эти вертикальные стволы внизу над точками соединяются.

Перейдем теперь к раннему чекану Сарая.

¹⁸ А. А. Быков. Печать фатимидского халифа Эхира. Записки коллегии востоковедов, т. V, Л., 1930, стр. 207.

¹⁹ Х. М. Френ, ук. соч., стр. 13, № 105.

1-й тип сарайского дирхема чеканился в 681/1282-1283 г.²⁰ без имени хана и без обозначения года (рис. 1, 3).

Лиц. В круглой рамке из точек и линий:

العزَّة لِهِ وَلِرَسُولِهِ
Почтание богу
и посланнику его

Над легендой и под ней две виньетки.

Об. В круглую рамку из точек вписана квадратная рамка из точек с тремя виньетками:

ضَرَب فِي سَرَائِفِ
Чеканен в
بَلْدَة سَرَائِيفِ
городе Сарае

2-й тип сарайского дирхема чеканился в 686/1288 г.²¹ без имени хана.

Лиц. В круглой рамке из точек вписана квадратная рамка из точек:

لَا إِلَهَ إِلَّا
Нет бога, кроме
الله مُحَمَّدٌ
Аллаха, Мухаммед
رسُولُ الله
посланник Аллаха
٦٨٦ 686

Об. В круглую рамку из точек и линий:

ضَرَب فِي سَرَائِفِ
Чеканен
بَلْدَة سَرَائِيفِ
в городе Сарае

3-й тип сарайского дирхема чеканился в 690/1291 г.²² и 692/1292-1293 г.²³ от имени хана Токты.

Лиц. В круглой рамке из точек с виньеткой над надписью:

العزَّة لِهِ وَلِرَسُولِهِ
Почтание богу
تَوكْتُو
Токтуго
وَلِرَسُولِهِ
и посланнику его
٦٩٠ 690

Об. — такая же, как оборотная сторона 1-го типа. Вариант: на лицевой стороне год 691/1291. Оборотная сторона такая же, как оборотная сторона 2-го типа.

4-й тип сарайского дирхема чеканился в 691/1292 г.,²⁴ 693/1293-1294 г.,²⁵ 694/1294-1295 г.²⁶ от имени хана Токты.

Лиц. В такой же рамке, как на лицевой стороне 2-го типа:

²⁰ Там же, стр. 3, № 15.

²¹ Там же, стр. 5.

²² Коллекция ГИМ, инв. № 91557/2646, 2647.

²³ Там же, инв. № 91557/2657. П. С. Савельев. Ук. соч., стр. 290, № 499.

²⁴ Там же, инв. № 91557/2649—2650.

²⁵ Там же, инв. № 91557/2654—2656.

²⁶ Там же, инв. № 91557/2657. П. С. Савельев. Ук. соч., стр. 291, № 502.

الله اعزه و ملائكته و ملائكة ملائكة و ملائكة ملائكة
Почитание бога **аллах** и посланнику его **и посланику** его **и посланику** его
693

Об. В круглой рамке из точек:

ضرب	Чекан
توقتو بك	Токту Бек
العادل	правосудный
سرای	Сарая

В поле между буквами одиночные точки и группа из трех точек.

Вариант: даты нет. В левом сегменте слово **'سنة'** 'год'. Слова в других сегментах неразборчивы (рис. 1, 4).

5-й тип сарайского дирхема чеканился в 696/1296-1297 г.²⁷ от имени хана Токты.

Лиц. Такая же, как лицевая сторона 3-го типа.

Об. В круглую рамку из точек вписана квадратная рамка из точек с четырьмя виньетками по сторонам:

ضرب	Чекан
(виньетка)	
سرای	Сарая

6-й тип сарайского дирхема чеканился от имени хана Токты.

Лиц. В такой же рамке, как на лицевой стороне 2-го типа (без года).

ضرب في	Чеканен в
توقتو بك	Токту Бек
العادل	правосудный
سرای	Сарая

Об. В круглой рамке из точек изображение льва и солнца.

Мы далеки от мысли полностью идентифицировать почерк сарайских и хорезмских монет. Однако при наличии некоторых расхождений (например, **دَلْي** в слове **العادل** и **كَاف** в слове **بَك** — рис. 1, 2, 4) вай и қәф в слове **توقتو** (рис. 1, 2, 4, и т. п.) нельзя не признать, что преобладают черты сходства почерков на монетах этих двух городов. Особенно ярко это сходство проявляется в тенденции загибать подстрочные концы букв наверх, снабжая их завитком с точкой. Поднятые над строкой и изогнутые в виде крючка концы букв типа **رَاء** и **وَاء** свойственны почти всем куфическим почеркам, начиная с X в., но на монетах европейских городов Золотой Орды XIII—начала XIV в., кроме Сарая, эта особенность отсутствует. Несомненно, от хорезмских монет перешел орнаментальный мотив над **فَان** в слове **العادل** (рис. 1, 4). Прямоугольное **بَاء** в слове **ضرب** (рис. 1, 4) чрезвычайно напоминает соответствующие места в легендах хорезмских монет (рис. 1, 2). Начертание предлога **في** на

²⁷ Х. М. Френ, ук. соч., стр. 6.

сарайских монетах (рис. 1, 3) сходно с написанием этого слова на дирхемах Хорезма (рис. 1, 2).

В сарайских монетах находит более яркое выражение тенденция к расщеплению вертикальных стволов (рис. 1, 4) и изогнутых надстрочных концов букв, что на хорезмских монетах не наблюдается. Почти полностью совпадает в некоторых случаях написание буквы **دَاد** в слове **ضرب** (рис. 1, 3) с написанием этой буквы на хорезмских дирхемах (рис. 1, 1, 2), хотя иногда на сарайских встречается начертание этой буквы в виде сегмента (рис. 1, 1, 4).

Наряду с палеографическими чертами сходства отметим типологические моменты, сближающие ранний сарайский и хорезмский чеканы. Характерная для Хорезма круглая точечная рамка с вписаным в нее точечным квадратом встречается на сарайских типах. Когда квадратная рамка на сарайских монетах снабжена еще и виньетками, то она вообще ничем не отличается от наиболее типичной для хорезмских дирхемов рамки. Почти полностью совпадают по типу лицевая сторона хорезмской монеты 2-го типа и лицевая сторона сарайской монеты 2-го типа. На хорезмской монете 2-го типа и на сарайских монетах 2-го типа на оборотной стороне одинаково композиционно размещена тамга (часть тамги выходит за квадратную точечную рамку).

Отметим теперь другое обстоятельство, сближающее ранний сарайский и хорезмский денежные чеканы, — весовые нормы. Взвешивание 28 дирхемов Хорезма и 26 дирхемов Сарая показывает, что их нормальный вес был одинаков, приблизительно 2.25—2.30 г (рис. 2). Кроме монет этого веса, в Сарасе бытовали в конце XIII в. монеты с половинным весом, от которых дошло всего 4 экз.: 0.8 г — 1 экз., 1.1 г — 1 экз., 1.25 г — 2 экз.²⁸

Для выяснения происхождения весовой нормы 2.25—2.30 г, по которой чеканился сарайский и хорезмский дирхем в XIII в., необходим экскурс в область метрологии Средней Азии XIII—XIV вв. При отсутствии источников по этой теме огромную важность имеет небольшая заметка, написанная в 760/1358-1359 г. в Хорезме на последнем листе рукописи **فتیفة المنية الفنية** **التنقیم الفنی**. Приобретение желаемого для пополнения достаточного хорезмского правоведа XIII в. Наджм ад-Дин Абу-Раджа Мұхтар ибн Маҳмуд

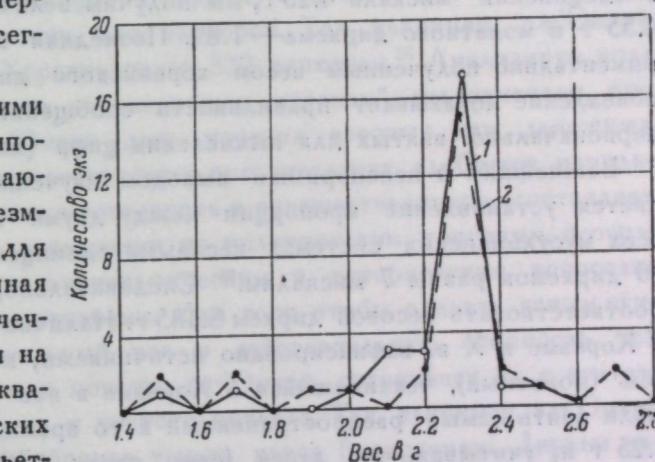

Рис. 2. Чекан Хорезма и Сарая.

1 — Чекан Хорезма до 707/1307-1309 г. 2 — Чекан Сарая до 710/1310-1311 г.

²⁸ Коллекция ГИМ, инв. № 91557/2542—2544.

аз-Эхайд ал-Газмий.²⁹ В частности, в этой заметке говорится: „Мискаль Хорезма превышает мискаль Мекки на $\frac{2}{3}$ мискаля в каждом 10 мискалях. И каждый дирхем Хорезма равен $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{6}$ мискаля... И если мискаль Хорезма превышает мискаль Мекки в каждом 10 мискалях на $\frac{2}{3}$ мискаля, то мискаль Хорезма превысит мискаль Мекки на $9\frac{2}{3}$ мискаля в 140 мискалях. Каждый динар Хорезма весит 6 дирхемов, то есть 2.5 мискаля“.

Предположив, что под мискалем Мекки подразумевается так называемый „медицинский“ мискаль 4.25 г, мы получим величину хорезмского мискаля — 4.55 г и монетного дирхема — 1.89. Последняя величина совпадает с экспериментально полученным весом хорезмского дирхема XIV в. — 1.90 г. Это совпадение доказывает правильность сообщений источника и правильность первоначально взятых для вычисления цифр (меккий мискаль — 4.25 г).³⁰

Важнейшим и неоспоримым выводом изучения арабской метрологии является установление пропорции между двумя ведущими и бытующими во всех мусульманских системах весовыми единицами — мискалем и дирхемом: 10 дирхемов равны 7 мискалям.³¹ Следовательно, мискалю в 4.55 г должен соответствовать весовой дирхем 3.185 г. Наличие такого весового стандарта в Хорезме в X в. зафиксировано источниками, которые сообщают, что дирхем (монетный), чеканившийся в Хорезме в это время, весил 4.5 данека.³² Если взять самый распространенный в то время в монетном деле мискаль 4.25 г и, учитывая, что данек (само слово *دانق*) означает $\frac{1}{6}$ часть какой-нибудь единицы мискаля или дирхема (в данном случае, очевидно, мискаля 4.25 г), то получим, что дирхем X в. в Хорезме чеканился точно по норме 3.187 г ($4.25 \times \frac{4.5}{6} = 4.25 \times \frac{3}{4} = 3.187$). Очевидно, вес 3.185 г, равный весовому дирхему, был впоследствии зафиксирован как особая локальная весовая единица, а соответственно был установлен и вес мискаля в 4.55 г.

Вес немногочисленных серебряных монет Мухаммеда Хорезмшаха, выбитых в начале XIII в. и ознаменовавших начало преодолевания в Средней Азии серебряного кризиса, также очень близок к теоретической норме весового дирхема 3.185 г.³³

²⁹ Об этой рукописи см.: С. А. Волин. Новый источник для изучения хорезмского языка. Записки Института востоковедения, VII, М.—Л., 1939; А. А. Фрейман. Хорезмийский язык, I. М.—Л., 1951; В. И. Беляев. Арабские рукописи в собрании Института востоковедения АН СССР. Ученые записки ИВ АН СССР, VI, М.—Л., 1953, стр. 67. Полный перевод текста заметки см.: Г. А. Федоров-Давыдов. Хорезмская монетная система XIV в., Советская археология, 1957, № 2.

³⁰ Об этих расчетах см.: Г. А. Федоров-Давыдов, ук. соч., стр. 241.

³¹ См.: M. H. Sauvaise. Matériaux pour servir à l'histoire de la numismatique et la métrologie musulmanes. JA, S. 7, t. 14, 1879, стр. 456—476; E. Decourdemanche: 1) Étude de métrologique et numismatique sur les misqals et les dirhems arabes. Paris, 1908, стр. 25—26; 2) Traité pratique des poids et mesures des peuples anciens et des arabes. Paris, 1909, стр. 45.

³² M. H. Sauvaise, ук. соч., с. 7, т. 15, стр. 248, 448.

³³ Дирхемы из собраний ГИМ и Государственного Эрмитажа: 2.70 — 1 экз., 2.85 — 1 экз., 3.00 — 3 экз., 3.05 — 2 экз., 3.10 — 1 экз., 3.15 — 1 экз., 3.20 — 1 экз., 3.90 — 1 экз.,

Если в арабских весовых системах мискаль и дирхем являлись мелкими весовыми единицами, предназначенными главным образом для взвешивания драгоценностей и денежных металлов, то роль крупного весового стандарта играл обычно ратль, состоявший, как установлено Е. Декурдеманшем, из 144 дирхемов или мискалей, причем чаще всего брался при составлении ратля весовой дирхем.³⁴ В тех случаях, когда источники сообщают нам о равенстве ратля другому количеству дирхемов, мы должны видеть или перерасчет на весовые единицы другой страны, или несоответствие старого ратля вновь введенному дирхему, или наоборот. Так, например, ал-Омарий сообщает о том, что ратль Хорезма равен 330 дирхемам.³⁵ Анализируя полный текст „Путешествия взора по различным странам“, мы замечаем, что почти во всех случаях ал-Омарий дает перевод весовых или денежных единиц в египетские. Секретарь египетского правительства ал-Омарий, используя информацию жителей разных государств и путешественников, составляет свою книгу, как своего рода справочник по политическим, торговым, географическим и в какой-то мере этнографическим и историческим вопросам, связанным с теми или иными странами. Для того чтобы сделать ясным египетскому читателю действительный вес и действительную стоимость той или иной весовой единицы или монеты, ал-Омарий сравнивает их с египетскими как по весу, так по цене и чистоте металла. Так, например, ал-Омарий сообщает, что в Индии 1 серебряная теньга равна 8 дирхемам. Дирхем равен по курсу и по весу дирхему, обращающемуся в Египте и Сирии. Это сообщение дает возможность реконструировать вес египетского дирхема, упоминаемого ал-Омарий. Нормальный вес индийской теньги первой половины XIV в. равен 10.95—11.00 г,³⁶ следовательно, индийский и египетский дирхемы были равны по весу 1.38 г.

К египетскому дирхему приравнивается и индийский ратль, равный $102\frac{2}{3}$ египетских дирхемов или 70 мискалям.³⁷ Сравнивая среднеазиатские джагатайдские дирхемы XIV в. весом в 1.32 г с египетскими дирхемами, ал-Омарий замечает, что курс обоих видов одинаков, хотя вес египетских монет больше. Равенство курсов автор объясняет, очевидно, большей чистотой среднеазиатского дирхема.³⁸ Малоазийский дирхем составляет $\frac{3}{4}$ „нашего“, т. е. египетского.³⁹ Ратли различных провинций Малой Азии имеют разный

пробитый, с железной заклепкой; двойные дирхемы: 5.60 — 1 экз., пробитый, 6.30 — 1 экз., 6.40 — 1 экз., 6.55 — 1 экз., пробитый, с железной заклепкой, 6.85 — 1 экз., пробитый, с железной заклепкой.

³⁴ E. Decourdemanche. *Traité pratique...*, стр. 45—46.

³⁵ Notice de l'ouvrage a pour titre Mesalek al-Absar fi Mesalek Alamsar. Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi et autres bibliothèques, t. XIII, Paris, 1837, стр. 287.

³⁶ Г. А. Федоров-Давыдов. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в. Краткие сообщения ИИМК, вып. 66, 1956, стр. 52.

³⁷ Notice de l'ouvrage..., стр. 212.

³⁸ Там же, стр. 244.

³⁹ Там же, стр. 335, 367, 369, 372.

вес. Все они приведены в книге ал-'Омарий с указанием, сколько египетских ратлей в них содержится.⁴⁰ Описывая Сарай (Поволжье), ал-'Омарий вес золотого новолуния на верхушке дворца приводит в „кантырях“ египетских. Оно весит два „кантыря“.⁴¹ Хорезмский ратль, как пишет ал-'Омарий, равен по весу 330 дирхемам.⁴²

По аналогии с вышеприведенными примерами, учитывая, что в разбираемом источнике, кроме хорезмского мискаля, нет ни одной весовой или денежной единицы, оставшейся без перевода в египетские меры, мы можем предположить, что и в данном случае имеются в виду дирхемы египетские, весящие, как мы установили, 1.38 г. Отсюда: хорезмский ратль весит $330 \times 1.38 = 455.4$ г.

Если мы высчитаем вес ратля, исходя из чисто теоретического предположения, что ратль должен равняться 144 весовым дирхемам, то, зная вес весового дирхема, равный 3.185 г, получим, что хорезмский ратль равен 144×3.185 г, т. е. 458.64. Отклонение значения веса ратля по ал-'Омарий от теоретического невелико, и такая ошибка вполне может быть допущена, если учесть, что сам автор в Хорезме не был, а пользовался материалом из вторых рук.

Ратль 458.64 г был известен не только в Хорезме. Взвешивание гирь из золотоордынских городов показывает, что как дирхем в 3.185 г, так и ратль из 144 дирхемов были известны в Поволжье. К сожалению, золотоордынские гиры не имеют обозначений кратности, подобно русским гирям. Однако 17 взвешенных гирь (см. табл.), 16 из которых происходят из Царевского городища (бывший Сарай), могут быть представлены как 10, 12 (унция), 15, 20, 30, 40, 60 (5 унций) дирхемов в 3.185 г и как $\frac{1}{20}$, $\frac{1}{12}$ (унция), $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{3}$ (4 унции) и $\frac{1}{2}$ части ратля в 458.64 г. Наконец, одна гира может быть принята за целый ратль (см. табл.). Отклонения веса гирь от теоретических величин сравнительно незначительны и могут быть объяснены состоянием сохранности. По форме эти гиры неодинаковы. Преобладают гиры в виде 6- и 8-гранных призм — формы, распространенной и в других восточных странах.

В итоге нашего затянувшегося экскурса в область среднеазиатской метрологии мы получаем значение крупной весовой единицы — ратля в 458.64 г, бытовавшего в Хорезме и Сарае. Простое сопоставление этой величины с весовой нормой чеканки хорезмских и сарайских монет показывает, что последние чеканились из расчета 100 серебряных монет из половины ратля серебра.

Этот расчет не случаен. Сравнивая булгарские ранние монеты, чеканен-

⁴⁰ Там же, стр. 356, 359, 362, 366.

⁴¹ Там же, стр. 287. — Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 219. („Кантырь“, т. е. араб. қинтар = около 100 ратл. — Ред.).

⁴² Там же, стр. 244.

Сравнительная таблица веса гирь и монет

Сохранность гири	Вес в г	Кратность дирхему	Вес дирхема в г	Кратность ратлю	Вес ратля в г
Хор.	21.6	—	3.00	1:20	432.0
"	22.5	—	3.13	1:20	450.0
"	22.5	—	3.13	1:20	450.0
Средн.	31.7	10	3.17	—	456.5
Хор.	37.4	12, унция	3.12	1:12	448.8
"	38.9	12, унция	3.24	1:12	468.8
"	39.6	12, унция	3.30	1:12	475.2
"	39.9	12, унция	3.32	1:12	488.8
"	47.9	15	3.19	—	458.3
"	46.3	15	3.09	—	444.96
Средн.	59.0	20	2.95	—	424.8
"	89.1	—	3.10	1:5	445.5
Хор.	93.0	—	3.23	1:5	465.0
"	99.3	30	3.05	—	439.2
"	130.0	40	3.27	—	470.9
Средн.	144.1	48.4 унции	3.00	1:3	432.3
"	146.1	48.4 унции	3.04	1:3	438.3
"	152.4	48.4 унции	3.12	1:3	457.3
Хор.	191.5	60.5 унции	3.19	—	459.4
"	196.8	60.5 унции	3.28	—	472.3
Средн.	211.9	72.6 унции	3.01	1:2	433.8
Хор.	455.7	144	3.16	1	455.7

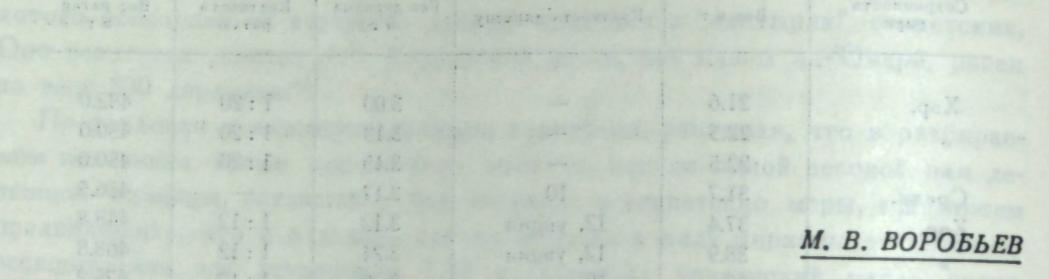
ные по норме 2.05 г,⁴³ с весом слитка северного веса (204, 756 г)⁴⁴ и первоначальный вес крымского дирхема в 1.64 г с весом южнорусского шестигранных слитка (163.7 г = половине византийской литры),⁴⁵ мы получаем тот же расчет: 100 монет из крупной весовой единицы. Очевидно, эта стопа связана с распространением в денежно-весовом счете системы десятичного счета.

Анализ метрологических истоков сарайской и хорезмской чеканки показывает, что здесь, так же как и в манере оформления монетного поля, много черт сходства. Это позволяет говорить о том, что на первых этапах денежное производство Сарай находилось под сильным влиянием Хорезма. Возможно, что на сарайском монетном дворе работали подневольные денежные мастера, вывезенные из Ургенча. Наследники высоких традиций денежного дела Средней Азии, хорезмские монетчики принесли в джучидскую нумизматику целый ряд характерных черт восточного монетного производства. Это сказалось как во внешнем оформлении легенд, так и в метрологических нормах и закономерностях.

⁴³ А. Ф. Лихачев. Новый болгарский клад. ЭВОРАО, т. III, СПб., 1888, стр. 179—180.

⁴⁴ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 44—48.

⁴⁵ Там же, стр. 48—56.

M. V. ВОРОБЬЕВ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ МОНЕТЫ ИЗ СОБРАНИЯ ИРКУТСКОГО МУЗЕЯ

В собрании Иркутского областного музея находится коллекция дальневосточных монет, главным образом монет Китая, а также Кореи и Японии (136 экз.). Все они относятся к разным историческим периодам. Коллекция плохо документирована, точных сведений о времени и условиях ее составления нет. Со слов сотрудников музея известно лишь, что она образовалась постепенно за счет поступлений от местного населения. Исследуя монеты с точки зрения их национальной принадлежности, равно как и времени их изготовления, можно заметить, что все они относятся к типам дальневосточных монет, наиболее распространенных в Восточной Сибири. Это обстоятельство, о котором мы подробнее будем говорить далее, косвенно подтверждает, что коллекция была составлена здесь же, в Восточной Сибири. Она отражает некоторые важные особенности нумизматической истории края, а также содержит несколько экземпляров довольно редких и интересных монет, что придает ей определенную научную ценность.

Переходя к изучению монет этой коллекции, мы должны сделать несколько предварительных замечаний о порядке описания. Монеты приведены в сплошной нумерации с разбивкой по отделам: китайские, корейские, японские. В целях экономии места и во избежание утомительных повторений мы стремились сделать описание монет предельно кратким. Однако эта краткость не вызовет у читателя никаких недоумений, если он будет помнить следующие особенности, общие для большинства дальневосточных монет и специально не оговариваемые в описании. Монеты, о которых пойдет речь, круглые с квадратным отверстием в центре. На наружном крае и на крае квадратного отверстия монеты, на обеих ее сторонах, имеются ободки. На лицевой стороне монеты в поле есть надпись, как правило, состоящая из четырех иероглифов, расположенных по четырем сторонам квадратного отверстия. В тех случаях, когда надпись состоит из двух иероглифов (слева и справа от отверстия), она читается справа налево. Если надпись состоит из двух маньчжурских знаков, то она читается слева направо.

Русская транскрипция всех написаний читается, как обычно, слева направо. Чаще всего надпись исполнена наиболее распространенными и простыми почерками (стилями) — деловым (лишу) или уставным (кайшу) — для

китайских монет, уставным для корейских (кесо) и японских (сэйсё). Все надписи рельефные, гурт повсюду гладкий. Все вышеперечисленные особенности дальневосточных монет специально не отмечаются в описании, так же как не оговариваются мелкие и несущественные отклонения от нормы, обусловленные особенностями процесса их изготовления (отливка). В описании всегда оговаривается способ чтения крестообразной надписи: либо — верхний, нижний, правый, левый иероглифы (в тексте описания — крестообразное чтение), либо — верхний, правый, нижний, левый иероглифы (в тексте — чтение по часовой стрелке). Всегда отмечаются размеры квадратного отверстия и самого монетного кружка, отклонения от круглой формы этого кружка, отсутствие или необычный характер ободка, необычный почерк надписи, металл, дефекты монеты, ее особо хорошая сохранность и значительная редкость. Все надписи на монетах переводятся за исключением непереводимых девизов годов правления. Достоинство монеты отмечается при наличии точных данных.

КИТАЙСКИЕ МОНЕТЫ¹

Династия Цинь (246—207 гг. до н. э.)

Монета БАНЬЛЯН (монета в „пол-ляна“), достоинством пол-ляна.

1—2. Лиц. По бокам отверстия на не вполне ровной поверхности поля два крупных иероглифа: 丂半 (БАНЬЛЯН). Надпись четкая, начертание иероглифов строго прямоугольное, почерк сюочжуань. Ободки отсутствуют вовсе.

Об. Гладкая, без ободков и без иероглифов.

Д.² 45 мм; ц. 11 мм. Толщина монеты около 2 мм. Медь. Монета слегка покрыта зеленоватой патиной. Весьма редкая. (L, № 174; SL, № 103; Дин, л. 45-2). Табл. I, 1.

Лакупери полагает, что эти монеты выпускались государством Цинь с 336 по 118 г. до н. э., Локкарт дает другую дату: 220—86 гг. до н. э., а Дин Фу-бао ограничивается замечанием о том, что это монеты государства и династии Цинь (246—207 гг. до н. э.).

3. Лиц. Та же, что в №№ 1—2, но иероглифы более тонкие и размер их меньше. У правого иероглифа можно наблюдать характерную особенность: две вертикальные линии, идущие вниз от нижней горизонтальной линии.

¹ Определение китайских монет произведено по следующим источникам: Дин Фу-бао. Лидай гудянь тушо 丁福保. 漢代古錢圖說 (Каталог старинных монет по эпохам с объяснениями. Шанхай, 1940 (сокращ. — Дин); St. J. Lockhart. The Stewart Lockhart Collection of Chinese Copper Coins. Royal Asiatic Society, North China Branch, Extra Vol. № 1, Shanghai, 1915. (сокр. SL); Terrien de Lacouperie. Catalogue of Chinese Coins From the VII-th Cent. B. C. to A. D. 621 Including the Series in the British Museum. London, 1892 (сокр. L).

² Д. — диаметр монеты; ц. — размер квадратного отверстия в центре; л. — лист.

Эта особенность не позволяет отождествить монету ни с одним из вариантов, опубликованных в крупнейших каталогах.

Об. Гладкая.

Д. 45 мм, ц. 15 мм, толщина 1.5 мм. Медь. Табл. I, 2.

Составлено на основе описания Томаса Харрисона.

Династия Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.)

Имп. Ван-ман (7/9—23 гг.)

Монета ДАЦЮАНЬ УШИ ('Великое обращение, 5 десятков'), достоинством в 50 единиц.

4. Лиц. На поле четыре иероглифа, читающиеся крестообразно: 大泉五十 (ДАЦЮАНЬ УШИ).³ Надпись исполнена почерком сючжуань.⁴

Об. Гладкая.

Д. 27 мм, ц. 9 мм. Медь. Монета покрыта черной патиной (L, № 346; SL, № 137; Дин, л. 51-1). Табл. I, 3.

5. Лиц. Та же, что в № 4, но стерта. Монета в два раза толще предыдущего экземпляра. Другая матрица.

6. Лиц. Та же, что в № 4.

Об. Гладкая, без ободков. Другая матрица.

7. Лиц. Та же, что в № 4, но иероглифы выполнены тонкими линиями.

Об. Гладкая. Ободки на обеих сторонах тонкие, как сама монета (1 мм). Другой вариант.

Д. 24 мм, ц. 9 мм. Табл. I, 4.

Согласно Лакупери, монеты №№ 4—7 выпущены в 7 г. н. э.

Монета ХОЦЮАНЬ, достоинством в 5 шу.

8. Лиц. По бокам квадратного отверстия два иероглифа, выполненные почерком сючжуань: 泉貨 (ХОЦЮАНЬ). Ободки по внешнему краю отверстия отсутствуют.

Об. Гладкая.

Д. 22 мм, ц. 7 мм. Медь (L, № 369; SL, № 166; Дин, л. 55-1). Табл. I, 5.

Выпущена в 14 г. н. э.

Монета БУЦЮАНЬ, достоинством в 5 шу.

9. Лиц. По бокам большого квадратного отверстия два иероглифа, выполненные с большой тонкостью почерком сючжуань: 泉布 (БУЦЮАНЬ). Ободки весьма тонкие.

Об. Гладкая.

Д. 26 мм, ц. 11 мм. Медь. Монета покрыта черной патиной (Дин, л. 55-2).

Табл. I, 6.

Изготовлена в 14 г. н. э., была в обращении недолго.

³ Здесь и далее крестообразные надписи на поле воспроизводятся в строчку и читаются слева направо. Оригинальное их воспроизведение смотри на рисунках.

⁴ Сючжуань или „малый чжуань“ — один из стилей (почерков) китайской каллиграфии, выработанный в III в. до н. э. в целях унификации письменности, начатой еще в VIII в. до н. э., введением „большого чжуаня“ (дачжуань).

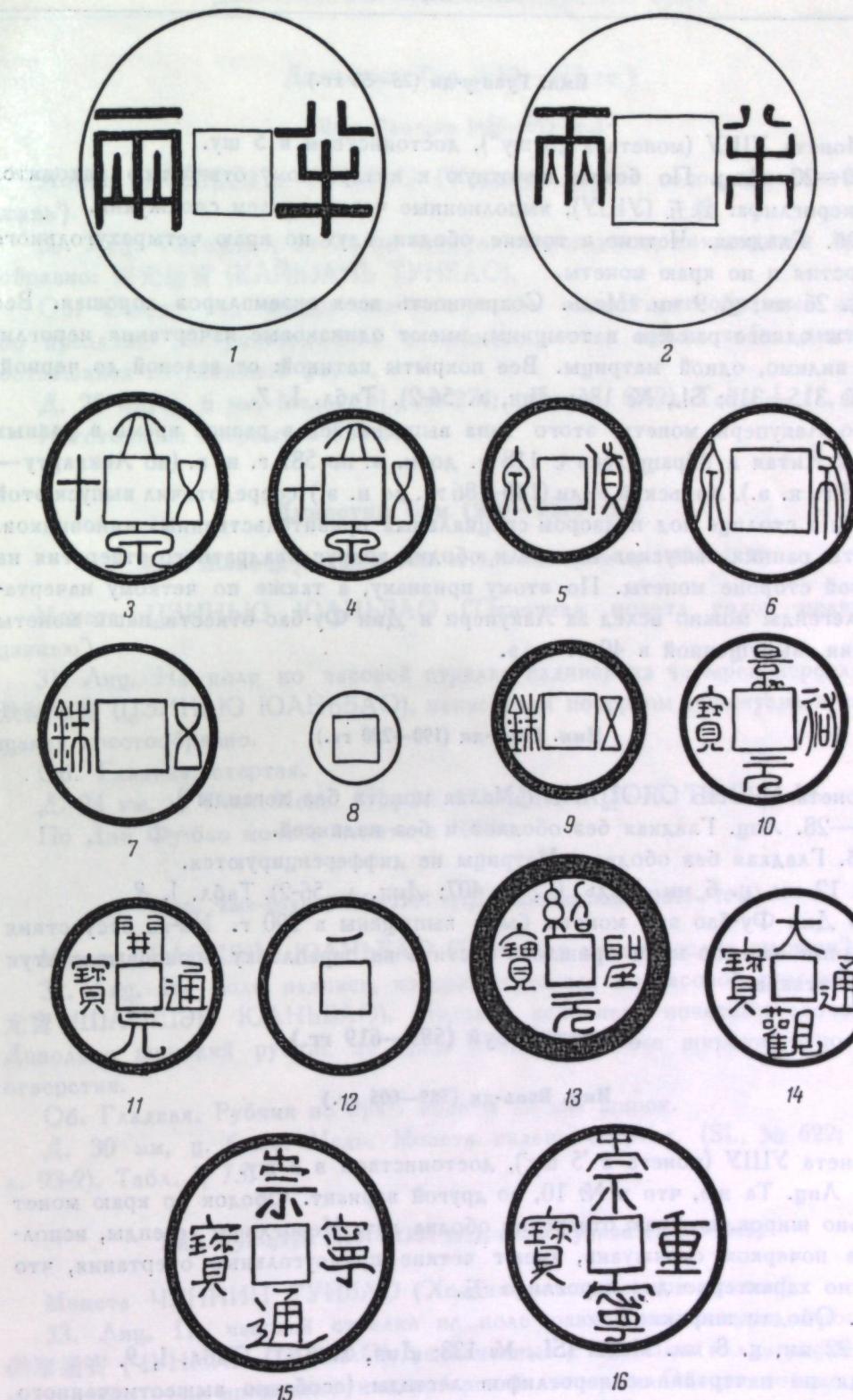

Табл. I.
1—16 — китайские монеты.

Имп. Гуан-у-ди (25—58 гг.)

Монета УШУ (монета в „5 шу”), достоинством в 5 шу.

10—20. Лиц. По бокам, вплотную к квадратному отверстию находятся два иероглифа: 錄五 (УШУ), выполненные четко стилем сяочжуань.

Об. Гладкая. Четкие и тонкие ободки идут по краю четырехугольного отверстия и по краю монеты.

Д. 26 мм, ц. 9 мм. Медь. Сохранность всех экземпляров хорошая. Все монеты одного размера и толщины, имеют одинаковые начертания иероглифов, видимо, одной матрицы. Все покрыты патиной: от зеленой до черной. (L, № 315—316; SL, № 186; Дин, л. 56-2). Табл. I, 7.

По Лакупери монеты этого типа выпускались в разное время в разных местах Китая и обращались с 118 г. до н. э. по 581 г. н. э. (по Локкарту — до 618 г. н. э.). Ханьский У-ди (140—86 гг. до н. э.) сосредоточил выпуск этой монеты в столице под надзором специальных правительственные чиновников. Монеты ранних выпусков не имели ободка вокруг квадратного отверстия на лицевой стороне монеты. По этому признаку, а также по четкому начертанию легенды можно вслед за Лакупери и Дин Фу-бао отнести наши монеты к серии, выпущенной в 40 г. н. э.

Имп. Сянь-ди (190—220 гг.)

Монета УВЭНЬ СЯОЦЯНЬ („Малая монета без легенды”).

21—28. Лиц. Гладкая без ободков и без надписей.

Об. Гладкая без ободков. Матрицы не дифференцируются.

Д. 12 мм, ц. 6 мм. Медь. (L, № 407; Дин, л. 56-2). Табл. I, 8.

По Дин Фу-бао эти монеты были выпущены в 190 г. Из-за отсутствия свободных запасов меди пришлось пустить на переплавку бронзовые статуи будд и утварь.

Династия Суй (589—619 гг.)

Имп. Вэнь-ди (589—605 гг.)

Монета УШУ (монета в „5 шу”), достоинством в 5 шу.

29. Лиц. Та же, что в № 10, но другой вариант. Ободок по краю монет довольно широк, по краю отверстия ободка нет. Иероглифы легенды, выполненные почерком сяочжуань, имеют четкие прямоугольные очертания, что особенно характерно для иероглифа 五.

Об. Ободки широкие.

Д. 22 мм, ц. 8 мм. Медь. (SL, № 138; Дин, л. 67-1). Табл. I, 9.

Судя по начертаниям иероглифов легенды (особенно вышеотмеченного иероглифа), выпущена в 589 г.

Династия Тан (618—907 гг.)

Имп. Гао-цзу (618—627 гг.)

Монета КАЙЮАНЬ ТУНБАО (Ходячая монета годов правления кайюань').

30. Лиц. Легенда состоит из четырех иероглифов, читающихся крестообразно: 開元通寶 (КАЙЮАНЬ ТУНБАО).

Об. Сверху над квадратным отверстием резной дугообразный знак — по преданию воспроизведенный на монете оттиск ногтя члена династии, оставшийся на глиняной форме.

Д. 25 мм, ц. 6 мм. Медь. (SL, № 274; Дин, л. 68-2). Табл. I, 11, 12.

Изготовлена впервые в 621 г.

Династия Сун (960—1279 гг.)

Имп. Жэнь-цзун (1023—1064 гг.), годы цзинью (1034—1038)

Монета ЦЗИНЬЮ ЮАНЬБАО (Основная монета годов правления цзинью').

31. Лиц. На поле по часовой стрелке надпись из четырех иероглифов: 景祐元寶 (ЦЗИНЬЮ ЮАНЬБАО), написанная почерком сяочжуань и читающаяся крестообразно.

Об. Гладкая, стерта.

Д. 24 мм, ц. 7 мм. Медь. (SL, № 432; Дин, л. 87-1). Табл. I, 10.

По Дин Фу-бао монета отлита в 1034 г.

Имп. Чжэ-цзун (1086—1100 гг.), годы шаошэн (1094—1098)

Монета ШАОШЭН ЮАНЬБАО (Основная монета годов шаошэн').

32. Лиц. На поле надпись, которая читается по часовой стрелке: 紹聖元寶 (ШАОШЭН ЮАНЬБАО). Надпись исполнена почерком сяочжуань. Довольно широкий рубчик по краю монеты и менее широкий — по краю отверстия.

Об. Гладкая. Рубчик по краю монеты весьма широк.

Д. 30 мм, ц. 6 мм. Медь. Монета сильно стерта. (SL, № 622; Дин, л. 93-2). Табл. I, 13.

Имп. Хуй-цзун (1101—1125 гг.), годы чуннин (1102—1106)

Монета ЧУННИН ТУНБАО (Ходячая монета годов чуннин').

33. Лиц. По часовой стрелке на поле размещены четыре иероглифа: 崇寧通寶 (ЧУННИН ТУНБАО), выполненные с большим каллиграфическим искусством, — по преданию, императорский автограф. Ободки тонкие.

Об. Гладкая, с четкими ободками.

Имп. Гуан-у-ди (25—58 гг.)

Монета УШУ (монета в „5 шу”), достоинством в 5 шу.

10—20. Лиц. По бокам, вплотную к квадратному отверстию находятся два иероглифа: 錄五 (УШУ), выполненные четко стилем сяочжуань.

Об. Гладкая. Четкие и тонкие ободки идут по краю четырехугольного отверстия и по краю монеты.

Д. 26 мм, ц. 9 мм. Медь. Сохранность всех экземпляров хорошая. Все монеты одного размера и толщины, имеют одинаковые начертания иероглифов, видимо, одной матрицы. Все покрыты патиной: от зеленой до черной. (L, № 315—316; SL, № 186; Дин, л. 56-2). Табл. I, 7.

По Лакупери монеты этого типа выпускались в разное время в разных местах Китая и обращались с 118 г. до н. э. по 581 г. н. э. (по Локкарту — до 618 г. н. э.). Ханьский У-ди (140—86 гг. до н. э.) сосредоточил выпуск этой монеты в столице под надзором специальных правительственные чиновников. Монеты ранних выпусков не имели ободка вокруг квадратного отверстия на лицевой стороне монеты. По этому признаку, а также по четкому начертанию легенды можно вслед за Лакупери и Дин Фу-бою отнести наши монеты к серии, выпущенной в 40 г. н. э.

Имп. Сянь-ди (190—220 гг.)

Монета УВЭНЬ СЯОЦЯНЬ („Малая монета без легенды”).

21—28. Лиц. Гладкая без ободков и без надписей.

Об. Гладкая без ободков. Матрицы не дифференцируются.

Д. 12 мм, ц. 6 мм. Медь. (L, № 407; Дин, л. 56-2). Табл. I, 8.

По Дин Фу-бою эти монеты были выпущены в 190 г. Из-за отсутствия свободных запасов меди пришлось пустить на переплавку бронзовые статуи будд и утварь.

Династия Суй (589—619 гг.)

Имп. Вэнь-ди (589—605 гг.)

Монета УШУ (монета в „5 шу”), достоинством в 5 шу.

29. Лиц. Та же, что в № 10, но другой вариант. Ободок по краю монет довольно широк, по краю отверстия ободка нет. Иероглифы легенды, выполненные почерком сяочжуань, имеют четкие прямоугольные очертания, что особенно характерно для иероглифа 五.

Об. Ободки широкие.

Д. 22 мм, ц. 8 мм. Медь. (SL, № 138; Дин, л. 67-1). Табл. I, 9.

Судя по начертаниям иероглифов легенды (особенно вышеотмеченного иероглифа), выпущена в 589 г.

Династия Тан (618—907 гг.)

Имп. Гао-цзу (618—627 гг.)

Монета КАЙЮАНЬ ТУНБАО (Ходячая монета годов правления кайюань').

30. Лиц. Легенда состоит из четырех иероглифов, читающихся крестообразно: 開元通寶 (КАЙЮАНЬ ТУНБАО).

Об. Сверху над квадратным отверстием резной дугообразный знак — по преданию воспроизведенный на монете оттиск ногтя члена династии, оставшийся на глиняной форме.

Д. 25 мм, ц. 6 мм. Медь. (SL, № 274; Дин, л. 68-2). Табл. I, 11, 12.

Изготовлена впервые в 621 г.

Династия Сун (960—1279 гг.)

Имп. Жэнь-цзун (1023—1064 гг.), годы цзинью (1034—1038)

Монета ЦЗИНЬЮ ЮАНЬБАО (Основная монета годов правления цзинью').

31. Лиц. На поле по часовой стрелке надпись из четырех иероглифов: 景祐元寶 (ЦЗИНЬЮ ЮАНЬБАО), написанная почерком сяочжуань и читающаяся крестообразно.

Об. Гладкая, стертая.

Д. 24 мм, ц. 7 мм. Медь. (SL, № 432; Дин, л. 87-1). Табл. I, 10.

По Дин Фу-бою монета отлита в 1034 г.

Имп. Чжэ-цзун (1086—1100 гг.), годы шаошэн (1094—1098)

Монета ШАОШЭН ЮАНЬБАО (Основная монета годов шаошэн').

32. Лиц. На поле надпись, которая читается по часовой стрелке: 紹聖元寶 (ШАОШЭН ЮАНЬБАО). Надпись исполнена почерком сяочжуань. Довольно широкий рубчик по краю монеты и менее широкий — по краю отверстия.

Об. Гладкая. Рубчик по краю монеты весьма широк.

Д. 30 мм, ц. 6 мм. Медь. Монета сильно стертая. (SL, № 622; Дин, л. 93-2). Табл. I, 13.

Имп. Хуй-цзун (1101—1125 гг.), годы чуннин (1102—1106)

Монета ЧУННИН ТУНБАО (Ходячая монета годов чуннин').

33. Лиц. По часовой стрелке на поле размещены четыре иероглифа: 崇寧通寶 (ЧУННИН ТУНБАО), выполненные с большим каллиграфическим искусством, — по преданию, императорский автограф. Ободки тонкие.

Об. Гладкая, с четкими ободками.

Д. 34 мм, ц. 8 мм. Медь. Монета прекрасной выделки и очень хорошей сохранности. (SL, № 676; Дин, л. 96-1). Табл. I, 15.

Монета ЧУННИН ЧЖУНБАО ('Тяжелая монета годов чуннин'), достоинством в 10 единиц.

34—38. Лиц. Вокруг квадратного отверстия расположены четыре иероглифа: 崇寧重寶 (ЧУННИН ЧЖУНБАО), читающиеся крестообразно и исполненные в том же стиле, что и на монете № 33 (по преданию, также рукой императора).

Об. Гладкая. Д. 36 мм, ц. 8 мм. Медь. Все монеты хорошей сохранности и равной степени патинизации. По матрицам не дифференцируются. (SL, № 662; Дин, л. 98-2). Табл. I, 16.

Монеты №№ 34—38 выпущены в первые годы девиза правления.

Годы дагуань (1107—1110)

Монета ДАГУАНЬ ТУНБАО ('Ходячая монета годов дагуань').

39. Лиц. На поле монеты четыре иероглифа: 大觀通寶 (ДАГУАНЬ ТУНБАО), чтение крестообразное. Надпись выполнена очень тщательно (по преданию, рукой Хуй-цзуна).

Об. Гладкая.

Д. 24 мм, ц. 6 мм. Медь. Монета стерта и патинизированная. (SL, № 681; Дин, л. 97-1). Табл. I, 14.

Изготовлена в 1107 г.

Годы чжэнхэ (1111—1117)

Монета ЧЖЭНХЭ ТУНБАО ('Ходячая монета годов чжэнхэ').

40. Лиц. На поле надпись из четырех иероглифов: 政和通寶 (ЧЖЭНХЭ ТУНБАО), чтение крестообразное.

Об. Гладкая, сильно стертая.

Д. 25 мм, ц. 6 мм. Медь. (SL, № 691; Дин, л. 98-2). Табл. II, 7.

Изготовлена в 1111 г.

41. Лиц. Та же, что у № 40. Другой вариант. Отличие заключается в несколько ином начертании иероглифа 政.

Об. Та же, что на экз. № 40. Медь. Табл. II, 2.

Династия Мин (1368—1644 гг.)

(Имп. Тай-цзюй (1368—1398 гг.), годы хун'у (1368—1398))

Монета ХУН'У ТУНБАО ('Ходячая монета годов хун'у'), достоинством в 1 шу.

42. Лиц. Легенда из четырех иероглифов: 洪武通寶 (ХУН'У ТУНБАО), чтение крестообразное. Ободки четко оформлены.

Об. Гладкая.

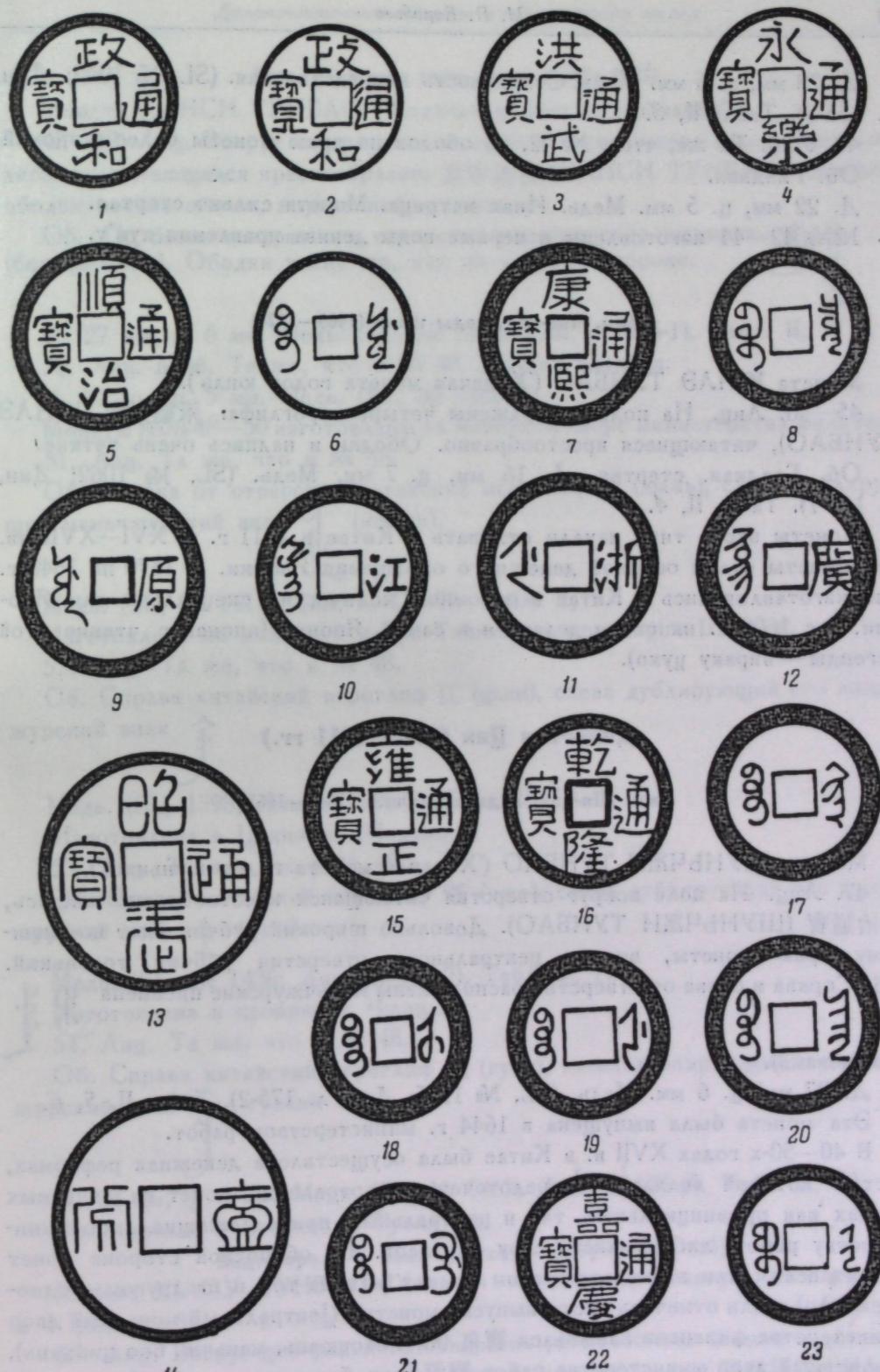

Табл. II.

1—23 — китайские монеты.

Д. 23 мм, ц. 6 мм. Медь. Сохранность посредственная. (SL, № 1042; Дин, л. 155-2). Табл. II, 3.

43. Лиц. Та же, что у № 42, но ободок по краю монеты более широкий. Об. Гладкая.

Д. 22 мм, ц. 5 мм. Медь. Иная матрица. Монета сильно стертая. №№ 42—44 изготовлены в первые годы правления хун'у.

Имп. Чэн-цзу, годы юнлэ (1403—1424)

Монета ЮНЛЭ ТУНБАО ('Ходячая монета годов юнлэ').

45—46. Лиц. На поле изображены четыре иероглифа: 永樂通寶 (ЮНЛЭ ТУНБАО), читающиеся крестообразно. Ободки и надпись очень четкие.

Об. Гладкая, стертая. Д. 16 мм, ц. 7 мм. Медь. (SL, № 1062; Дин, л. 161-1). Табл. II, 4.

Монеты этого типа начали отливать в Китае в 1411 г. В XVI—XVII вв. эти монеты стали основой денежного обращения Японии. С 1570 по 1640 г. они изготавливались в Китае в огромном количестве специально для Японии, а с 1600 г. их стали делать и в самой Японии (японское чтение этой легенды — ўйраку цухо).

Династия Цин (1644—1911 гг.)

Имп. Ши-цзу, годы шуньчжи (1644—1661)

Монета ШУНЬЧЖИ ТУНБАО ('Ходячая монета годов шуньчжи').

47. Лиц. На поле вокруг отверстия читающаяся крестообразно надпись, 順治通寶 (ШУНЬЧЖИ ТУНБАО). Довольно широкий рубчик идет по внешнему краю монеты, вокруг центрального отверстия рубчик тоненький. Об. Справа и слева от отверстия расположены маньчжурские письмена (боо ювань).

Д. 27 мм, ц. 6 мм. Медь. (SL, № 1295; Дин, л. 175-2). Табл. II, 5, 6.

Эта монета была выпущена в 1644 г. министерством работ.

В 40—50-х годах XVII в. в Китае была осуществлена денежная реформа, частью которой являлось сосредоточение изготовления монет на монетных дворах как провинциальных, так и центральных, принадлежащих либо министерству работ, либо министерству финансов. На оборотной стороне монет на китайском или на маньчжурском языках (или на том и на другом — одновременно) стали отмечать место выпуска монеты. Центральный монетный двор министерства финансов назывался 寶泉 (кит. баоцюань, маньчж. боо цювань), а монетный двор министерства работ 寶源 (кит. баоюань, маньчж. боо ювань). Эта система просуществовала до конца династии Цин — до 1911 г.

Имп. Шэн-цзу, годы канси (1662—1723)

Монета КАНСИ ТУНБАО ('Ходячая монета годов канси').

48—49. Лиц. Вокруг квадратного отверстия расположена иероглифическая легенда, читающаяся крестообразно: 康熙通寶 (КАНСИ ТУНБАО). Внешний ободок весьма широк, внутренний — тонок.

Об. По бокам квадратного отверстия маньчжурские письмена (боо цювань). Ободки такие же, как на лицевой стороне.

Д. 27 мм, ц. 6 мм. Медь. (SL, № 1374; Дин, л. 176-1). Табл. II, 7, 8.

50. Лиц. и об. Те же, что в № 48. Другая матрица.

Д. 22 мм, ц. 5 мм. Медь. (SL, № 1380).

Монеты №№ 48—50 изготовлены на монетном дворе министерства финансов.

51. Лиц. Та же, что в № 48.

Об. Справа от отверстия китайский иероглиф 元 (юань), слева дублирующий маньчжурский знак (юань).

Медь. (SL, № 1414; Дин, л. 176-2). Табл. II, 9.

Изготовлена на монетном дворе Тайюань в провинции Шаньси.

52. Лиц. Та же, что в № 48.

Об. Справа китайский иероглиф 圓 (цзян), слева дублирующий его маньчжурский знак (чжэнь).

Медь. (SL, № 1398; Дин, л. 176-2). Табл. II, 10.

Изготовлена в Цзяннине (Нанкине).

53. Лиц. Та же, что у № 48.

Об. Справа китайский иероглиф 圓 (чжэнь), слева дублирующий его маньчжурский знак (чжэнь).

Медь. (SL, № 1436; Дин, л. 176-2). Табл. II, 11.

Изготовлена в провинции Чжэцзян.

54. Лиц. Та же, что у № 48.

Об. Справа китайский иероглиф 圓 (гуан), слева дублирующий его маньчжурский знак (гуан).

Д. 24 мм, ц. 6 мм. Медь. (SL, № 1462; Дин, л. 176-2). Табл. II, 12.

Изготовлена в провинции Гуандун.

Вице-король У Сань-гуй, годы шаоу (1673—1683)

Монета ШАОУ ТУНБАО ('Ходячая монета годов шаоу'), достоинством в 1 фэн серебра.

55. Лиц. Вокруг центрального отверстия расположены четыре иероглифа, исполненные почерком чжуань и читающиеся крестообразно: 昭武通寶 (ШАОУ ТУНБАО). Надписи и ободки выполнены очень тщательно.

Об. По бокам отверстия расположены два иероглифа, исполненные почерком чжуань: 分文 (1 фэн).

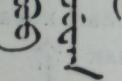
Д. 35 мм, ц. 9 мм. Медь. (SL, № 1267; Дин, л. 172-1). Табл. II, 13, 14.

Эта монета выпущена не центральным китайским правительством. Она отлита У Сань-гусем — вице-королем провинции Юньнань и Гуйчжоу. У Саньгуй — крупный китайский феодал, в бытность свою военачальником в 1644 г. сдал маньчжурам обороняемый им Шаньхайгуань и вступил с ними в союз в целях разгрома крестьянского восстания, во главе которого встал Ли Цинчэн. После разгрома восстания и покорения Китая маньчжурами У Саньгуй под именем Пин Си-вана правил юго-западным Китаем. В 1673 г. он поднял восстание против маньчжур и провозгласил себя императором под именем Шаоу. К этому времени и относится выпуск этой монеты. Восстание, а с ним и эра шаоу, закончились к 1683 г.

Имп. Ши-цзун, годы юнчжэй (1723—1735)

Монета ЮНЧЖЭЙ ТУНБАО ('Ходячая монета годов юнчжэй').

56. Лиц. На поле вокруг квадратного отверстия — иероглифическая надпись: 雍正通寶 (ЮНЧЖЭЙ ТУНБАО), которая читается крестообразно. Ободок по наружному краю монеты широк, по краю отверстия — узок.

Об. По бокам отверстия два маньчжурских знака (боо ювань).

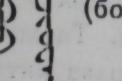
Д. 27 мм, ц. 6 мм. Медь. (SL, № 1478; Дин, л. 177-2). Табл. II, 15, 6.

Монета сделана на монетном дворе министерства работ.

Имп. Гао-цзун, годы цзильун (1736—1795)

Монета ЦЯНЬЛУН ТУНБАО ('Ходячая монета годов цзильун').

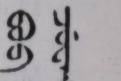
57—64. Лиц. На поле располагается иероглифическая надпись, читающаяся крестообразно: 乾隆通寶 (ЦЯНЬЛУН ТУНБАО). Очень тонкий ободок по краю отверстия и сравнительно широкий по краю монеты.

Об. По бокам отверстия 2 маньчжурских знака (боо циовань).

Ободки такие же, как на лицевой стороне.

Д. 24 мм, ц. 6 мм. Медь. Матрицы не различимы. (SL, № 1427; Дин, л. 178-1). Табл. II, 16, 8.

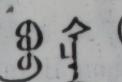
Монеты изготовлены на монетном дворе министерства финансов.

65—73. Лиц. Та же, что у № 57. Об. Два маньчжурских знака (боо циовань).

(боо ювань). Д. 23 мм, ц. 4 мм. Матрицы неразличимы. Медь. (SL, № 1507; Дин, л. 178-2). Табл. II, 16, 6.

Изготовлена на монетном дворе министерства работ.

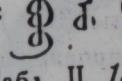
74—77. Лиц. Та же, что в № 57.

Об. Два маньчжурских знака (боо киань). Д. 25 мм, ц. 6 мм.

Медь. (SL, № 1528). Табл. II, 17.

Изготовлена в провинции Гуйчжоу (киань).

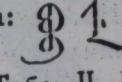
78. Лиц. Та же, что в № 57.

Об. На поле два маньчжурских знака: (боо ювань).

Медь. (SL, № 1536; Дин, л. 179-1). Табл. II, 18.

Изготовлена в провинции Хубэй ("у").

79—80. Лиц. Та же, что в № 57.

Об. На поле два маньчжурских знака: (боо чиань).

Медь. (SL, № 1520; Дин, л. 179-1). Табл. II, 19.

Изготовлена в провинции Чжэцзян.

81—84. Лиц. Та же, что в № 57. Об. На поле два маньчжурских знака:

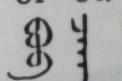
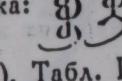
 (боо чиань). Д. 26 мм, ц. 7 мм. Медь. Матрицы одинаковые. (Дин, 179-1).

Табл. II, 20.

Изготовлены в провинции Цзянси.

85. Лиц. Та же, что у № 57.

Об. На поле два маньчжурских знака: (боо чиань).

Медь. (SL, № 1556 А; Дин, л. 179-1). Табл. II, 21.

Изготовлена в провинции Гуанси.

86—87. Та же, что в № 57.

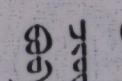
Об. Стерта, надпись неразборчива.

Медь.

Имп. Жень-цзун, годы цзяцин (1796—1820)

Монета ЦЗЯЦИН ТУНБАО ('Ходячая монета годов цзяцин').

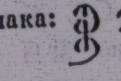
88—92. Лиц. Вокруг квадратного отверстия размещаются четыре иероглифа, читающиеся крестообразно: 嘉慶通寶 (ЦЗЯЦИН ТУНБАО). Ободок по краю отверстия чрезвычайно тонок, ободок по краю монеты средней ширины.

Об. По обе стороны отверстия два маньчжурских знака: (боо чиань).

Д. 23 мм, ц. 7 мм. Медь. Матрицы одинаковы. (SL, № 1575; Дин,

л. 179-2). Табл. II, 22, 8.

Монеты изготовлены на монетном дворе министерства финансов.

93. Лиц. Та же, что у № 88. Об. На поле два маньчжурских знака: (боо чиань).

(боо цзинь).

'монетный двор Или' (боо и). Ободки такие же, как на лицевой стороне.

Д. 50 мм, ц. 9 мм. Медь. (SL, № 1760; Дин, л. 188-2). Табл. III, 5, 6.

Монета изготовлена в провинции Синьцзян (Или).

Монета СЯНЬФЭН ЧЖУНБАО ('Тяжелая монета годов сяньфэн'), достоинством в 10 единиц.

107. Лиц. Вокруг квадратного отверстия надпись, читающаяся крестообразно: 咸豐重寶 (СЯНЬФЭН ЧЖУНБАО). Внешний ободок широкий, внутренний очень узкий.

Об. Та же крестообразная надпись. Верхний и нижний иероглифы — китайские: 當十 'соответствует 10' монетам (дан ши), боковые — маньчжурские: ♂ ♀ (боо циовань).

Д. 34 мм, ц. 8 мм. Медь. (SL, № 1786; Дин, л. 183-2). Табл. III, 7, 8.

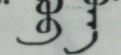
108. Лиц. и об. Те же, что у № 107. Другая матрица.

Д. 36 мм, ц. 9 мм. Медь. (SL, № 1788).

Монеты №№ 107—108 изготовлены на монетном дворе министерства финансов.

109. Лиц. Та же, что у № 107, но более грубо исполнена.

Об. На поле четыре иероглифа. Верхние и нижние — китайские: 當十 'соответствует 10' (дан ши), боковые — маньчжурские: ♂ ♀ (боо кун).

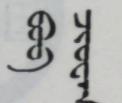
Д. 36 мм, ц. 8 мм. Медь. (SL, № 1819). Табл. III, 9.

Монета изготовлена в провинции Ганьсу.

Монета СЯНЬФЭН ТУНБАО ('Ходячая монета годов сяньфэн').

110. Лиц. Вокруг квадратного отверстия надпись из четырех иероглифов, читающихся крестообразно: 咸豐通寶 (СЯНЬФЭН ТУНБАО).

Об. По бокам квадратного отверстия два маньчжурских знака:

(боо циовань).

Д. 23 мм, ц. 5 мм. Медь. (SL, № 1679; Дин, л. 182-2). Табл. III, 4; табл. II, 8.

Монета изготовлена на монетном дворе министерства финансов в годы 1857—1862.

Годы тайпин тяньго (1857—1864).

Монета ТАЙПИН ТЯНЬГО ('Небесное государство тайпинов').

111. Лиц. Вокруг квадратного отверстия крестообразно читающаяся надпись из четырех иероглифов: 太平天国 (ТАЙПИН ТЯНЬГО). Внешний ободок довольно широк, и само квадратное отверстие широкое.

Об. По бокам квадратного отверстия два иероглифа: 寶聖 (шэнбао — 'священная монета').

Д. 24 мм, ц. 6 мм. Медь. (SL, № 1831; Дин, л. 208-1). Табл. III, 10, 11.

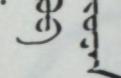
Выпущена главой тайпинов Хун Сю-цюанем, объявившим себя императором и принявшим династийный титул 'тайпин тяньго'.

Имп. Му-циун, годы тунчжи (1862—1874)

Монета ТУНЧЖИ ЧЖУНБАО ('Тяжелая монета годов тунчжи'), достоинством в 10 единиц.

112. Лиц. Вокруг центрального отверстия крестообразно читающаяся надпись из четырех иероглифов: 同治重寶 (ТУНЧЖИ ЧЖУНБАО). Внешний ободок очень широкий — 4 мм, внутренний — узкий.

Об. В поле четыре знака, читающиеся крестообразно. Верхний и нижний — китайские: 當十 'соответствует 10' (дан ши), боковые — маньчжурские: ♂ ♀ (боо циовань). Ободки такие же, как на лицевой стороне.

Д. 28 мм, ц. 7 мм. Медь. (SL, № 1856; Дин, л. 204-1). Табл. III, 12, 13.

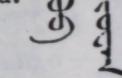
Монета отлита на монетном дворе министерства финансов.

Имп. Да-циун, годы гуансюй (1875—1903)

Монета ГУАНСЮЙ ЧЖУНБАО ('Тяжелая монета годов гуансюй'), достоинством в 10 единиц.

113. Лиц. Вокруг центрального отверстия расположены четыре иероглифа 光緒重寶 (ГУАНСЮЙ ЧЖУНБАО), читающиеся крестообразно. Внешний рубчик очень широк — 5 мм; внутренний очень тонок.

Об. В поле крестообразно читающаяся надпись. Наверху и внизу два китайских иероглифа: 當十 'соответствует 10' (дан ши). По бокам два маньчжурских знака: ♂ ♀ (боо циовань).

Д. 32 мм, ц. 8 мм. Медь. (SL, № 1916; Дин, л. 206-2). Табл. III, 14, 13.

Монета изготовлена на монетном дворе министерства финансов.

114. Лиц. Та же, что у № 113.

Об. В поле надпись из шести знаков. Наверху два иероглифа: 銅平, означающие: 'казенная проба' (купин); внизу указание на достоинство монеты: 一錢 '1 цянь'. Справа и слева от отверстия знаки 廣 ♂, указывающие на место изготовления монеты (на китайском и маньчжурском языках).

Д. 27 мм, ц. 6 мм. Медь. (SL, № 1915; Дин, л. 206-1). Табл. III, 15, 16.

Монета изготовлена в провинции Гуаньдун (чеканка).

115. Лиц. Та же, что у № 109.

Об. Сильно стерта и надписи не читаются.

МОНЕТА ГОНКОНГА

Монета ГОНКОНГА 1866 г., достоинством в 1 мил.

116. Лиц. Легенда на английском языке. Наверху по кругу: „HONG-KONG”; внизу по кругу: „ONE MIL” ($\frac{1}{1000}$ доллара). По бокам от круглого отверстия, окаймленного тонким ободком, по две цифры, дающие год выпуска монеты — „1866”. Наверху над рамкой изображение короны, внизу — две латинские буквы „VR” (Victoria Regina — ‘королева Виктория’).

Об. Имеет надпись из четырех китайских иероглифов, читающихся крестообразно: верхний и нижний —香港‘Гонконг’, правый и левый —一千 $\frac{1}{1000}$.

Д. 15 мм, ц. 4 мм. Медь. Табл. III, 17, 18.

КОРЕЙСКИЕ МОНЕТЫ⁵**Династия Ли (1392—1910 гг.)****Короли Чончжо (1777—1800 гг.) и Сунчжо (1801—1834 гг.)**

Монета САНПХО ТХОНБО („Ходячая монета санпхо“), достоинством в один пхун.

117. Лиц. На поле надпись из четырех иероглифов, которые читаются крестообразно: 常平通寶 (САНПХО ТХОНБО). Надпись рельефная и тщательно выполнена. Ободок по краю монеты весьма широк, а ободок по краю отверстия очень тонкий.

Об. На поле с трех сторон вокруг квадратного отверстия расположены три иероглифа: наверху хун (訓) — название одного из четырех кварталов в Сеуле, внизу — чон (天), что по „Цяньцзывэнь“ (Книга тысячи иероглифов) соответствует цифре ‘1’ — номеру выпуска монеты, слева — са (四), т. е. ‘4’ — номер матрицы.

Д. 25 мм, ц. 7 мм. Медь. (G, тип № 183). Табл. IV, 1, 2.

Эти монеты отливались в Сеуле управлением Хун — одним из четырех кварталов столицы — в 1790—1830 гг. Описываемая относится к 1-му выпуску и изготовлена при помощи матрицы № 4.

Король Сунчжо (1801—1834 гг.)

118. Лиц. Та же, что в № 117. Внешний ободок имеет неодинаковую ширину (от 2 до 5 мм). Внутренний ободок тонкий.

Об. С трех сторон вокруг центрального отверстия имеются иероглифические и иные значки. Наверху 賦 (чин), внизу — (и — ‘2’), слева дуга.

Д. 30 мм, ц. 8 мм. Медь. (G, № 46). Табл. IV, 3.

Монета выпущена министерством благотворительности (чин) около 1830 г.

⁵ C. T. Gardner. The Coinage of Corea. Journal of China Branch of the Royal Asiatic Society, N. S., v. XXVII, № 2, Shanghai, 1892—1893. (Сокр. G).

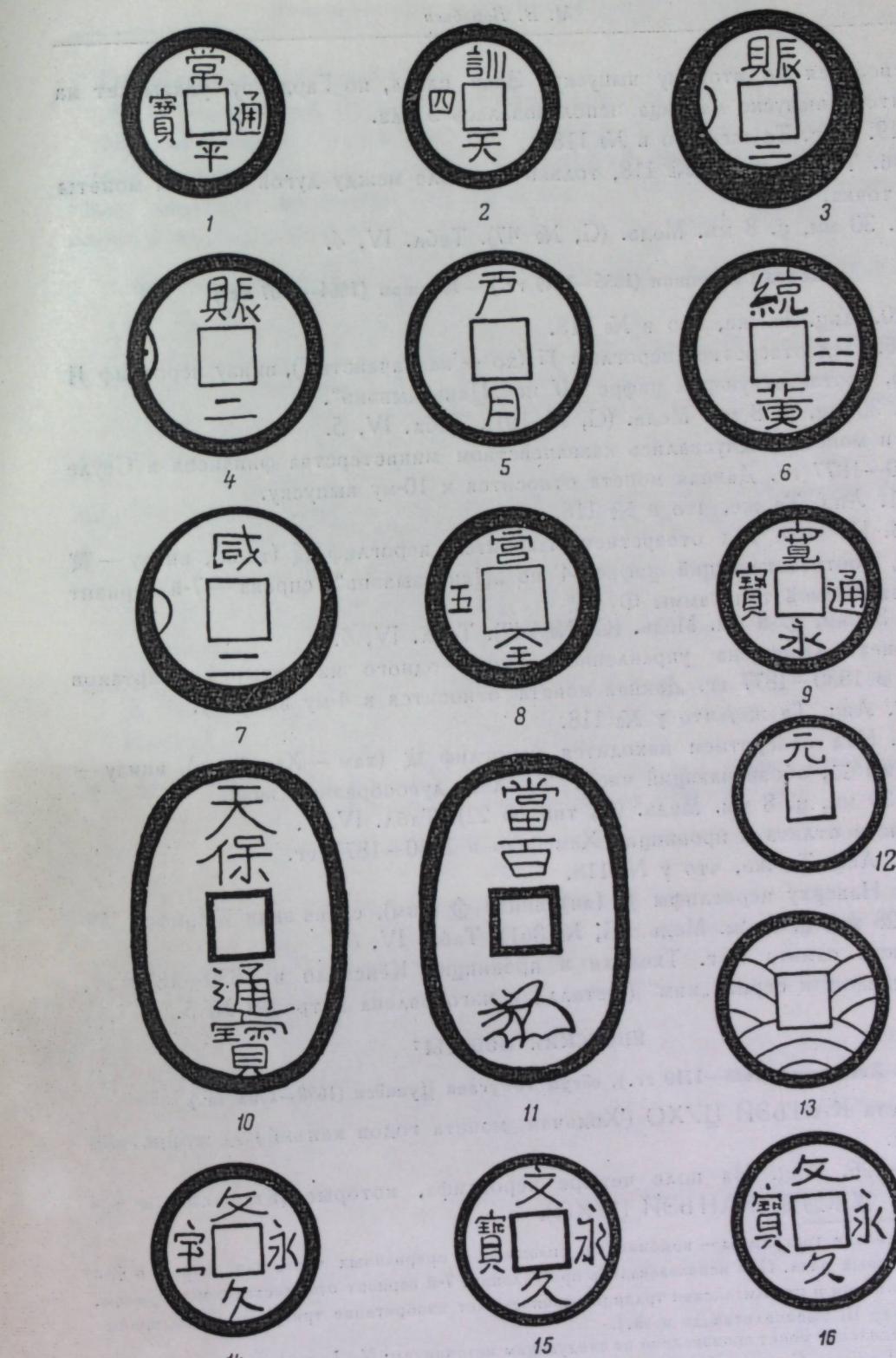

Табл. IV.
1—8 — корейские монеты; 9—16 — японские монеты.

■ относится ко второму выпуску. Знак слева, по Гарднеру, указывает на то, что в выпуске матрица использовалась 5 раз.

119. Лиц. Та же, что в № 118.

Об. Та же, что в № 118, только на поле между дугой и краем монеты есть точка.

Д. 30 мм, ц. 8 мм. Медь. (G, № 47). Табл. IV, 4.

Короли Хончжон (1835—1849 гг.) — Кочжон (1864—1907 гг.)

120. Лиц. Та же, что в № 118.

Об. Над отверстием иероглиф 𠂇 (хо — 'казначейство'), внизу иероглиф 月 (воль), соответствующий цифре '10' по "Цяньцзывэнь".

Д. 30 мм, ц. 8 мм. Медь. (G, № 101). Табл. IV, 5.

Эти монеты выпускались казначейством министерства финансов в Сеуле в 1830—1877 гг. Данная монета относится к 10-му выпуску.

121. Лиц. Та же, что в № 118.

Об. На поле над отверстием находится иероглиф 稔 (тхоп), внизу — 黄 (хван), соответствующий цифре '4' по "Цяньцзывэнь", справа — 7-й вариант так называемой триграмм Фуси.⁶

Д. 30 мм, ц. 8 мм. Медь. (G, № 242). Табл. IV, 6.

Монета выпущена управлением Тхоп — одного из четырех кварталов Сеула в 1830—1877 гг. Данная монета относится к 4-му выпуску.

122. Лиц. Та же, что у № 118.

Об. Над отверстием находится иероглиф 咸 (хам — Хамгёндо), внизу — иероглиф 二, обозначающий число '2', слева дугообразный знак.

Д. 30 мм, ц. 8 мм. Медь. (G, тип № 22). Табл. IV, 7.

Монета отлита в провинции Хамгёндо в 1830—1877 гг.

123. Лиц. Та же, что у № 118.

Об. Наверху иероглифы 营 (ян), внизу 金 (ким), слева знак 五 (цифра '5').

Д. 28 мм, ц. 9 мм. Медь. (G, № 361). Табл. IV, 8.

Монета отлита в г. Тхонъян в провинции Кёnsандо в 1830—1877 гг. Принадлежит к серии "ким" ('металл') и изготовлена матрицей № 5.

ЯПОНСКИЕ МОНЕТЫ⁷

Имп. Хигасияма (1688—1710 гг.), сёгун Токугава Цунаёси (1680—1708 гг.)

Монета КАНЬЭЙ ЦУХО ('Ходячая монета годов каньэй') достоинством в 1 мон.

124—126. Лиц. На поле четыре иероглифа, которые читаются крестообразно: 寛永通寶 (КАНЬЭЙ ЦУХО).

⁶ Китайские триграммы — комбинация сплошных и прерванных черт, написанных в три горизонтальных ряда. Они использовались при гадании. 7-й вариант отождествлялся с громом, с северо-западом и пр. Китайская традиция приписывает изобретение триграмм легендарному Фуси (конец III тысячелетия до н. э.).

⁷ Определение монет произведено по следующим источникам: N. Jacobs and C. C. Vermeule. Japanese Coinage. New York, 1953. (Сокр. JV); N. G. Munro. Coins of Japan. Yokohama, 1904. (Сокр. M).

Об. Гладкая, патинизирована.

Д. 24 мм, ц. 6 мм. Медь. (JV, K 301). Табл. IV, 9.

Медные монеты с такой легендой отливались почти в течение столетия с 1626 г. — первого года девиза канъэй (1624—1643). Особенности начертания верхнего иероглифа (несходящиеся "ножки") позволяют уточнить время и место выпуска этой серии монет — 1700 г., Эдо (Токио).

Имп. Сакуратами (1736—1747 гг.), сёгун Токугава Ёсимура (1716—1744 гг.)

127. Лиц. Та же, что у № 123.

Об. Наверху над отверстием знак 元 (гэн). Монета патинизирована.

Д. 22 мм, ц. 5 мм. Медь. (JV, K 308; M, fig. 54). Табл. IV, 12.

Монета изготовлена в Такаду в г. Осака в 1740 г., в последнем году девиза гэнбун.

Имп. Сакуратами (1736—1747 гг.) — имп. Комэй (1848—1867 гг.), сёгуны Токугава Ёсимура (1716—1744 гг.) — Токугава Ёсинобу (1866—1867 гг.)

Монета КАНЬЭЙ ЦУХО, достоинством в 4 моны.

128—129. Лиц. Та же, что в № 123.

Об. Покрыта "волновым" узором из 11 волн. Очень тонкие экземпляры — до 0.5 мм.

Д. 27 мм, ц. 6 мм. Железо. (JV, K 602; M, fig. 75). Табл. IV, 13.

Изготавливались в большом числе между 1739 и 1867 гг.

Имп. Нинко (1818—1847 гг.) — имп. Мэйдзи (1868—1911 гг.), сёгуны Токугава Инари (1787—1836 гг.) — Токугава Ёсинобу (1866—1867 гг.)

Монета ТЭМПО ЦУХО ('Ходячая монета годов тэмпо'), достоинством в 100 мон.

130—133. Лиц. Монета овальная. Над и под квадратным отверстием по два иероглифа, расположенные один над другим: 天保通寶 (ТЭМПО ЦУХО). Ободки и начертание иероглифов очень четкие.

Об. Над отверстием два иероглифа: 當百 'соответствует ста', под отверстием замысловатая подпись монетного мастера.

Д. 49 × 32 мм, ц. 6 мм. Медь. (JV, K 803; M, fig. 92). Табл. IV, 10, 11.

Монета, по форме подражающая овальному золотому кобану, изготовлена между 1835 и 1870 гг., хотя протяженность годов тэмпо ограничена 1830—1843 гг.

Имп. Комэй (1848—1867 гг.), сёгун Токугава Иэмоти (1858—1865 гг.), годы бункю (1861—1863)

Монета БУНКЮ ЭЙХО ('Вечная монета годов бункю'), достоинством в 4 моны.

134. Лиц. На поле расположены 4 иероглифа, читающиеся крестообразно: 文久永寶 (бункю эйхо). Надпись четкая, исполнена почерком гёсё (синсё). Ободки четкие.

Об. Все поле покрывает своеобразный рельефный „волнистой“ орнамент (11 волн).

Д. 26 мм, ц. 7 мм. Медь. (JV, К 903; M, fig. 95). Табл. IV, 14.

Монета выпущена в 1863 г.

135. Лиц. Та же легенда, что и на № 134, но верхний иероглиф исполнен в иной манере (того же почерка), а левый — в полной форме, тогда как на № 134 он представлен в сокращенном виде.

Об. Тот же узор из 11 волн.

Д. 26 мм, ц. 7 мм. Медь. (JV, К 901; M, fig. 26). Табл. IV, 15.

Монета изготовлена в 1862 г. — во втором году девиза правления бункю, либо позднее, но до 1867 г.

136. Лиц. Та же, что у № 128, но надпись исполнена грубее и верхний иероглиф дан в особом начертании.

Об. Та же, что у № 128.

Д. 27 мм, ц. 7 мм. Медь. (JV, К 902). Табл. IV, 16.

Уже говорилось, что отсутствие точных данных об условиях обнаружения тех или иных монет значительно снижает их научную значимость как источника для изучения денежного обращения в Восточной Сибири и лишает возможности решить вопрос о культурных связях народностей, населявших Прибайкалье, с окружающим миром. Но некоторые частные выводы по вышеуказанным проблемам все же можно сделать. Эти монеты подтверждают существование важнейших культурно-исторических связей на основных этапах истории Восточной Сибири, и в частности Прибайкалья. Они уточняют периоды оживления и упадка взаимоотношений между народами Восточной Сибири, с одной стороны, и странами Дальнего Востока — с другой. Они дополняют наши сведения об отдельных сторонах этих взаимоотношений, которые на основании изучения археологических и письменных источников уже можно считать установленными.

Первая, древнейшая в описанной коллекции группа монет относится к III в. до н. э. (см. табл. V). Южная Сибирь и район Прибайкалья в это время являлись северной окраиной хунинских владений, Хунну, как известно, восприняли очень многое из китайской культуры. В погребениях хунинской знати находят много китайских вещей. А такие памятники, как Иволгинское городище в районе Улан-Удэ и резиденция хунинского наместника в устье Абакана, свидетельствуют о наличии китайских поселений в этих районах. Собственно китайские владения I в. до н. э. простираются далеко на запад, до Турфана.⁸ Затем наступает временный упадок китайского влияния в Центральной Азии, связанный с междуусобицами в Китае.

Табл. V. Дальневосточные монеты из Иркутского музея

№ описания	Годы выпуска монет	Китай	Корея	Япония	Гонконг	Итого	Группы
1—3	246—207 до н. э.	3	—	—	—	3	I
4—7	7 до н. э.	4	—	—	—	17	II
8—9	14 н. э.	2	—	—	—	—	
10—20	40	11	—	—	—	8	III
21—28	190	8	—	—	—	2	IV
29	589	1	—	—	—	—	
30	621	1	—	—	—	—	
31	1034	1	—	—	—	—	
32	1094—1098	1	—	—	—	11	V
33—38	1102—1106	6	—	—	—	—	
39	1107	1	—	—	—	—	
40—41	1111	2	—	—	—	—	
42—44	1368—1398	3	—	—	—	5	VI
45—46	1411	2	—	—	—	—	
47	1644	1	—	—	—	—	
48—54	1666—1723	7	—	—	—	9	VII
55	1673—1683	1	—	—	—	—	
124—126	ок. 1700	—	—	3	—	—	
56	1723—1735	1	—	1	—	—	
127	1740	—	—	—	—	—	
57—87	1736—1795	31	—	1	—	—	
117	1790—1830	—	—	—	—	—	
88—94	1796—1820	7	—	2	—	81	VIII
128—129	1739—1867	—	—	—	—	—	
118—119	ок. 1830	—	2	—	—	—	
95—105	1821—1850	11	—	—	—	—	
120—123	1830—1877	—	4	—	—	—	
130—133	1835—1870	—	—	4	—	—	
106—109	1851—1862	4	—	—	—	—	
110	1857—1862	1	—	—	—	—	
134—136	1863	—	—	3	—	—	
111	1851—1864	1	—	—	—	—	
112	1862—1874	1	—	—	—	1	
116	1866	—	—	—	—	—	
113—115	1875—1908	9	—	—	—	—	
Всего	115	7	13	1	196		

⁸ А. Негтипп. Historical and Commercial Atlas of China. Harvard Univ. Press, 1935, карты 17, 19; Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 415—416.

Новый подъем приходится на первые десятилетия новой эры, на начало правления династии Восточной Хань.⁹ Происходит просачивание в Южную Сибирь монет, выпущенных Ван Маном (группа II).

Далее произошло разделение хунну на северных и южных, проникновение племени сяньби в район Халхой и столкновение их с племенами динлинов, живших в бассейне р. Селенги и в Прибайкалье.¹⁰ Старые налаженные связи начинают прерываться. От этого времени сохранилась III группа монет, чрезвычайно аморфных и непопулярных в самом Китае.

В результате связи между Китаем и Южной Сибирью прерываются уже на несколько веков и восстанавливаются в некоторой степени только при династиях Суй и Тан (IV группа монет). Существование нескольких недолговечных государственных образований на территории Южной и Восточной Сибири, разумеется, создавало менее благоприятную обстановку для прочных и постоянных связей между Прибайкальем и Китаем, чем в эпоху хуннского общеплеменного союза. В IV—IX вв. в бассейне Ангары и по Лене жили племена гулигань (курыкане), о которых письменные хроники сообщают, что они получали чугунные котлы из Китая. Примерно в это же время в Присаянье происходит консолидация енисейских кыргызов. В V—VIII вв. существовал восточнотюркский каганат (алтайские тюрки), северная граница которого доходила до Байкала. Образование этого каганата проходило в постоянной борьбе с жуаньжуанями, жившими на территории современной Монголии и находившимися в зависимости от династии Северная Вэй (Китай). Разгром жуаньжуаней тюркоязычными племенами положил начало новому прекращению сибирско-китайских связей. Этот разрыв углубился с образованием уйгурского государства в VIII в.¹¹

После этого перерыва в связях, который падает на время владычества уйголов, а потом хакасов, в XI—XII вв. возобновляются связи между монгольскими племенами и ойратами, заселившими прибайкальские области, и Китаем. Но теперь эти связи осложнились тем обстоятельством, что они осуществлялись при посредстве киданей, образовавших мощную империю в Восточной Монголии и в Маньчжурии (группа V).¹²

Появление в Прибайкалье монет VI группы связано с периодом, следующим за монгольским нашествием и образованием обширной Монгольской империи, отдельными составными частями которой являлось Прибайкалье, входившее в Джагатайский улус, и Китай.¹³ Освобождение от монгольского ига позволило составным частям этой империи развиваться по-своему, но

⁹ А. Неггшапп, ук. соч., карта 29.

¹⁰ Там же, карта 29; История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Улан-Удэ, 1954, стр. 36.

¹¹ А. Неггшапп, ук. соч., карты 31, 36; Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. I. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 739—740; История Бурят-Монгольской АССР, т. I, стр. 39—40.

¹² А. Неггшапп, ук. соч., карта 47; История Бурят-Монгольской АССР, т. I, стр. 44—45.

¹³ А. Неггшапп, ук. соч., карты 51, 55.

не помогло полностью восстановить культурные связи между Южной Сибирью и Китаем, которых, в сущности, уже не было в рамках огромной Монгольской империи.

К группе VII относятся китайские монеты XVII в. Этот период охватывает время неурегулированной торговли с Китаем через г. Тобольск. После заключения в 1689 г. Нерчинского договора начался период официальных торговых сношений, хотя еще и ограниченных по размаху. Основным центром по торговле с Китаем становится г. Нерчинск. Проникновение китайских монет этой группы в Сибирь несомненно связано с установлением регулярных торговых связей с Китаем.¹⁴

Последняя, VIII-я группа монет наиболее многочисленна. Она состоит из китайских монет ряда выпусков центральных и провинциальных монетных дворов (с нач. XVIII по нач. XIX в.), из основных типов монет японских (XVIII—сер. XIX вв.) и дареформенных корейских (первых трех четвертей XIX в.). По Кяхтинскому договору (1727 г.) число торговых пунктов в Китае было несколько увеличено (Пурухайту, Кяхта, Пекин). Но торговля все еще носила ограниченный характер и, главное, часто прерывалась. Только в 1881 г. петербургским договором были установлены те основы русско-китайской торговли, которые просуществовали до 1911 г.¹⁵ Разумеется, количество монет определенных выпусков, обнаруженных в Сибири, не находится в прямой зависимости от колебаний торгового оборота в рамках всего периода, но оно все же отмечает его неуклонный рост, особенно после заключения Кяхтинского договора. Проникновение японских монет ранних выпусков, входящих в эту группу, не вполне ясно, так как первые и чрезвычайно робкие попытки развить торговые связи с Японией, декларированные договором 1854 г., относятся лишь ко второй половине XIX в. При этом трудность сообщения (товары везли по суше до Сретенска, далее — на баржах по Амуру и на случайных кораблях до Японии), а главное, взаимное неизвестие рынка ограничили рамки сибирско-японской торговли. Торговые связи с Кореей были более прочными и существовали с момента присоединения к владениям России Уссурийского края, т. е. еще до заключения торговых договоров с Кореей в 1884 и 1888 гг.

Таким образом, коллекция дальневосточных монет Иркутского музея отражает главнейшие этапы в экономических связях Восточной Сибири с другими государствами Дальнего Востока.

¹⁴ Там же, карта 59; Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 548.

¹⁵ Н. В. Кюнер. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых. Владивосток, 1913, стр. 11, 25.

8 Эпиграфика Востока. XIV

одинаковы. Каждый из них имеет форму квадратного медного слитка с золотистым покрытием, имеющим окантовку в виде широкой полосы. На лицевой стороне каждого из них имеется надпись, состоящая из трех строк. На первом ряду — китайский знак «юань», на втором — китайский знак «чжан», на третьем — китайский знак «чжан». На обратной стороне каждого из них имеется надпись, состоящая из трех строк. На первом ряду — китайский знак «юань», на втором — китайский знак «чжан», на третьем — китайский знак «чжан». На обратной стороне каждого из них имеется надпись, состоящая из трех строк. На первом ряду — китайский знак «юань», на втором — китайский знак «чжан», на третьем — китайский знак «чжан».

Э. В. ШАВКУНОВ

О ДАТИРОВКЕ БРОНЗОВЫХ ДИСКОВ И ПЕЧАТИ, ОБНАРУЖЕННЫХ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

В Государственном Эрмитаже в Отделе Востока хранится интересный памятник в виде бронзового слитка дисковидной формы. Диаметр диска равен в среднем 10 см, толщина в центральной его части достигает 3.3 см, вес — 2.05 кг. Центральная часть диска на обеих сторонах заключена в рамки, обрамленные, в свою очередь, растительным орнаментом в виде нескольких стилизованного цветка лотоса, лиан и, по-видимому, дубового листа. Кроме того, вся поверхность ребра диска также покрыта узором, состоящим из мелких цветов лотоса. В центральной части диска, заключенной в рамки, на обеих сторонах имеется иероглифическая надпись, часть которой до сих пор не поддается расшифровке как в силу довольно небрежного исполнения самих иероглифов, так и в силу того, что поверхность диска во многих местах в свое время, по-видимому, неоднократно подвергалась действию иностранных тел. Так, например, на одной стороне виден глубокий порез, проходящий чуть ли не через всю поверхность диска (рис. 1), а на другой стороне (рис. 2) заметны 17 вбитых точечных кружков и два сходящихся пореза, на обеих сторонах диска заметны более мелкие царапины. Отмеченные дефекты, возможно, происходят от случайных ударов. Об этом мы можем судить на основании имеющихся в нашем распоряжении двух других совершенно одинаковых дисков, хранящихся в Приморском краеведческом музее им. В. К. Арсеньева с точно такими же следами повреждений. Об этих двух дисках имеется небольшая, но интересная запись, оставленная В. Глаздовским, который пишет: «Две старинные гири (фама) для свешивания так называемого ямбового серебра (от Юаньбао — слиток серебра в 50 лан), циркулирующего в Китае вместо серебряной монеты. Вес каждой гири $4\frac{3}{4}$ фунта, что соответствует приблизительно 50 китайским ланам. Так как большие слитки серебра появились только при монгольской династии Юань (1280—1367), отсюда и название юань-бао, а при нынешней Дайчинской династии (с 1644 г.) изготавляются только квадратные гири, то подобные гири могли быть в ходу только при Минской (1368—1693) или Юаньской династиях. Совершенно одинаковые рубцы и царапины на обеих гирих свидетельствуют, может быть, о том, что последние являются точными копиями или контрафакциями

какого-нибудь старинного оригинала. Письменные знаки на гирих испорчены и разобрать их уже нет возможности. Примечание проф. П. Ю. Шмидта. Где найдены, неизвестно. Доставил Буссе¹.

Версия о том, что данные диски являются копиями какого-то одного оригинала, заслуживает особого внимания, тем более, что в настоящее

Рис. 1. Сторона бронзового диска с надписью о времени его изготовления.

время мы имеем налицо уже не два диска, с которыми имел дело проф. П. Ю. Шмидт, а целых три совершенно одинаковых диска, найденных в разное время и разными исследователями. В то же время вполне допустимо и второе предположение проф. П. Ю. Шмидта, который назвал эти диски гириями. Иначе чем можно было бы объяснить такое изумительное сходство всех трех дисков как не точной копией какого-то эталона, принятого за единицу измерения. Об этом же в какой-то мере свидетельствует и надпись на всех трех дисках. Но прежде чем говорить о надписи, необходимо выяснить

¹ В. Глаздовский. Catalogue de Muséum de Société pour étudier la région de l'Amour. Записки Общества изучения Амурского края, т. XI, Владивосток, 1907, стр. 121—122.

нить, когда и где были найдены эти „гири“. Что касается диска, хранящегося в Государственном Эрмитаже, то согласно документам этот диск был обнаружен в городе Никольске-Уссурийском (нынешний г. Уссурийск Приморского края) в 1863—1867 гг. на территории бахайского городища в южной части города Уссурийска на глубине приблизительно 18—20 см в слое

Рис. 2. Сторона бронзового диска с надписью, удостоверяющей вес диска.

столы. Работы по раскопкам велись в 1863—1867 гг. под руководством Ф. Ф. Буссе, который, как известно, долгое время вел раскопки в районе нынешнего города Уссурийска, тогда как диск, хранящийся в Эрмитаже, был обнаружен и передан в Азиатский музей И. А. Лопатиным. Есть все основания считать, что все три диска были обнаружены в непосредственной близости друг от друга.

² Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, дело № 157, лист 1891.

В настоящее время удалось прочесть следующие иероглифы, помещенные на двух сторонах диска: Лиц. 銅... 大小壹拾柒... 副全重三斤... Об. 大同七年三月日監造官宋昌寸作頭規參寸... Смысл надписи примерно следующий: 'Бронзовый (-ая, -ое)... величиной семнадцать...', что соответствует полному весу трех цзиней...', 'Изготовлен под присмотром чиновника Сун в 7-м году периода Да-тун в начале третьего месяца толщиной в цунь³ и представляет диск [диаметром] в три цуня'.

Рис. 3. Тыльная сторона печати.

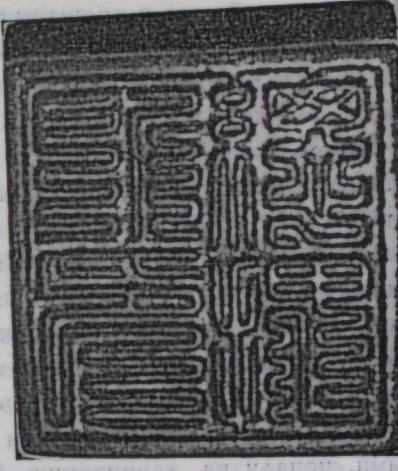

Рис. 4. Клише печати: "Печать

восьмидесятый год от со временем и начальника тюрьмы".

Надпись, таким образом, содержит на обеих сторонах 15 и 18, т. е. всего 33 иероглифа, которые сообщают нам общий вес, толщину и диаметр диска, а также время его изготовления и имя чиновника, руководившего работами.

К сожалению, второй по счету иероглиф, который смог бы ответить на вопрос о назначении диска, нами не прочтен. То же самое следует сказать и относительно восьмого иероглифа, имеющего значение какой-то весовой единицы. Обращает на себя внимание написание числа „семнадцать“, исполненное так называемой прописью, тогда как „три“ написано цифрой. Что же касается четырнадцатого и пятнадцатого иероглифов, то расшифровка их также представляет значительное затруднение. Так, первый из них очень близок по написанию к 𠁿, 𠁽, 地, а второй — к 𣓔, 寶, 宾, 宾, и т. д.

Почти совершенно уничтожены тридцать первый и тридцать второй иероглифы, на месте которых проходит широкий и довольно глубокий порез. Однако они хорошо угадываются как по сохранившимся фрагментам иероглифов, так и по смыслу.

³ В настоящее время 1 цунь равен 3.1 см.

Таким образом, расшифровке поддается большая часть всей надписи, которая даже в фрагментарном виде представляет для нас большой интерес. В данном случае речь будет идти прежде всего о датировке этих дисков. Казалось бы, что этот вопрос меньше всего должен нас волновать, так как налицо имеется няньхао, т. е. название периода правления того или иного государя, и год, по которому можно будет датировать эти диски. На самом же деле это не так просто сделать. Для начала рассмотрим кто, где и когда правил под няньхао Да-тун. Всего известно четыре случая употребления данного няньхао. Под этим няньхао правил император Маньчжоу-го в 1932—1934 гг. Но данные диски нельзя датировать этим временем хотя бы потому, что они были найдены в прошлом столетии. Следующий случай употребления этого няньхао относится ко временам киданьской династии Ляо, но и это время не подходит к данным дискам, так как киданьский император Тай-цзун правил под няньхао Да-тун всего лишь один год, тогда как на дисках стоит дата — 7-й год периода Да-тун. По этой же причине приходится отказаться и от периода Да-тун японского императора Хэйдзё Тэнноо, правившего под этим няньхао с 806 по 809 г.

Четвертый и последний случай употребления этого няньхао известен при китайской династии Лян в 535—545 гг. Казалось бы, что именно к этому времени можно было бы приурочить происхождение этих дисков, но и от этого приходится отказаться из-за следующих соображений. Во-первых, если эти диски были сделаны в Китае в первой половине VI столетия, то как же тогда объяснить тот факт, что эти вещи, ставшие с течением времени уникальными, попали на территорию бохайского городища в VIII—X вв., т. е. спустя почти два с лишним столетия, и притом в таком большом количестве для одного городища, если к тому же учесть, что все они были обнаружены не во время планомерных археологических работ на больших площадях, а совершенно случайно при рытье котлована для строящихся здесь зданий. Во-вторых, если бы эти диски были сделаны при династии Лян, то на них следовало бы ожидать надпись, выполненную почерком лишу, а не кайшу, как это мы имеем на самом деле. Правда, почерк кайшу был изображен почти что одновременно с лишу, т. е. в начале новой эры при династии Хань, но кайшу в качестве официального почерка начинает использоваться только при династии Тан. До династии Тан в официальной переписке, а также в надписях, удостоверяющих подлинность того или иного предмета, использовался исключительно почерк лишу. В-третьих, самым важным аргументом против лянского происхождения этих дисков является то, что на территории Приморского края вблизи устья р. Седими в 1893 г. была обнаружена бронзовая печать⁴ (рис. 3, 4), клише которой содержит четыре

⁴ В приложении к „Запискам общества изучения Амурского края“ (т. XII, Владивосток, 1908, табл. III, рис. 3б) имеется оттиск этой печати. Из надписи под оттиском явствует, что печать обнаружена близ устья р. Седими Михайловским. На странице же 21-й „Записок“, которые отсылают нас к рисунку 3б табл. III, говорится: „При рытье фундамента для триумфальной арки, ныне часовня св. Николая, в Никольск-Уссурийском найдена печать

иероглифа 總押所印, выполненных почерком да-чжуань. Перевод этих иероглифов дает понять нам, что это „печать начальника тюрьмы“. Но не это в данном случае должно интересовать нас. На тыльной стороне печати в двух местах имеются врезанные иероглифические надписи: 大同二年十一月日 и 宋伺監造. Смысл этих надписей, выполненных, кстати так же, как и на дисках, почерком кайшу, следующий: „Начало одиннадцатого месяца второго года периода Да-тун. Сделана под присмотром [наблюдением] Сунхэ“.

Таким образом, мы имеем уже четвертый предмет, датированный одним няньхао и даже сделанный под присмотром того же лица по фамилии Сун. Какие же выводы можно сделать на основании этих памятников? Сам факт находки на территории южной части Приморского края нескольких предметов, датированных одним и тем же няньхао и выполненных к тому же одним и тем же мастером, говорит за местное происхождение этих предметов. Производство их было налажено, по-видимому, на территории собственно древнего Приморья,⁵ входившего в VII—X вв. в состав государства Бохай и в XII—XIII вв. в состав чжурчженской империи Цзинь, от которых до настоящего времени сохранился целый ряд памятников, главным образом в виде древних укрепленных поселений. Следовательно, отмеченное выше няньхао Да-тун могло принадлежать одному из правителей государства Бохай или Цзинь. Но няньхао чжурчженских императоров в настоящее время известны все, причем ни один из них не правил в период Да-тун. То же самое приходится признать и в отношении няньхао императоров династии Юань и Мин, временем которых пытался датировать диски на основании их внешнего вида проф. П. Ю. Шмидт. Что же касается няньхао бохайских королей, то до настоящего времени науке известен далеко не полный их перечень, в частности няньхао трех последних королей конца IX—начала X в. Обращает на себя внимание и тот факт, что форма печати, ее размеры и ряд других признаков говорят о том, что она была сделана не раньше VIII столетия, так как подобного типа печати появляются только в VIII в. при династии Тан, но ни в коем случае не при династии Лян.

Таким образом, все вышесказанное говорит в пользу бохайского происхождения дисков и печати, и следовательно, имеющегося на них няньхао Да-тун.

Но значение рассматриваемых находок не исчерпывается установлением наличия у бохайцев няньхао Да-тун. Зная вес дисков и прочитав на них надпись, удостоверяющую, что диск весит 3 цзиня, мы можем установить и величину одного цзиня того времени, который, таким образом, равнялся приблизительно 683.3 г. Кроме того, на дисках указана их толщина, равная

очень древняя, достоверно до сих пор не прочитанная, принадлежащая князю (бао-ину), т. е. драгоценная печать; очень, вероятно, бохайского князя“.

⁵ В настоящее время на территории южной части Приморья отмечен целый ряд находок различных бронзовых изделий бохайского и чжурчженского происхождения.

1 цуню, и диаметр величиной в 3 цуна. Измерения дисков показали, что один цунь в те времена был равен приблизительно 3.3 см.

Затем обращает на себя внимание имя самого мастера Сунхэ, которое этимологическиозвучно с некоторыми родовыми именами современных китайцев и удэгэ, например: Соянка, Суанка. Правда, если на печати мы имеем дело с Сунхэ, то на дисках, т. е. спустя пять лет, этот же мастер именуется уже просто Сун. Тем не менее это одно и то же лицо. Все дело лишь в том, что если в тот момент, когда Сунхэ, будучи рядовым бохайским мастером, носил свое родовое имя, то через пять лет, получив звание чиновника, он получил также право носить китайскую фамилию, в основу которой было взято его родовое имя.

Право ношения китайских фамилий, как это яствует из „Циданьго чжи“, имели лишь привилегированные слои бохайского общества, тогда как ниэзшие слои населения не имели этого права и назывались „бесфамильными“⁶.

Дальнейшие археологические исследования в Приморье позволят, быть может, не только более точно датировать иняньхао Да-тун, но и установить ряд других, не известных в настоящее время иняньхао бояцких королей.

⁸ 契丹國志卷之二十七終

РЕЦЕНЗИИ

Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. Труды АН Таджикской ССР, т. XLII, Сталинабад, 1956

Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР выпустил «Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа» (Труды АН Таджикской ССР, т. XLII, Сталинабад, 1956). В числе других в сборник вошли следующие статьи по среднеазиатской и персидской миниатюре.

А. А. Семенов. Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. „Зафарнома“ Шарафулдина Ези (стр. 3—16).

Г. А. Пугаченкова. Миниатюры „Хамса“
Низами 1562/1563 г. Самарканского музея
(стр. 17–31).

К. С. Айни. Некоторые новые данные по таджикской миниатюре XVI в. (стр. 33—47).

О. И. Галеркина. Рукопись сочинений Навои 1521—1522 гг. из собрания ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (К вопросу о среднеазиатской школе миниатюры) (стр. 221—234).

В рукописных собраниях Советского Союза хранится большое число художественно оформленных рукописей с миниатюрами, но изучение этих произведений искусства народов Востока поставлено еще недостаточно хорошо. Поэтому следует всемерно приветствовать столь ценную инициативу Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, выпустившего настоящий сборник, за которым, можно надеяться, последуют и другие. Упомянутые выше статьи вводят в научный обиход рукописи, миниатюры которых не являлись до сих пор предметом специального науч-

ного изучения. Как это справедливо указано в статьях, исследование миниатюрной живописи Средней Азии находится еще на ранней ступени развития. В этой связи публикация и изучение отдельных, точно датированных и локализованных рукописей с миниатюрами имеют первостепенное значение и настоятельно необходимы. Только таким путем можно будет выяснить характерные особенности среднеазиатской школы миниатюрной живописи.

Переходим к рассмотрению статей.

I. Статья проф. А. А. Семенова посвящена описанию миниатюр рукописи „Зефар-наме“ Шараф ад-дина Йезди, переписанной в Самарканде, судя по дате в конце введения, в 1038/1628 г. Тем же временем датируются 12 миниатюр, украшающих данную рукопись, три из которых воспроизведутся в статье. На основании анализа только этих миниатюр автор делает неожиданный вывод о том, что в XVII в. в Самарканде „существовала своя школа (правдика наша, — О. А., А. И.) отличная своим особенностям от персидской и индийской школы“ (стр. 15).

В заключительной же части статьи мы читаем: "Восхищаясь изумительными миниатюрами самарканского мастера начала XVII в., невольно задашь вопрос об истоках этого высокого и самобытного, оригинального и своеобразного искусства; о восточных художественных связях и перекличках, может быть, с Византией и Китаем, с Гератом и Индией" (стр. 15—16). Странно, что в этом перечислении "связи и перекличек" автором не упомянут Иран, где уже в течение нескольких веков существовала и развивалась миниатюрная живопись, именно с которой наиболь-

1 цуню, и диаметр величиной в 3 цуня. Измерения дисков показали, что один цунь в те времена был равен приблизительно 3,3 см.

Затем обращает на себя внимание имя самого мастера Сунхэ, которое этимологически созвучно с некоторыми родовыми именами современных нанайцев и удэгэ, например: Соянка, Суанка. Правда, если на печати мы имеем дело с Сунхэ, то на дисках, т. е. спустя пять лет, этот же мастер именуется уже просто Сун. Тем не менее это одно и то же лицо. Все дело лишь в том, что если в тот момент, когда Сунхэ, будучи рядовым бохайским мастером, носил свое родовое имя, то через пять лет, получив звание чиновника, он получил также право носить китайскую фамилию, в основу которой было взято его родовое имя.

Право ношения китайских фамилий, как это яствует из «Циданьго чжи», имели лишь привилегированные слои бохайского общества, тогда как нижние слои населения не имели этого права и назывались „бесфамильными".⁶

Дальнейшие археологические исследования в Приморье позволят, быть может, не только более точно датировать иняххао Да-тун, но и установить ряд других, не известных в настоящее время иняххао бохайских королей.

Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР выпустил «Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа». Труды АН Таджикской ССР, т. XLII, Сталинабад, 1956.

К. С. Айни. Некоторые новые данные по таджикской миниатюре XVI в. (стр. 33—47).

О. И. Галеркина. Рукопись сочинений Навон 1521—1522 гг. из собрания ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. (К вопросу о среднеазиатской школе миниатюр) (стр. 221—234).

⁶ 契丹國志卷之二十七終

1961 · ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · XIV

Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР выпустил «Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа». Труды АН Таджикской ССР, т. XLII, Сталинабад, 1956.

Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. Труды АН Таджикской ССР, т. XLII, Сталинабад, 1956.

Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР выпустил «Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа» (Труды АН Таджикской ССР, т. XLII, Сталинабад, 1956). В числе других в сборник вошли следующие статьи по среднеазиатской и персидской миниатюре.

А. А. Семенов. Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. «Зафар-наме» Шарафуддина Езди (стр. 3—16).

Г. А. Пугаченкова. Миниатюры «Хамса» Низами 1562/1563 г. Самаркандского музея (стр. 17—31).

К. С. Айни. Некоторые новые данные по таджикской миниатюре XVI в. (стр. 33—47).

О. И. Галеркина. Рукопись сочинений Навон 1521—1522 гг. из собрания ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. (К вопросу о среднеазиатской школе миниатюр) (стр. 221—234).

В рукописных собраниях Советского Союза хранится большое число художественно оформленных рукописей с миниатюрами, но изучение этих произведений искусства народов Востока поставлено еще недостаточно хорошо. Поэтому следует всемерно привлекать столь ценную инициативу Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, выпустившего настоящий сборник, за которым, можно надеяться, последуют и другие. Упомянутые выше статьи вводят в научный обиход рукописи, миниатюры которых не являлись до сих пор предметом специального науч-

ного изучения. Как это справедливо указано в статьях, исследование миниатюрной живописи Средней Азии находится еще на ранней ступени развития. В этой связи публикация и изучение отдельных, точно датированных и локализованных рукописей с миниатюрами имеют первостепенное значение и настоятельно необходимы. Только таким путем можно будет выяснить характерные особенности среднеазиатской школы миниатюрной живописи.

Переходим к рассмотрению статей.

I. Статья проф. А. А. Семенова посвящена описанию миниатюр рукописи «Зафар-наме» Шараф ад-дина Йезди, переписанной в Самарканде, судя по дате в конце введения, в 1038/1628 г. Тем же временем датируются 12 миниатюр, украшающих данную рукопись, три из которых воспроизведятся в статье. На основании анализа только этих миниатюр автор делает неожиданный вывод о том, что в XVII в. в Самарканде «существовала своя школа (разрядка наша, — О. А., А. И.) отличная по своим особенностям от персидской и индо-персидской школы» (стр. 15).

В заключительной же части статьи мы читаем: «Восхищаясь изумительными миниатюрами самаркандского мастера начала XVII в., невольно задаешь вопрос об источниках этого высокого и самобытного, оригинального и своеобразного искусства, о вековых художественных связях и перекличках, может быть, с Византией и Китаем, с Гератом и Индией» (стр. 15—16). Странно, что в этом перечислении «связей и перекличек» автором не упомянут Иран, где уже в течение нескольких веков существовала и развивалась миниатюрная живопись, именно с которой наиболее

1 цуню, и диаметр величиной в 3 цуны. Измерения дисков показали, что один цунь в те времена был равен приблизительно 3,3 см.

Затем обращает на себя внимание имя самого мастера Сунхэ, которое этимологическиозвучно с некоторыми родовыми именами современных нанайцев и удэгэ, например: Соянка, Суанка. Правда, если на печати мы имеем дело с Сунхэ, то на дисках, т. е. спустя пять лет, этот же мастер именуется уже просто Сун. Тем не менее это одно и то же лицо. Все дело лишь в том, что если в тот момент, когда Сунхэ, будучи рядовым бохайским мастером, носил свое родовое имя, то через пять лет, получив звание чиновника, он получил также право носить китайскую фамилию, в основу которой было взято его родовое имя.

Право ношения китайских фамилий, как это явствует из „Циданьго чжи“, имели лишь привилегированные слои бохайского общества, тогда как ниашие слои населения не имели этого права и назывались „бесфамильными“⁶.

Дальнейшие археологические исследования в Приморье позволят, быть может, не только более точно датировать иняньхао Да-тун, но и установить ряд других, не известных в настоящее время иняньхао бохайских королей.

москоўскими, копиейми для них из различных книжек отпечатаны на

契丹國志卷之二十七終

⁶ 契丹國志卷之二十七終

РЕЦЕНЗИИ

Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. Труды АН Таджикской ССР, т. XLII, Сталинабад.
1956

Институт истории, археологии и этикетики АН Таджикской ССР выпустил «Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа» (Труды АН Таджикской ССР, т. XLII, Сталинабад, 1956). В числе других в сборник вошли следующие статьи по среднеазиатской и персидской миниатюре.

А. А. Семенов. Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. „Завета нома“ Шарафуддина Езди (стр. 3—16).

Г. А. Пугаченкова. Миниатюры „Хамон“
Низами 1562/1563 г. Самаркандского музея
(стр. 17—31).

К. С. Айни. Некоторые новые данные по таджикской миниатюре XVI в. (стр. 347).

О. И. Галеркина. Рукопись сочинений Навои 1521—1522 гг. из собрания Г. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (К вопросу о среднеазиатской школе писателей) (стр. 221—234).

В рукописных собраниях Советской Союза хранится большое число художественно оформленных рукописей с миниатюрами, но изучение этих произведений искусства народов Востока поставлено недостаточно хорошо. Поэтому следует немерно приветствовать столь ценную инициативу Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, выпустившего настоящий сборник, за которым, можно думать, последуют и другие. Упомянув выше статьи вводят в научный обиход рукописи, миниатюры которых не являлись до сих пор предметом специального изучения.

ного изучения. Как это справедливо указано в статьях, исследование миниатюрной живописи Средней Азии находится еще на ранней ступени развития. В этой связи публикация и изучение отдельных, точно датированных и локализованных рукописей с миниатюрами имеют первостепенное значение и настоятельно необходимы. Только таким путем можно будет выяснить характерные особенности среднеазиатской школы миниатюрной живописи.

Переходим к рассмотрению стат.

I. Статья проф. А. А. Семенова посвящена описанию миниатюр рукописи «Эншар-и-йме» Шараф ад-дина Йезди, переписанной в Самарканде, судя по дате в конце введения, в 1038/1628 г. Тем же временем датируются 12 миниатюр, украшающих данную рукопись, три из которых воспроизведутся в статье. На основании анализации только этих миниатюр автор делает неожиданный вывод о том, что в XVII в. в Самарканде существовала своя школа (правильнее сказать, — O. A., A. И.) отличная своим особенностям от персидской и индийской школы» (стр. 15).

В заключительной же части статьи я читаю: „Восхищаясь изумительными миниатюрами самаркандского мастера начала XVII в., невольно задаешь вопрос об истоках этого высокого и самобытного, ориентального и своеобразного искусства, о первоначальных художественных связях и перекличках, может быть, с Византией и Китаем, с Гератом и Индией“ (стр. 15—16). Странно, что в этом перечислении „связи и перекличек“ автором не упомянут Иран, где уже в течение нескольких веков существовала и развивалась миниатюрная живопись, именно с которой наибо-

тесно и связана среднеазиатская миниатюра.

Далее, проф. А. А. Семенов считает ошибочным установленное в науке представление, что XVII век был временем упадка и умирания высоких художественных миниатюр в Средней Азии. Он пишет: «До сих пор принято было думать, что в эти века (XVI и XVII вв., — О. А. А. И.) были для Средней Азии эпохой крайнего упадка и постепенного умирания искусства живописи. Теперь, при наличии разобранной нами рукописи «Зафар-нама», при существовании хронического списка «Шах-нама» XVI в. (964/1556—1557 гг.) с миниатюрами самаркандского художника, при наличии в Институте востоковедения АН УзССР описания человеческого тела, составленного и переписанного в Бухаре при Субхан Кули-хане (1682—1702), с удивительно тонко сделанными миниатюрами, можно вполне опровергнуть выше упомянутое заблуждение и определенно говорить о среднеазиатской, таджикско-узбекской школе живописи, о школе замечательно своеобразной и крайне интересной с точки зрения истории искусства» (стр. 16).

Непонятно, чем вызвано это утверждение. Вопрос о существовании в XVI в. среднеазиатской школы миниатюры давно разрешен и освещен в литературе¹ и не требует новых доказательств. Что же касается явления упадка, то проф. А. А. Семенов не приводит доводов, отрицающих это явление, а лишь ссылается на три известные рукописи с миниатюрами. Между тем одно лишь количество их скорее подтверждает, чем отрицает этот факт. Поэтому, чтобы согласиться с автором, хотелось бы слышать более убедительные доводы в пользу того, что в XVI—XVII вв.

¹ См., например, работы: E. Kühnel. History of Miniature Painting and Drawing. SPA, v. III, London—New-York, 1939, стр. 1852—1872; M. S. Dimand. A Handbook of Muhammadan Art. New-York, 1944, стр. 51; B. W. Robinson: 1) Catalogue of a loan exhibition of Persian miniature paintings from British collections. London, 1953, стр. 21; 2) Persian Painting in the Metropolitan Museum of Art. The Metropolitan Museum of Art Miniatures, New-York, 1953, № 15.

² The Tarikh-i Rashidi. A history of the Moghuls of Central Asia. An English version by D. Ross, London, 1895, стр. 38.

³ Аноним Искандера, рук. Института народов Азии АН СССР, С-381, л. 248а.

⁴ Zafar-namah by Maulana Sharafuddin Ali of Yazd. Bibliotheca Indica, v. I, Calcutta, 1887, стр. 255.

в Средней Азии не наблюдается явления упадка в миниатюрной живописи.

Проф. А. А. Семенов ссылается на рукопись описания человеческого тела, составленного и переписанного при Субхан Кули-хане. Воспроизведенное в первом томе «Собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» (стр. 254) изображение скелета является образцом не миниатюрной живописи, а рисунка, к тому же едва ли оригинального и, по всей вероятности, скопированного.

Интересно отметить, что Мұхаммад Баді'Маліхә-йи Самарқандій — автор тазкире «Мұзаккір ал-ақшаб», очень ценного источника по истории Средней Азии XVII в., не упоминает ни одного среднеазиатского художника, тогда как современный ему персидский автор известного тазкире — Мұхаммад Тәхір Насрәбайдій приводит для Ирана четырнадцать имён.

При описании миниатюры, на л. 153б допущена досадная ошибка. Джихангир (сын Тимура) племяннику жену эмира Шамс ад-діна (сарызаг бәрәз эмир ғыныз ад-діна, согласно «Таріх-и Рашиді»² и «Аноним Искандера»)³ — Бүйән-әгу и ее дочь Дилшад-әгу,⁴ а не жену Қамар ад-діна — «эмир Шамсуддин-буян-ага», как указано в тексте (стр. 5).

II. Статья Г. А. Пугаченковой посвящена анализу 10 миниатюр рукописи «Хамса» Низами из Самаркандского музея (инв. № КД-1006). В статье воспроизведены 6 миниатюр. В описании читаем: «В конце рукописи (л. 229б) содержится дата ее окончания в 970 г. х. = 1562/1563 г. Имен переписчика, иллюминатора, миниатюриста и указания места изготовления списка нет» (стр. 17). Автор, тем не менее, находит возможным предположить, что эта ру-

копись была переписана в Мешхеде, а творцом миниатюр был мавлана Мұзаттар Ай.

В своей заключительной части, в целом интересная и полезная, статья Г. Н. Пугаченковой вызывает некоторые замечания.

1) На стр. 29 мы читаем: «Описанные костюмы принадлежат не к среднеазиатскому, а к иранскому типу одеяний. Красноречивым показателем этого служит деталь из миниатюры «Фитне с бычком». Здесь чрезвычайно интересны два персонажа в верхней правой группе, внимательное рассмотрение которых показывает, что при нанесении эскиза художник нарисовал над чалмами высокие «столбики», но при раскраске почему-то заменил их красными куляхами, а верхушки стер. Наличие этих столбиков решительно исключает среднеазиатское происхождение «Хамсы», поскольку они являются характернейшей особенностью именно сефевидских головных уборов первой половины XVI в. По-видимому, ко времени работы над «Хамсой» они окончательно вышли из моды, но форма поддерживавших их массивных куляхов еще сохранилась. Не затрагивая здесь вопроса об эволюции костюмов XVI в., хотелось бы только отметить, что «столбики» выходят в Иране из употребления именно в 60-х годах XVI в. Они фигурируют в миниатюрах не позднее 1566 г. (ср. «Шах-наме» из коллекции Ротшильда и манускрипт Навои — оба под этой датой)».

Вряд ли моды в XVI в. менялись настолько быстро, чтобы изображенные на эскизе «столбики» на самой миниатюре уже отсутствовали. Несколько поспешным представляется нам вывод автора относительно выхода из моды этих «столбиков», поскольку

он основан только на трех датированных рукописях. Так, в собрании Государственного Эрмитажа находится список произведений Джалаля ад-дина Руми (инв. номер V Р 928), переписанный в 1002—1004/1593—1596 гг. каллиграфом Мир Салих ал-Катибом. На миниатюрах этой рукописи изображены персонажи в таких же чалмах со «столбиками», как и на рассматриваемых Г. А. Пугаченковой. Рукопись «Шах-наме» из коллекции Ротшильда не может, очевидно, являться аналогом в данном случае, ибо она переписана, по-видимому, все-таки в 944/1537—1538 г. ⁵ У Г. Мижона,⁶ на которого ссылается Г. А. Пугаченкова, вероятно, описка — 944/1566 г., эта же описка содержится в его более ранней статье в журнале «Les Arts»⁷ и в статье Е. Блоше в «Burlington Magazine».⁸ О второй рукописи (Навои) мы не можем сделать никаких замечаний, ибо нам осталась не доступной книга Е. Блоше,⁹ на которую ссылается автор статьи.

2) Г. А. Пугаченкова пишет: «Вероятно, иллюстратор «Хамсы» был одним из видных миниатюристов сефевидского круга, группировавшихся преимущественно в Тебризе в художественных мастерских Шах-Тахмаспа (годы правления 1524—1570) и в Мешхеде при меценатском дворе его брата принца Бахрама-миры (ум. в 1575 г.) и племянника Султана Ибрахим-миры (ум. в 1574 г.). Датировка «Хамсы» 1562/1563 г. позволяет предполагать скорее Мешхед, так как известно, что в последнюю часть правления Шах-Тахмаспа, отдавшись исключительно государственным делам, распустил свои мастерские» (стр. 30).

Все три даты в приведенной цитате неправильны: шах Тахмасп I правил с 1524 по 1576 г., а не с 1524 по 1570 г.; принц

⁵ О более ранней дате свидетельствует общий стиль миниатюр; кроме того, в каталоге Б. В. Робинсона эта рукопись стоит в списке манускриптов тебризской школы с датой 944/1537 г., см.: B. W. Robinson. A descriptive catalogue of the Persian paintings in the Bodleian Library. Oxford, 1958, стр. 86.

⁶ G. Migeon. Manuel d'art musulman, t. II. Paris, 1907, стр. 35, рис. 30.

⁷ G. Migeon. L'exposition des Arts musulmans. Les Arts, Paris, 1903, № 16, avril, стр. 32.

⁸ E. Blochet. Mussulman manuscripts and miniatures as illustrated in the recent exhibition at Paris. Burlington Magazine, vol. II, № 5, vol. III, № 9, London, 1903.

⁹ E. Blochet. Musulman Painting XII—XVIII century. London, 1929, табл. CXXIV.

Бахрэм-мірзәй умер в 1549 или 1550 г.¹⁰, а не в 1575 г.; Султән Ибрайхим-мірзәй был убит в 1577 г. при Исма'иле II, а не умер в 1574 г.¹¹ В статье не приведено никаких аргументов в пользу того, что рассматриваемая рукопись могла быть создана в Мешхеде. Кроме того, автор статьи не сообщает, когда точно Шах Тахмасп распустил свое китаб-хане, а поэтому, как нам кажется, нет оснований рассматривать Мешхед в качестве единственного возможного места изготовления данной рукописи.

Как известно, помимо Тебриза и Мешхеда (следует, кстати, отметить, что характерные черты мешхедских миниатюр времени правления Ибрайхима-мірзы до сих пор не выявлены), своя школа миниатюрной живописи в XVI в. была также и в Ширазе. Это было установлено в исследовании Г. Д. Гест.¹² Трудно судить о стиле миниатюр «Хамсе» 1562—1563 г. из-за очень низкого качества таблиц. Разбивка плоскости некоторых миниатюр близка к ширазскому канону XVI в.—2:1 (см. рис. 2, 3 и 4 и стр. 18). Чтобы попытаться установить школу миниатюр «Хамсе» 1562—1563 г., следует, по нашему мнению, определить, к какой школе относятся миниатюры в тех рукописях, на которые указывает автор статьи, как и на ближайшие аналогии.

Г. А. Пугаченкова пишет: «В рукописи «Маджалис ал-Ушшак» Британского музея, переписанной в 959 г. х. (1551/1552), неко-

торые чалмы увенчаны столбиками, но другие накручены на высоких куляхах, совершенно аналогичных головным уборам из «Хамсе» Самаркандинского музея. Заметим, что самый стиль миниатюр этих двух манускриптов весьма близок. Но почти полную аналогию в манере письма, композиции, деталях дают для нашего манускрипта миниатюры «Шах-наме» из коллекции Годар в рукописи, подаренной ему Амануллох-ханом. Здесь даже все детали... — все настолько поразительно близко к миниатюрам «Хамсе» 1562/1563 г., что можно с уверенностью утверждать принадлежность их руке одного мастера. Большую общность стиля обнаруживает также одна из миниатюр в собрании Фр. Зарре».

Школа миниатюр всех трех упомянутых в приведенной цитате рукописей может быть определена: 1) «Шах-наме» из коллекции Годар.¹³ Это типичные ширазские миниатюры 70—80-х годов XVI в. Так же они определены и в каталоге Б. В. Робинсона (около 1570 г.);¹⁴ 2) рукопись «Маджалис ал-Ушшак».¹⁵ Это очень известная рукопись, но хранится она не в Британском музее, а в Бодлеанской библиотеке. Миниатюры этой рукописи — типичные образцы ширазской школы середины XVI в. На это было указано в упоминавшейся книге Г. Д. Гест, которая, по-видимому, осталась не известной автору статьи.¹⁶ К этой же школе миниатюры данной рукописи отнесены и в каталоге Б. В. Робинсона;¹⁷ 3) мини-

¹⁰ Б. Н. Заходер. Кази Ахмед. Трактат о каллиграфах и художниках. М.—Л., 1947, стр. 15 (956/1549 г.); Ch. Rieu. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, vol. I. London, 1879, стр. 104 (956/1549 г.); E. Zambaur. Manuel de Généalogie et de Chronologie. Nanouge, 1927, стр. 262, № 4 (957/1550 г.).

¹¹ Б. Н. Заходер (ук. соч., стр. 24) приводит точную дату его смерти: 5 зйл-хиджда 984/23 февраля 1577 г.; Н. Фальсафи (Эннаганий-ий Шах 'Аббас-и аввал, т. I. Тихрани, 1955, стр. 23—24) сообщает, что он был убит после коронации Исмаила II, т. е. после 27 джумади-л-аввал 984/22 августа 1576 г. Дата же, которую приводит Цамбаур, 978/1570-1571 г., явно не верна (см.: Zambaur, ук. соч., стр. 262).

¹² G. D. Guest. Shiraz painting in the sixteenth century. Washington, 1949.

¹³ Ссылка автора статьи на книгу: R. Grousset. Les civilisations de l'Orient, t. I. Paris, 1929, табл. 233—247.

¹⁴ B. W. Robinson, ук. соч., стр. 123.

¹⁵ Ссылка автора статьи на книгу: W. Arnold. Painting in Islam. Oxford, 1928, Pls. XLV a, XLVI a—b.

¹⁶ G. D. Guest, ук. соч., приложение, № 31.

¹⁷ B. W. Robinson, ук. соч., стр. 97—102.

атюра из собрания Ф. Зарре¹⁸ тоже относится, по нашему мнению, к ширазской школе второй половины XVI в.

Как мы видим, ближайшими аналогиями миниатюрам «Хамсе» 1562—1563 гг. являются произведения ширазской школы середины — второй половины XVI в. Поэтому вполне естественно можно предполагать, что и миниатюры «Хамсе» из Самаркандинского музея тоже выполнены в Ширазе. В связи с этим представляются вряд ли обоснованными попытки Г. А. Пугаченковой отнести создание этой рукописи к Мешхеду и предположить, что автором этих миниатюр мог быть мавлана Музаффар 'Алӣ (стр. 31).

III. О. И. Галеркина посвятила статью описанию рукописи сочинений Навон, хранящейся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (№ 559 по каталогу Дорна).

В рукописи 25 миниатюр, из коих воспроизведена одна миниатюра и две даны в прорисовках. Колофоны отсутствуют. На одной из миниатюр (л. 35/193 б) имеется надпись и дата, согласно которой автор статьи (стр. 222) определяет время переписки рукописи: «В дни правления султана величайшего Абу-л-Музаффара Султан-Мухаммада Бехадура, да увековечит Аллах великий государевование и власть его, да изольт на мирян милость и благодеятельность его [пропуск: (Аминь?)]. В году 928¹⁹ (1521—1522 г. н. э.). Таким образом, автор статьи точно датирует рукопись. В каталоге Дорна дата не указана.

Автор статьи дает хорошее, подробное описание рукописи и стилистический анализ миниатюр. Но описание это будет не полно, если не отметить, что при реставрации рукописи крышки старого восточного переплета были приклеены внутренней стороной наружу. В статье необходимо было дать размеры миниатюр, так как создается впечатление, что миниатюра, воспроизведенная на рис. 3, больше по своим размерам, чем миниатюры на рис. 1 и 4.

Автор совершенно справедливо говорит о «среднеазиатской (маверанихской) школе» миниатюрной живописи. По-видимому, так и следует именовать эту школу, существую-

¹⁸ Ссылка автора статьи: F. Sarre. Denkmäler persischer Baukunst. Berlin, 1910, Textband, рис. 74.

¹⁹ См. выше, прим. 1

вшую в Средней Азии в XVI в. при Шейбанидах. В другом месте у автора говорится о «гератской (хорасанской) миниатюрной живописи конца XV в., ведущей художественной школе государства Тимуридов, которая является величайшим культурным наследием искусства народов Средней Азии» (стр. 225).

Следует заметить, что гератская школа XV в. является в равной мере культурным наследием Ирана и закономерным этапом в развитии персидской миниатюры.

IV. Статья К. С. Айни «Некоторые новые данные по таджикской миниатюре XVI в.» содержит описание трех рукописей произведений поэта Бадр ад-дина Хиллай и украшающих их миниатюр, которые все воспроизведены в статье. По мнению автора, все эти миниатюры относятся к «таджикской школе XVI в.».

Мы останавливаемся на этой статье в конце рецензии, так как по своим положениям и выводам она отличается от рассмотренных выше и вызывает ряд принципиальных возражений.

Несколько нам известно, автор первым вводит в научный обиход термин «таджикская миниатюра XVI в.», но вместе с тем нигде не говорит, на какой территории она создавалась и развивалась и какие она имеет характерные особенности, отличающие ее от других миниатюрных школ того времени.

До сих пор в научной литературе было принято считать, что примерно в 20—30-х годах XVI в. в государстве Шейбанидов создается среднеазиатская школа миниатюрной живописи.²⁰ В этой связи можно лишь предположить, что автор статьи прилагает термин «таджикская миниатюра XVI в.» к среднеазиатской школе. Между тем никто не сможет отрицать, что в создании этой школы миниатюрной живописи принимали участие не только таджики, но и узбеки, а также бежавшие и уведенные из Герата персы.

Далее автор утверждает, что «можно, пожалуй, считать, что на сегодняшний день в основном установлены наиболее характерные особенности художественных

школ XV—XVI и ряда других веков Средней Азии и Ирана" (стр. 33). Автор не прав. Если в какой-то степени это имело место в отношении некоторых школ миниатюрной живописи Ирана, то в отношении среднеазиатской миниатюры "наиболее характерные особенности" ее еще не выявлены. Так, сам автор статьи, вводя термин "таджикская миниатюра XVI в.", как было указано, не дает определения ее характерных особенностей. Введение же этого нового термина не вносит никакой ясности в вопрос, а на данной ступени изучения только излишне усложняет его.

Переходим к рассмотрению тех "новых данных по таджикской миниатюре XVI в.", которые приводятся в рассматриваемой статье.

1) Рукопись дивана Хилали Института народов Азии АН СССР, шифр В214. Место переписки не указано. В рукописи пять рисунков. По мнению К. С. Айни, рукопись переписана в сентябре—октябре 1565 г. Этот вывод делается на основании его толкования колофона рукописи: "Переписал этот диван ничтожный бедняк... в месяце раби-ул-аввала года 973" (сентябрь—октябрь 1565 г. н. э.) (стр. 34).

Приводим колофон: [имя стерто]... حَرَرْ [имя стерто] مَذَا الْدِيَوَانُ فَقِيرُ الْحَقِيرِ... كَتَبَهُ الْفَقِيرُ... فِي شَيْرَهِ بَيْعَ الْأَوَّلِ سَنَدٌ ۹۷۳ م. 20

Непонятно, по каким причинам автор статьи опустил два последних слова колофона, перевод которых существенно изменяет смысл фразы: "Изящно переписал²¹ этот диван ничтожный бедняк... в месяце раби' ул-аввала года 973. Переписал его [диван] бедняк..."

Из приведенного выше перевода следует, что вывод автора статьи, будто "рукопись переписана через 35—36 лет после смерти автора дивана"²² (стр. 34),

²⁰ Имя переписчика стерто.

²¹ В арабском языке глагол حَرَرْ (II порода от حَرَرْ) употребляется в значении "составил, отредактировал, сочинил и реже написал" (точно, изящно, красиво). См. словари: E. W. Lane, de Biberstein Kazimirska, а также Гиргаса.

²² См. также статью: К. С. Айни. Рукописные редакции произведений Бадридина Хилали. Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР, 1955, № 7 стр. 29—49.

²³ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, тт. I—III. СПб., 1899.

²⁴ C. M. Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Genève, 1907.

является неправильным, так как в колофонах ясно указано, что в 973 г. х. неким каллиграфом был переписан диван Бадр ад-дина Хилали, копией с которого является рассматриваемый список. Переписчик этого списка полностью перенес в свою рукопись и колофон списка 973 г. х. Следовательно, по нашему мнению, рассматриваемый список не мог быть переписан "через 35—36 лет после смерти автора дивана" по указанной выше причине.

К сожалению, автором статьи не было отмечено, что диван переписан на европейской бумаге, в основном производства итальянских фирм, второй половины XVI в. На листах рукописи встречаются семь водяных знаков: 1) большая перчатка (или рука), над средним пальцем которой цветок из пяти лепестков (лл. 21 и 26; Лихачев,²³ т. 1, №№ 4227 и 4230, 1567—1568 гг.). 2) Якорь в круге, над кругом шестиконечная звезда (лл. 17, 42, 52, 55, 61—66, 72—73, 75, 80, 82, 89, 91; Лихачев, т. I, №№ 624 и 1935, 1578 и 1571 гг. Briquet,²⁴ № 548—1563—1568 гг.). 3 и 4) Шапка кардинальская с крестом над нею (лл. 2—5, 13—14, 19—28); очевидно, к этому знаку относится и контрамарка (лл. 29, 44), поскольку в сочетании с другими водяными знаками бумаги данной рукописи эта контрамарка не зарегистрирована (Briquet, № 3482, 1572—1574 гг.). 5) Скрепленные стрелы, прорисованные двумя линиями (лл. 6 и 16). Знак такой формы не зарегистрирован ни у Лихачева, ни у Брике. 6) Знак необычной формы, напоминающий или трезубец, или очень сильно искаженный якорь (л. 27). Не зарегистрирован ни у Лихачева, ни у Брике. 7) Якорь, прорисованный двумя линиями, в круге, над кругом шестиконечная звезда (л. 93). Очень распространенный знак, но точно

совпадающего с нашим не встречается ни у Лихачева, ни у Брике.

Следовательно, на основании этих данных, рукопись может быть датирована серединой 70-х годов XVI в., примерно между 1573 и 1578 гг.

Рукопись дивана Хилали содержит 5 рисунков тушью, слегка тонированных красной краской и позолотой (на трех рисунках — изображение львов, на одном — феникс?, на другом — крылатая человеческая фигура с чашей в руке). Автор статьи полагает, что "все эти иллюстрации несомненно восходят ко времени написания рукописи, т. е. ко второй половине XVI в." (стр. 34).

Мы не можем согласиться с этим выводом автора. Рисунки выполнены на отдельных листах, помещенных перед текстом дивана и после него. Поэтому датировать их временем переписки дивана вряд ли возможно. По нашему мнению, эти рисунки следует отнести к более позднему времени, вероятнее всего, к XVII в. Очень близкой аналогией является изображение львов на иранской шелковой завесе XVII в. с гербом Венеции.²⁵ К тому же эти рисунки тематически никак не связаны с текстом и поэтому иллюстрациями диванов являются не могут.

2) "Шах и дервиш". Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (каталог Дорна, № 459), три миниатюры. Рукопись переписана в 944/1537—1538 г.; переписчик Камал, о котором автор статьи пишет следующее: "Она (рукопись, — O. A. и A. I.) переписана очень красивым наставником, первоклассным мастером, носившим имя Камал, возможно (?) тем, который являлся учеником Мирзо Али" (стр. 40). При этом автор ссылается на работу К. Юара, где имя этого каллиграфа не упоминается, а говорится об одноименном художнике.²⁶

Нам известны девять каллиграфов по имени Камал, шесть из которых действи-

²⁵ См.: SPA, VI, pl. 1055B.

²⁶ Cl. Huart. Les Calligraphes et les Miniaturistes de l'Orient musulman. Paris, 1908, стр. 332: "Kémâl, le peintre de Tabriz (разрядка наша, — O. A. и A. I.) était élève de Mirzâ 'Alî, l'art du Tarrâh (le dessin) est celui dans lequel lui et son maître se sont particulièrement illustrés et on en est arrivé parfois à le considérer comme le créateur de cet art".

²⁷ См. упоминавшуюся выше работу Г. Д. Гест.

тельно жили в XVI в., но ни одного из них мы не можем отождествить с переписчиком этой рукописи за отсутствием точных и проверенных данных.

Рукопись украшена тремя миниатюрами работы первоклассного мастера, К. С. Айни и в данном случае не пытаются установить место создания этого шедевра придворной китаб ҳәне. На головах персонажей всех трех миниатюр чалма с высоким тонким столбиком в центре. Общеизвестно, что такого типа чалму носили только в Иране при Сефевидах в XVI в., что может явиться прямым указанием на то, где были выполнены как рассматриваемые миниатюры, так и сама рукопись (см., например, статью Г. А. Пугаченковой в данном сборнике). Эти миниатюры могут быть отнесены к тебризской школе XVI в.

3) "Сифат ал-'ашикйн" — рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (каталог Дорна, № 461). Две миниатюры. Как и в предыдущих случаях, автор не определяет места переписки рукописи. В рукописи не указано место переписки, но переписчик ее назван. Имя его — Мухаммад Ширзай, что может явиться некоторым указанием на происхождение рукописи. Ведь известно, что на протяжении всего XVI в. в Ширазе существовала своя местная школа каллиграфии, давшая ряд выдающихся мастеров письма. Дата переписки отсутствует в колофонах, и автор статьи на основании палеографических данных датирует рукопись концом XVI в.

Обе миниатюры автор относит к "таджикской миниатюре XVI в.", тогда как следующие данные позволяют отнести их к ширазской школе XVI в.: а) мягкая и сдержанная гамма красок, характерная для ширазских мастеров XVI в.; б) характерное для этой школы распределение плоскости миниатюры.²⁷

Кроме того, общее художественное оформление рукописи (рисунок орнамента 'уваны и заставок, а также их красочная

гамма) указывает на ее широкое происхождение.

Итак, совокупность признаков, характеризующих эту рукопись, т. е. стиль миниатюр, оформление и инициалы каллиграфа, позволяют нам утверждать, что она была исполнена в Ширазе в 70—80-х годах XVI в., а не в Средней Азии.

Указанные неверные выводы автора, очевидно, связаны с неправильной посылкой, что если Бадр ад-дін Хіллай являлся таджикским поэтом, то следовательно, и списки его произведений могли переписывать и иллюстрировать только таджикские ма-

стера. Именно поэтому в „таджикскую миниатюру XVI в.“ оказались включенными произведения различных миниатюрных школ Ирана. По той же причине и название статьи не соответствует ее содержанию.

В заключение хотелось бы отметить один существенный недостаток, присущий всем статьям, не зависящий, правда, от их авторов: мы имеем в виду поразительно низкое качество воспроизведения миши-

А. А. Иванов

O. Ф. Акимушкин

1961 : ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА . XIV

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

— Исследователи древних тканей и папирусов неоднократно обнаруживали части одного и того же экземпляра в музеях и собраниях разных стран, как результат хищнических приемов торговцев древностями. С таким случаем знакомит, например, статья С. Б. Певзнера (см. ЭВ, XIV, стр. 44–52); с аналогичным фактом был связан доклад доктора исторических наук М. А. Коростовцева на вечернем заседании 7 декабря 1956 г. во время научной сессии, организованной в Ленинграде Отделением исторических наук Академии наук СССР и Государственным Эрмитажем к 100-летию со дня рождения выдающегося русского писателя-историка В. С. Голенищева.

Изучая фрагментированный папирус № 167 Государственного Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (из коллекции В. С. Голенищева в Москве), М. А. Коростовцев установил, что фрагмент того же папируса издал, не зная о существовании московской части, ученик Гардинера Р. Каминос и назвал „Мифологической повестью“ (см.: R. Caminos. Literary Fragments in Hieratic Script. Oxford, 1956, табл. 19, B). Сличение неизданной московской части с изданной позволило М. А. Коростовцеву дать гораздо более полную и осмысленную интерпретацию разрозненного текста папируса № 167.

B. K.

— 31 марта 1955 г. на заседании отчетной сессии Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР обстоятельный доклад О. И. Смирновой был посвящен монетным находкам на городище древнего Пянджа-кента. За время работ Согдийско-Таджик

9 Эпиграфика Востока. XIV

— Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР планомерно выпускает фундаментальные издания. Прекрасно оформлен том „Абу Али Иби Сина (Авиценна). Канон врачебной науки, Книга I“ (Ташкент, 1954, LXI + 549 стр.). В основу издания положена ленинградская рукопись „Канона“; привлечена рукопись Академии наук Узбекской ССР, № 2105 (см. рис. к стр. 54), булакское издание и другие издания „Канона“. Предисловие написано действительным членом Академии медицинских наук СССР В. Н. Терновским. Характеристику Иби Сины — творца „Канона“ — дал кандидат медицинских наук В. Д. Петров; перевод М. А. Салье при участии Ю. Н. Завадовского.

В конце 1956 г. вышел том II того же издания: „Канон врачебной науки, книга II. О простых лекарствах“ (издано там же, стр. 826). На стр. 45 воспроизведен титульный лист Ленинградской рукописи „Канона“. Следует отметить высокое качество издания как в отношении перевода, комментария, так и обширных указателей и таблиц мер и веса (ки. I, стр. 539; II, стр. 822—823). Книга III, т. I, вышла в 1958 г.

B. K.

— Очень полезна выпущенная Академией наук Таджикской ССР „Библиография книг и статей по археологии, нумизматике и этнографии, изданных Таджикской базой, Таджикским филиалом АН СССР и Академией наук Таджикской ССР (1934—1956 гг.). Составитель А. Е. Павлов. Сталинабад, 1956“. Издание подготовлено Институтом истории, археологии и этнографии. Особо интересующий нас отдел „Нумизматика“ (стр. 14—16) включает 18 работ за 1948—1954 гг. М. Е. Массона (2 работы), О. И. Смирновой (3 работы), Е. А. Давидович (12 работ) и одну работу Г. Алимова, посвященную кладу золотых монет из Узбекистана, найденному в 1954 г. Не приходится говорить, насколько важны подобные тематические сводки и можно только пожелать, чтобы сведения об аналогичных изданиях других центров в советских ре-

публиках так же легко стали обозримы. Статьи в разделе „Археология“ (стр. 3—14, 1934—1954 гг.) полностью или частично касаются также находок, интересных для эпиграфистов или палеографов.

B. K.

— Монетные находки „в Двине за двенадцать лет археологических раскопок — 1937—1939 и 1946—1954 гг., а также и монеты, обнаруженные местными жителями в районе Двинского городища“ исследованы в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Х. А. Мушегяна (см.: Автореферат. Денежное обращение и торговые связи Двина по монетным данным. Л., 1957, стр. 1—15). Изучаемый материал прежде всего сопоставлен с опубликованными Е. А. Пахомовым данными о монетных находках (1926—1956 гг.). Первая глава посвящена истории денежного обращения Двина, причем автор для раннего периода устанавливает, что сасанидская серебряная драхма была основной платежной единицей, но с ней столкнулась соперничавшая торговая золотая валюта Византии от Льва I до Ираклия включительно (стр. 4—5). В дальнейшем прослежены политические обстоятельства через посредство монетных находок. Автору удалось определить по монетным данным „точную дату окончательного установления власти халифата в Армении, не прослеживаемую по другим источникам“ (стр. 6). Отмечая расхождения взглядов Р. Р. Фасмера и Е. А. Пахомова относительно места чеканки монет с обозначением „Армения“, автор склоняется на сторону Р. Р. Фасмера и относит к Берда'а только монеты с двойным обозначением места чеканки: „Армения“ (круговая легенда лицевой стороны) и „Берда‘а“ (центральная легенда оборотной стороны“, стр. 7). Это заключение, по-видимому, правильное, поскольку первая известная монета с двойным обозначением датирована на 183—186 лет позже, чем монеты с обозначением „Армения“ и „Дебил“ (стр. 6). Вторая глава посвящена рассмотрению главных направлений торговых связей Двина, прямых, не непосредственных, с Ближним Востоком, Восточной

Европой, Ираном и Средней Азией. В конце работы дано описание свыше 500 монет, найденных в Двине. Защита диссертации состоялась 5 февраля 1958 г. на заседании Ученого совета Восточного факультета Ленинградского государственного университета.

B. K.

новые данные об исторических лицах, общественных событиях, родовых именах и др., а также материалы для грузинской палеографии, истории грузинского языка и диалектологии.

B. K.

— Четырехтомная монография А. Гонзалес Паленсия, посвященная мосарабам Толедо в XII—XIII вв. (Angel Gonzales Palencia. Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII, vol. I—IV. Instituto de Valencia de Don Juan, Madrid, 1926—1930), уже второй раз дала материал для интересного очерка М. Б. Каравас: „О хозяйстве толедской деревни“ (сб. „Средние века“, VII, 1955, стр. 47—63). Богатейший толедский архив был описан ею в статье „Материалы архива толедских мосарабов от XII—XIII веков“ („Вопросы истории“, 1950, № 10, стр. 55—103). В новой статье освещено землевладение крестьянства и знати, рост производительных сил, система ирrigации; выясняются разнообразие полевых и садовых культур, ассортимент овощей, сельскохозяйственные процессы, про мысла и подсобные занятия и т. д.; наконец, разъяснены многочисленные термины, извлеченные из более чем 250 архивных документов.

B. K.

— В „Трудах Сталинирского педагогического института“ (III, Тбилиси—Сталинир, 1957, стр. 229—256) помещена статья И. В. Мегрелидзе на грузинском языке, с русским резюме (стр. 255—256), под заглавием „Древности левого берега реки Большой Лиахви и их надписи, I“. В статье опубликован ряд ранее неизвестных надписей исторического содержания на грузинском языке с памятниками, расположенным вдоль реки от г. Гори до с. Эргнети. Большая часть надписей датирована с 1712 г. до 1831 г. Кроме того, обнаружены стенная армянская надпись 1491 г. и армянские над могильные камни конца XIX—начала XX в. Из опубликованных надписей автор извлек

— В ряде статей четвертого выпуска „Ориенталии“ за 1957 г. (Orientalia. Nova Series, vol. 26, Roma, 1957, fasc. 4) использованы ранее известные и вновь найденные памятники древневосточной письменности. В. Зоден (W. von Soden. Zu einigen altbabylonischen Dichtungen. I. Die erste Tafel des altbabylonischen Atram-has-sis-Epos) дает новое чтение и перевод сохранившихся частей таблички Британского музея, № 92608 (стр. 306—315, табл. XI—XIV). Новые клинописные источники, главным образом из Мари, привлекают В. Л. Моран при рассмотрении северо-западных собственных семитических имен (W. L. Moran. Mari Notes on the Execration Texts. Там же, стр. 339—345). Перстню-печати Бр-Ркб посвящена заметка Й. Фридриха (Joh. Fried rich. Das bildhethitische Siegel des Br-Rkb von Sam'al. Там же, стр. 345—347).

Особый интерес вызывает небольшой отдел „Исследования и находки“ (A. Rohl. Forschungen und Funde. Там же, стр. 353—356), где описаны раскопки в Калху 1956 г. В северо-западной части руин Калху обнаружены две группы сырцовых строений, соединенные коридором. Одна из комнат восточной стороны южного двора представляла канцелярию писцов с колодцем; тут найдены таблетки. В одном из текстов упомянут поход Хаммурапи в неизвестную местность. В смежных комнатах нашли хозяйствственные документы VII в. до н. э., таблички из слоновой кости, деревянную и две каменные для писания по воску. В обоих святилищах северного двора обнаружены кирпичи пола с надписью реставратора Ашшур-етел-иллай (625—620 гг.). Из Ниневии происходят вотивные надписи Син-шар-ишкуни (620—612 гг.). У храма Нинурты к югу открыты три комнаты; в двух из них в три ряда на полу вдоль стояли кувшины с маслом. Судя по деловым надписям на двух из них с датами 784 и 713 гг. до н. э., поме-

9*

щение использовалось еще при Саргоне (722—704 гг. до н. э.). За городской стеной среди остатков большого дворца в комнате нашли на птичьей головке из высущенной на солнце глины надпись Асурбанипала.

19-й сезон раскопок в Угарит 1955 г. дал таблички с алфавитным письмом разного содержания: неизвестный отрывок эпоса из частной библиотеки, список культовых обрядов (жертвоприношение вина), список 80 местностей, которые должны были заготовить очень крупный взнос, новое имя ремесленника. Особо выделяется новая не полная алфавитная табличка; буквы расположены в два двойных столбца: слева — знаки алфавита угарит, справа — соответствующие знаки вавилонского слогового письма. Большая глиняная табличка (более 700 строк) с договором Асархадона с мидийским принцем Раматеем находится в Багдаде и будет опубликована Д. Й. Виземанном.

Не менее полезны для специалистов рецензии на новые книги (там же, стр. 357 сл.), в основе которых лежат такие источники, как печати из Лагаша, сумерийские таблички, хеттские печати и цилиндры из Рас Шамара.

Большая рецензия А. Массарт посвящена книге: M. F. Laming-Macadam. The Temples of Kawa (Oxford University Excavations in Nubia). II. History and Archaeology of the Site. London, 1955. (Orientalia. Recensiones, стр. 376—380). После издания иероглифических надписей из раскопок в Нубии (The Temples of Kawa, I. 1949) автор продолжал изучение эпиграфических находок, которые относятся ко времени Аменофиса III (скарабей), Тутанхамона (статуэтки и др.), надписи на колоннах храма Амон-Ра. В первом дворе храма найдена стела губернатора XVIII династии, Панахта и три стелы Ариамани. Во дворе храма, сооруженного Тахаркой, оказались стелы; у входа в ипостильный зал — царские сфинксы с надписями. Несколько надписей Тахарки говорят о разведении садов и виноградных лоз. В надписях мероитского периода появились новые царские имена. Последние сооружения в Кава относятся к I в. до н. э.

Некоторые издания, отмеченные в "Коптской библиографии", посвящены эпигра-

фике и палеографии (там же, стр. 132*, 134*, 135*, №№ 170, 171, 173, 198, 212).

В. К.

Значительная часть "Бюллетеня Американских школ исследования Востока" за апрель 1954 г. касается ранней истории семитической письменности. На первом месте — статья Ф. М. Кросса о надписях наконечников копий XII—XI вв. до н. э. (F. M. Cross. Inscribed Javelin-heads from the Period of the Judges: A Recent Discovery in Palestine. Bulletin of the American Schools of Oriental Research, Jerusalem — Bagdad, № 134, April, 1954; ср.: М. Л. Гельцер, ЭВ, XII, стр. 127). По палеографическим данным знаки этих надписей заполняют лакуну междуproto-ханаанейскими и раннефиникийскими письменами. К статье дана сравнительная алфавитная таблица XIII—X вв. до н. э. (стр. 10).

В следующей статье "Эволюция proto-ханаанейского алфавита" Ф. М. Кросс пересматривает вопрос на базе эпиграфических находок с 1923 г. (саркофаг Ахирама и др.) и литературы после 1917 г. (Frank M. Cross Jr. The Evolution of the Proto-Canaanite Alphabet. Там же, стр. 15—24). Он прослеживает общее направление эволюции письма, проверяет ее принципы по позднебронзовым надписям наилучшей сохранности и излагает некоторые соображения. В эволюции он считает существенным переход от вертикальной или горизонтальной системы письма к письму слева направо или справа налево в позднебронзовом периоде. При перемещении знаков из вертикального положения в горизонтальное наблюдается поворот на 90° в надписях XIII в. до н. э., тогда как в XV в. положение их отличается на 1/4 оборота. Эта тенденция продолжается в XII—XI вв., когда некоторые знаки сдвинулись вторично на 90 градусов. Знаки, сдвинутые в медленном процессе дважды, представляют весьма условные символы. Преобладание письма справа налево вызвало общее направление его по часовой стрелке, но при упрощении письма часто смешивалось прежнее направление с возникшими позднее. Эти колебания закончились к XI в. Для примера автор взял

эволюцию знака йод (рис. 2 стр. 19), от египетского иероглифа XV в. до формы позднего XI в. В эту хронологическую цепь автор ввел гипотетически промежуточные формы и проверил их по ряду надписей. По мысли автора, рисунок должен служить "ключом для определения направления письма и для предсказания форм редких и неизвестных букв в данном периоде". В статье затронуты также вопросы ответвления и эволюции южноарабского [=сабейского] письма, восходящего к XIV—нач. XIII вв. (стр. 22). В заключение автор при соединяется ко взглядам Гардинера, Коули, Зете, Бютена и Олбрайта и считает, чтоproto-ханаанейский алфавит произошел от пиктографического письма по принципу акрофонии где-то в Сирии или Палестине, под прямым или косвенным влиянием Египта.

Небольшая публикация посвящена краткой сабейской надписи на надгробной стеле, найденной недавно в Марите (A. J. at e. An Archaic Dexterograde Sabaean Inscription from Marib. Там же, стр. 25—26). Надпись из двух имен читается слева направо; по определению автора, она датируется не позднее VIII в. до н. э. и, может быть, старше, так как это направление письма часто встречается в самых ранних графитти вади Бейхан (Катабан).

Краткие замечания о новом материале для истории алфавита дал В. Х. Олбрайт (там же, стр. 26). Филологической дискуссии между И. Рейдером и У. Броуни по поводу одного слова в Хумранских свитках (см.: ЭВ, IX, М.—Л., 1954, стр. 89—90; XII, М.—Л., 1958, стр. 127; XII, М.—Л., 1960, стр. 145) посвящены стр. 27—28 (там же).

В. К.

В 1950—1951 гг. продолжалось археологическое обследование в Израиле. Экспедиция от Музея еврейских древностей Еврейского университета в Иерусалиме произвела раскопки в Яффии (дер. Яффа около Назарета). Там нашли остатки стен, колоннады, базилики и часть мозаики пола. Композиция мозаики состоит из центрального круга и двух малых кругов с остатками изображения головы рогатого животного (ram? — овна?) и над ней — конец над-

писи... "rim". Проф. Сукеник восстанавливает надпись как "Ark of (Eph)rim". В малых кругах видны следы изображения быка, ног, хвоста и части тела; поэтому проф. Сукеник полагает, что круглый мозаичный орнамент изображал символы 12 племен Израиля вместо знаков Зодиака. Здание, может быть, было синагогой IV в.

При раскопках обширного некрополя эллинистического периода в Акре, к северу от Телл ал-Фухар в сторону побережья Средиземного моря, найден погребальный инвентарь. В Бейт Шеан найдены свинцовые гири с надписями, датами выпуска и именем инспектора весов того времени.

В руинах древней Цезареи найдены фрагменты греческих и еврейских надписей. На юго-западном склоне горы Кармел, около Хирбет Руктий обнаружены греческие надписи на перемычке входа в гробницу. См.: State of Israel. Government Yearbook 5712 (1951/52). Archaeological Exploration in Israel (April, 1950—March, 1951, стр. 183—185).

В. К.

— В "Сообщениях Института для исследования Востока" в Берлине за 1954—1957 гг. преобладают статьи, посвященные дополнительной интерпретации и новым переводам ранее опубликованных надписей. Такова, например, статья Х. В. Хелька (H. W. Helck. Die Sinai-Inschrift des Amenmose. Mitteilungen des Instituts für Orientforschung, II, Н. 2, 1954, стр. 189—207). Тому же автору принадлежат дополнения к неоднократно издававшейся (Бругш, Дюмихен, Лейпциг) надписи о вознаграждении верховного жреца 'Ими-хти. (Там же, IV, Н. 2, 1956, стр. 161—178). В статье Ф. Кёхера по поводу клинописных заклинательных табличек из Ассура частично реконструируется текст, установлено число строк 3-й таблички (Franz Köcher, Zur zweiten und dritten Tafel der Beschwörungsreihe Šurpu. Там же, II, Н. 2, стр. 218—244). Дополнено чтение ранней надписи верховного жреца Осоркона из Карнака (H. Kees. Zu der Annaleninschrift des Hohenpriesters Osorkon vom II. Jahre Takeloths II. Там же, Н. 3, стр. 353—362).

Из вновь издаваемых текстов отметим древнеарамейскую надпись царя Барракаба на неопубликованном фрагменте рельефа второй половины VIII в. до н. э. (H. Doppeг. Ein Orthostatenfragment des Königs Barrakab von Sam'al. Там же, III, N. 1, 1955, стр. 73—98). Имя придворного Nfr-shrw на неоконченной гробнице в Финвах времени Аменофиса III опубликовал X. В. Хельк по своей копии 1955 г., с дополнениями по Эте для теперь разрушенных мест (H. W. Helck. Inhaber und Bauleiter des thebanischen Grabs 107. Там же, IV, N. 1, 1956, стр. 11—26.).

Редкие рукописи на бересте из Турфана в Берлине издал Д. Шлинглоф (D. Schlingloff. Die Birkenrindenhandschriften der Berliner Turfansammlung. Там же, стр. 120—127). Один из фрагментов (рис. 1) принадлежит к сборнику, часть которого издавал проф. Людерс. Из 4-й экспедиции в Тумшук происходят несколько больших и мелких частей обширной рукописи Удайнаварга, которая содержала более 251 листа. Почерк переходный, от форм брахмī к нāгарī. Из рукописи комментария к Йога-сутре среднеазиатским почерком брахмī (рис. 3) сохранились более 1000 фрагментов. Рис. 4 воспроизводит образец санскрито-тохарской билингвы севернотуркестанским брахмī.

В. Мюллер, продолжая издание неопубликованных остраконов Берлинского собрания из раскопок 1906—1908 гг. на Элефантине (издание начато в „Archiv für Orientforschung“, XVI), опубликовал 12 документов. В собрании преобладают налоговые расписки, затем письма и счета времени римских императоров (Wolfgang Müller. Griechische Ostraka aus Elephantine, Syene I. Там же, V, N. 1, стр. 1—9).

Мари Бойс подвергла осмотру манихейские рукописи из Турфана в „Институте для исследования Востока“ в Берлине и сообщила кратко об их довольно печальном состоянии. В 1939 г. застекленные фрагменты в ящиках были эвакуированы из Берлина и возвращены в 1945 г. в сильно поврежденное войной помещение Восточной комиссии. Ящики и стекла побились от перевозки; рукописи пострадали тоже, в том числе и от насекомых, утратились инвентарные пометки, смешались фрагменты.

Часть коллекции перешла в Западную Германию, в Восточный семинар Гамбургского университета. Иранские фрагменты пострадали немного и по возможности реставрированы. После изучения всех доступных прежних фотоснимков рукописей с 1953 г. профессором Хеннингом была выработана и проведена новая система регистрации всего материала — фрагментов манихейского и согдийского письма (см.: Mary Boyce. Some remarks on the present state of the Iranian Manichaean MSS. from Turfan, together with additions and corrections to Manichaean Hymn—Cycles in Parthian. Там же, IV, N. 2, 1956, стр. 314—322).

Вопросам транскрипции корейского языка посвящена статья Х. Ф. Юнкера (H. F. Junker. Die Umschrift des Korea-nischen. Там же, II, N. 1, 1954, стр. 144—164); тибетской транскрипции китайских знаков — К. Седлачека (Kamil Sedláček. On Tibetan Transcription of Chinese Caracters. Там же, V, N. 1, 1957, стр. 91—112).

B. K.

— Комитет по реформе китайской письменности организовал в Пекине выставку, состоявшую из нескольких отделов.

В отделе I находятся документы, связанные с упрощением ханьских иероглифов. Показаны образцы сложных и упрощенных иероглифов на разных материалах.

В отделах II, III и IV находятся исторические документы, образцы фонетической письменности и 700 различных проектов транскрипции. („Дружба,“ 1958, № 24, июнь, стр. 25).

B. K.

— Три документа на древнем уйгурском языке были найдены в Турфанде в 1953 г. Они изданы в транскрипции в статье на китайском языке, написанной совместно профессором Фэн-Цзя-шэнем и Э. Тенишевым в 1958 г. К изданию присоединен изданный впервые С. Е. Маловым в 1951 г. документ из Урумчи, найденный им в 1913 г., с транскрипцией латинскими

буквами и аннотацией соавторов на русском языке (см.: Институт языков национальностей Академии наук Китая. Пекин, 31 января 1958).

B. K.

— Всесоюзная сессия ассириологии, египтологии и семитской эпиграфики 12—17 мая 1958 г. в Ленинграде прошла очень оживленно. Секция клинописи имела 7 заседаний и 26 докладов. Эламским документам посвящены были доклады Ю. Б. Юсифова и В. О. Тюрина. Выделяются темы по материалам из раскопок в Кармир-Блуре: Б. Б. Пиотровского — об ассирийских ци-

линдрических печатях, Н. В. Арутюняна — о клинописной таблетке, И. М. Дьяконова — анализ царских и других официальных писем скорописью. На двух заседаниях секции египтологии было заслушано 9 докладов. Интерпретации текстов пирамид посвятила свой доклад М. Э. Матвея, стелам Среднего Царства — Р. И. Рубинштейн, иероглифике — М. А. Коростовцев. В секции семитской эпиграфики было 3 доклада: Г. А. Тирацци — о надписи с озера Севан, Г. Лундина — о хронологии югоарабских надписей и И. Д. Амусина — о фрагменте „молитвы вавилонского царя Набонида“ из находок в Кумране.

B. K.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Строительные надписи на деревянных колоннах хивинской соборной мечети	4
Надпись надгробия 541/1146 г. из Самарканда	10
Мавзолей Ярты-Гумбез. Общий вид	14—15
План мавзолея Ярты-Гумбез	14
Мавзолей Ярты-Гумбез. Восточный фасад	14—15
Парус мавзолея Ярты-Гумбез с ганчевой облицовкой	14—15
Разрез мавзолея Ярты-Гумбез (в реконструкции)	16
Мавзолей Ярты-Гумбез. Пропорции фасада	17
Мавзолей Ярты-Гумбез. Восточный фасад (реконструкция)	18
Мавзолей Ярты-Гумбез. Надпись в левом панио восточного фасада	19
Уйгурская надпись на камне с кургана в Хар-ус	23
Зеркало ЛМ 423 (прорисовка)	33
Зеркало ЛМ 422 (прорисовка)	33
Зеркало ЛМ 429 (прорисовка)	34
Зеркало ЛМ 9	34—35
Неполное крыло расколотого крестовидного изразца. Государственный Эрмитаж (ИР-1175 а, б)	40—41
Крыло расколотого крестовидного изразца. На одном обломке сохранились остатки цементирующего состава. Государственный Эрмитаж (ИР-1174 а, б)	40—41
Разбитый на мелкие куски крестовидный изразец. Государственный Эрмитаж (ИР-75)	40—41
Чаша 610/1214 г. из коллекции Дебенхам	40—41
Шелковая ткань. Государственный Эрмитаж, № Ег 905	45
Парчевая ткань. Государственный Эрмитаж, № Ег 942	48—49
Шелковая ткань. Государственный Эрмитаж, № Ег 643	49
Шелковая ткань. Государственный Эрмитаж, № Ег 612	50
Обол „Герая“ с городища Кей-Кобад-шах. а — лицевая сторона; б — оборотная сто- роны	54
Табл. I—4 — согдийские монеты с изображением царя и царицы; 5 — монета с араб- ской надписью Ибрйда, дихкйна Кеша	56—57
Монеты тбилисского эмира 'Али иби Дж'а'фара (нач. XI в.)	73
Монеты Хорезма и Сарая (увелич. в 2 раза)	81
Чекан Хорезма и Сарая	85
Табл. I—16 — китайские монеты	93
Табл. II. 1—23 — китайские монеты	97
Табл. III. 1—16 — китайские монеты; 17—18 — монеты Гонконга	103
Табл. IV. 1—8 — корейские монеты; 9—16 — японские монеты	107
Сторона бронзового диска с надписью о времени его изготовления	115
Сторона бронзового диска с надписью, удостоверяющей вес диска	116
Тыльная сторона печати	117
Клише печати: „Печать начальника тюрьмы“	117

АН	— Академия наук.
МГВ	— Вестник Музея Грузии.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Российской Археологического общества.
ИВ АН	— Институт востоковедения Академии наук СССР.
Изв. РАН	— Известия Российской Академии наук.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
М	— А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896; 4 добавления к нему, 1896—1906.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении, I. М.—Л., 1939.
СВ	— Советское Востоковедение.
ФАН	— Филиал Академии наук СССР.
ЭВ	— Эпиграфика Востока.
Э. инв. №	— ссылка на монеты собрания Эрмитажа, поступившие после издания „Инвен- тарного каталога“ А. К. Маркова и добавлений.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
АО	— Archiv Orientalni.
АТИМ	— Altürkische Inschriften der Mongolen.
БЕФЕО	— Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. Hanoi.
БГА	— Bibliotheca Geographorum Arabicarum.
БСОАС	— Bulletin of the School for Oriental and African Studies.
САЖ	— Central Asiatic Journal. Hague—Wiesbaden.
ЕІ	— Enzyklopädie des Islām.
ГМС	— Gibb Memorial Series. Leyden—London.
ИСФОУ	— Institut de la Société Finno-Ougrienne.
JA	— Journal Asiatique. Paris.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society.
МСФОУ	— Mélanges de la Société Finno-Ougrienne.
MSOS	— Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
Н. Chr.	— The Numismatic Chronicle.
SPA	— A Survey of Persian Art.
TP	— T'oung Pao. Leyden.
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. М. Беленицкий и В. Л. Воронина. Надписи на деревянных колоннах хининской соборной мечети	3
О. Г. Большаков. Надгробие 541/1146 г. из Самарканда	9
Г. А. Пугаченкова. Ярты-Гумбез (из работ ЮТАКЭ)	12
А. М. Шербак. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии	23
С. Г. Кляшторный. К историографической оценке Уланкомской надписи	26
С. Г. Кляшторный. Согдийцы в Центральной Азии (по руническим текстам)	29
Е. И. Лубо-Лесниченко. Зеркала с надписями периода Хань (в собрании Государственного Эрмитажа)	32
Л. Т. Гузальяни. Несколько поэтических текстов на вераминских изразцах Эрмитажа	36
С. Б. Певзнер. Несколько надписей на мамлукских тканях	44
А. М. Мандельштам. Об одном оболе „Гераи“	53
О. И. Смирнова. Заметки о среднеазиатской титулатуре (по монетным данным)	55
Д. Г. Капанадзе. Клад монет начала XI в. тбилисского вмира 'Али иби Джайфара	71
Г. А. Федоров-Давыдов. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII в.	79
М. В. Воробьев. Дальневосточные монеты из собрания Иркутского музея	90
Э. В. Шакунов. О датировке бронзовых дисков и печати, обнаруженных в Приморском крае	114
<hr/>	
Рецензии	
О. Ф. Акимушкин и А. А. Иванов. На книгу: Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. Труды АН Таджикской ССР, т. XLIII, Сталинабад, 1956	121
Хроника и библиография	129
Список иллюстраций	136
Список сокращений	137

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА. XIV

Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. П. Рычкова
Технический редактор А. В. Смирнова
Корректоры А. В. Шоренкова и Н. П. Яковлева

Сдано в набор 24/XII 1960 г. Подписано к
печати 30/VI 1961 г. РИСО АН СССР № 100—
87В. Формат бумаги 84×108 $\frac{1}{16}$. Бум. А $\frac{4}{4}$.
Печ. л. 8 $\frac{1}{4}$ =14.35 усл. печ. л.+5 вкл. Уч.-изд. л.
10,4+5 вкл. (0,46). Изд. № 1334. Тип. лак.
№ 959. М-07332. Тираж 1500.

Цена 64 к.

Ленинградское отделение Изд-ва АН СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
30	Таблица, 1 графа, 1 снизу	Шаньси	Шаньси
34	17 сверху	влексир	влисир
44	13 сверху	влево	вправо
44	15 сверху	вправо	влево
66	26 сверху	Нисы	Нисы
78	18 сверху	ал-Кадир	ал-Кадир
84	1 сверху	богу	богу
86	7 снизу	serwir	servir
87	8 снизу	Mesalek	Memalek
98	9 снизу	реформах	реформа
123	3 снизу	manuscripts	manuscripts
126	29 сверху	هدا	هدا
126	30 сверху	كتبه الفقير ... في شهر ربيع الأول سنة ٩٧٣ الفقير ... في شهر ربيع الأول سنة ٩٧٣	كتبه الفقير ... في شهر ربيع الأول سنة ٩٧٣ الفقير ... في شهر ربيع الأول سنة ٩٧٣

Эпиграфика Востока, XIV.